

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023 Том 27 № 4

doi: 10.22363/2313-2337-2023-27-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Руководство производством журнала,
техническое и организационное

обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты

с партнерами и официальными структурами.

E-mail: yastreb-ov-0a@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Научная политика, организация
отбора статей, качество

публикуемых материалов,
формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Андреева Полина Николаевна,

кандидат юридических наук,
РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Переписка с авторами,
документооборот журнала,

информационная инфраструктура
журнала, организация

рецензирования материалов.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Нематина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагोटтолуос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI), ПИНЦ, перечень ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, East View, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учёными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы: *И.А. Гроник, К.В. Зенкин*
Редактор-переводчик *В.В. Степанова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16;
e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.10.2023. Выход в свет 15.12.2023.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27,3. Тираж 500 экз. Заказ 1612. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2023 VOLUME 27 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy, en-
gagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials, for-
mation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system:
<http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors: *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator *V.V. Stepanova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Жуков В.И.** Сбережение населения в парадигме государственного правового суверенитета: нормы, отклонения, вызовы, решения 837
- Allalyev R.M.** Rule of law as a political and legal ideal in the Anglo-Saxon legal tradition (**Аллалыев Р.М.** Верховенство права как политический и правовой идеал в англосаксонской правовой традиции) 859
- Shevchenko M.I.** The rule of law in the UK: essence and approaches to determination (**Шевченко М.И.** Верховенство права в Великобритании: сущность и подходы к детерминации) 871
- Соколов А.Ю., Лакаев О.А.** Правовая политика в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров вне системы высшего образования 886

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Ларичев А.А., Солдатова Л.В., Таболин В.В.** Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов 902
- Исаков И.Н.** Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования 919

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Полнякова Е.М., Тагиев Э.С.** Междисциплинарный биоэтический подход в публичном праве 939
- Шамрин М.Ю., Галкина М.В.** Роль блокчейна в совершенствовании публичного управления 956

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Колобов Р.Ю., Дицевич Я.Б.** Особенности правовой охраны объектов всемирного природного наследия в Австралии на примере Большого Барьерного Рифа 969

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Abdulvaliev A.F., Morozov V.I., Losev S.G.** Place where neonaticide was committed as a sign of the objective side of the crime (**Абдулвалиев А.Ф., Морозов В.И., Лосев С.Г.** Место совершения неонатцида как признак объективной стороны преступления)..... 984
- Нагорная И.И.** Уголовная ответственность за преступления против детей в США 1007
- Андрусенко С.П.** Сравнительное исследование становления доктринальных направлений института правовой защиты жертв преступлений в США и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии..... 1028

ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Фонотова О.В., Беляева Л.Е. Неравенство в переговорах: способы его преодоления в международном торговом праве и в международном частном праве	1043
Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков	1065
Мохова Е.В., Бутакова Я.С. Стандарты извещения иностранных ответчиков при разрешении экономических споров в практике государственных судов	1079
Саламатова М.С. Формирование современного регионального судейского корпуса в России: на примере судов общей юрисдикции Новосибирской области	1098
Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии	1113

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Клебанов Л.Р. Рецензия на монографию: Панфилов А.Н. Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. М.: ИНФРА, 2023	1125
Андреева П.Н. Презентации журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» на научных конференциях	1131
Довгань К.Е. Анонс книги: Андреева П.Н. Юридическая техника: учебное пособие. Москва: РУДН, 2023.....	1134
Никитина В.С. Премия Правительства РФ за учебник «Теория государства и права»	1138

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

- Vasily I. Zhukov.** Saving the population in the paradigm of state legal sovereignty: norms, deviations, challenges, solutions..... 837
- Ruslan M. Allalyev.** Rule of law as a political and legal ideal in the Anglo-Saxon legal tradition 859
- Maxim I. Shevchenko.** The rule of law in the UK: essence and approaches to determination 871
- Aleksandr Yu. Sokolov, Oleg A. Lakaev.** Legal policy in the field of training scientific and scientific-pedagogical personnel outside the higher education system 886

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

- Alexander A. Larichev, Larisa V. Soldatova, Vladimir V. Tabolin.** Local communities as a tool for urban conflict resolution 902
- Igor N. Isakov.** New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation..... 919

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

- Ekaterina M. Polnyakova, Elvin S. Tagiev.** Interdisciplinary bioethical approach in public law 939
- Maxim Yu. Shamrin, Marina V. Galkina.** The role of blockchain in improving public administration 956

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

- Roman Yu. Kolobov, Yaroslava B. Ditsevich.** Peculiarities of legal protection of natural world heritage sites in Australia on the example of the Great Barrier Reef 969

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Almaz F. Abdulvaliev, Viktor I. Morozov, Sergey G. Losev.** Place where neonaticide was committed as a sign of the objective side of the crime 984
- Irina I. Nagornaya.** Criminal responsibility for crimes against children in USA1007
- Sergey P. Andrusenko.** A comparative study of the formation of doctrinal directions of the institution of legal protection of crime victims in the USA and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland..... 1028

JUSTICE IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

- Olga V. Fonotova, Lidiya E. Belyaeva.** Bargaining inequality: ways to overcome it in international commercial law and in private international law1043

CONTENTS

Egor S. Trezubov, Natalya S. Zvyagina. Problems of the legal status of the class members during the group litigation.....	1065
Elena V. Mokhova, Iana S. Butakova. The standards of the foreign defendants notification in the economic disputes resolution	1079
Marina S. Salamatova. Formation of modern regional judiciary in Russia: a case study of courts of general jurisdiction of Novosibirsk Oblast	1098
Irina A. Gronic. Transforming Digital Dispute Resolution in India	1113

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Lev R. Klebanov. Review of the monograph: Panfilov, A.N. (2023) Combating illegal archaeological activities in the Russian Federation: issues of legal regulation and enforcement. Moscow, INFRA Publ.	1125
Polina N. Andreeva. Presentations of the RUDN Journal of Law at scientific conferences	1131
Xenia E. Dovgan. Announcement of the tutorial Andreeva, P.N. (2023) Legal drafting technology: textbook. Moscow, RUDN Publ.	1134
Valentina S. Nikitina. Project for the Friendship newspaper of RUDN University. Russian Government Prize for the textbook Theory of State and Law	1138

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858>

EDN: FODKRH

Научная статья / Research Article

Сбережение населения в парадигме государственного правового суверенитета: нормы, отклонения, вызовы, решения

В.И. Жуков✉

Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
✉vigs1947@mail.ru

Аннотация. Рассматривается содержание демографической политики, влияние состояния народонаселения на обеспечение государственного правового суверенитета, раскрывается роль таких факторов, как естественный прирост населения, его количественные и качественные характеристики, способность страны укреплять национальную сплоченность и сохранять независимость в условиях обострения межгосударственных отношений и начавшейся эпохи цифровизации. Курс России на возрождение конкурентоспособности и влияния на политическое мироустройство опирается не только на дипломатические, но и другие составные части государственного суверенитета, который можно квалифицировать как территориальный, промышленный, технологический, правовой, образовательный, культурный, информационный, а также другие компоненты, среди которых важную роль играет демографический суверенитет. Он обеспечивается сильной социальной политикой в области сбережения населения, его количественного и качественного состояния, а также ответственным регулированием миграционных процессов.

Ключевые слова: государственный суверенитет, сбережение населения, нормы демографического развития, девиации, потенциал цивилизационного прогресса

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 14 июня 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Жуков В.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Жуков В.И. Сбережение населения в парадигме государственного правового суверенитета: нормы, отклонения, вызовы, решения // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 837–858. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858>

Saving the population in the paradigm of state legal sovereignty: norms, deviations, challenges, solutions

Vasily I. Zhukov✉

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*
✉vigs1947@mail.ru

Abstract. The study examines the content of demographic policy, the impact of the state of the population on ensuring state and legal sovereignty, reveals the role of such factors as natural population growth, its quantitative and qualitative characteristics, the country's ability to strengthen national cohesion and maintain independence in the conditions of aggravating interstate relations and the beginning of digitalization era. Russia's policy of reviving competitiveness and influencing the political world order relies not only on diplomatic, but also on other components of state sovereignty, which can be qualified as territorial, industrial, technological, legal, educational, cultural, informational, as well as other components, among which demographic sovereignty plays an important role. It is ensured by a strong social policy in the field of population conservation, its quantitative and qualitative condition, as well as responsible regulation of migration processes.

Key words: state sovereignty, population conservation, norms of demographic development, deviations, potential of civilizational progress

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 14th June 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Zhukov, V.I. (2023) Saving the population in the paradigm of state legal sovereignty: norms, deviations, challenges, solutions. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 837–858. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858>

Введение

Демографическое состояние населения и его способность выполнить свою роль в обеспечении государственного суверенитета находятся в прямой зависимости: суверенное государство отвечает за территориальную целостность, безопасную жизнедеятельность, сохранение традиционных ценностей для населения, повышение его благосостояния; государственная политика рассчитана на преодоление межконфессиональных, межнациональных, социальных и других противоречий, а сбережение населения есть решающее условие независимости страны и единства общества.

Уже в силу этого сбережение народонаселения, гармонизация рождаемости и смертности, обеспечение естественного прироста и увеличение продолжительности жизни, а также связанный с этим комплекс социально-демографических и других проблем был и остаются предметом исследований, выступлений публицистов,

заметок журналистов, темпераментных речей политиков всех уровней. Свой вклад в понимание сложности проблемы и правовой реакции различного рода отклонений (девиаций) от стандартов демографического процесса вносят законодатели, чиновничество, т.е. реагируют все ветви власти, СМИ, а также три главных центра влияния на количественные и качественные характеристики народонаселения: здравоохранение, образование, семья.

Все это – «лицевая», внутривластная часть демографического портрета общества. Другая сторона – демография как источник силы или слабости государства. Это – составная часть такого феномена, как суверенитет: государственный, национальный, реальный, образовательный, правовой и т. д., в том числе демографический.

Суверенитет как категория права

Этимология понятия «суверенитет» и его восприятие учеными, политиками, общественностью имеют продолжительную историю.

В ранних цивилизациях признаки политического и правового суверенитета находили свое отражение в истории таких государств, как Шумер и Аккад, Китай, Индия, Египет, Вавилон, Греция, Рим и др., но самого термина «суверенитет» не было.

Не встречается он и в государственно-правовой науке периода феодализма, хотя статус суверена (сеньора, князя, графа, герцога, короля или императора) уже имел идеолого-политическое и правовое содержание. Один из самых известных правоведов Средневековья французский юрист Ф. де Бомануар (1254–1296) заметил: «Каждый барон – суверен в своей баронии, а король – суверен над всеми»¹.

К пониманию государственного суверенитета цивилизация шла долгим эволюционно-революционным путем. Он пролегал через преодоление феодальной раздробленности; возвышение наиболее сильных государств и их лидеров над другими суверенами; формирование внутренней зависимости вассалов от феодалов; отеснение церковной власти светским могуществом; разрушение феодализма национальными буржуазными революциями. Король, ставший символом всей полноты власти (законодательной, судебной, налоговой, кадровой, военной и т.д.), возвысился как абсолютный суверен. Формула «Государство – это я» точно передавало содержание абсолютизма.

Торгово-предпринимательские круги долгое время были союзниками абсолютизма в деле укрепления власти монарха. С нарастанием влияния буржуазии возникли дискуссии о параметрах и пределах суверенной власти.

В парадигме марксистской теории права, достаточно полно изложенной в трудах правоведов советского этапа развития цивилизации, истоки суверенности связываются с именем Жана Бодена (1529–1596 гг.), французского политика, философа, экономиста, юриста, члена парламента Парижа и профессора права в Тулузе. Именно он в сочинении «О республике» ввел в научный оборот термин «суверенитет» и обосновал его роль как «абсолютную и вечную власть в государстве». В отличие от своих предшественников Ж. Боден считал государство высшей и независимой властью как внутри страны, так и в ее отношениях с другими странами. Основными свойствами

¹ Цит. по кн. (Manelis, 1964:13–14).

суверенитета Ж. Боден считал неограниченность, неделимость и постоянство. Носителем суверенитета он признавал не государство, а личность короля, к заслугам которого относил ликвидацию раздробленности внутри страны и освобождение Франции не только от власти Папы Римского, но и императора².

На протяжении XVI–XVII вв. шел процесс абсолютизации королевской власти, обоснования ее божественного происхождения, а право было теоретической основой этой доктрины. История зафиксировала: наиболее последовательно и в соответствии с учением Ж. Бодена абсолютизм утверждался во Франции кардиналом А.Ж. дю Плессис, герцогом де Ришелье (1585–1642 гг.) и королем Франции и Наварры (с 14 мая 1643 г. по 1 сентября 1715 г.) Людовиком XIV де Бурбóном. Крупный советский правовед Б.Л. Манелис по этому поводу писал: «Ришелье во время укрепления абсолютизма повел решительную борьбу против феодально-сепаратистских элементов. По его инициативе были срыты дворянские замки, казнены несколько родовитых вельмож, ограничено влияние на государственную жизнь членов королевской семьи, установлен контроль над губернаторами провинций, урезаны права провинциальных штатов, парламентов и т.д.» (Manelis, 1964:22).

Идеи суверенитета и его роли в государственной жизни получили в дальнейшем развитие в трудах голландского юриста и государственного деятеля, философа, христианского апологета, драматурга и поэта Г. Гроция (1583–1645 гг.), английского философа, одного из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета Т. Гоббса (1588–1679 гг.) и др.

В Московском царстве идеологом возвышения центральной власти в противовес боярскому самодурству выдвигал русский философ, публицист, один из самых ярких представителей русской общественно-политической мысли середины XVI в. И.С. Пересветов (родился в начале XVI в., умер в 1550–1560-х гг.). К сожалению, И.С. Пересветов оказался в числе малоизвестных просветителей, а его главная книга «Сочинения» была издана лишь в 1956 г.

В своих сочинениях И.С. Пересветов обличал реакционных бояр, живших личными корыстными интересами, обосновывал необходимость укрепления царской власти, опиравшейся на сильную армию и местные, подчиненные царю органы власти, включая судебные органы, финансовые и налоговые системы и т.д.

В России главным теоретиком и носителем самодержавия был царь Иван Васильевич, ставший Грозным для внутренних и внешних врагов государственного суверенитета. Наиболее полно взгляды Ивана IV Грозного изложены в его письмах А. Курбскому, В. Грязнову, другим оппонентам. В представлении Ивана IV «государь был больше государства». Будучи религиозным человеком, Иван IV тем не менее не допускал участия церкви в дела государства. Суверенными царь считал и государство, и государя.

В Московском царстве процесс трансформации государственного суверенитета, как и смена феодального строя буржуазным, шел медленнее, чем в европейских странах. Наличие парламента, например, в Англии, Ивана IV Грозного возмущало. И даже Елизавете, английской королеве, к которой он питал большое расположение, Иван IV Грозный писал, что у нее, помимо самой Елизаветы, другие люди, мужики

² Подр. см.: (Manelis, 1964:20–21).

торговые, государством владеют³. Российская модель политического и идеологического суверенитета состояла из двух частей: государя и государства. Корни этого явления уходят в историю русских правителей, князей, царей и воплотились в имперской традиции.

Вслед за Иваном IV Грозным Пётр I полностью подчинил церковь государству, отменил патриаршество и учредил для управления церковными делами «святейший синод». В его состав вошли назначенные Петром I архиереи, а руководил синодом обер-прокурор. Светская и духовная власть, как и другие ее ветви, оказались в руках царя. Так появилась новая форма суверенитета – монархический суверенитет. Как и Пётр I, Екатерина II, следовала форме: для архиереев воля монарха выше законов евангельских.

В отличие от Ж. Бодена, Т. Гоббса и других мыслителей франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения, также музыковед, композитор и ботаник Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) вкладывал в понятие «суверенитет» иной политико-правовой смысл, наполняя его буржуазно-демократическим содержанием. Его учение строилось на том, что абсолютный суверенитет принадлежит не королю, а народу, точнее, состоятельной части граждан буржуазного общества. Сила народного суверенитета, по мысли Ж.-Ж. Руссо, зиждется на праве, и потому законодательная власть есть суть народного суверенитета. Его опорой является Общественный договор. Суверенитет, по мысли Ж.-Ж. Руссо, «не может быть представляем по той же самой причине, по которой он может быть отчуждаем. Он заключается в исключительно общей воле, а воля не может быть представлена» (Rousseau, 1938:82).

Робкие попытки учреждения конституционной монархии в России предпринимались («Конституция» Н. Муравьева, «Русская правда» П. Пестеля, известные манифесты Николая II), но не прижились: разбуженный либералами народ в 1917 г. отрекся от венценосца, императора Николая II Романова. Идея народного суверенитета, пришедшая в Европу вместе с победой буржуазных революций, границу Российской Империи не пересекла.

Лучше других политиков идеями конституционного суверенитета воспользовался генерал Бонапарт (1769–1821 гг.), ставший императором Наполеоном I именно на волне буржуазного либерализма.

Вторая половина XIX в. обогатилась восприятием суверенитета таким признаком, как независимость государства. Однако гораздо чаще суверенитет рассматривался с точки зрения внутреннего политического устройства, что особенно характерно для Англии. Здесь нашло широкое распространение учение английского политика, юриста, адвоката, философа и историка права У. Блэкстона (1723–1780 гг.), который выступал против народного суверенитета.

У. Блэкстон не был одинок в своей отрицании пользы народного суверенитета: в начале XIX в. такую же позицию занимал немецкий философ Г.В.Ф. Гегель (1770–1831 гг.). Он писал: «Суверенитет имеется как личность целого, а последняя имеется в соответствующей ее понятию реальности, имеется как личность монарха» (Hegel, 1934:305).

Общий анализ работ, посвященных различным аспектам суверенитета, позволяет согласиться с тем, что «государственный суверенитет представляет собою обязательное свойство государственной власти, выражающееся в том, она

³ См.: Послания Ивана Грозного. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 332–333.

в соответствии с интересами ... господствующего класса ... осуществляет верховенство внутри страны и политическую и юридическую независимость во внешних сношениях» (Manelis, 1964:84).

В XX в., после окончания Второй мировой войны, наступил период концентрации силы на двух полюсах мировой политики: СССР и США. Обе системы стремились к укреплению своего влияния, но имели существенные различия.

Под воздействием СССР формировалась заинтересованность его союзников в добровольной передаче части своего суверенитета в пользу взаимовыгодного сотрудничества в рамках Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, «инвалютного» рубля и т.д.

США действовали диктаторскими методами и не считались с суверенитетом государств, входивших в НАТО или другие объединения.

Для СССР суверенитет был политико-правовой категорией, для США – военно-политической. Гегемонизм США игнорировал национальный суверенитет, поскольку он препятствовал вмешательству во внутренние дела других стран.

После развала СССР суверенитет стал восприниматься как угроза концепции однополюсного мира. Под термином «глобализация» скрывался курс на американизацию миропорядка.

В XXI в. начался противоречивый процесс возрождения России, но только спустя почти четверть века в США поняли, что Россия стала на путь возрождения своего суверенитета, суть которого в свое время была лаконично сформулирована А.Я. Вышинским: «Суверенитет есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств»⁴.

С наступлением нового столетия процесс десувверенизации России в политическом плане завершился и началась напряженная работа по возрождению государственного, правового, продовольственного, технологического, образовательного и иных составных частей национального суверенитета, в том числе демографического (Kokoshin, 2006).

Демографическое состояние населения как базовая основа обеспечения государственного населения

Главные угрозы, производные от демографического состояния России, хорошо известны. Это: снижение рождаемости и сохранение высокой смертности, что приводит к депопуляции, т.е. вырождению наций, в первую очередь русской части населения; низкая плотность населения; нерациональная миграционная политика; поверхностный анализ резервов демографического роста; недальновидная финансовая политика; нерациональная налоговая система; отсутствие идеологического обоснования цивилизационного прогресса; консервативная кадровая политика; обострение социальных проблем (рост бедности и нищеты, коррупция, снижение авторитета всех институтов власти, ухудшение социального самочувствия населения, деформация традиционных ценностей, угасание социального оптимизма и девальвация производительного труда; девиации и аддикции, особенно в молодежной среде; недостаточно последовательная деятельность образовательных учреждений в области подготовки квалифицированных специалистов и ответственных, патриотически настроенных граждан, готовых выполнить свой конституционный долг, и т.д.).

⁴ Цит. по кн.: (Levin, 2003:71).

Все это находится в противоречии с фундаментальным правовым обеспечением государственной демографической политики, проводимой в России по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина и его Администрации⁵. Это несоответствие выражается в том, что Указы Президента рассчитаны на укрепление института семьи, семейных ценностей, создание условий, позволяющих населению реализовать свой репродуктивный потенциал, гражданам – свои функции, а правоприменительная практика, т.е. результаты деятельности исполнительной власти не достигают поставленных целей. Между тем Россия обладает колоссальным историческим опытом эффективного решения демографических проблем.

На протяжении длительного периода (с древнейших времен и до 1991 г.) в стране наблюдался устойчивый рост населения. Не уходя в глубь веков, а начиная с 1897 по 1941 гг., он был таким:

Таблица 1 / Table 1

**Численность населения России с 1897 по 1941 гг. /
Population of Russia from 1897 to 1941**

Годы / Years	Численность населения России, млн человек / Population of Russia, million people
1897	
В границах Российской империи / Within the borders of the Russian Empire	128 200 000
в современных границах / Within modern borders	67 473 000
1914	
В границах Российской империи / Within the borders of the Russian Empire	165 700 000
в современных границах / Within modern borders	89 900 000
1917	91 000 000
1926	100 891 244
1937	104 932 000
1938	109 393 749
1939	108 377 000
1940	110 100 000
1941	111 708 000

Источник: Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 1996. С. 37.

Численность населения России с 1927 г. по 1939 г. увеличилась с 93,6 до 107,9 млн. Общее число родившихся за 1927–1940 гг. составило 57,5 млн умерших – 40,7. То есть естественный прирост населения Российской Федерации за этот период составил 16,8 млн человек⁶.

⁵ См.: Указы Президента России «Об объявлении в Российской Федерации «Десятилетия детства» от 29.05.2017 г., №240; «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2008 г., № 204; «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 г., №474; разработанные на их основе правительственные Постановления и распоряжения, в том числе Национальный проект «Демография», включающая в себя 5 проектов: «Старшее поколение», «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – развитие дошкольного образования», «Спорт – норма жизни», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек». Достаточно полный перечень законодательных актов, указов Президента, Распоряжений и постановлений Правительства содержится в книге Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020. М: ООО «Объединённая редакция», 2020. С. 150–153. Далее – Доклад ...

⁶ Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk_pdf/glava5.pdf#:~:text=\(дата обращения: 20.05.2023\).](http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk_pdf/glava5.pdf#:~:text=(дата обращения: 20.05.2023).)

Как видим, начиная с 1897 г. и до 1941 г. наблюдался устойчивый рост численности населения. Особенно высокими темпами население увеличивалось в советское время. Даже в период, подвергшийся наибольшей либеральной фальсификации, т.е. в годы так называемых репрессий, наблюдался естественный прирост населения: с 1926 по 1936 гг. включительно численность населения ежегодно увеличивалась на 1 млн человек, с 1937 по 1941 г. – на 1,5 млн человек.

Как известно, накануне Великой Отечественной войны в СССР проживало 195,4 млн человек⁷. Людские потери за годы войны составили 26,6 млн. человек, безвозвратные потери 11 444 100 человек⁸.

Существенные потери во время войны понесло гражданское население РФСР: к началу 1946 г. в регионах России проживало 55,9 млн женщин и 41,7 млн мужчин. Всего – 97,6 млн человек. Гипотетические потери российского населения составили 19,8 млн человек⁹.

За годы нацистской оккупации карателями преднамеренно уничтожено 7 420 373 мирных жителей; 2 164 313 человек погибли на принудительных работах в Германии; 4 100 000 стали жертвами оккупационного режима. Всего – 13 684 692 человека¹⁰. Из них граждан РФСР – 1 906 661 человек; Украины – 2 402 234 человека; Белоруссии – 399 374 человека; Латвии – 279 615 человек; Литвы – 160 019 человек; Эстонии – 74 226 человек; Молдавии – 42 242 человека. Из общего числа граждан, вывезенных на каторжные работы в Германию, на родину после Победы вернулись 2 654 100 человек; эмигрантами стали 451 100 человек. Погибли – 2 164 313 человек¹¹. Погибли, в основном, от рук карателей. А ими были не только немцы, но и нацисты украинской, польской, литовской, латвийской, эстонской и других национальностей.

Катастрофические последствия для демографического потенциала населения СССР имели боевые потери Красной Армии. Поисковая работа, установление имен военнослужащих, ошибочно зачисленных в число погибших, а также исключение из числа безвозвратных потерь вернувшихся из плена, уточненные потери составляют 8 668 400 человек¹². 31,8 % этих потерь относятся к 1941 г., 27,3 % – к 1942 г., 19,4 % – к 1943 г., 14,8 % – к 1944 г., 6,7 % – к 1945 г. Т.е. 59,1 % потерь приходится на 1941 и 1942 гг., и 6,7 % на последний год войны статистические данные о безвозвратных потерях военнослужащих по национальному составу приведены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Безвозвратные потери военнослужащих по национальному составу /
Irreversible losses of military personnel by national composition**

	Тыс. человек / Thousand people	В процентах / Percentage
Русские / Russians	5 756,0	66,40
Украинцы / Ukrainians	1 377,4	15,89
Белорусы / Belarusians	259,9	2,92
Татары / Tatars	187,7	2,16
Евреи / Jews	142,5	1,64
Казахи / Kazakhs	125,5	1,45

⁷ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 26.

⁸ Там же. С. 267.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 274.

¹¹ Там же. С. 275.

¹² Там же. С. 269.

Окончание табл. 2

	Тыс. человек / Thousand people	В процентах / Percentage
Узбеки / Uzbeks	117,9	1,36
Армяне / Armenians	83,7	0,97
Грузины / Georgians	79,5	0,92
Мордвины / Mordvins	63,3	0,73
Чуваши / Chuvash	63,3	0,73
Азербайджанцы / Azerbaijanis	58,4	0,67
Молдаване / Moldovans	53,9	0,62
Башкиры / Bashkirs	31,7	0,37
Эстонцы / Estonians	21,2	0,25
Латыши / Latvians	11,6	0,13
Литовцы / Lithuanians	11,6	0,13
Другие / Other	230,7	2,66

Источник: Таблица составлена автором по кн.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 271.

При освобождении территории Российской Федерации погибло 1 860 900 человек, Украинской ССР – 968 100, Белорусской ССР – 213 600, Литовской ССР – 137 200, Латвийской ССР – 130 200, Эстонской ССР – 67 100, Молдавской ССР – 18 700. Всего – 3 395 800 человек.

Еще большие потери Красная Армия понесла при освобождении стран Европы и Азии. Если считать только безвозвратные потери, то за освобождение Польши бойцы и командиры Красной Армии отдали 600 212 жизней, Чехословакии – 139 918, Венгрии – 140 044, Германии – 101 961, Румынии – 68 993, Австрии – 26 006, Югославии – 7 995, Норвегии – 3 436, Болгарии – 977, Китая – 9 272, Северной Кореи – 691. С учетом санитарных потерь общая цифра вырастет до 3 889 686 человек. При этом на долю Польши приходится 2 016 244 человека, т.е. 51,84 % безвозвратных и санитарных потерь¹³.

Для прояснения памяти всех тех, кто сейчас сносит памятники советским воинам-освободителям, следует заметить, что вклад их предков в борьбу с захватчиками невелик. Но он был, например, потери иностранных формирований, сражавшихся на стороне СССР (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Потери иностранных формирований / Losses of foreign formations

Государства (периоды их участия в военных действиях) / States (periods of their participation in hostilities)	Безвозвратные потери / Irreversible losses	Санитарные потери / Sanitary losses	Всего / Total
Румыния (1944–1945 гг.) / Romania (1944–1945)	37 208	92 108	129 316
Польша (1943–1945 гг.) / Poland (1943–1945)	24 707	44 233	68 940
Болгария (1945 г.) / Bulgaria (1945)	10 124	21 541	31 665
Чехословакия (1943–1945 гг.) / Czechoslovakia (1943–1945)	4 071	10 191	14 202
Всего / Total	76 050	168 073	244 223

Источник: Подсчитано автором на основе официальных статистических данных.

¹³ Подсчитано автором на основе кн.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 272.

Таким образом, за свободу европейских стран отдали свои жизни 749 542 советских воина и 76 050 граждан тех стран, которым несла свободу Красная Армия, т.е. почти в 10 раз меньше.

Красная Армия освобождала от нацизма те страны, чьи граждане воевали против СССР. Со школьной скамьи всем известна эскадрилья «Нормандия-Неман», но мало кто знает о том, чем на территории СССР «прославился» французский легион. В движении французского антифашистского сопротивления участвовали французские антифашистские подразделения. В боях с гитлеровцами погибли более 20 000 патриотов, а в войне против СССР – более 50 000 французов (Shutov, 2008:6). Французский легион вместе с нацистами других национальностей упорно защищал Берлин. В борьбе с гитлеровцами сложили головы 24 707 поляков, но около 300 000 поляков (в 10 с лишним раз больше) воевали против СССР и не вернулись с восточного фронта¹⁴. Таким образом, есть что вспомнить нам, наследникам победителей, но есть над чем задуматься и тем, кто сносит памятники воинам-освободителям...

При анализе демографических процессов, протекающих после 1946 г., исключительно важно учитывать тот урон, который причинен демографическому потенциалу и который продолжает оказывать негативное воздействие на состояние народонаселения страны. Значение этих факторов нельзя преуменьшать, но не следует только этим объяснять современное состояние народонаселения России.

Таким образом, демографическое состояние населения, базовые характеристики человеческого капитала (уровень грамотности, продолжительность и качество жизни, нравственность, восприятие целей социального прогресса, авторитет власти и т.д.) стали важнейшим условием стойкости в годы суровых испытаний. Демографическая сплоченность стала одним из главных факторов, необходимых для отстаивания государственного суверенитета и главным фактором победы в Великой Отечественной войне с нацистской Европой и в разгроме японского милитаризма.

Параметры демографического неблагополучия: историко-правовой анализ

На начало 1946 г.в СССР проживало 170,5 млн человек, в том числе 74,4 млн мужчин и 96,2 млн женщин¹⁵. Разница в количестве мужчин и женщин составляла 21,8 млн человек, что создавало крайне неблагоприятную репродуктивную ситуацию. Нетрудно рассчитать, что при сохранении естественного прироста населения, сложившегося накануне Великой Отечественной войны, в СССР в 1946 г. проживало бы 209,9 млн человек, а женщин было бы только на 9,9 млн больше. Эти гипотетические потери – результат нацистского нашествия европейских стран в 1941–1945 гг. на СССР.

С 1959 по 1991 гг. прирост населения замедлился, но сохранялся (Zhukov, 2017:49; Lokosov, 2022) (табл. 4).

¹⁴ Подр. см.: Жуков В.И., Федякина Л.В. Триумфы и трагедии XX века в социальной истории России. Историко-социологический анализ: монография. М.: Сталинград, 2015. С. 40–41.

¹⁵ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. С. 268.

Таблица 4 / Table 4

Численность населения России с 1959 по 1991 гг. / Population of Russia, 1959–1991

Годы / Years	Численность населения России, млн человек / Population of Russia, million people
1959	117 240 000
1970	129 941 000
1971	130 563 000
1972	131 304 000
1973	132 069 000
1974	132 799 000
1975	133 634 000
1976	134 549 000
1977	135 504 000
1978	136 455 000
1979	137 410 000
1980	138 127 000
1981	138 839 200
1982	139 603 800
1983	140 529 800
1984	141 582 600
1985	142 539 000
1986	143 527 900
1987	144 783 700
1988	145 988 300
1989	147 022 000
1990	147 665 000
1991	148 273 746

В 1992 г. началась депопуляция, ставшая результатом преобладания смертности населения над рождаемостью (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Численность населения России с 1992 по 2022 гг. / Population of Russia, 1992–2022

Годы / Years	Численность населения России, млн человек / Population of Russia, million people
1992	148 514 000
1993	148 561 000
1994	148 355 000
1995	148 459 000
1996	148 291 000
1997	148 028 000
1998	147 802 000
1999	147 539 000
2000	146 890 000
2001	146 303 000
2002	145 649 000
2003	144 963 000
2004	144 333 000
2005	143 801 000
2006	143 236 000
2007	142 862 000
2008	142 747 000
2009	142 737 000
2010	142 833 000
2011	142 865 000

Окончание табл. 5

Годы / Years	Численность населения России, млн человек / Population of Russia, million people
2012	143 056 000
2013	143 347 000
2014	143 666 000
2015	146 267 000
2016	146 544 000
2017	146 804 000
2018	146 880 000
2019	146 780 000
2020	146 748 000
2021	146 171 000
2022	145 557 000

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.9111.ru/questions/777777772086000/> (дата обращения: 21.05.2023).

Начиная с 1992 г. наблюдаются три этапа демографического развития России, два из которых – депопуляционные (с 1992 по 2012 гг.; 2013–2015 гг. – умеренно позитивный; начиная с 2016 г. и по настоящее время – падение в демографическую яму). В первом периоде роковым был 2000-й г., когда потери народонаселения приблизились к 1 млн человек (949 100), а в XXI в. – 2021 г., когда смертность превысила рождаемость более чем на 1 млн человек (1 043 341).

По предварительным данным, в 2022 г. родились 1 306 162 младенца, умерли 1 905 778 человек. Естественная убыль составила 599 616 человек¹⁶. Вероятно, в 2023 г. соотношение рождаемости и смертности приведет к значительным демографическим потерям.

Демографическое неблагополучие ослабляет возможности укрепления государственного суверенитета. В государственной политике вытекающие из этого обстоятельства вызовы и риски учитываются, что находит отражение в деятельности и законодательной, и исполнительной ветвей власти. В частности, одна из целей Национального проекта «Демография» в части, касающейся суммарного коэффициента рождаемости (СКР), равного 1,7 ребенка на 1 женщину фертильного возраста (15–49 лет). К сожалению, она не достигнута. СКР не только не приобрел тенденцию к достижению нижнего порога рождаемости, необходимого для простого замещения поколений (2,1–2,2), но и по сравнению со временем принятия национальных проектов снизился с 1,75 ребенка в 2014 г. до 1,67 в 2021-м. Не исключено, что при сохранении базовых основ современной демографической политики он составит 1,54. Это означает, что девиационный процесс депопуляции населения продолжится.

Безусловно, одной из причин продолжающейся депопуляции населения является, то что называется возрастными демографическими сдвигами. Под сдвигом понимается снижение количества женщин, рожденных после 1991 г., однако этот негативный процесс порожден не только указанными причинами, но и нерациональной либеральной финансово-экономической политикой, которая сформировалась в 90-х гг. XX столетия и продолжилась в XXI в.: в 2020 г. финансирование демографических проектов снизилось на 57,2 млрд рублей, в 2021–2022 гг. – еще на 150 млрд

¹⁶ Росстат представляет данные о естественном движении населения в декабре 2022 года // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/197667> (дата обращения: 20.05.2023).

рублей¹⁷. Увеличение размера материнского (на самом деле родительского) капитала и улучшение условий его получения и использования¹⁸, существенного влияния на повышение эффективности демографической политики не окажет.

Определенную озабоченность вызывает снижение количества браков с одновременным увеличением разводов. Приходится учитывать и то, что в гражданском браке, по оценке социологов, сейчас состоят до 35 % молодых людей. Сводные данные, отражающая коэффициенты брачности и разводимости, приведены в табл. 6.

Таблица 6 / Table 6

Коэффициенты брачности и разводимости / Marriage and divorce rates

Годы / Years	Статистика браков в России / Marriage statistics in Russia		Статистика разводов в России / Divorce statistics in Russia	
	Всего, единиц / Total, units	На 1000 человек населения / Per 1000 population	Всего, единиц / Total, units	На 1000 человек населения / Per 1000 population
1950	1222971	12,0	49378	0,5
1990	1319928	8,9	559918	3,8
2000	897327	6,2	627703	4,3
2010	1215066	8,5	639321	4,5
2015	1161068	7,9	611646	4,2
2016	985836	6,7	608336	4,1
2017	1049735	7,1	611436	4,2
2018	893039	6,1	583942	4,0
2019	950167	6,5	620730	4,2
2020	770857	5,3	564704	3,9
2021	923550	6,3	644209	4,4

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov> (дата обращения: 02.10.2022).

Как видим, начиная с 50-х гг. XX в. семья постепенно утрачивает предназначение того социального института, который призван обеспечивать устойчивый естественный прирост населения. В течение последних 10 лет развития российской цивилизации ситуация стабилизировалась, но не приобрела прогрессирующий характер. Меры, предпринимаемые Администрацией Президента России, Правительством страны, региональными органами власти, дают некоторые положительные результаты. Например, в 2021 г. количество браков увеличилось на 152 793 единицы, но увеличилось и число разводов (на 79 505). Одновременно с этим закрепилась тенденция более позднего вступления в брак. Между тем многодетная семья – это не только демографическое достояние страны, но и основа семейного благополучия. Государство высоко ценит такие семьи, оказывает им помощь в предоставлении различных льгот и выплат. В 2022 г. многодетные отцы семейств (трое детей и больше) не подлежали мобилизации.

При справедливости всего сказанного фактом остается то, что в основе несбывшихся надежд на семейное счастье лежат причины социального характера, в числе

¹⁷ См.: Доклад... С. 86.

¹⁸ См.: Федеральный закон № 35-ФЗ от 01.03.2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением материнского (семейного) капитала» определено, что он увеличивается с 466 617 рублей до 616 617 рублей в случае рождения второго ребёнка. – Подр. см.: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/564332178/> (дата обращения: 12.09.2022).

которых социологи выделяют отсутствие у молодых семей надежд на создание нормальных жилищных условий (44 % молодых людей в возрасте 25 лет называют источником всех проблем неудовлетворительные жилищные условия)¹⁹; неправильное поведение, в том числе пьянство; насилие в семье; супружеская неверность; низкая заработная плата и т.д. Не требует доказательства утверждение, что при улучшении социального самочувствия молодых людей семейное благополучие станет источником роста населения страны.

На рождаемость существенное влияние оказывает ряд других факторов. Это: существенные демографические потери, связанные с искусственным прерыванием беременности; имущественное социальное неравенство, масштабная бедность и нищета; пессимистическое социальное самочувствие населения; низкий авторитет отца и матери как носителей самого высокого звания и т.д.

Особое внимание следует обратить на аборт. Нужно заметить, что ни в нашей стране, ни в США, Румынии, Польше, ни в других странах запреты на искусственное прерывание беременности не давали (и в принципе не могут дать) позитивных результатов. Не решила ее даже «менструальная полиция» в Румынии, следившая за тем, чтобы все женщины проходили тест на беременность, а те, кто долго воздерживался, платили высокий налог за такого рода воздержание. К росту рождаемости это в Румынии привело, но породило нищету многодетных семей. Это, однако, не означает, что «мальтузианская ловушка», т.е. известное с первой половины XIX в. высказывание о том, что 4–5 рождений, приходящиеся на 1 женщину, «съедают» экономический рост, корректна. Высокая рождаемость действительно может вести к бедности и нищете, но только в том случае, когда не поощряется государством. Известно, что политику увеличения рождаемости проводят не процветающие страны, а те, которые к такому состоянию стремятся. Поощрение рождаемости в таких странах дополняется эффективной социально-экономической политикой, одна из целей которой – материальное и моральное вознаграждение многодетных семей. Разумная социальная политика – это политика **детоцентризма**.

Достижение национальной сплоченности российского общества, особенно в условиях нарастающих санкций и начавшейся против России войны, невозможно без кардинального изменения кадровой политики, коррекции системы налогообложения, частичного пересмотра итогов приватизации. Национальным интересам России отвечает правительственная реакция на уход из страны зарубежных монополий; отказ от коррупционной системы закупок; очищение всех сфер жизнедеятельности, особенно образования, от масштабной коррупции. Необходим переход к сильной социальной политике, рассчитанной на достижение достойного гражданина России уровня и качества жизни за счет перераспределения олигархического капитала и сверхприбылей, получаемых рядом корпораций; рационализация системы занятости; увеличение пособий по безработице и т.д.

Особую опасность для суверенитета России представляет неэффективная пространственная политика и невысокая плотность населения, особенно в районах, расположенных за Уралом. Богатство и могущество России пока не прирастают Сибирью. Колоссальные финансовые вложения должной отдачи не дают, хотя точки роста обозначились, о чем свидетельствуют Дальневосточные экономические форумы.

¹⁹ См.: Терентьев Д. Не пора ли вспомнить о радости материнства // Аргументы недели. 2022. № 35 (830) С. 8.

Пока плотность населения в Сибири и на Дальнем Востоке не превышает 2,3 человека на 1 км², в то время как в Китае на 1 км² приходится более 340 жителей. Любопытно отметить, что на необъятных просторах Сибири и Дальнего Востока всего лишь 5 городов-миллионников, а на пограничной с Россией китайской территории появилось более десятка городов с населением в несколько миллионов жителей.

Нормативное обеспечение демографического суверенитета и правоприменительная практика

Определенное значение для оценки демографического состояния России имеет интегральный показатель медицинского обслуживания, качества питания, состояния окружающей среды и т.д., каким является ожидаемая продолжительность жизни. Его значение с 1992 по 2004 г. снижалось, после чего наметился некоторый рост (табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, лет /
Life expectancy at birth in Russia, years

Годы / Years	Все население / Whole population		
	Всего / Total	Мужчины / Men	Женщины / Women
1896–1897 (по 50 губерниям Европейской России)	30,54	29,43	31,69
1926–1927 (по Европейской части РСФСР)	42,93	40,23	45,61
1961–1962	68,75	63,78	72,38
1970–1971	68,93	63,21	73,55
1980–1981	67,61	61,53	73,09
1990	69,19	63,73	74,30
1995	64,52	58,12	71,59
2000	65,34	59,03	72,26
2001	65,23	58,92	72,17
2002	64,95	58,68	71,90
2003	64,84	58,53	71,85
2004	65,31	58,91	72,36
2005	65,37	58,92	72,47
2006	66,69	60,43	73,34
2007	67,61	61,46	74,02
2008	67,99	61,92	74,28
2009	68,78	62,87	74,79
2010	68,94	63,09	74,88
2011	69,83	64,04	75,61
2012	70,24	64,56	75,86
2013	70,76	65,13	76,30
2014	70,93	65,29	76,47
2015	71,39	65,92	76,71
2016	71,87	66,50	77,06
2017	72,70	67,51	77,64
2018	72,91	67,75	77,82
2019	73,34	68,24	78,17
2020	71,54	66,49	76,43
2021	70,06	65,51	74,51

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/785-ozhidaemaya-prodolzhitelnost-zhizni-pri-rozhdenii> (дата обращения: 01.10.2022).

К концу 2021 г. ожидаемая продолжительность жизни составила 70,06 (65,51 у мужчин, 74,51 у женщин). Этот показатель близок к тем значениям, которые сложились в СССР к середине 80-х гг. XX столетия (70,13) и остается низким по сравнению с многими другими странами. Например, от населения стран Европейского союза население России отстает на 10 лет. У россиян набор болезней, характерный для старости, появляется в 59 лет. По этому показателю Россия занимает 160-е место в мире²⁰.

Приходится вновь говорить о существенном разрыве между принятыми решениями и результатами их исполнения. Например, «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.», утвержденная Указом Президента России 09.10.2007 г. (№1351), требовала: увеличения численности населения к 2020 г. до 145,5 млн человек; ожидаемой продолжительности жизни – до 74 лет; суммарного коэффициента рождаемости до 1,87; обеспечения миграционного прироста на уровне не менее 200 000 человек. Ни один из этих показателей, за исключением масштабов миграции, не выполнен, ответа на вопрос «почему?» нет.

Демографические ресурсы складываются не только из показателей естественного прироста населения. Они зависят от целого ряда других факторов, в том числе миграции населения.

Миграция – это один из демографических факторов, который может иметь как позитивное, так и негативное влияние (Ryazantsev, 2021). В этом явлении многие специалисты видят единственный источник выхода России из депопуляционной ямы. Основанием для подобного оптимизма была позитивная направленность миграционных процессов: длительное время количество въезжающих в Россию существенно превышало число покидающих ее (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Миграционные процессы / Migration processes

Годы / Years	Прибыло всего / Total arrived	Выбыло всего / Total dropped out	Миграционный прирост / Migration increase
1991	692 238	675 497	16 741
1992	926 020	673 143	252 877
1993	923 280	483 028	440 252
1994	1 146 735	337 121	809 614
1995	842 050	339 600	502 450
1996	631 592	288 048	343 544
1997	583 260	234 284	348 976
1998	495 304	216 691	278 613
1999	367 197	237 967	129 230
2000	393 330	161 046	198 284
2003	129 144	94 018	35 126
2009	279 907	32 458	247 449
2018	565 687	440 803	124 884
2020	594 146	487 672	106 474
2021	667 900	238 000	429 900

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://proza.ru/2022/07/17/859> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁰ Электронный ресурс. Режим доступа: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(19\)30019-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(19)30019-2/fulltext) (дата обращения: 01.10.2022).

В 90-х гг. XX в. неблагоприятное соотношение рождаемости и смертности в значительной степени компенсировались за счет миграционного прироста.

Как видим, с 1997 по 2000 гг. включительно за счет миграции население России увеличилось на 3 330 581 человека. В течение следующего десятилетия миграционный прирост уменьшился, но сохранялся и существенно влиял на общую численность населения России.

2021 г. был последним, когда сохранялся миграционный прирост и росла численность населения России. Он составил 429 900 человек. Ситуация изменилась в 2022 г.: за первые 6 месяцев этого года миграционный отток впервые за последние 30 лет истории российской цивилизации составил 96 700 человек: прибыло 1 876 352 чел., выбыло 1 973 089 чел. (табл. 9).

Таблица 9 / Table 9

Показатели международной миграции / International migration indicators

	Первое полугодие 2022 г. / First half of 2022		
	Число прибывших / Number arrived	Число выбывших / Number retired	Миграционный прирост (+), снижение (-) / Migration increase (+), decrease (-)
Международная миграция / International migration	322348	419085	-96737
с государствами-участниками СНГ / with states-CIS participants	294880	368838	-73958
в том числе: including:			
Азербайджан / Azerbaijan	16254	23082	-6828
Армения / Armenia	30936	49022	-18086
Беларусь / Belarus	8987	12089	-3102
Казахстан / Kazakhstan	30550	40767	-10217
Киргизия / Kyrgyzstan	27932	43626	-15694
Республика Молдова / The Republic of Moldova	11077	13199	-2122
Таджикистан / Tajikistan	82658	58420	+24238
Туркменистан / Turkmenistan	3588	10374	-6786
Узбекистан / Uzbekistan	24999	38618	-13619
Украина / Ukraine	57899	79641	-21742

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2022).

Наибольшее количество выбывших из России в первой половине 2022 г. пришлось на Украину (79 641), Таджикистан (58 420), Армению (49 022), Киргизию (43 626), Казахстан (40 767). Почти те же страны находятся в перечне государств, из которых в Россию прибыли их граждане: из Таджикистана – 82 658, из Украины – 57 899, из Армении – 30 936, Казахстана – 30 550, Киргизии – 27 932, Узбекистана – 24 999. В целом в Россию прибыло 294 880 (вероятно, русских), убыло 368 838 граждан разных национальностей.

Особое значение для понимания роли демографических процессов в цивилизационном развитии России имеют прогнозы. Наиболее крупные специалисты в этой области сконцентрированы в Росстате. Именно они разработали три варианта: низкий, средний, высокий. По состоянию на 01 июля 2022 г. эти прогнозы приведены в табл. 10.

Таблица 10 / Table 10

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения /
Births, deaths and natural population growth

Годы / Years	Всего, тысяч человек / Total, thousand people			На 1000 населения / Per 1000 population		
	Родившихся / Born	Умерших / Deceased	Естественный прирост / Natural increase	Родив- шихся / Born	Умерших / Deceased	Естественный прирост / Natural increase
Низкий вариант прогноза / Low forecast option						
2020	1346,0	1830,4	-484,4	9,2	12,5	-3,3
2021	1294,0	1848,1	-554,1	8,9	12,6	-3,7
2022	1201,1	1864,0	-662,9	8,2	12,8	-4,6
2023	1153,9	1878,5	-724,6	8,0	12,9	-4,9
2024	1114,8	1891,4	-776,6	7,7	13,1	-5,4
2025	1079,4	1902,9	-823,5	7,5	13,2	-5,7
2026	1053,3	1913,2	-859,9	7,4	13,4	-6,0
2027	1039,4	1922,9	-883,5	7,3	13,5	-6,2
2028	1030,4	1932,0	-901,6	7,3	13,7	-6,4
2029	1024,6	1940,7	-916,1	7,3	13,8	-6,5
2030	1022,9	1949,6	-926,7	7,3	14,0	-6,7
2031	1022,5	1958,8	-936,3	7,4	14,2	-6,8
2032	1028,3	1968,8	-940,5	7,5	14,3	-6,8
2033	1038,2	1979,5	-941,3	7,6	14,5	-6,9
2034	1050,7	1990,9	-940,2	7,7	14,7	-7,0
2035	1062,8	2003,0	-940,2	7,9	14,9	-7,0
Средний вариант прогноза / Average forecast						
2020	1433,3	1789,0	-355,7	9,8	12,2	-2,4
2021	1412,8	1787,7	-374,9	9,6	12,2	-2,6
2022	1363,0	1786,4	-423,4	9,3	12,2	-2,9
2023	1291,8	1785,0	-493,2	8,8	12,2	-3,4
2024	1249,6	1782,1	-532,5	8,6	12,2	-3,6
2025	1205,7	1777,9	-572,2	8,3	12,2	-3,9
2026	1189,5	1772,7	-583,2	8,2	12,2	-4,0
2027	1182,2	1765,7	-583,5	8,2	12,2	-4,0
2028	1182,1	1752,5	-570,4	8,2	12,1	-3,9
2029	1186,6	1739,1	-552,5	8,2	12,0	-3,8
2030	1192,1	1727,4	-535,3	8,3	12,0	-3,7
2031	1201,0	1717,8	-516,8	8,3	11,9	-3,6
2032	1216,9	1710,6	-493,7	8,5	11,9	-3,4
2033	1238,5	1705,2	-466,7	8,6	11,9	-3,3
2034	1264,1	1699,7	-435,6	8,8	11,9	-3,1
2035	1289,2	1687,7	-398,5	9,0	11,8	-2,8
Высокий вариант прогноза / High forecast option						
2020	1492,0	1741,3	-249,3	10,2	11,9	-1,7
2021	1559,7	1715,8	-156,1	10,6	11,7	-1,1
2022	1545,4	1694,1	-148,7	10,5	11,5	-1,0
2023	1483,0	1675,8	-192,8	10,1	11,4	-1,3
2024	1433,0	1654,3	-221,3	9,7	11,2	-1,5
2025	1396,1	1626,5	-230,4	9,5	11,0	-1,5
2026	1369,2	1601,5	-232,3	9,3	10,8	-1,5
2027	1355,4	1578,9	-223,5	9,2	10,7	-1,5
2028	1354,6	1556,1	-201,5	9,1	10,5	-1,4
2029	1352,9	1525,5	-172,6	9,1	10,3	-1,2
2030	1351,3	1500,5	-149,2	9,1	10,1	-1,0
2031	1352,7	1480,5	-127,8	9,1	10,0	-0,9
2032	1362,3	1465,8	-103,5	9,1	9,8	-0,7

Окончание табл. 10

Годы / Years	Всего, тысяч человек / Total, thousand people			На 1000 населения / Per 1000 population		
	Родившихся / Born	Умерших / Deceased	Естественный прирост / Natural increase	Родив- шихся / Born	Умерших / Deceased	Естественный прирост / Natural increase
2033	1379,9	1456,0	-76,1	9,2	9,8	-0,6
2034	1402,7	1450,1	-47,4	9,4	9,7	-0,3
2035	1426,9	1448,2	-21,3	9,5	9,7	-0,2

Источник: Электронный ресурс. Режим доступа <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2022).

Ни один из этих прогнозов не вселяет оптимизма, поскольку предполагает некоторые колебания, но фиксируют до 2035 г. депопуляцию населения в диапазоне от 940 000 до 21 300 в г. При этом ожидается, что позитивное влияние на количественный состав населения будет оказывать миграционный прирост. Между тем он может быть иным.

Следует обратить внимание на то, что прогноз численности населения России, основанный на изучении процессов рождаемости и смертности, не достаточен. Необходимо учитывать все резервные возможности демографического роста и стимулировать их использование в реальной политике²¹. Если этого не произойдет, то к 2035 г. суммарный коэффициент рождаемости может колебаться в диапазоне от 1,579 рождений на 1 женщину, до 1,749. Вероятнее всего, он составит 1,635 рождений²². Учитывать резервные возможности, помимо рождаемости, необходимо в том числе и потому, что на смертность населения будет оказывать негативное влияние как пандемия, так и другие факторы (например, обострение международных отношений и расширение параметров военных действий).

Есть основания полагать, что при сильной демографической политике возможно, во-первых, использовать увеличение рождаемости и снижение смертности, а также рост ожидаемой продолжительности жизни; во-вторых, создать благоприятные условия для того, чтобы Россия оказалась привлекательной страной как для этнических русских (в собирательном значении этого слова), проживающих за рубежом, так и для граждан других стран, связывающих свое благополучие с Россией; в третьих, есть целый блок социально-политических факторов, которые неизбежно, как в случае с Крымом, Севастополем, Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей и др. приведет к увеличению численности населения России на 9–10 млн человек.

Потенциал, заложенный в ментальных образах народов России, оснований для пессимизма не дает. Важно, чтобы демографическое разнообразие и невостребованное богатство России было законодательно закреплено в идеологии и национальной идее страны.

²¹ Подр. см.: (Savenkov & Zhukov, 2018). В этой работе авторы с математической точностью определяют, какой позитивный итог могут дать мероприятия, рассчитанные на преодоление таких правовых девиаций, как преступность, и ограничение распространения социальных аддикций, т.е. зависимости от наркотиков, алкоголя, табакокурения, игромании и т.д. (Zhukov, 2010).

²² См.: Доклад... С. 129–134.

Заключение

Для улучшения качества народонаселения России с точки зрения права желательно:

- воссоздать Государственный комитет России по делам семьи, демографической политики и миграции за счет разделения Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на три ведомства (упомянутый Государственный комитет, а также Министерство труда и Министерство социальной защиты (обеспечения) населения);

- законодательно восстановить статус пенсионного фонда, а также социальных фондов в соответствии с присущими им функциями, а не фальсифицированными бюджетными интересами государства;

- определить основные демографические ресурсы России, дополнив их известными, но не ставших нормативными, возможностями;

- законодательно регламентировать тональность средств массовой информации в части, касающейся трансляции в позитивной тональности различных форм отказа от традиционных ценностей. Исключить снисходительное отношение к таким социальным девиациям, как поклонение «святому Валентину», однополые браки, «планирование семьи», педофилия, гендерное многообразие, зоофилия и т.д. Пропаганда ЛГБТ должна преследоваться по закону;

- законодательно закрепить формы и способы пропаганды, возвеличивающие женщину-мать, отцовство; использовать финансовые, социальные и другие способы, влияющие на сокращение масштабов искусственного прерывания беременности;

- кардинально изменить законодательство и правоприменительную практику в отношении защиты интересов русского населения, прежде всего оказавшихся за рубежом советских граждан и членов их семей;

- отменить все бюрократические преграды в отношении лиц, приезжающих в Россию по мотивам, не представляющим угрозу национальным интересам страны;

- усилить борьбу с негативным влиянием на количественные и качественные характеристики населения России с правовыми девиациями и социальными аддикциями, используя силу закона и повышая эффективность правоприменительной практики.

Задействуя реально существующий потенциал прогрессивного демографического развития России, можно выбраться из депопуляционной ямы, устранить отклонения от естественного роста народонаселения и за счет формирования сильного политического курса достичь к 2050 г. как минимум 180 и даже 190 млн человек, как это было в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны.

Численность сплоченного населения – это этническая основа государственного суверенитета и цивилизационного прогресса. В указанных параметрах она достаточна для надежной обороноспособности страны, эффективного управления, развития науки, образования, культуры и т.д. В сфере материального производства и оказания услуг значительную часть необходимых работников (например, строителей, водителей и т.д.) заменят юниты цифровизации: искусственный интеллект, робототехника, «сквозные» информационные технологии и т.д.

Предпосылки для достижения такого демографического состояния у современной российской цивилизации есть.

References / Список литературы

- Hegel, G.W.F. (1934) *Philosophy of law. Essays*. In 14 vols. Vol. 8th. Moscow.-Leningrad, Sotsekgiz Publ. (in Russian).
Гегель Г.В.Ф. Философия права. Сочинения: в 14 т. М.-Л.: Соцэлгиз, 1934. Т. 8. 468 с.
- Kokoshin, A.A. (2006) Real sovereignty in the modern world political system. Ed. 3rd, expand. and add. Moscow, Europe Publ. (In Russian).
Кокосин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 3-е, расши. и доп. М.: Европа, 2006. 180 с.
- Levin, I.D. (2003) *Sovereignty*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 373 с.
- Lokosov, V.V. (2022) *Sociology of radical change: transformation of Russian society in 1987–2020. Monograph*. Moscow, FNISC RAS. (in Russian).
Локосов В.В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах. Монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 552 с.
- Manelis, B.L. (1964) The problem of sovereignty and its significance in modern conditions. Tashkent, Publishing House “Nauka” of the Uzbek SSR. (in Russian).
Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент: «Наука» Узбекской ССР, 1964. С. 13–14.
- Rousseau, J.-J. (1938) On the social contract or principles of political law. Moscow, Sotsekgiz Publ. (in Russian).
Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 1938. 124 с.
- Rattur, M.V. (2012) Retrospective analysis of the priorities of state management of social protection of children in Russia. *Problem analysis and public management design*. 5(1), 111–122. (in Russian).
Раттур М.В. Ретроспективный анализ приоритетов государственного управления социальной защитой детства в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5. № 1. С. 111–122.
- Rattur, M.V. (2010) The role of youth value systems in the formation of the ideals of Russian society: socio-historical aspect. *Social policy and sociology*. 12(66), 129–141. (in Russian).
Раттур М.В. Роль ценностных установок молодежи в формировании идеалов российского общества: социально-исторический аспект // Социальная политика и социология. 2010. № 12 (66). С. 129–141.
- Ryazantsev, S.V. (2021) *Migration in Eurasia before and during the COVID-19 pandemic: trends, consequences, migration policy: monograph*. Moscow, Economic Education Publ. (in Russian).
Рязанцев С.В. Миграция в Евразии до и во время пандемии COVID-19: тренды, последствия, миграционная политика: монография. М.: Экономическое образование, 2021. 302 с.
- Savenkov, A.N. & Zhukov, V.I. (2018) *Sociology of legal deviations and social addictions: monograph*. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).
Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций: монография. М.: Институт государства и права РАН, 2018. 408 с.
- Shutov, A.D. (2008) *Russia in the millstones of history*. Moscow, Veche Publ. (in Russian).
Шутов А.Д. Россия в жерновах истории. М.: Вече, 2008. 504 с.
- Zhukov, V.I. (2010) *Demographic potential of Russia*. Moscow, Publishing house RGSU. (in Russian).
Жуков В.И. Демографический потенциал России. М.: Изд-во РГСУ, 2010. 460 с.
- Zhukov, V.I. (2012) *Social development of Russia: historical and sociological comparative studies*. In 3 Vols. Vol. 2. Moscow, Publishing house RGSU. (in Russian).
Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во РГСУ, 2012. 895 с.

- Zhukov, V.I. (2017) *Socio-demographic NABAT: monograph*. Moscow, VIPO Publ. (in Russian).
Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ: монография. М.: ВИПО, 2017. 380 с.
- Zhukov, V.I. (2022) *Russian civilization: historical and legal analysis of the phenomenon: monograph*. In 2 Vols. Moscow, RITM Publ. (in Russian).
Жуков В.И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: монография: в 2 т. М.: РИТМ, 2022. Т. 1. 710 с.; Т. 2. 606 с.

Сведения об авторе:

Жуков Василий Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, Институт государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

SPIN-код: 7093-4933

e-mail: vigs1947@mail.ru

About the author:

Vasily I. Zhukov – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Department of Legal Philosophy, Legal Theory and Legal History, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

SPIN-код: 7093-4933

e-mail: vigs1947@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-859-870>

EDN: FPWVLV

Research Article / Научная статья

Rule of law as a political and legal ideal in the Anglo-Saxon legal tradition

Ruslan M. Allalyev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 Allalyev_rm@pfur.ru

Abstract. The article gives a critical analysis of the rule of law concept in the Anglo-Saxon political and legal tradition. The main criticism concerns its conceptual weakness, isolation from the real economic and political processes dominating in the society. The concept, once widely used both in the legal and political spheres, has become a kind of “buzzword” without clearly defined content. The lack of understanding of the rule of law concept among the public and inability of the scientific community to give any generally accepted explanation of the essence of this concept is ultimately expressed in failure of the population to follow some reasonable norms of behavior. In such a situation, even moral norms surrender to the policy of force and pursuit of selfish interests. The lack of theoretical rigor in the use of the rule of law concept is the reason that ultimately led some critical scientists in the West to question the relevance of the study of various conceptual approaches to it. The rule of law concept, previously presented as the main solution to many modern problems, such as poverty, corruption, terrorism, etc., is currently experiencing a severe crisis. The author concludes that understanding of this socio-cultural phenomenon may be reached not through examining liberal values but through investigating socio-economic development of society.

Key words: rule of law, common law, public authority, principle of legality, principle of equality, human rights and freedoms, independence of the judiciary

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 22nd May 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Allalyev, R.M. (2023) Rule of law as a political and legal ideal in the Anglo-Saxon legal tradition. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 859–870. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-859-870>

© Allalyev R.M., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Верховенство права как политический и правовой идеал в англосаксонской правовой традиции

Р.М. Аллалыев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 Allalayev_rm@pfur.ru

Аннотация. Проводится критический анализ идеи верховенства права в англосаксонской политико-правовой традиции. Основная критика касается ее концептуальной слабости, оторванности от реальных экономических и политических процессов, доминирующих в обществе. Идея, некогда широко используемая как в юридической, так и в политической сферах, стала своего рода «модным словечком» без четко определенного содержания. Отсутствие понимания идеи верховенства права в массах, неспособность научного сообщества дать какое-либо общепринятое объяснение сущности этой идеи в конечном счете выражается в неспособности населения следовать хоть каким-то разумным нормам поведения. В такой ситуации даже нравственные нормы уступают место политике силы и преследованию корыстных интересов. Именно отсутствие теоретической строгости в использовании идеи верховенства права в конечном итоге привело к тому, что часть критически настроенных ученых на Западе поставила под сомнение актуальность исследования различных концептуальных подходов к ней. Идея верховенства права, ранее представленная как основное решение множества современных проблем, таких как бедность, коррупция, терроризм и т.д. в настоящий момент переживает тяжелейший кризис. Автор приходит к выводу о том, что для прогрессивного понимания данного социокультурного феномена необходимы исследования, мерилom которых стали бы не либеральные ценности, а уровень социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: верховенство права, общее право, публичная власть, принцип законности, принцип равенства, права и свободы человека, независимость судебной власти

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 22 мая 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Allalayev R.M. Rule of law as a political and legal ideal in the Anglo-Saxon legal tradition // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 859–870. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-859-870>

Introduction

The rule of law concept in the contemporary neoliberal paradigm, like the idea of democracy in general, has developed into a “brand” for Western countries. This “brand” is expressed to a large extent in the algorithm of desirable behavior of a state both within its borders and in the international arena. In modern social sciences, it is commonly regarded as an unconditional political and legal value of any “civilized” society, a kind of indicator of the democratic development of modern states. It is accepted to assert with confidence that strengthening of the rule of law at the national level proves the civil and democratic character of states, or at least their movement along these lines (Marochkin, 2014:17).

The rule of law is described as a “value” of Western States forming the “civilizational core” of the world capitalist system, along with other political and legal phenomena and institutions (human rights, democracy, principles of humanism, representative government, etc.). They are, in fact, specific products of the Age of Enlightenment which have been

appropriated in the form of the moral and political content of this historical period by Western civilization. Other civilizations may be deprived of this content since it is the unique asset of the West. Apparently, the clash of civilizations turns out to be a confrontation between the West and the backwardness, i.e., the other civilizations (Huntington, 2004:3, 15, 70, 216). In such a situation, it is believed that only the West can give an adequate interpretation of the rule of law.

In this regard, one can talk about so called “legal imperialism” emerged after World War II, which was largely based on the maxim that “force is right”, as well as “claims to the supremacy of US legal norms, American exceptionalism and the unique global role of the United States” (Jessop, 2019:504).

The institutions of law ideologically selected by the supporters of the “clash and dialogue of civilizations” are portrayed as values that are not subject to criticism. At the same time, other institutions, which in real history have played considerable role in the development of certain civilizations, are being forgotten. For example, the rule of law concept arose, historically changed, and took various forms precisely as a result of well-known events, conflicts, and other social processes. In the course of history, this concept has appeared post factum in certain sections of public consciousness as a value, which is closely related to the culture of society, reflecting its state and exerting influence on it. Therefore, the interaction of the rule of law and the culture of society is subject to a comprehensive study.

These processes should not be “obscured” by the teleology of history, starting from the eternal “values” and aimed at their “objectification” in the life of society. However, if the rule of law is considered a distinctive institutional feature of the Western civilization, then why do not we extend these features to colonial policy, oppression of women, racial segregation, and many other institutions that really existed (or still exist) in the history of the West? No doubt that Western civilization could not be what it is now without all of those.

The rule of law concept penetrated deeply into Anglo-European thought and since the 17th century slowly but gradually gained strength, representing an extremely attractive vision of the political structure of society. “No matter – wrote the modern English historian Morgan – how rigorous the enforcement [of legislation] was – and in the 18th century its relentlessness was often obvious, – the ‘rule of law’ was still considered to be a public weal” (Morgan, 2010:72). The rule of law was perceived as a state of society, where “the transition from royal sovereignty of divine origin to national sovereignty was carried out” (Agamben, 1998:163). However, the new idea had to “not just reproduce moral teachings, but to form the soul” (Tawney, 2023:205). Such an approach was kept even with the onset of the industrial transformation period.

The rule of law concept was certainly progressive for that time. Its institutionalization was associated with the destruction of many mythical and sacred ideas in the political and legal sphere (Hübner, 1985), which did not protect it from creating a halo of new myths around it. Thus, the rule of law concept earlier belonged to the “myths” of classical theories about democracy, and then became a myth of political groups that call themselves “democrats”. However, history has often demonstrated how entire civilizations plunged into a severe crisis when the dominant minority began to believe in myths that they had nested in the minds of the masses in order to manipulate people.

Paradoxically, the rule of law concept developed and institutionalized in an acute social struggle and was often sacrificed. However, like any guiding idea, it had to come to the stage of “degeneration” or “transformation”.

The opinions of Western lawyers on the meaning and content of the rule of law are very diverse. Despite this, most of them boil down to the inference that the rule of law concept is a particular social construct that is a product of liberal political and legal doctrines. This construct supposes that all, or almost all, citizens¹ agree to recognize the law as one of the highest values and to act toward its protection, while the state power remains “depersonalized”, ensuring “the rule of law, not people”. In this context, the rule of law is established in society not only by “good laws” taken by parliaments or “fair decisions” taken by adjudicatory bodies but is also predetermined by the idea of permanent and well-organized unity of citizens toward protection of their rights that prevails in the public legal consciousness.

At the same time, the current global economic crisis, the increased number of armed conflicts in the world, growing social inequality, as well as problems related to environmental and food security, reasonably bring humankind back to the issue of the rule of law, the purpose of such an idea and its applied functions. The reason is that the theses about the rule of law, civil society, and human rights often hide something directly opposite to these concepts². It has long been said that “much of what we consider to be supportive of us actually undermines our being” (Fry, 2020:71). The idea, once taken for granted, is now questioned almost daily (Stiglitz, 2019:3), and “what was then a reason for applause, now often turns out to be a reason for criticism” (Tawney, 2023:169).

It is noteworthy that the most popular international rankings, such as The World Justice Project Rule of Law Index, The Heritage Foundation Index of Economic Freedom, Transparency International Corruption Perceptions Index, and Worldwide Governance Indicators, share a common approach to the rule of law concept as the “rule of private owners’ rights”. The target audience of these socio-legal surveys is neither government agencies nor ordinary citizens, but large investors. To a certain extent, these indices are able to influence investment strategies in favor of a particular state. They are based on a “neoliberal approach”, in which, perhaps, the only significant measure is the degree of private property rights protection, and not the standard of the population living, public order, or the social well-being of the majority. Such “ratings of bourgeois democracies” are more like beauty contests than the results of serious empirical research. Therefore, it seems essential to analyze such indicators with caution, since they cannot reflect reliable information on the political and legal reality. The issue of trust in law as such and its critical reassessment arises simultaneously with the decline in the role of the rule of law formal indicators around the world.

John Locke believes that “the great and chief end therefore, of men uniting into commonwealths, and putting themselves under Government, is the preservation of their property” (Locke, 1924:180). After all, if one assumes that the rule of law is “the rule of private owners’ rights”, then trust in law would be much the same as the trust of the population in business. Paradoxically, the highest level of trust in business is shown by the population of countries that until recently were contrasted with Western democracies – China, Indonesia, and India. At the same time, the level of entrepreneurs’ credibility in the USA, which is the cradle of the rule of law concept, is below 50%³.

¹ This refers to the citizens of states that have chosen liberal (bourgeois) democracy as a form of government.
² Chinese writer Lu Xun wrote: “I opened a history book. All over each page were the words “humanity”, “justice”, “virtue” ... and suddenly, between the lines, I saw that the only word that really captured the entire book was “cannibalism” (Grinberg & Novikov, 1977:8).

³ Edelman trust barometer. Global Report 2022. Available at: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_Final.pdf [Accessed 17th July 2023].

In turn, the falling trust in business leads to the devaluation of trust in the government. As Joseph Stiglitz (2013) fairly observes: “When the social contract is broken, when the public trust in government fades, this gives way to general disillusionment, social breach and a host of other equally negative phenomena. Today the extent of discredit of the United States and many other democracies is increasing” (Stiglitz, 2013).

Stiglitz notes: “Growing inequality, combined with a flawed system of campaign finance, risks turning America’s legal system into a travesty of justice. Some may still call it ‘the rule of law’, but in today’s America the proud claim of ‘justice for all’ is being replaced by the more modest claim of ‘justice for those who can afford it’. And the number of people who can afford it is rapidly diminishing” (Stiglitz, 2013). Meanwhile, the laws that improve the position of the poor are not at all what they appear to be (i.e., real social justice), but rather represent certain instruments for keeping “the poor obedient in the conditions of their powerlessness” (Cain & Hunt, 1979:74). The American judicial system – which massively deprives people of freedom or housing despite the absence of debts – provides “justice for all”, but only as long as these people are rich and white (Stiglitz, 2016:3).

Therefore, the “rule of law” has become a desired result rather than a fact. This happened not only because no state, no matter how liberal and democratic it may be, “treats all citizens as equal before the law”, but also because social inequality affects the application of the law: the law may be very predictable for the privileged class and at the same time remains completely disorderly for the less well-off (Holmes, 2003:21–22; Stepan & Linz, 2011:841–856). Thus, two radically different understandings of the rule of law concept exist, depending on the social status: the understanding by the elites and by the rest of the population.

The situation with democratization and the “export” of the rule of law to other countries also causes concern in the academic community. According to the NAVCO Harvard project, the world has faced 622 attempts to overthrow the ruling regime over the past 100 years. “Only 35% (220) of them were successful, with violence involved in 70 attempts. 60% of coups ended in transition from one authoritarian regime to another or in elite reshuffle without a change of course. Thus, most coups were initiated by underprivileged elite that tried to reach a more favorable position for its clan through the change of power. In 40% of cases, democratization is observed, but it is difficult to assess whether it works towards the interests of the majority of population” (Chenoweth & Shay, 2020). In fact, this is the result which Maurice Cornforth (1946) called “a perfect expression of expansionist strivings of American big business”.

Materials and Methods

The methodological basis of the thesis involves the application of the dialectical cognition method with the use of historical, formal, comparative, and systemic methods of analysis of legal and social phenomena.

The dialectical method provides a basis for the elucidation of the subject of the research, setting and realizing the purpose thereof, upon compliance with the principles of scholarly knowledge (objectivity, comprehensiveness, historicism, unity of theory and practice).

The comparative method helps to identify the peculiarities of Anglo-Saxon and continental approaches to understanding the rule of law and the peculiarities of its dynamics.

The use of the historical method of research facilitates the analysis of the historical setting of political and legal decision-making in certain historical periods. The study of the subject involves the use of the axiological method, which helps to reveal the social value of recognizing the rule of law as a mechanism for governing society.

The linguistic method contributes to identify the peculiarities of interpretation of the rule of law in different countries.

Rule of law in neoliberal paradigm

Liberalism adapted to the historical context and smoothly developed certain ideas, many of which were flexible enough to be used by the new liberals. For the most part, the change in liberal ideas took place within liberalism itself, without any outside influence. This development was also true of the key idea of liberalism – the concept of the rule of law.

The ideological sources of the modern concept of the rule of law in the Anglo-Saxon legal system were represented by particular theological and rationalist threads of the natural law theory. The theological field based on the doctrines of Calvinism substantiated the view of law as a supernatural entity beyond state control. Social theorist Jeremy Rifkin believes that “the vast majority of Americans have what could be called a quasi-religious attitude to business. Their Calvinistic belief in the market and hatred of the big state, up to equating it with godless socialism, does not allow them to see corporate greed, allowing business to succeed, creating a form of socialism for the elite and pauperism for the ordinary people” (Rifkin, 2011:143).

The rationalist strand attempted to prove the existence of some abstract ideal that defined the content of legal norms, as well as the restrictions of legislative practice. The influence of these trends on the political and legal life in the Anglo-Saxon legal system led to the rule of law being viewed as both a political ideal and a legal principle.

Undoubtedly, the approach to the rule of law concept in civil law should be distinguished from the treatment of the rule of law in the common law legal family. In the USA and the UK, the “due legal procedure” has become a cornerstone of its realization. This is why, for instance, American statehood is conceivable without the Presidential Administration, the Department of State, or the Congress, but its functioning is much in doubt without the US Supreme Court, since this would cause a major social crisis. Thus, researchers around the world who recognize the discursive differences between the concepts of “law-bound state” and “rule of law” note that the “law-bound state” concept focuses on the nature of a state and originated owing to written constitutions, while the “rule of law” originated in courtrooms and demands that all officials treat any person with respect for his/her dignity, complying with the principle of equality, and that anyone has an opportunity to appeal against any judgments in independent and impartial courts (Bekisheva, 2017:19). This is the principal reason why legal science faced the process of “autonomization” of the law supremacy concept a long time ago.

Nevertheless, the danger latently inherent in the *neoliberal interpretation* of the rule of law lies in its anti-historical character. When *neoliberals* address the issues of justice, rights, and freedom, they assume that liberal thought is a collection of their own cumulative ideas about political philosophy. Thus, it is assumed that legal scholars should treat their doctrines as analytical philosophical arguments that essentially summarize the entire liberal view of the state and law. This approach is most likely flawed. The main problem here lies

again in the lack of critical and historical awareness of this being the only form of philosophical and liberal thought, which has deep historical roots. The concept of the rule of law is certainly based on the idea of “universal justice”; however, it is time to explore this phenomenon in terms of its dialectical development. For instance, some scholars note that “feudal lords were talking of rule of law, even though they oppressed the peasants working for them; the same is true of slaveholders in the South who recaptured runaway slaves as prescribed by the law” (Foner, 2015:36).

It does not mean that the rule of law concept has long lost its social value, but rather that a deeper understanding of its essence is needed through critical reflection, since “there is nothing “sacred” for the science, and nothing is protected from critical analysis” (Kelle et al, 1988:49). Otherwise, one remains within the framework of legal fetishism.

It is necessary to agree with Stiglitz that “the rule of international law – even in its truncated form – is as important for the global economy and politics as the rule of national law for domestic economies and politics” (Stiglitz, 2020:299). The attitude of nation states and the international community toward this principle vividly reveals two opposing trends: on the one hand, they proclaim the rule of law in inter-state affairs thus expanding the scope of this principle; on the other hand, one can see a pronounced desire to solve acute inter-state problems (recognition of sovereignty, spheres of influence, access to resources, etc.) not on the basis of law, but through political and military tools serving the selfish interests of individual states and transnational corporations.

It is important to note that the USA remains to date the longest-surviving constitutional republic. Many scholars attribute this to the fact that the US Founding Fathers tried to create a system of governance that would not function by ignoring human foibles but would use them to maintain political stability and ensure as much individual freedom as possible. Gordon S. Wood, an American historian and professor at Brown University (Rhode Island) notes that the Founding Fathers treated their mission from a practical position, with unsentimental acceptance of people for granted. They knew they were living in an epoch of commerce and self-interest. In fact, Wood (Wood, 2012) stresses that Americans honor the Founding Fathers of the American state for their realism and pragmatic acceptance of human nature through the prism of social Darwinism, where competition and natural selection are dominant in human relations. Nevertheless, the Founding Fathers can be called “ardent liberals, but very timid democrats” (Lindblom, 1978:183).

The natural law doctrine of the US Declaration of Independence is distinguished by an important difference from the classical Lockean interpretation: possession of private property, as a part of the triad of natural and inalienable human rights,⁴ has given way to the pursuit of happiness (Sogrin, 1983:91). There is no point in infusing anti-bourgeois content in the Jeffersonian interpretation, since at that time, it was characterized solely by a humanitarian and moderately egalitarian character. The Founding Fathers placed special emphasis on the “material interest” which was defined by Madison as “the urge for an immediate increase in property and wealth”⁵. They recognized and respected the power and inevitability of “material interests”. Material interest, as asserted by many of them,

⁴ Rights to life, freedom and private property.

⁵ James Madison. Letter from James Madison to James Monroe. June 10, 1787. From Teaching American History. Available at: <https://teachingamericanhistory.org/document/james-madison-to-james-monroe/> [Accessed 5th October 2023].

represents the closest bond one can have with another person. It is therefore the “only cementing bond” between the state and its people.

This approach was certainly progressive at the time of the Founding Fathers, because during the bourgeois revolutions, any competitive advantages of those who possessed them by birthright were withdrawn, and “formal equality” indeed represented an advanced institution. Hundreds of years later, the category of “formal equality” of all people under the law and before the court was logical to be transformed into a more advanced version.

Formally, everyone is equal in the market; therefore, in the Postmodern Epoch, “the sense of morality and justice is reduced to the terms of a business transaction” (Graeber, 2012:19), and every citizen is a kind of economic actor guided by “reasonable choice”. However, it is difficult to maintain this thought in mass consciousness for a long time, when objective circumstances such as pandemics, wars, economic crises, and the development of digital technologies return society to the path of priority of public interest over human rights, and mainly, over the freedom of economic activity and the right of private property. Thus, “the world built on a fundamentalist belief in markets and trickle-down economics” (Stiglitz, 2020:61) has collapsed. The fact is that “capital cannot indefinitely increase its economic advantages without undermining the political legitimacy of the state, which in normal conditions requires respect for the rule of law and public opinion” (Jessop, 2015).

It turned out that the bond between the market economy and individual freedom, postulated by liberals, was only of temporary nature. Neo-liberalism nevertheless restricts human freedom by subordinating political authority to economic power in the conditions when the latter has reached the highest degree of concentration. Modern society differs from the idealized English society of the 18th century where the economic power was distributed among farmers, artisans, merchants, and manufacturers. Today, transnational corporations and bank holdings do not represent democratic structures but are, rather, authoritarian institutions run by boards of directors legally accountable only to their shareholders. This is why the disciplines such as “neo-institutional economics”, “economic analysis of law”, etc., once popular in the West, remain within the walls of universities, as they do not work in real life.

The neoliberals, choosing between economic efficiency and social justice, gave preference to the latter, although it was Adam Smith who once warned about the fallaciousness of this approach: “Undoubtedly, no society can prosper and be happy if most of its members are poor and miserable. Besides, simple justice dictates that people who feed, clothe and shelter all the others should receive a due share of products of their own labor permitting them to eat, clothe and shelter themselves comfortably” (Smith, 1982:119).

Simultaneously with the economic obstacles to realizing the concept of the rule of law, there are certain sociological difficulties, since the rule of law concept is largely perceived at the level of religious consciousness, which fully approves a static approach that considers social order as an unchangeable thing that can only be accepted (Tawney, 2023:135).

Rule of law or rule of social justice?

The rule of law concept is a living and open notion, permanently self-renewing and, as the Western legal practice shows, is internally contradictory. Failing its comprehensive analysis, it would be difficult to adequately study the mechanisms of the state-legal system

in the “core capitalism” countries and their ideological impact on the development of political and legal processes in other countries.

If one moves away from formal approaches, then the “rule of law” today is a kind of “status quo”, a balance between public and private interests in economic relations. Paradoxically, the bourgeois democracies use this “liberal brand” with conservative aims. The idea of the rule of law has in fact taken the role of defense of the existing economic order, since the political and legal orders are secondary in this case. Formally, citizens may have many rights, but what is the use of them if people have no necessary material resources to exercise them. Colin Crouch (Crouch, 2004), a renowned English sociologist argues that “in most capitalist societies, the idea that legal and democratic rights are protected from the encroachment of the market is essentially a myth. Rich people and groups can afford employing the best lawyers and, in addition to their democratic rights, they have lobbying opportunities. However, no one entrenches upon the rhetorical slogans of equality before the law and before the ballot box”. In the USA, “the expensive justice system is open to the rich ones, and to the poor ones is inaccessible in matters of civil law and hostile in matters of criminal law as a hundred years ago” (Lindblom, 1978:278).

The form of political organization of society tends to correspond to the economic order or tries to change it within the available limits. Therefore, an economic order based on private property, wage labor relations, and profit-oriented market-mediated exchange looks quite appropriate or expedient to a political order based on the rule of law, equality before the law, and a sovereign state. This is why the recognition of the rule of law concept as a value should be based on the simultaneous recognition of the market as a basic value.

As long as there is no violent confrontation between the classes, the “status quo” can be maintained for a long time. If the social prerequisites that determine this “status quo” remain, the political system will be relatively effective in reducing the level of social tension and maintaining public order among the population. Robert Alan Dahl, a professor at Yale University, spoke most clearly about this: “What we describe as democratic ‘politics’ is just a husk. These are only external manifestations that represent superficial conflicts. Consensus on the strategy existing in a given society lies in a core of politics, before it, under it, around it, limiting and conditioning it. Without such a consensus, no democratic system will be able to survive endless undercompetitions” (Dahl, 1956:132–133).

This approach is also valid at the level of international relations. The possibility of establishing a world order based not on force, but on the law remained even during the years of acute confrontation between capitalism and socialism and the Cold War. Of course, in this case, it is necessary to recognize the servicing role of law. Its task is to consolidate and support a certain “status quo” in a legal form.

The rule of law concept in crowd psychology can act as a “defense mechanism”, since people tend to manipulate their perception of the situation so that their previous beliefs are not questioned. By their nature, people tend to be in a status quo situation, which politicians easily use for their own purposes, since avoiding the “status quo” always involves risk or requires additional efforts (Baddeley, 2017).

The stability of liberal democracies depends on self-restraint on the issue that political forces can make a matter of politics. If the necessary compromise within the power bloc and between the ruling and subordinate classes collapses, there is always a legal or factual opportunity to declare a state of emergency, suspend the rule of law, and limit the forms and methods of expressing political resistance.

For example, the main tool for maintaining the rule of law in the United States is the US Supreme Court, which has repeatedly revised the hierarchy of natural rights through its judgments. A special place in this hierarchy has always been occupied by the private property right (including the right to own slaves before slavery was abolished). The US Supreme Court has long accentuated the priority of this right even in cases where the owner's interests definitely contradicted the proclaimed principles of organization of American society, such as equality of all people before the law and freedom of relocation.

However, this "status quo" is increasingly breached in favor of public interests since the law is moving towards "publification" at an enormous pace and the debate on human rights is not solving the growing problems of poverty, diseases, hunger, and wars.

In fact, the concept of the rule of law in the postmodern era has entered a phase of recession. Forecasts on the transformation of the rule of law concept are numerous today. However, they are mostly related to finding the tools to preserve this social value in its present form. Essentially everything around this idea is creating now an ideal of the future and "stamping the pattern of that future upon any recalcitrant objective facts" (Cornforth, 1946:42). However, the patterns identified in the course of studying the genesis of this idea suggest with reasonable certainty that "the rule of property rights" will sooner or later be transformed into "the rule of public interest" and that the central element in the realization of this idea will not be "due legal process" but, for instance, public scrutiny. Thomas Jefferson (1790) believed that "the law of the majority is the natural law for every society of men"; however, presently the concept of the rule of law stands guard over the interests of the exploiting minority in virtually any modern state.

Using the terminology of Wallerstein (Wallerstein, 2004), it can be noted that the historical realities of capitalist development show that the "core" capitalist countries are able to create their own periphery, at the same time destroying national economies by armed force or by subjugating them politically. This often happens under the plausible pretext of exporting "the right democracy" and the rule of law. The Eastern bloc countries were shifted to the periphery of the world system⁶ after their defeat in the Cold War. Another crisis of capitalism can only create objective conditions for the transition of society to a new, "post-liberal" stage of development. The period of global turbulence is generating worldwide protest sentiment as never before. Of course, these contradictions in society will create new regimes. Possibly, the new regimes will not be to the liking of neoliberals or social democrats, but it is these regimes that will once again attempt to reconcile the capitalist economic model and the democratic policy (Crouch, 2004:121), being a new stage between the "ruling of corporate interests" and the "supremacy of social justice". Humankind does not ask questions about economic and political organization until it is forced to do so by some urgent need. Such necessities took place in the 16th century, the beginning of the 19th and 20th centuries. These periods can be attributed to the "epochs of social disorientation" (Tawney, 1926:146).

The entire history of political institutions reveals the "fragility and vulnerability of democratic principles" (Held, 1987:15) and the lack of clear public understanding of the rule of law concept, while the scientific community's inability to provide any reasonable elucidation of this idea can ultimately end in the inability of the broad public to follow any reasonable norms of behavior. In such a situation, even the moral norms would give way

⁶ Peripheral capitalism is a form of capitalism typical for the Third World countries. Peripheral capitalism was formed on the basis of colonial countries, so it bears the features of a colony: it is a raw material appendage, a supplier of cheap labor, as well as a market for industrialized countries.

to power politics and the pursuit of vested interests. Professor Maltsev rightly argues that “rationalization of natural law over time has led to the need for its desacralization” (Maltsev, 2013).

Conclusion

It is obvious that the issue of desacralization of the rule of law concept has become quite acute today, in fact calling forth its complete scientific revision. After all, the idea of the rule of law, despite its invariable attractiveness for progressive public consciousness, cannot nevertheless be realized to the utmost in the absence of due socio-political, economic, and moral conditions. On the one hand, the rule of law concept is the peak and the level to which law-making and law-enforcement practice should rise. This idea is future-oriented and is extremely insufficiently implemented in the modern era. On the other hand, current trends in economic, political, technical, social, and cultural development, as well as social crises, leave no doubt that in the future, new conceptual approaches to the study of the rule of law concept, or even the rule of “post-law”, will arise, since this socio-cultural phenomenon does not necessarily have to be located only in the circle of liberal values and natural human rights.

References / Список литературы

- Agamben, G. (1998) *Homo sacer: sovereign power and bare life*. Stanford, CA, Stanford University press.
- Baddeley, M. (2017) *Behavioural economics: a very short introduction*. Oxford University press.
- Bekisheva, S.R. (2017) Legal state and the rule of law: problems of correlation and practical implementation in the Russian legal system. *Law Herald of Dagestan State University*. Vol. 23(3), 18–25. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2017-23-3-18-25> (in Russian).
- Бекишиева С.Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 18–25. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2017-23-3-18-25>
- Cain, M. & Hunt, A. (1979) *Marx and Engels on Law*. London, Academic press.
- Chenoweth, E. & Shay, C.W. (2020) List of campaigns in NAVCO 1.3. Harvard Dataverse, V1. <https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND>.
- Cornforth, M. (1946) *Science versus idealism*. London, England, Lawrence & Wishart.
- Crouch, C. (2004) *Post-Democracy*. Cambridge, Polity press.
- Dahl, R.A. (1956) *Preface to democratic theory*. Chicago. University of Chicago press.
- Foner, E. (2015) *Gateway to freedom: the hidden history of the underground railroad*. Oxford, England, Oxford University press.
- Fry, T.H. (2020) *A new design philosophy: an introduction to defuturing*. Bloomsbury visual arts.
- Graeber, D. (2012) *Debt: The First 5000 years*. Brooklyn, Melville House.
- Grinberg, L.G. & Novikov, A.I. (1977) *Criticism of modern bourgeois concepts of justice*. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
- Гринберг Л.Г., Новиков А.И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л.: Наука, 1977. 162 с.
- Held, D. (1987) *Models of democracy*. Stanford, Stanford University press.
- Holmes, S. (2003) Lineages of the rule of law. In: Maravall, J. & Przeworski, A. (eds.). *Democracy and the Rule of Law*. Cambridge studies in the theory of democracy, pp. 19–61. Cambridge, Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610066.002/>
- Hübner, K. (1985) *Die Wahrheit des Mythos*. München, Verlag C. H. Beck.
- Huntington, S.P. (2004) *The clash of civilizations and the remaking of the world order*. New York, Touchstone.

- Jefferson, T. (1790) *On relocation of seat of Government*. Available at: <https://www.loc.gov/resource/mgw2.028/?sp=317>
- Jessop, B. (2015) *The State: past, present, future*. Polity.
- Kelle, V.Zh., Mirskaya, E.Z. & Ignatiev, A.A. et al. (1988) *Modern Western Sociology of Science: Critical Analysis*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian)
Келле В.Ж., Мирская Е.З., Игнатъев А.А. и др. Современная западная социология науки: Критический анализ. М.: Наука, 1988. 253 с.
- Lindblom, C. (1978) *Politics and markets: the world's political economic systems*. New York, Basic Books, Inc. Publ.
- Locke, J. (1924) *Two Treatise of Civil Government*. London, J.M. Dent & Sons Ltd.
- Maltsev, G.V. (2013). *Cultural traditions of law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма, 2013. 607 с.
- Marochkin, S.Yu. (2014) The interaction of legal systems as a general development trend (the international community's attitude to the rule of law: expectations and reality). *The Russian Juridical Journal*. 5(98),15–25. (in Russian).
Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) // Российский юридический журнал. 2014. № 5(98). С. 15–25.
- Morgan, K. (2010) *The Oxford History of Britain*. Oxford, Oxford University Press.
- Rifkin, J. (2011) *The third industrial revolution : how lateral power is transforming energy, the economy, and the world*. New York, Palgrave Macmillan.
- Smith, A. (1982) *The wealth of nations: books 1-3*. London, Penguin group.
- Sogrin, V.V. (1983) *Founders of the U.S.A.: Historical Portraits*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian)
Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. 182 с.
- Stepan, A. & Linz, J.J. (2011) Comparative perspectives on inequality and the quality of democracy in the United States. *Perspectives on Politics*. (9), 841–856.
- Stiglitz, E. (2013) *the price of inequality: how today's divided society endangers our future*. New York, W.W. Norton & Company.
- Stiglitz, J. (2016). *The great divide: unequal societies and what we can do about them*. New York, W.W. Norton & Company.
- Stiglitz, J. (2019) *People, power, and profits: progressive capitalism for an age of discontent*. York, W.W. Norton & Company.
- Tawney, R.H. (1926) *Religion and the rise of capitalism*. New York, Harcourt, Brace and Company.
- Wallerstein, I. (2004) *World-systems analysis: an introduction*. Durham and London, Duke University press.
- Wood, G. (2012) *The idea of America: Reflections on the Birth of the United States*. London, Penguin books.

About the author:

Ruslan M. Allalyev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0334-6862

e-mail: Allalyev_rm@pfur.ru

Сведения об авторе:

Аллыев Руслан Мурадович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-0334-6862

e-mail: Allalyev_rm@pfur.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-871-885>

EDN: HECBQZ

Research Article / Научная статья

The rule of law in the UK: essence and approaches to determination

Maxim I. Shevchenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 m.sh.1997@yandex.ru

Abstract. The research is focused on the essence of the rule of law as a constitutional and legal principle as the basis of the UK constitution and approaches to its determination. The rule of law, being a general legal principle, which has been developed in various legal concepts, including the British rule of law, the German *rechtsstaat*, the French *etat de droit*, at the present stage has become one of the fundamental constitutional and legal characteristics, both at the national and supranational level. National concepts of the rule of law, having certain differences and peculiarities, are essentially aimed at achieving similar goals. However, their substantive content is formed on the basis of existing features of specific national legal orders. One of the earliest and most developed in terms of constitutional and legal theory and practice is the UK approach to the rule of law. However, the question of its determining remains relevant at the present stage. The object is the concept of the rule of law developed in the UK, the subject is its specific features and manifestations, as well as approaches to its determination in British legal doctrine and practice. The purpose is to explore the issue of determination of the rule of law in the UK and to form a comprehensive approach to understanding its essence. The methodological basis of the research is constituted by 1) dialectical method, 2) general scientific methods including analysis, synthesis, comparison, analogy, deduction and induction, 3) special methods including logical, formal-legal, comparative-legal, and statistical methods. Based on the analysis the author makes an attempt to define the essence of the rule of law as an integral part of the UK constitution and its key features.

Key words: rule of law, the UK constitution, common law, public authority, principle of legality, principle of equality, human rights and freedoms, independence of the judiciary

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 7th April 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Shevchenko, M.I. (2023) The rule of law in the UK: essence and approaches to determination. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 871–885. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-871-885>

© Shevchenko M.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Верховенство права в Великобритании: сущность и подходы к детерминации

М.И. Шевченко

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
 m.sh.1997@yandex.ru

Аннотация. Исследуется сущность верховенства права как политико-правового принципа, положенного в основу конституции Великобритании, и подходов к его детерминации. Верховенство права, являясь общеправовым принципом, получившим развитие в различных правовых концепциях, в частности, британском rule of law, немецком rechtsstaat, французском etat de droit, на современном этапе приобрела значение одной из основополагающих конституционно-правовых характеристик, как на национальном, так и наднациональном уровне. Национальные концепции верховенства права, имея определенные различия и особенности генезиса, по своей сути направлены на достижение схожих целей обеспечения надлежащего правового режима законности, всеобщего равенства и ограничения произвольного осуществления публичной власти. При этом их содержательное наполнение формируется исходя из существующих особенностей конкретных национальных правопорядков – в их законодательном регулировании, судебной практике и правовой доктрине. Одним из наиболее ранних и разработанных с точки зрения конституционно-правовой теории и практики является подход к верховенству права в Великобритании. Однако вопрос определения его сущности сохраняет свою актуальность и на современном этапе. Объект исследования составляет концепция верховенства права, получившая развитие в Великобритании, предмет – ее характерные особенности и проявления, а также подходы к ее детерминации, сложившиеся в британской правовой доктрине и практике. Цель – исследование проблемы детерминации верховенства права в Великобритании и формирование комплексного подхода к пониманию его сущности. Методологическую основу исследования составляют: 1) диалектический метод, относящийся к общеправовым, 2) общенаучные методы – анализ, синтез, сравнение, аналогия, дедукция и индукция, 3) специальные методы – логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический методы. На основании проведенного анализа автор принимает попытку определить сущность верховенства права как неотъемлемой части конституции Великобритании, и его ключевые аспекты.

Ключевые слова: верховенство права, конституция Великобритании, общее право, публичная власть, принцип законности, принцип равенства, права и свободы человека, независимость судебной власти

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 07 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Shevchenko M.I. The rule of law in the UK: essence and approaches to determination // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 871–885. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-871-885>

Introduction

Over the centuries of state and legal development, and especially at the present stage, one of the key issues of constitutional and legal science has been to find such a model of legal framework, which would not only provide the best

way to achieve the goals of legal regulation, but also imply the creation of a system of guarantees designed to limit the possibility to arbitrary exercise public power.

Attaching special importance to the issue of forming a regime of legal bindings of all subjects of social relations, including those with public authority, can be traced back to ancient Greece. In this regard there are remarkable views of the outstanding ancient Greek philosopher Aristotle, who rejected the concept of building an ideal model of government of his teacher Plato; he suggested to base it on kings-philosophers with absolute knowledge rather than the law. Aristotle, developing the concept of isonomy (isonomia – equality before the law) was convinced, and as historical development shows, not unreasonably, of the need to consider such subjects as servants of the law (Sajó & Uitz, 2017:302), consequentially, subordinate to the law. In this connection, he emphasized that “it is more proper that law should govern than any one of the citizens” (Aristotle, 2009:172).

Such a notion, which over time has acquired additional meaning and various forms of its institutional design, has been strongly established at the present stage as one of the fundamental constitutional and legal characteristics, both at the national and supranational levels.

In terms of consistent development of the rule of law at the supranational level, special attention should be paid to the World Justice Project, an international non-profit organization. It annually conducts and publishes research on the level of state compliance with the rule of law, The Rule of Law Index¹. The annual compilation of this index and the increasing level of attention to its indicators both on the part of officials and the scientific community emphasizes the particular importance of rule of law as a state legal characteristic at the present stage and its consideration by the international community as one of the key conditions for the normal functioning of any modern developed legal order.

Turning to the texts of national constitutions, the rule of law is quite often considered as an inherent basis of the constitutional order of many modern countries, regardless of their level of legal and economic development. Their basic laws in one form or another, mostly in the preamble or main chapters, contain a direct reference to this principle, emphasizing its widely recognized importance in building the mechanism of constitutional and legal regulation.

According to the Constitution Project portal, 115 current national constitutions explicitly mention the rule of law, including Part I of the Constitutional Act of Canada 1982², Article 2 of the Constitution of Norway 1814³, Article 2 of the Constitution of Portugal 1976⁴, Article 3 of the Constitution of Thailand 2017⁵, the preamble to the Constitution of Rwanda 2003⁶.

¹ The Rule of Law Index. Available at: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/> [Accessed 30th March 2023].

² Constitution of Canada. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Canada_2011.pdf?lang=en [Accessed 30th March 2023].

³ Constitution of Norway. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Norway_2014.pdf [Accessed 30th March 2023].

⁴ Constitution of Portugal. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005.pdf [Accessed 30th March 2023].

⁵ Constitution of Thailand. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Thailand_2017.pdf?lang=en [Accessed 30th March 2023].

⁶ Constitution of Rwanda. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Rwanda_2015 [Accessed 30th March 2023].

At the same time, along with the active use of the term *rule of law* in constitutional practice at the present stage, individual legal systems (groups of legal systems) have formed their own equivalent or sufficiently similar concepts. Thus, along with the rule of law, for example, Germany has developed the concept of “rechtsstaat”, France – “etat de droit”, Denmark – “retsstat”, Spain – “estado de derecho”, Italy – “stato di diritto”, Russia – “legal state”.

Such concepts, while having certain differences and peculiarities of their genesis, are essentially aimed at achieving similar goals of ensuring the proper legal regime, universal equality and limiting the arbitrary exercise of public authority. However, despite their seeming functional identity, the conditions of national constitutional development objectively dictate the specifics of the practical implementation of these concepts, which deserve an additional study of their own. Meanwhile, this topic both in terms of the separate consideration of these concepts and their correlation was developed in the works of P. Barenboim, R. Grote, D. Dedov, D. Pfordten, T. Allan (Zorkin & Barenboim (eds.), 2013:259; 234-253; 260-272; 396-418), M. Loughlin (Loughlin, 2010:312-341), J. Meierhenrich (Meierhenrich & Loughlin, 2021:3-22), A. Sajó and R. Uitz (Sajó & Uitz, 2017:306-308) and many other researchers.

In this regard, J. Silkenat quite accurately pointed out that “the Rule of Law, considering its international aspects, includes many different doctrines and concepts, depending on who is using it and why” (Zorkin & Barenboim (eds.), 2013:17). The reason for this is that it is very difficult to elaborate a general concept of the “rule of law” applicable to all legal systems. Thus, M. Laughlin reasonably emphasized that “the role performed by this expression significantly varies across different governing regimes, and although a coherent formulation of the general concept can be devised, this formulation is entirely unworkable in practice and, for this reason, the ‘rule of law’ cannot be conceived as a foundational concept in public law” (Laughlin, 2010:312).

It is also necessary to note the position of a prominent Russian legal scholar V.E. Chirkin, who also emphasizes the complex nature of the rule of law as a legal concept. According to his position, despite the fact that the wording “the rule of law” is used widely enough and is described as an idea, an ideal, a value, a principle, a concept, it may receive different expression depending on the way it is used. At the same time, its substantive characteristic remains unclear (Chirkin, 2015:7).

Meanwhile, one of the earliest and most developed in terms of constitutional and legal theory and practice is the approach to the rule of law in the UK. As an independent legal principle underlying the uncodified UK constitution, it was introduced into scholarly discourse by the eminent English scholar A.W. Dicey in the late nineteenth century. The direct use of the term (obviously in its simplest and most unambiguous meaning, compared to its modern understanding) can be traced back to the sixteenth century. Thus, the Scottish theologian and political theorist S. Rutherford, being an adherent of constitutionalism and limitation of arbitrary exercise of public authority, advocated the limitation of “divine right of kings”, emphasizing the need to conform the actions of both the common man and the representative of the royal dynasty in accordance with the rule of law (Rutherford, 1644:237).

We assert that the basic idea of ensuring regulation of social relations based on law and inadmissibility of arbitrary exercise of public powers is developed in various legal orders. Its substantive content is formed on existing features of specific national legal systems, in their legal regulation, judicial practice and legal doctrine. To identify the

essence of the rule of law as one of the British constitution foundations, we should turn to the existing approaches to its determination in British legal doctrine and practice. However, first of all, it seems necessary to outline the problem of such determination existing in the British legal framework.

The problem of the rule of law determination in the UK

The Constitutional Reform Act of 2005, laying down the foundations of the British judiciary at the present stage, just in its first article touches upon the principle of the rule of law by providing for the proviso that it will not be affected in any way by the adoption of the Act. Its section 17(1) obliges the Lord Chancellor, in taking office, to swear an oath to respect the rule of law and to maintain the independence of the judiciary in exercising their powers.

The report of the Select Committee on the Constitution of the House of Lords on the Constitutional Reform Act of 2005 underlines that the adoption of the Act, from a constitutional and legal perspective, aims to ensure respect for the rule of law as historically practiced in British society⁷.

This kind of “sacral” attitude toward the rule of law underlying the UK constitution clearly demonstrates its fundamental importance both for the functioning of the entire national legal system and further constitutional and legal development of the state. However, despite the special importance of this principle for the British legal order, there is no legal definition of it or a uniform understanding of its legal content. This situation contributes to the continuing uncertainty and different approaches as to what the rule of law is, what its key manifestations are and what the extent of its impact on the constitutional legal order is. The Select Committee on the Constitution of the House of Lords unequivocally drew attention to this in the above report. It rightly points out that the use of negative language in section 1 of the Constitutional Reform Act of 2005, “does not adversely affect”, and the use of the word existing in relation to the rule of law, leaves room for further debate about understanding of this principle’s essence⁸.

The history of constitutionalism in England and the UK is replete with examples of adopting various legal acts of a constitutional nature, enshrining and developing certain manifestations of the rule of law, but not forming a single legal institution with a formally defined content. The latter is interpreted quite freely by English judges and lawyers, which is quite characteristic of the legal order of the Anglo-Saxon legal tradition.

This situation was highlighted at the end of the nineteenth century. In this regard, stressing the special importance for the English society of the rule of law as a characteristic feature of the constitution, the famous English jurist A.W. Dicey, pointed out that the use of this phrase for most people is full of ambiguity and obscurity (Dicey, 1907:209).

Over time determination of the essence of the rule of law is largely the same. For example, the first President of the Supreme Court of the UK, Lord Phillips, unequivocally drew attention to the fact that today the content of this concept “is not readily defined or

⁷ Select Committee on the Constitution of House of Lords. Report with Evidence. Constitutional Reform Act 2005. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldselect/ldconst/83/83.pdf> [Accessed 30th March 2023].

⁸ Select Committee on the Constitution of House of Lords. Report with Evidence. Constitutional Reform Act 2005. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldselect/ldconst/83/83.pdf> [Accessed 30th March 2023].

readily understood”⁹. In turn, Select Committee on the Constitution of House of Lords, underlining that there is no consolidated position in the legal environment regarding the understanding of the rule of law, notes that this constitutional and legal principle “remains complex and rather vague”¹⁰.

At the same time, similar assessments of the level of the rule of law understanding have been made also in American legal community by the Associate Professor of Political Science at Washington University in St. Louis F. Lovett. He legitimately notes that: “The rule of law is a valuable human achievement. It is valuable not only instrumentally, but also for its own sake as a significant aspect of social justice... Nevertheless, the rule of law is poorly understood” (Lovett, 2016: iii).

The essence of the rule of law in the UK

Considering the peculiarities of the British legal system, common law and uncodified nature of the national constitution, in particular, the content of the rule of law, its main features and influence on social relations were largely developed by judicial practice and legal doctrine, which in the countries of the Anglo-Saxon legal tradition has been given special importance.

The formation of the rule of law as one of the fundamental characteristics of the British constitutional order, along with the principle of parliamentary sovereignty, was associated with the consistent development of national legal regulation in the organization and functioning of public authority and its interactions with other subjects of social relations, primarily British nationals. While establishing and developing various constitutional and legal institutions, practices and values, the UK attempted to create a public order and system of legal regulation based not on lawlessness and arbitrariness, but on the regime based on equality which is observed by all participants of social relations, including the public authorities, within the existing legal norms in the society.

Basically, the rule of law is a principle of a constitutional and legal nature. Its operation affects not only the national legal regulation, expressed in a set of legal norms governing social relations, but also established public order, covering the basic principles of organization and functioning of social and political institutions.

Both historically and at the present time, the operation of the rule of law is inextricably linked to direct and indirect influence on the operation of public authorities, including the legislative, executive, and judicial branches of government. Thus, the operation of the British Parliament, which has the supremacy and is the central element of the entire British constitutional system, although without clearly defined formal requirements, suggests considering the rule of law. In this context Lord Steyn in the case *Regina v. Secretary of State for the Home Department* formed the significant legal position according to which Parliament should not enact legislation contrary to the rule of law, which provides a minimum standard of fairness, both substantive and procedural¹¹.

⁹ Select Committee on the Constitution of House of Lords. Sixth Report, December 3, 2014, para 17. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldconst/75/7505.htm#note18> [Accessed 30th March 2023].

¹⁰ Select Committee on the Constitution of House of Lords. Sixth Report, December 3, 2014, para 17. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldconst/75/7505.htm#note18> [Accessed 30th March 2023].

¹¹ *Regina v. Secretary of State for the Home Department*, ex p. Pierson [1998] AC 539, 591.

This principle also has a direct impact on the executive branch, which in the exercise of their public powers must comply with the existing legal regulation, especially in human rights and freedoms, acting strictly within their competence. The key part in this context plays the Human Rights Act of 1998 and the established practice of law enforcement. Considering this issue in the context of an analysis of the rule of law in UK, Lord Bingham noted that formation of public duty of Ministers of the Crown and other public authorities to exercise their powers based on justice, reasonableness, and good faith, and only for the law established purposes and limits (Bingham, 2011:56).

One of the main instruments for practical realization of the rule of law is the judiciary, which serves not only to enforce it, but also to develop its legal content. Given the paramount importance of such judicial function, the British legal order has devoted particular attention to the adoption of measures to ensure the independence of the judiciary, including those contained in the Succession to the Crown Act 1707 and the Constitutional Reform Act 2005.

Thus, the rule of law forms the basic parameters of the functioning of the constitutional system, the limits and conditions for exercising public powers, primarily conditioned by the need to ensure the comprehensive protection of human rights and freedoms.

At the same time, the rule of law has a direct legal dimension. Its manifestations, as follows from the English legal doctrine, are usually differentiated on their formal or substantive nature (Craig, 2017:467-487; McGarry, 2014:133). Such an approach is due to the different focus of the legal effect generated by the application of the UK law that reflect one or another aspect of the rule of law.

The formal nature of the rule of law is manifested in the key features of law as a social institution for regulating public relations, including its form, temporal effect, and way of presenting the content of legal norms. In this context, we are talking primarily about establishing legal regulation, both in terms of adopting primary and secondary legislation, and in terms of forming judicial precedents in common law, the degree of clarity, comprehensibility and accessibility for the law enforcer and all interested subjects of the legal norms, and establishment of a prospective and retrospective effect of legal norms.

On the other hand, the principle of the rule of law has a substantive nature, determining the content of the mechanism of legal regulation. One of its key manifestations in this regard is ensuring, establishing, observing and protecting fundamental rights and freedoms. In this context, at the current stage of the UK constitutional and legal development, the Human Rights Act 1998 is of prime importance. However, it should be noted that political processes to reform this act have recently intensified due to the governmental Bill of Rights introduced to the UK Parliament¹², which proposes a radical change in the current system of human rights and freedoms protection (Shevchenko, 2023:257-258). Such processes would clearly have a direct impact on the practical implementation of the rule of law in the UK.

At the same time, along with the mentioned aspects of the rule of law, it is necessary to point out that it becomes one of the key constitutional and legal values during the long genesis of the British legal order. Having various manifestations and exerting both direct and indirect influence on a wide range of social relations, this principle has acquired the form of comprehensive ideological basis for functioning of the entire mechanism of legal

¹² UK Parliament. Available at: <https://bills.parliament.uk/bills/3227> [Accessed 30th March 2023].

regulation, not only forming the content and conditions of law implementation, but also acting as a kind of indisputable foundation for the existence of a modern democratic civilized society; actually, it has become a vector of legal development of British society.

Approaches to the rule of law determination in the UK

Given the particular importance of the rule of law to the British legal order, it has reasonably received wide academic attention in Anglo-Saxon legal doctrine, along with the principles of parliamentary sovereignty and separation of powers.

It is necessary to give tribute to the prominent English jurist A.W. Dicey for the significant input in revealing the essence of the rule of law, its specific manifestations and place in the British constitution. He examined this principle along with parliamentary sovereignty, as one of the key characteristics of the British constitution (Dicey, 1907:204-205). Taking into account the peculiarities of the constitutional and legal development of England and later the UK, he defined three key manifestations of the rule of law.

First, an inherent element of the rule of law is the formation of such public order organization, which creates conditions preventing the arbitrary exercise of public powers, including discretionary. In his opinion, this implies inadmissibility of bringing a person to legal responsibility or applying other coercive measures by public authorities in the absence of court-established fact of offense in strict compliance with the existing legal procedure (Dicey, 1907:209-210).

Such an aspect of the rule of law largely correlates with the widely developed doctrine of *ultra vires*, known both in the UK and other foreign legal systems. It involves establishing a special legal regime of public authorities' activities, providing for inadmissibility of exceeding their powers. This creates conditions for legal protection of subjects of social relations in cases of public powers abuse, which is often associated with violation of rights and freedoms.

In this regard A.V. Dicey differentiates between legal orders that implement this aspect of the rule of law and legal orders that provide public authorities with a broad and discretionary set of powers. Illustrating the former, he refers to the British legal order based on the constitutional principle of inadmissibility of arbitrary exercise of public power by the monarch, the executive and the judiciary (Dicey, 1907:211).

Secondly, the rule of law is inextricably linked to the formation of a legal regime of general equality before the law, regardless of any individual characteristics or social status. A.V. Dicey forms its two key manifestations, implying application of legal norms equally to all persons without any exceptions to this rule (Dicey, 1907:216-218). Here, it is worth mentioning the position of F. Hayek, who rightly argues that formation of such general legal regulation is based on the idea of “submission to law, as a set of general abstract rules, regardless of their application to specific individuals; this makes them independent of the will of other subjects and therefore free” (Hayek, 1960:15).

As follows from the A.V. Dicey's position, the operation of the rule of law principle is associated with the undoubted need for a unified system of courts, which extends its jurisdiction to both private persons and public authority. A different approach may lead to different ways in resolving similar cases with different parties. Reflecting on the state structure of England, Charles L. Montesquieu noted that “political liberty in a citizen is that tranquility of spirit which comes from the opinion each one has of his security, and in order

for him to have this liberty the government must be such that one citizen cannot fear another citizen” (Montesquieu, 1900:219).

Third, the rule of law is expressed in the approach of the legal order to the development of the current constitutional regulation, a significant part of which, along with parliamentary acts, consists of constitutional and legal norms, arising from common law (Dicey, 1907:219). In this regard, A.V. Dicey points to the formation of court-based constitution (common law constitution) in the UK, explaining that the key constitutional principles affecting implementation and protection of individual rights and freedoms are established by specific judicial decisions.

Thus, we can assert that the content of the rule of law principle, as defined by A.V. Dicey, is largely determined by peculiarities of the construction of the British constitutional legal order. In fact, along with the general legal regime of legality, the English jurist focuses on the characteristic features of the British legal system, pointing to the need for strict compliance with the *ultra vires* doctrine, rejection of specialized judicial jurisdiction on public law subjects and recognition of essential role of common law in the development of current constitutional regulation.

It should be noted that Dicey’s concept, while maintaining its historical significance at the present stage, is not devoid of weaknesses and ambiguities highlighted by some scholars. Mark D. Walters, in his detailed study of Dicey’s work, notes that “Dicey’s conception of constitution has been as controversial as it has been influential” (Walters, 2020:2). The main criticisms of Dicey’s approach include the narrow formal understanding of the rule of law, the uncertainty of arbitrary power concept, the belief in common law as the key means of protecting human rights and freedoms from unlawful acts of the public authorities in the lack of their legal formalization (Mikhailov, 2022:12–14). Moreover, as Mark D. Walters states, the concept is often described as overly analytical, formalist, descriptive, authoritarian, and positivist in its approach to defining and writing about law (Walters, 2020:2).

Focusing on identifying specific features of the rule of law as the basis of the UK constitution at the present stage, it seems necessary to focus on the approaches to understand this constitutional and legal principle developed in British legal doctrine, both considering individual provisions of A.V. Dicey’s concept, and revealing new aspects of the object of study in view of the modern legal realities.

For example, the British judge Lord J. Steyn considered the rule of law as a complex legal institution with two key expressions in British public law. He distinguished between the rule of law as a political and legal principle and a constitutional principle. He distinguished between the rule of law as a political and legal principle and a constitutional one. Drawing attention to the paramount importance of the first characteristic, Lord J. Steyn viewed the rule of law as manifestation of “political philosophy or institutional morality” (Steyn, 1999:4).

The rule of law constitutes the ideological basis for functioning of the entire public order and conveys a number of key principles for functioning of state mechanism, thus forming a “moral dimension of public power”. Among such ideas, he identifies “exercising public administration by laws rather than by people”, rejection of the instrumentalist use of law to achieve certain dishonorable ends (for example, as was the case in apartheid South Africa), and operation of legal regulation based on equality and fairness. In this context, the rule of law is a cornerstone of British public law (Steyn, 1999:4).

On the other hand, the rule of law, according to Lord J. Steyn, acts as one of the central legal institutions of British constitutional law, defining the key parameters of the national legal order. As such, he distinguishes limiting the abuse of power by public authorities, ensuring legal certainty of the current legal regulation, including mechanisms for protection of individual rights and freedoms, legal guarantees of access to justice, as well as compliance with established legal procedures by public authorities in their law enforcement practice (Steyn, 1999:4).

A quite detailed study of the rule of law essence was carried out by Oxford University professor J. Raz. He, along with Lord J. Steyn, gave this principle a complex political and legal character, seeing its key idea in ensuring legal certainty to the mechanism of social regulation within a particular legal order, primarily in the context of permissible discretion in exercising public powers.

Developing this idea, J. Raz notes the widespread understanding of the rule of law as a mechanism to counter the arbitrary exercise of public powers. The rule of law, assuming the existence of a certain discretion in exercising public powers (primarily executive power), acts as a protective mechanism against arbitrary exercising of public power, excluding any form of interference in functioning of the judiciary (Raz, 1979:219).

At the same time, according to J. Raz, the rule of law acts as a means of ensuring stability and predictability of the entire public order functioning. In this regard, he points to the performance by the rule of law of such a significant function as creation of stable conditions for interaction between the social subjects, allowing them to properly organize their behavior on the basis of the existing legal regulation. The achievement of such a positive effect, in his opinion, can be achieved both through stabilizing social relations, which, with the exception of those regulated at the legislative level, can be unstable and unpredictable in many respects, and as a result of implementing self-restraint mechanism aimed at organizing and forming legal regulation as a stable and reliable basis for building a model of behavior for subjects of legal relations (Raz, 1979:220).

In addition, J. Raz legitimately draws attention to the general focus of the principle on ensuring effective mechanism of legal protection of individual rights and freedoms. In this case, such function of the rule of law is expressed not only in establishing prohibitions on certain undesirable and destructive for society forms of behavior associated with violation of individual rights and freedoms and restrictions on exercising public powers in order to minimize the possibility of undue interference in the sphere of personal interests, but also in the formation of a system of legal regulation, which will be based on respect for human dignity. The latter in this context should be understood, according to J. Raz, as the inherent right (restricted only to the extent necessary for a particular legal order) of any person to choose and follow a particular model of behavior and get the desired legal effect from it (Raz, 1979:220-221).

After analyzing the general essence of the rule of law as a political and legal institution, J. Raz turned to its characteristic features as a directly legal principle, focusing mainly on the formal aspect, while not excluding its material meaning. In this context, he saw two key manifestations of the principle, directly related to each other. Firstly, the mechanism of social regulation should be based on legal norms that all participants in social relations are obliged to observe. Secondly, such a mechanism should provide participants of social relations with a real opportunity to be guided by the relevant legal norms in shaping their own behavior model (Raz, 1979:213).

Moreover, a prominent British judge and jurist, Lord T. Bingham, played a significant role in the academic development of the rule of law and its characteristics, as well as the British constitutional legal doctrine as a whole. He developed a quite detailed approach to understanding of this principle.

In general terms, he saw the essence of the rule of law in subordination of all subjects of social relations (both private and public) to the existing legal regulation, publicly adopted, prospective and publicly applied in courts. Referring to such understanding of the rule of law, he further draws attention to the fact that his position cannot be regarded as comprehensive and solely correct, without any exceptions (Bingham, 2011:6).

Admitting the complex nature of the rule of law and the possibility of different approaches to its definition, he does not see it as essentially ambiguous or unclear, thus refuting the proponents of the opposing idea. This is particularly relevant for B. Tamanaha, who characterizes the rule of law as “an exceedingly elusive notion giving rise to a rampant divergence of understandings” (Tamanaha, 2004:3), as well as for T. Carothers, who points out the ambiguity in understanding the nature of this principle (Carothers, 2003:3).

Lord Bingham’s approach to the essence of the rule of law is based on a set of legal principles that form certain conditions for functioning of the system of legal regulation and public authorities. Among such principles, he identifies accessibility, comprehensibility, clarity of legal norms and predictability of their action, limitation of discretionary powers of executive authorities, fair and *bona fide* exercise of public powers, equality of all before the law, protection of fundamental human rights and freedoms, ensuring the right to a fair trial, and mechanisms for legal protection of arising civil law disputes (Bingham, 2011:30, 41, 48, 53, 59, 78, 83, 103).

At the same time, the position of A. Bradley, Professor of Law at the University of Edinburgh, and K. Ewing, Professor of Public Law at King’s College, London, deserves special attention. They saw the essence of the rule of law in three key elements. The approach they adopted, in contrast to the concepts of J. Raz and Lord T. Bingham, is of higher level of abstraction and generalization and focuses on the basic characteristics of the political and legal principle as one of the foundations of British Constitution.

First of all, as A. Bradley and C. Ewing note, an inherent manifestation of the rule of law is the construction of social regulation system based on law, which implies the operation of generally binding law and order in society. It is intended to prevent the occurrence of arbitrariness and anarchy that threaten the security of subjects of social relations, their property and well-being (Bradley, Ewing, 2007:99).

In addition, they consider the rule of law as a way of ensuring that the public authorities exercise their powers in accordance with statutory regulation and, in its absence, in accordance with common law formed by courts (Bradley & Ewing, 2007:100).

At the same time, according to scholars, this principle forms the basis of legal regime of public authority, determining the type and scope of powers to be vested in the executive branch (e.g., determining the admissibility of vesting the executive with the power to detain a person in the absence of judicial authorization), as well as procedures to be followed by public authorities in their law enforcement practice (e.g., compliance with fair trial procedures) (Bradley & Ewing, 2007:101–102).

The above reputable views on the definition of the essence of the rule of law and its features provide a general idea of this issue, although they indicate the absence of a single comprehensive approach to understanding of such a complex constitutional and legal

principle. This also gives grounds to assert both similarities and differences in the positions of individual researchers on this issue.

At the same time, it should be noted that there is a certain consensus on the basic manifestations of the rule of law, such as, compliance with the principle of legality and compliance of public authorities with the law. On the other hand, some researchers, for example, A.V. Dicey, A. Bradley, and C. Ewing, are largely focused on the fundamental features of this constitutional principle, while others including Lord T. Bingham and J. Raz, pay considerable attention to the rule of law manifestation, which can also be characterized as general characteristics of the national legal order.

On the other hand, determining the formal and substantive nature of the rule of law has a significant importance in the context of understanding its essence and role at present. As already noted, legal doctrine in this context traces different approaches. Thus, in contrast to Lord T. Bingham, who explores the substantive content of the rule of law, A.V. Dicey and J. Raz confine themselves to a formalistic approach to its understanding.

At the present stage of social and legal development, in our opinion, the need to recognize the substantive nature of the rule of law becomes clear. Without it, such a concept can easily acquire an instrumentalist character and be used for the most disreputable purposes in forming so called ideal law and order in terms of constitutional design, construction and functional features of the rule of law. In this regard, J. Raz, although adhering to a formalistic approach, rightly emphasized: “A non-democratic legal system based on the denial of human rights, on extensive poverty, on racial segregation, sexual inequalities and religious persecution may, in principle, conform to the requirements of the rule of law better than any of the legal systems of the more enlightened Western democracies... It will be an immeasurably worse legal system, but it will excel in one respect: in its conformity to the rule of law. ...The law may institute slavery without violating the rule of law” (Raz, 1979:211, 221).

This problem was rightly highlighted by the Venice Commission in its Report on the rule of law. In fact, it pointed out that, while there are different approaches to understanding the rule of law, it is necessary to avoid a purely formalistic approach, whereby any public authority actions that are permitted by law are declared to be consistent with the requirements of this principle¹³. The opposite approach can lead to its distortion and unjustified reduction the rule of law to the term “rule by law”.

Conclusion

Taking into account the approaches to the definition of the rule of law reflected in the legal doctrine and constitutional practice of the UK¹⁴, it is possible to conclude that the rule

¹³ Venice Commission. Report on the rule of law. CDL-AD(2011)003rev-e. Available at: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2011\)003rev-e.aspx](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2011)003rev-e.aspx) [Accessed 20th May 2023].

¹⁴ It should be noted that manifestations of the rule of law presented in this article are, for the most part, reflected in the judicial practice of the UK. There are a number of important court decisions from the perspective of the rule of law study, whose list is not exhaustive. For example, Regina v. Secretary of State for the Home Department, ex p. Pierson [1998] AC 539, 591 covers the British Parliament’s consideration of the rule of law in its operations, Baggs Case [1615] 11 Co Rep 93b at 98a, Entick v. Carrington [1765] EWHC KB J98, Associated Provincial Picture Houses Ltd v. Wednesbury Corpn [1948] 1 KB 223, CA – compliance with the rule of law in the context of public authorities, Phillips v. Eyre (1870) LR 6 QB 1, R v. R [1991] UKHL 12 – inadmissibility of retrospective effect of legal regulation, R (UNISON) v. Lord Chancellor [2017] UKSC 51 –

of law, as one of the fundamental elements of the British Constitution, is expressed in three main fundamental features.

Thus, the rule of law is one of the most important constitutional and legal values developed and applied in the Anglo-Saxon legal tradition in general and the UK in particular. It underpins the whole spectrum of social relations developing in the UK and is an inherent basis for functioning of the entire state mechanism, which was clearly demonstrated in Section 1 of the Constitutional Reform Act 2005.

Furthermore, the rule of law is a political principle that affects functioning and development of the entire political system and separation of powers such as the UK Parliament, which in most cases is bound by the ideas of the rule of law in its law-making process, the executive, which must act within its powers and not unreasonably create ultra vires situations, the judiciary, whose operations are related to the direct implementation of the rule of law affecting the content of the law enforcement decision in each particular case.

At the same time, the rule of law is expressed as a legal principle and has a direct impact on the existing legal order by imposing specific requirements on it in terms of adopting legal regulations, determining the content of specific legal rules formed both in common law and statutory law, and the specifics of their application in a particular situation. At the same time, as the genesis of British constitutionalism shows, the rule of law is one of the most important factors determining the vector of development of the entire legal system.

It seems possible to identify the following principles, ideas and legal mechanisms that in one way or another form the basis of the modern legal content of the rule of law and its impact on public relations. Firstly, it is a special legal regime that binds public authorities and their powers by law in order to prevent arbitrariness in exercising public powers. Secondly, it ensures and protects fundamental individual rights and freedoms. Thirdly, it establishes special requirements to the legal order, both in terms of formal expression of legal norms and their content, which should ensure that the legal norms fulfil their regulatory function. Fourthly, the special role of court and justice both in the historical paradigm of the rule of law formation and its implementation in modern constitutional practice. Together, such rule of law manifestations create a peculiar effect of forming an appropriate model for organization and functioning of the legal system that effectively regulates social relations on the basis of equality, justice and strict compliance with legal norms.

Considering this, we may assert the complex essence of the rule of law as a political and legal principle that affects a wide range of social relations. Determining the manifestation of the rule of law and its impact on social processes and institutions in the historical paradigm and at the present stage is one of the key elements necessary to identify the characteristic features of the UK constitution.

References / Список литературы

- Aristotle (2009) *The politics of Aristotle: a treatise on government*. Transl. by William Ellis. The Floating press.
- Barenboim, P. (2013) *Interrelationship between the rule of law and legal state doctrines as the main question for philosophy of law and constitutionalism*. Moscow, LUM Publ., (in Russian).

ensuring accessibility of justice. However, a full analysis of the implementation of the rule of law in judicial and constitutional practice still requires a separate detailed study.

- Баренбойм П. Соотношение доктрин Верховенства права и правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. М.: ЛУМ, 2013. 128 с.
- Bingham, T. (2011) *The Rule of Law*. London, Penguin UK.
- Bradley, A.W. & Ewing, K.D. (2007) *Constitutional and administrative law*. 14th ed. London, Pearson education.
- Carothers, T. (2003) *Promoting the rule of law abroad*. Carnegie endowment for international peace. Rule of law series. <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpk74>
- Chirkin, V.E. (2015) Supremacy of law: contemporary terminology. *Journal of Russian Law*. 12(228),5–11. doi: <https://doi.org/10.12737/16624>. (in Russian).
- Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12(228). С. 5–11. <https://doi.org/10.12737/16624>
- Craig, P. (2017) Formal and substantive conceptions of the rule of law: an analytical framework. In: Bellamy, R. (ed.). *The rule of law and the separation of powers*. 1st ed. London, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315085302>
- Dicey, A.V. (1907) *Introduction to the study of the law of the constitution*. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ. (in Russian).
- Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев, 1907. 658 с.
- Hayek, F.A. (1960) *The constitution of liberty*. London, Routledge.
- Loughlin, M. (2010) *Foundations of public law*. New York, Oxford University press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199256853.001.0001>.
- Lovett, F. (2016) *A republic of law*. New York, Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316440698>.
- McGarry, J. (2014) *Course notes: constitutional and administrative law*. London, Routledge.
- Meierhenrich, J., & Loughlin, M. (2021). Thinking about the Rule of Law. In: Meierhenrich, J. & Loughlin, M. (eds.). *The Cambridge Companion to the Rule of Law*. Cambridge Companions to Law, pp. 3–22. Cambridge, Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/9781108600569.001>
- Mikhailov, A.M. (2022) The doctrine of the rule of law: a classical interpretation of A.V. Dicey and legal positivism. *The law and practice*. (4), 5–23. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2022-4-5-23> (in Russian).
- Михайлов А.М. Доктрина верховенства права: классическая интерпретация А.В. Дайси и юридический позитивизм // Право и практика. 2022. №. 4. С. 5–23. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2022-4-5-23>
- Montesquieu, Ch.L. (1900) *On the spirit of the laws, or the way in which the laws should stand in relation to the organisation of each government, to manners, climate, religion, commerce, etc*. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ. (in Russian).
- Монтескье Ш.Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеев, 1900. 706 с.
- Raz, J. (1979) *The authority of law: essay on law and morality*. New York, Oxford University press.
- Rutherford, S. (1644) *Lex, rex: the law and the prince, a dispute for the just prerogative of king and people, containing the reasons and causes of the defensive wars of the kingdom of Scotland, and of their expedition for the ayd and help of their brethren of England*. Available at: <https://archive.org/details/lexrexlawandpri0maxwgoog> [Accessed 30th March 2023].
- Sajó, A. & Uitz, R. (2017) *The constitution of freedom: An introduction to legal constitutionalism*. New York, Oxford University press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198732174.001.0001>.
- Shevchenko, M.I. (2023) Reform of the Human Rights Act 1998 in UK: How will the balance of private and public interests change? *Legal policy and legal life*. (1), 255–265. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-1-255-265> (in Russian).

Шевченко М.И. Реформа Акта о правах человека 1998 года в Великобритании: как изменится баланс частных и публичных интересов? // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2023. № 1. С. 255–265. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-1-255-265>

Steyn, L. (1999) *The Constitutionalisation of public law*. Constitution unit. Available at: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution_unit/files/38_0.pdf [Accessed 30th March 2023].

Tamanaha, B.Z. (2004) *On the rule of law: history, politics, theory*. Cambridge, Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511812378>

Walters, M.D. (2020) *A.V. Dicey and the common law constitutional tradition: a legal turn of mind*. Cambridge, Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/9781139236249>

Zorkin, V.D. & Barenboim, P.D. (eds.). (2013) *The legal state and the rule of law doctrines in modern world*. Moscow, Yustitsinform Publ. (in Russian).

Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: Юстицинформ, 2013. 560 с.

About the author:

Maxim I. Shevchenko – postgraduate student of the Department of Constitutional Law and Constitutional Procedure, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0002-5682-5525

e-mail: m.sh.1997@yandex.ru

Сведения об авторе:

Шевченко Максим Игоревич – аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-5682-5525

e-mail: m.sh.1997@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-886-901>

EDN: GGPEPF

Научная статья / Research Article

Правовая политика в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров вне системы высшего образования

А.Ю. Соколов , О.А. Лакаев

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук,
г. Саратов, Российская Федерация
[✉ aysokolov@mail.ru](mailto:aysokolov@mail.ru)

Аннотация. Рассматривается современная правовая политика в сфере подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук вне аспирантуры и ученой степени доктора наук в докторантуре. Актуальность исследования определяется тем, что переход к модели законодательного регулирования докторантуры и подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры в русле исключительно научной деятельности обусловил отсутствие надлежащей законодательной базы данных направлений функционирования научной сферы, в то время как от надлежащей организации институтов докторантуры и соискательства зависит состояние высшего образования и науки, обеспечение квалифицированными кадрами всех отраслей и сфер функционирования социума. Поставлена цель определить недостатки правовой политики и возможные пути ее совершенствования в указанном направлении. Проанализировано нормативно-правовое регулирование подготовки научных и научно-педагогических кадров вне системы высшего образования, критически оценено его состояние, выявлены перспективы совершенствования институтов докторантуры и соискательства. Использована общенаучная (диалектический метод, анализ, синтез) и частнонаучная методология исследования (формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой методы). Обосновывается вывод о необходимости четкого установления прав, обязанностей и условий деятельности докторантов и соискателей на законодательном уровне. Детально определенные гарантии для данных участников научной деятельности должны способствовать повышению востребованности отрасли науки и реализации их творческого потенциала. Нуждается в оптимизации и организации материального стимулирования докторантов и их научных консультантов, которая в настоящее время находится на невысоком уровне, снижая востребованность докторантуры.

Ключевые слова: подготовка научных кадров, подготовка научно-педагогических кадров, докторантура, правовая политика, правовое регулирование, соискательство, научная организация, образовательная организация высшего образования

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

© Соколов А.Ю., Лакаев О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 19 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Правовая политика в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров вне системы высшего образования // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 886–901. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-886-901>

Legal policy in the field of training scientific and scientific-pedagogical personnel outside the higher education system

Aleksandr Yu. Sokolov , **Oleg A. Lakaev**

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russian Federation

 aysokolov@mail.ru

Abstract. The modern legal policy in the field of preparation of dissertations for the degree of Candidate of Sciences outside postgraduate education and the degree of Doctor of Sciences in doctoral studies is in the focus. The relevance of the research is determined by the fact that transition to the model of legislative regulation of doctoral studies and preparation of PhD dissertations outside postgraduate studies in the context of exclusively scientific activities has resulted in the lack of a proper legislative basis for functioning of the scientific sphere, while the state of higher education and science, provision of qualified personnel for all branches and spheres depends on the proper organization of doctoral and postdoctoral institutions. The aim is to identify the shortcomings of the legal policy and possible ways to improve it. The article investigates normative and legal regulation of training scientific and scientific-pedagogical personnel outside higher education system; it critically assesses the present condition of higher education, prospects for improving the institutions of doctoral and postdoctoral studies. The general scientific (dialectical method, analysis, synthesis) and private scientific research methodology (formal-legal, system-structural, historical-legal methods) heavily contribute to the research. The outcome allows to substantiate the necessity to clearly establish the rights, duties and conditions of doctoral students and applicants at the legislative level. Detailed guarantees for such participants of scientific activity should promote the increasing demand for highly qualified specialists and realization of their creative potential. Financial incentives for doctoral students and their scientific consultants also need optimization being currently at a low level thus reducing the demand for doctoral and postdoctoral studies.

Key words: training of scientific personnel, training of scientific-pedagogical personnel, doctoral studies, legal policy, legal regulation, competition, scientific organization, educational organization of higher education

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 19th March 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Sokolov, A.Yu., Lakaev, O.A. (2023) Legal policy in the field of training scientific and scientific-pedagogical personnel outside the higher education system. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 886–901. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-886-901>

Введение

Длительное время в Российской Федерации функционировала система послевузовского профессионального образования, которая обеспечивала подготовку научных и научно-педагогических кадров. Данная модель предполагала подготовку диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук как в аспирантуре, так и вне ее, а также ученой степени доктора наук. Она сформировалась до конституционных преобразований 1993 г., что обусловило несоответствие установленных Законом РФ 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»¹ правил положениям ст. 43 Конституции РФ, установившим перечень образовательных уровней, среди которых не нашлось места таким, как, например, «начальное профессиональное образование» и «послевузовское профессиональное образование». Тем не менее основанная на советской модели система образования просуществовала до вступления в силу действующего Федерального закона 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»². Более того, в части послевузовского образования она получила развитие в 1996 г., когда объективная необходимость в конкретизации правоотношений в сфере подготовки высококвалифицированных, в том числе научно-педагогических кадров, привела к принятию Федерального закона 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»³.

Последовавшие в XXI в. процессы интеграции России в мировое образовательное пространство обусловили необходимость его модернизации сообразно Болонской модели, с чем были связаны последующие законодательные преобразования. Однако отечественная модель имеет свою специфику: если бакалавриат и магистратура в полной мере соответствуют Болонскому процессу, то зарубежная степень доктора философии (PhD) в России эквивалентна степени кандидата наук (Egorov, 2022).

В западной научной литературе отмечается, что докторантура в последние годы претерпела революцию, параллельную изменениям в современном обществе, характеризуясь коммерциализацией, рационализацией, интернационализацией, обеспечением качества и растущим спросом со стороны работодателей (Matas, 2012). Это связано с тем, что производство знаний стало стратегическим ресурсом и объектом разработки правовой политики и государственного управления, направленным на концентрацию исследований и подготовку исследователей (Kehm, 2007). Целью этих изменений стало повышение экономической эффективности научной сферы и более широкое вовлечение вузов в решение общественных проблем (Rigby & Jones, 2020).

¹ Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 30. Ст. 1797 (утратил силу).

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2022. № 41. Ст. 6959.

³ Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4135 (утратил силу).

В России докторантура как высшая ступень подготовки научно-педагогических кадров выпала из системы образования, и наблюдается снижение ее востребованности. Такой шаг еще на этапе обсуждения реформы образования рассматривался как ошибочный (Shestak, 2011). Тем не менее термин «послевузовское профессиональное образование» после вступления в силу нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» утратил свою актуальность. Несмотря на сохранение института докторантуры, а также подготовки научных кадров вне аспирантуры соответствующая система в рамках отрасли образования была устранена. Существующая модель организации образования предусматривает включение в нее в целях подготовки научных кадров лишь аспирантуры (адъюнктуры), которая стала составным элементом высшего образования в виде его отдельного уровня (подготовка кадров высшей квалификации).

Одновременно подготовка диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук вне аспирантуры и ученой степени доктора наук стала частью исключительно научной деятельности, с чем связано внесение в 2013 г. дополнений в Федеральный закон 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁴ (ст. 4.1). Соответствующие нормы трансформировали данную деятельность в самостоятельную подготовку диссертаций вне образовательного процесса. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» о докторантуре упоминается лишь единожды в контексте установления правового статуса образовательных организаций высшего образования, которые имеют право (но не обязаны) создавать условия для подготовки своими работниками диссертаций на базе докторантуры (ч. 4 ст. 28). Что касается так называемых «соискателей», осуществляющих подготовку кандидатской диссертации вне аспирантуры, то о них данный Закон умалчивает.

Правовая политика в отношении подготовки кадров в данном направлении характеризуется незавершенным переходом к сугубо научной модели организации докторантуры. Несмотря на то, что, по замыслу законодателя, докторанты не проходят обучение, а по выражению Е.А. Глухова и Д.В. Новокшонова готовятся сами (Glukhov & Novokshonov, 2020), в действующих нормативных правовых актах более раннего периода по-прежнему отражается образовательная природа отношений в сфере подготовки докторских диссертаций. В частности, об обучении в военной докторантуре говорится в законодательстве о прокуратуре⁵, о Следственном комитете РФ⁶, в Положении о порядке прохождения военной службы⁷. Принятые в развитие соответствующих правил ведомственные нормативные правовые акты, изданные в том числе в последние годы (2020–2022), направлены на конкретизацию отдельных

⁴ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁵ См.: ч. 10 ст. 48 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 20 октября 2022 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 8. Ст. 366; Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7262.

⁶ См.: ч. 7 ст. 39 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в ред. от 20 октября 2022 г.) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15; 2022. № 43. Ст. 7262.

⁷ См.: ч. 1 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в ред. от 4 октября 2022 г.) «Вопросы прохождения военной службы» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 38. Ст. 4534; 2022. № 41. Ст. 7044.

правоотношений, которые связаны с учебой (обучением) в докторантуре. Таким образом, подготовка докторских диссертаций даже с точки зрения отдельных актов законодательства и подзаконных актов по-прежнему продолжает восприниматься как составная часть образовательной деятельности, что отражает действительную природу докторантуры, ведь цель высшего образования состоит не только в передаче знаний студентам, но и в объединении и дополнении существующей совокупности знаний (Jan, Idrees, & Asif, 2020), реализация чего возможна и через подготовку докторских диссертаций.

Переход к модели законодательного регулирования докторантуры и подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры в русле исключительно научной деятельности обусловил отсутствие надлежащей законодательной базы, которая в полной мере регламентировала бы возникающие в данной сфере отношения. Подготовка докторской диссертации связана с присуждением лицу высшей степени, отражающей наиболее важный, фундаментальный вклад в отечественную науку. От подготовки специалистов такого уровня зависит как состояние высшего образования и науки в целом, так и обеспечение квалифицированными кадрами всех отраслей и сфер функционирования социума (Rukavishnikov, 2022), поскольку доктора наук и возглавляемые ими коллективы образуют научные школы, вносящие наибольший вклад в развитие кадрового потенциала общества и государства.

Не менее важное значение имеет подготовка кандидатских диссертаций вне аспирантуры, поскольку она имеет свои преимущества, позволяя соискателю проводить научные изыскания без отрыва от практической работы. Это способствует выявлению наиболее проблемных аспектов осуществляемой ими деятельности (экономической, юридической, медицинской, управленческой и др.), поиску и обоснованию оптимальных подходов к ее совершенствованию.

В то же время в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» содержится всего лишь одна статья (4.1 «Подготовка диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук»), в которой в тезисном виде сформулированы основы подготовки научных и научно-педагогических кадров в данной сфере с явным акцентом в сторону подзаконного регулирования докторантуры и подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры.

В законодательстве отсутствует дефиниция докторанта, не закреплено правовое положение лиц, осуществляющих подготовку диссертации на соискание ученой степени доктора наук, а также лиц, прикрепленных к научной организации либо образовательной организации высшего образования для подготовки кандидатской диссертации. Отсутствие четко очерченного перечня прав указанных субъектов ослабляет гарантированность их защиты от возможных нарушений.

Права научных работников определены в ч. 6 ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», однако установленный в данной норме перечень не связан с подготовкой ими кандидатских и докторских диссертаций. Кроме того, нормы, определяющие правовой статус научных работников, не имеют четкой взаимосвязи с теми положениями закона, которые регламентируют подготовку кандидатских диссертаций вне аспирантуры и докторских диссертаций. Лица, ее осуществляющие, могут и не занимать должность научного работника, прикрепляясь к научной организации или вузу исключительно для достижения карьерных целей в ином качестве, чему может способствовать приобретение ими статуса кандидата или доктора наук.

Правовая политика в сфере подготовки диссертаций на соискание ученой степени доктора наук

Отрасль науки является одной из ключевых для развития государства. Это постулируется на высшем уровне государственного управления, и через документы стратегического планирования проводится политика, направленная на воплощение данного тезиса в жизнь. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁸ выявлена последовательность научного развития в имперский, советский и современный периоды, определяемая стабильным тяготением к мировым достижениям в науке, и признается ее ключевая роль в обеспечении стабильного будущего нации, в модернизации России и формировании ее устойчивого положения в мире. На этом фоне неопределенность правил о подготовке диссертаций в докторантуре (Gabov, 2020), изложенных в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике», и подзаконное регулирование всех аспектов ее функционирования и подготовки в ней диссертаций не способствуют ускорению развития отрасли науки.

В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Положения о докторантуре», которым урегулированы элементы правового положения докторантов, включая права, обязанности и материальные гарантии деятельности. Вместе с тем Положение о докторантуре не является нормативным актом, который исчерпывающим образом определяет все стороны взаимодействия докторанта с образовательной организацией высшего образования либо с научной организацией. Предусмотренные в нем правила относительно необходимости заключения договора между докторантом, направляющей и принимающей организациями неконкретны. Устанавливая обязательные элементы договора в виде, например, финансовых обязательств сторон, условий проведения научного исследования, данное Положение не определяет, какими могут быть эти обязательства и условия. Однако их наличие необходимо для формирования общих контуров взаимоотношений между перечисленными субъектами, за пределы которых они не вправе выходить при заключении договора.

Вводными правилами данного Положения разъясняется содержание используемых терминов. В то же время очевиден упрощенный подход к их пониманию, который не позволяет раскрыть их суть. В частности, докторантура определяется в качестве «формы подготовки научных кадров» без указания каких-либо иных ее существенных характеристик, что делает ее неотличимой от других форм подготовки научных кадров – обучения в аспирантуре или соискательства вне аспирантуры. В отличие от подзаконного нормотворчества законодательное регулирование характеризуется гораздо большей четкостью формулировок, что делает целесообразным установление соответствующего дефинитивного аппарата на уровне Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике».

Организация докторантуры должна быть направлена на формирование условий не только для выпуска докторанта и достижения вузом или научной организацией за счет этого требуемых показателей «остепененности» кадров, но и для подготовки качественной квалификационной работы, выполненной на актуальную, адекватную современным вызовам государству и обществу, работу.

⁸ Утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (в ред. от 15 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887; 2021. № 12. Ст. 1982.

Недостаточно обоснованным выглядит выделение направляющей и принимающей организаций. С одной стороны, обеспечивается возможность каждому лицу, имеющему ученую степень кандидата наук, продолжать повышать свой научный уровень вне зависимости от того, создан ли на базе организации, в которой он осуществляет трудовую деятельность, диссертационный совет или нет. Это соответствует требованиям ч. 1 ст. 44 Конституции РФ о свободе научного творчества, предполагающей свободный выбор не только его направлений и содержания, но и места проведения исследований и соответствующей организационной базы. В то же время если в направляющей организации не сформирован диссертационный совет по соответствующей научной специальности, это является признаком недостаточного потенциала для проведения исследований уровня доктора наук. Отсутствие в направляющей организации известной в профессиональном сообществе научной школы, имеющей признанные научные достижения, обуславливает риск подготовки исследований, не отвечающих требованиям, которые предъявляются к содержанию докторских диссертаций. Безусловно, качество работы зависит, в первую очередь, от самого докторанта, но ее выполнение в организации, не имеющей диссертационного совета, может способствовать вынесению специалистами принимающей организации отрицательных заключений по диссертации вследствие ее низкого качества, затягиванию сроков ее подготовки и защиты, что не может не влиять на обеспечение вузов и научных организаций высококвалифицированными кадрами и на состояние научной сферы в стране.

Только при осуществлении исследований непосредственно на базе принимающей организации может быть обеспечен стабильно высокий уровень диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, если докторанты при этом проходят в ней курсы повышения научной квалификации или заняты в данной организации научно-педагогической или научной деятельностью.

Недостаточными видятся правила, устанавливающие правовое положение и условия деятельности научного консультанта. В настоящий момент правила сформулированы таким образом, что научный консультант может быть и не назначен. Имеются и реальные примеры подготовки и защиты докторских диссертаций в отсутствие научного консультирования. Вряд ли такое правило является уместным. Научное консультирование при осуществлении докторских исследований является необходимым, поскольку научный уровень консультанта с ученой степенью доктора наук априори выше, чем у начинающего докторанта, имеющего меньший опыт исследований, ранее опубликованные работы которого не выходили за рамки решения узких научных задач, соответствующих уровню кандидата наук. В связи с этим целесообразно установить для докторанта обязательность его научного консультирования при подготовке им докторской диссертации.

Фактически отсутствуют нормы, направленные на стимулирование деятельности научного консультанта. В плане развития карьеры научное консультирование, равно как и научное руководство, учитывается при принятии решения о присвоении ученого звания профессора⁹. Однако действенным стимулом это не является, поскольку наличие ученого звания профессора не дает каких-либо существенных преимуществ научному или научно-педагогическому работнику (Erokhina & Nyrkov,

⁹ См.: пп. «г» п. 9 Положения о присвоении ученых званий, утв. Постановлением Правительства РФ от 10 декабря 2013 г. № 1139 (в ред. от 8 декабря 2021 г.) «О порядке присвоения ученых званий» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6605; 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8605.

2021) в отсутствие развитой системы социально-материальных гарантий (Belousov & Nyrkov, 2020).

Финансирование научного консультирования определяется локальным нормативным регулированием принимающей организации. Неодинаковые финансовые возможности разных вузов обуславливают отсутствие единообразного размера вознаграждения научных консультантов. Имеются примеры установления низкого уровня оплаты их труда, не соответствующего их вкладу в достижение докторантом тех целей, которые ставятся в докторской диссертации. Поэтому не вызывают удивления случаи возникновения неформальных отношений между научным консультантом и докторантом, оплачивающим консультационные услуги.

С другой стороны, недостаточное финансовое стимулирование работы научного консультанта приводит к тому, что он не влияет надлежащим образом на подготовку диссертации, не оценивает ее содержание, являясь консультантом лишь на бумаге. К тому же будучи доктором наук научно-педагогический работник, как правило, имеет высокую степень загруженности за счет соответствующей его статусу публикационной активности, оппонирования на защитах диссертаций, подготовки различных отзывов и заключений, что обуславливает восприятие им консультационной функции как некоего обременения. В связи с этим представляется целесообразным введение в Положение о докторантуре четко определенного минимального размера ежемесячного вознаграждения научного консультанта, которое обеспечивало бы его заинтересованность в выполнении соответствующей функции, и установление возможности принимающей организации в локальном нормативном акте дополнять указанный минимальный размер собственными доплатами при наличии у нее необходимых финансовых ресурсов.

Единственное требование, предъявляемое в настоящее время к научному консультанту, – это наличие ученой степени доктора наук. Вряд ли его можно рассматривать как достаточное. Следует иметь в виду, что у докторанта имеются свои собственные научные интересы, из которых необходимо исходить при выборе темы. Сильное влияние на докторанта его научного консультанта не является редкостью не только в России, но и за рубежом (Mason, Merga & Morris, 2020), но навязывание научным консультантом удобной для него тематики может породить у докторанта отсутствие исследовательского интереса. При этом успешное консультирование зависит от компетентности лица в проблемах соответствующего направления исследования. Поэтому заслуживает внимания вопрос введения дополнительных требований к научному консультанту, связанных с его соответствием научной специальности, по которой планируется подготовка диссертации, а также наличием публикаций в соответствующей сфере исследования. Последнее требование уже давно предусмотрено в отношении официальных оппонентов¹⁰. Если оппоненты должны быть признанными специалистами в этой сфере, то и научный консультант должен соответствовать данному критерию. Оптимальным вариантом может быть установление правила о наличии у научного консультанта не менее пяти публикаций в соответствующей сфере исследования за последние пять лет, предшествующие утверждению темы докторской диссертации.

¹⁰ См.: п. 22 Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 26 сентября 2022 г.) «О порядке присуждения ученых степеней» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074; 2022. № 40. Ст. 6818.

В Положении о докторантуре не установлены также функции научного консультанта, за исключением согласования индивидуального плана докторанта (при наличии научного консультанта). Отсутствие данных функций выглядит закономерным с учетом необязательности его назначения. Напротив, предполагаемое введение императивного правила о научном консультировании повлечет необходимость определения функций научного консультанта. В настоящее время ежегодный отчет докторанта о выполнении индивидуального плана выглядит как формальная процедура, не подкрепляемая взвешенной оценкой результатов проведенной работы. Отражаемая в отчете степень готовности диссертации, ее отдельных разделов, глав и параграфов не позволяет в полной мере оценить качество проведенного исследования. Такая оценка может быть дана научным консультантом в виде соответствующего отзыва, прилагаемого к ежегодному отчету, в котором должны быть отражены новые научные результаты и предпосылки к решению крупной научной проблемы, для чего, собственно, и предназначена докторская диссертация. Приложение к ежегодному отчету указанного отзыва целесообразно установить на уровне федерального нормативно-правового регулирования.

Не отличается разработанностью и проблема ответственности научного консультанта, хотя это довольно сложный вопрос. Традиционное понимание юридической ответственности (в части выделения дисциплинарной, административной и других ее видов) здесь вряд ли применимо. Надлежащее научное консультирование не всегда заканчивается подготовкой диссертации с соблюдением установленного трехлетнего срока. В данном случае важно, чтобы научным консультантом объективно оценивались достигнутые за каждый год результаты проводимого исследования для своевременного выявления фактов отставания от утвержденного индивидуального плана или его невыполнения, что должно отражаться в ежегодном отзыве. Это выглядит необходимым с учетом того, что докторанту полагаются ежемесячные выплаты дополнительно к заработной плате в связи с подготовкой докторской диссертации. Такие выплаты должны быть обусловлены успешным выполнением индивидуального плана.

При этом, говоря об ответственности научного консультанта, следует учитывать, что не всегда отрицательный результат свидетельствует о его вине, о ненадлежащем консультировании; возможны различные объективные и субъективные, в том числе психологические, факторы, препятствующие докторанту завершить начатую работу. Единичный случай неудачного научного консультирования не должен рассматриваться как основание для ответственности. Нужно учитывать тенденцию, показывающую системность отрицательных результатов научной деятельности докторантов. Например, если научным консультантом не были доведены до защиты докторской диссертации три докторанта подряд при наличии подготовленных им положительных промежуточных отзывов об их работе, вряд ли он заслуживает доверия и дальнейшего назначения в качестве научного консультанта. Подобное предложение вполне может быть трансформировано в нормативно установленное требование.

Абсолютно неурегулированным выглядит направление подготовки докторских диссертаций вне докторантуры. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» предусматривает возможность подготовки докторской диссертации на основе результатов проведенных научных исследований. При этом правило о задействовании института докторантуры сформулировано как диспозитивное (ч. 2 ст. 4.1). Это дает основания Высшей аттестационной комиссии

толковать данные нормы как предполагающие вариант подготовки докторской диссертации не только в докторантуре, но и вне ее¹¹. При этом статистические данные показывают невысокий уровень востребованности докторантуры у лиц, осуществляющих подготовку докторских диссертаций. На конец 2020 г. в докторантуре в целом по Российской Федерации числилось 105 человек, с защитой диссертации было выпущено 9 докторантов. Одновременно вне докторантуры числилось 240 лиц, подготавливающих докторскую диссертацию, т.е. более чем в 2 раза больше по сравнению с докторантурой, а статистические показатели по защите гораздо выше, чем в докторантуре (83 человека в 2020 г.)¹². В то же время лица, осуществляющие подготовку докторской диссертации вне докторантуры, не являются докторантами. Соответственно, отсутствуют правовые нормы, определяющие их статус, включая права, обязанности, гарантии осуществления исследовательской деятельности в рамках подготовки диссертации, а также правовые нормы, регулирующие участие научного консультанта в этом процессе.

Несмотря на это получается, что параллельная модель подготовки докторских диссертаций, оставленная государством без организующего воздействия, дает на порядок более существенные показатели эффективности, нежели докторантура. Этому есть свое объяснение. Вне докторантуры отсутствует необходимость ограничиваться при подготовке диссертации какими-либо сроками, а те выплаты, которые положены докторанту (один минимальный размер оплаты труда ежемесячно в дополнение к заработной плате), скорее являются дестимулирующим фактором, поскольку чувство ответственности за подготовку диссертации в трехлетний срок и затрачиваемые на это усилия несоизмеримы с уровнем его материальной поддержки. Одновременно с написанием докторской диссертации докторант в целях обеспечения своего материального благополучия вынужден выполнять трудовые функции по замещаемой должности научно-педагогического или научного работника, что идет в ущерб соблюдению срока проведения докторского исследования. Гораздо удобнее для специалиста работать над докторской диссертацией без каких-либо сроков и без финансирования со стороны вуза.

Тем не менее необходимо усиление значения докторантуры сообразно основным направлениям молодежной политики, поскольку именно институт докторантуры способен оказать мобилизующее воздействие на специалиста, позволяя ему получить статус молодого ученого, предельный возраст которого для доктора наук составляет 40 лет¹³, чтобы преодолеть проблемы старения научных кадров (Kurochkina, 2013) и привлечения молодых специалистов в науку (Romanovskaya, 2021). Способствовать этому может существенное усиление материальной поддержки докторанта, в разы превышающее минимальный размер оплаты труда, либо целевое выделение сумм, соизмеримых с уровнем грантового финансирования, на проведение докторских исследований по наиболее значимым для общества и государства направлениям научной деятельности, что будет являться фактором

¹¹ См.: Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/77> (дата обращения: 11.11.2022).

¹² См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/asp-dokt.htm (дата обращения: 11.11.2022).

¹³ См.: п. 2 Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

повышения исследовательской дисциплины (Konin, 2010). Также необходимо учитывать и зарубежный опыт, например, Великобритании, где действует развитая система мотивации, способствующая росту числа диссертационных исследований (Kehm, Freeman & Locke, 2018).

Правовая политика в сфере подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук вне аспирантуры

Соискательство является важным для российского общества институтом, поскольку многие государственные и муниципальные служащие, представители законодательной власти, банковской сферы, бизнеса выражают желание иметь ученую степень, что связано не только с возможностью карьерного роста, но и усложнением стоящих перед страной задач, повышением требований к уровню компетентности специалистов (Babaev, Chekmarev & Smolyaninova). В связи с этим правовая, в том числе правотворческая, политика в данной сфере нуждается в совершенствовании. В настоящее время правотворческая политика в этой сфере, как и в случае с докторантурой, характеризуется упором на подзаконное регулирование. После системного реформирования законодательства, регулирующего правоотношения в отраслях образования и науки, принят уже второй подзаконный акт, посвященный данному вопросу. В настоящее время действует Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 октября 2021 г. № 942 «О Порядке и сроке прикрепления к образовательным организациям высшего образования, образовательным организациям дополнительного профессионального образования и научным организациям для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»¹⁴. Существенным недостатком современного подхода к правовому регулированию подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры является регламентация исключительно процессуальных вопросов, отражающих лишь порядок прикрепления соискателя к организации. Один из ключевых вопросов, который связан с возможностью осуществления педагогической деятельности защитившимся соискателем, остался без разрешения. Несмотря на то, что успешная работа аспиранта и соискателя заканчивается одинаковым результатом – присуждением ученой степени кандидата наук, очевидно, что соискатель в меньшей степени приспособлен к преподавательской деятельности, поскольку он в ходе подготовки диссертации соответствующих навыков не приобретал. Поэтому следует поддержать высказываемое в научной литературе мнение о том, что разная степень подготовки названных лиц к осуществлению педагогической деятельности подлежит учету при решении вопросов кадрового обеспечения вуза (Khokhlova & Rustamova, 2017).

Правила, определяющие отношения между научной организацией или вузом и соискателем, на федеральном уровне также не закреплены. Для этой цели Минобрнауки России предусмотрело договор о прикреплении для подготовки диссертации, основанный, по всей видимости, на цивилистическом принципе свободы договора, поскольку помимо срока подготовки диссертации он должен содержать «условия, не противоречащие законодательству Российской Федерации». Следует учитывать, что

¹⁴ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

научная отрасль является объектом государственного управления и обладает публично-правовой природой, затрагивая интересы общества и государства в целом. Договор, примерные условия которого отсутствуют, не может в полной мере обеспечивать учет данных интересов. В.В. Кондаков на основе практики вузов описывает фактические условия такого договора – оказание консультационных услуг, создание условий для осуществления научно-исследовательской деятельности, оплата оказываемых соискателю услуг (Kondakov, 2018). Вместе с тем для того, чтобы очертить контуры правового положения соискателя, его права, обязанности и условия подготовки диссертации должны быть установлены законодательством, а именно Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике».

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ установлено «сопровождение лиц, успешно прошедших итоговую аттестацию по программам аспирантуры (адъюнктуры)». Институт сопровождения, несмотря на отражение части вопросов сопровождения на уровне подзаконного регулирования¹⁶, в настоящее время неразвит.

Этот институт может рассматриваться в перспективе как связующее звено между аспирантурой и соискательством, поскольку многие аспиранты (адъюнкты), несмотря на наличие подготовленной диссертации, не успевают уложиться в сроки, установленные для ее защиты (Glukhov, 2021). В этом случае задействуется механизм прикрепления к организации в качестве соискателя. В настоящее время отсутствует правовое закрепление особенностей представления диссертации на этапе сопровождения и после его завершения в рамках прикрепления к организации для подготовки диссертации вне аспирантуры. Необходимы соответствующие юридические гарантии и стимулы для выпускника аспирантуры, включая внеочередную постановку на защиту, меры по предупреждению барьеров при прикреплении к иной организации, гарантии преемственности подготовки диссертации в аспирантуре и прикрепления выпускника аспирантуры, в том числе к организации, в которой он проходил обучение.

Неурегулированным является вопрос о научном руководстве соискателями. В Приказе Минобрнауки России от 13 октября 2021 г. № 942 о научном руководителе соискателя отсутствует даже упоминание. Его роль нормативно отражена лишь на последнем этапе аттестационного производства в Положении о присуждении ученых степеней, когда им подготавливается отзыв на уже готовую к защите диссертацию.

Не определены требования к научным руководителям соискателей, включая правила об их соответствии научной специальности, по которой планируется подготовка диссертации, о наличии научных публикаций, показывающих компетентность научного руководителя по избранной теме диссертации, не установлены их функции в период подготовки диссертации. Отсутствие указанных требований влияет на качество диссертаций и своевременность их представления к защите. Одновременно в Положении о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) требования, предъявляемые к научному руководителю аспиранта, нашли подробное изложение. Учитывая, что диссертация аспиранта и диссертация

¹⁵ Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 56.

¹⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8308.

соискателя должны быть трудами одного научного уровня, необходимо распространить требования, предъявляемые к научным руководителям аспирантов, на научных руководителей соискателей.

Федеральным законодательством определяются лишь общие вопросы деятельности организаций по реализации механизма государственной научной аттестации в части соискательства. В то же время не установлены требования к научным организациям и образовательным организациям высшего образования, способствующие активной научной работе, получению качественных результатов в рамках подготовки диссертации, взаимосвязи с номенклатурой научных специальностей и с осуществляемой организацией образовательной деятельностью. Необходима коррекция условий прикрепления для подготовки диссертации кандидата наук вне аспирантуры в части уточнения названных требований с разработкой научно обоснованных рекомендаций относительно установления требований к организациям.

Заключение

Правовая политика в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров на современном этапе привела к формированию модели подготовки диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук вне системы высшего образования. Данная модель характеризуется ограниченным законодательным регулированием исследовательской деятельности докторантов и соискателей и доминированием подзаконного нормотворчества. Такое положение вряд ли может считаться оправданным, поскольку наука является одним из ключевых приоритетов развития государства, что требует четкого установления прав, обязанностей и гарантий деятельности докторантов и соискателей на законодательном уровне. Детально определенные материальные гарантии для данных участников научной деятельности должны способствовать повышению востребованности отрасли науки и реализации творческого потенциала специалистов.

В связи с этим исследование институтов докторантуры и соискательства имеет большую значимость, способствуя формированию теоретической основы для разработки практических предложений по совершенствованию нормативной базы подготовки диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук вне системы высшего образования в части порядка поступления в докторантуру, прикрепления для подготовки диссертации кандидата наук вне аспирантуры, организационного обеспечения кадровой политики в научной сфере, усиления стимулирующего воздействия на соискателей и докторантов.

Применительно к докторантуре сомнительными являются правила, определяющие возможность подготовки диссертации в направляющей организации, не имеющей диссертационного совета по соответствующей специальности, и, соответственно, признанной научной школы, что делает целесообразным коррекцию регулирующих поступление в докторантуру правил. Недостаточным образом детализирован правовой статус научного консультанта, назначение которого к тому же необязательно. Нормативно не закреплены требования, которые к нему должны предъявляться, которые одновременно являются условиями для осуществления качественного консультирования и своевременной подготовки диссертации. Нуждается в оптимизации и организация материального стимулирования докторантов и их научных консультантов, которая в настоящее время находится на невысоком уровне, снижая востребованность докторантуры.

Одновременно требует совершенствования и нормотворческая политика в сфере подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры. В данном случае также важно определить роль научных руководителей соискателей в подготовке диссертации, сформулировать требования, которые должны к ним предъявляться. Законодательством должен быть определен перечень условий договора об их прикреплении к организации. После введения в законодательство об образовании правил о сопровождении лиц, успешно прошедших итоговую аттестацию по программам аспирантуры, возник вопрос об особенностях представления диссертации после завершения сопровождения в рамках прикрепления к организации для подготовки диссертации вне аспирантуры, который в настоящее время не урегулирован и требует решения в части установления юридических гарантий и стимулов для данных субъектов.

References / Список литературы

- Babaev, B.D., Chekmarev, V.V. & Smolyaninova, Yu.V. (2012) Postgraduate studies, doctoral studies, competition as institutions: public demand. *Economics of education*. (2), 111–115. (in Russian).
Бабаев Б.Д., Чекмарев В.В., Смольянинова Ю.В. Аспирантура, докторантура, соискательство как институты: общественная востребованность // Экономика образования. 2012. № 2. С. 111–115.
- Belousov, S.A. & Nyrkov, V.V. (2020) The mechanism of evaluation of scientific qualifications through the Institute of awarding academic titles: problematic aspects and analysis of possible improvement options. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. (3), 29–43. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10065> (in Russian).
Белосов С.А., Нырклов В.В. Механизм оценки научной квалификации посредством института присвоения ученых званий: проблемные аспекты и анализ возможных вариантов совершенствования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 29–43. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10065>
- Egorov, S.Yu. (2022) The problem of the integrity of the new Russian system of scientific attestation (on the example of requirements for a dissertation). *Modern education*. (1), 9–21. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2022.1.37622> (in Russian).
Егоров С.Ю. Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации) // Современное образование. 2022. № 1. С. 9–21. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2022.1.37622>
- Erokhina, T.V. & Nyrkov, V.V. (2021) Institute of awarding academic titles in the mechanism of career development of a scientific and scientific-pedagogical worker. *Legal policy and legal life*. (1), 199–217. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-199-216> (in Russian).
Ерохина Т.В., Нырклов В.В. Институт присвоения ученых званий в механизме развития карьеры научного и научно-педагогического работника // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 199–217. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-199-216>
- Gabov, A.V. (2020) The state system of scientific certification as a subject of legal regulation in the post-Soviet period. *Methodological problems of civil studies*. 2(2), 48–88. (in Russian).
Габов А.В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 48–88.
- Glukhov, E.A. (2021) Methodology of military-legal research. *Military law*. (1), 258–261. (in Russian).
Глухов Е.А. Методология военно-правовых исследований // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 258–261.

- Glukhov, E.A. & Novokshonov, D.V. (2020) Military doctoral students: problems of legal regulation of admission to doctoral studies and military service in it. *Law in the Armed Forces – Military-legal review*. (6), 75—81. (in Russian).
Глухов Е.А., Новокшионов Д.В. Военные докторанты: проблемы правового регламентирования поступления в докторантуру и прохождения в ней военной службы // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2020. № 6 (275). С. 75–81.
- Jan, T., Idrees, H. & Asif, N. (2020) Impact of HEC electronic information resources on research productivity of academicians: A systematic review. *Pakistan library and information science journal*. (51), 118–130.
- Kehm, B. M. (2007) Quo Vadis doctoral education? New European approaches in the context of global changes. *European Journal of Education*. (42), 307–319. <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2007.00308.x>
- Kehm, B.M., Freeman, R.P.J. & Locke, W. (2021) Growth and Diversification of Doctoral Education in the United Kingdom. In: *Doctoral Education for the Knowledge Society. Knowledge Studies in Higher Education*. Springer Cham, pp. 105–121. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89713-4_7
- Khokhlova, N.I. & Rustamova, L.R. (2017) The problem of training scientific and pedagogical personnel in higher school. *Bulletin of the Bryansk State University*. (4), 335–342. (in Russian).
Хохлова Н.И., Рустамова Л.Р. Проблема подготовки научно-педагогических кадров в высшей школе // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 4(34). С. 335–342.
- Kondakov, V.V. (2018) Normative aspects of preparing a dissertation for the degree of Candidate of Sciences. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 88(2), 118–129. <https://doi.org/10.7868/S0869587318020032> (in Russian).
Кондаков В.В. Нормативные аспекты подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук // *Вестник Российской академии наук*. 2018. Т. 88. № 2. С. 118–129. <https://doi.org/10.7868/S0869587318020032>
- Konin, N.M. (2010) *Administrative law of Russia: Textbook. 2nd ed., reprint. and add.* Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Конин Н.М. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.
- Kurochkina, O.L. (2013) Protection of intellectual property in innovative, technological and military-technical spheres. *Property relations in the Russian Federation*. (3), 87–90. (in Russian).
Курочкина О.Л. Охрана интеллектуальной собственности в инновационной, технологической и военно-технической сферах // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2013. № 3 (183). С. 87–90.
- Mason, S., Merga, M.K. & Morris, J.E. (2020) Choosing the Thesis by Publication approach: motivations and influencers for doctoral candidates. *The Australian Educational Researcher*. (47), 857–871. <https://doi.org/10.1007/s13384-019-00367-7>
- Matas, C. (2012) Educación doctoral y desarrollo de competencias: Una perspectiva internacional. *Revista de Docencia Universitaria*. (10), 163–191. <https://doi.org/10.4995/redu.2012.6102>
- Rigby, J. & Jones, B. (2020) Bringing the doctoral thesis by published papers to the Social Sciences and the Humanities: A quantitative easing? A small study of doctoral thesis submission rules and practice in two disciplines in the UK. *Scientometrics*. (124), 1387–1409. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03483-9>
- Romanovskaya, O.V. (2021) Problems of formation of the legal regime of the state system of scientific attestation. *Science. Society. State*. 9(3), 78–87. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-8> (in Russian).
Романовская О.В. Проблемы становления правового режима государственной системы научной аттестации // *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 3 (35). С. 78–87. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-8>

Rukavishnikov, S.M. (2022) Formation of the mechanism of administrative and legal regulation in the field of training of scientific and pedagogical personnel: constitutional and legal prerequisites. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. (1), 103—107. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_103 (in Russian).

Рукавишников С.М. Формирование механизма административно-правового регулирования в сфере подготовки научно-педагогических кадров: конституционно-правовые предпосылки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 103—107. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_103

Shestak, V.P. (2011) Doctoral studies. *Higher education in Russia*. (2), 38–51. (in Russian).

Шестак В.П. Докторантура // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 38–51.

Сведения об авторах:

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

ORCID ID: 0000-0003-3350-7775; SPIN-код: 4009-2210

e-mail: aysockolov@mail.ru

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

ORCID ID: 0000-0003-1156-3717; SPIN-код: 9411-6096

e-mail: olegoleg81@mail.ru

About the authors:

Aleksandr Yu. Sokolov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-3350-7775; SPIN-code: 4009-2210

e-mail: aysockolov@mail.ru

Oleg A. Lakaev – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher at the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-1156-3717; SPIN-code: 9411-6096

e-mail: olegoleg81@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918>

EDN: EBRUPM

Научная статья / Research Article

Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов

А.А. Ларичев , Л.В. Солдатова , В.В. Таболин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Российская Федерация

 alexander.larichev@gmail.com

Аннотация. Современный город является сосредоточием целого спектра разнообразных процессов и видов деятельности, жителей с разными потребностями, традициями и верованиями. Город – это также и арена столкновения экономических, политических и социальных интересов. Тенденции развития городов выражаются как в потребности централизованного определения направления развития городской среды, так и общественном запросе на большую гражданскую активность. В этих условиях сложно избежать конфликтов, но важно не смириться с этой очевидной истиной, а создать традицию постоянного вдумчивого анализа происходящих процессов, выявления причин и поиска решений. По мере того, как растет осознание важности коллективных усилий в создании комфортной городской среды, более востребованными становятся знания о подходах и общественных технологиях, применяемых для разрешения городских конфликтов. Одним из эффективных инструментов разрешения городских конфликтов могут являться локальные сообщества, создаваемые на субмуниципальных территориях в границах городов. Однако эффективность данного инструмента зависит от правильной организации внутригородских сообществ и обеспечения юридических гарантий их функционирования. Настоящее исследование выполнено с применением комплексного междисциплинарного подхода, заключающегося в рассмотрении городского развития и урбосреды через призму права. Исследование российских и зарубежных доктринальных источников наряду с нормативными правовыми актами и материалами судебной и правоприменительной практики позволяет сформировать достаточную картину состояния городской конфликтологии и обосновать роль локальных сообществ в их разрешении.

Ключевые слова: локальные сообщества, городские конфликты, местное самоуправление; защита прав, градорегулирование, урбанистика, территориальный публичный коллектив

© Ларичев А.А., Солдатова Л.В., Таболин В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. В данной статье использованы результаты проекта ТЗ-258 «Состояние и направления совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере градостроительной деятельности в российских городах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Поступила в редакцию: 30 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Ларичев А.А., Солдатова Л.В., Таболин В.В. Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 902–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918>

Local communities as a tool for urban conflict resolution

Alexander A. Larichev^{ID}✉, Larisa V. Soldatova^{ID}, Vladimir V. Tabolin^{ID}

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
✉alexander.larichev@gmail.com

Abstract. A modern city is a concentration of a whole range of diverse processes and activities, residents with different needs, traditions and beliefs. The city is also an arena of clashing economic, political and social interests. Urban development trends are expressed both in the need for centralized determination of the direction of urban environment, and public demand for greater civic engagement. Accordingly, conflicts cannot be avoided, but it is important not to accept this obvious truth, but to create a tradition of constant thoughtful analysis of ongoing processes, identifying causes and searching for solutions. As awareness of the importance of collective efforts in creating a comfortable urban environment grows, knowledge about the approaches and public technologies used to resolve urban conflicts becomes more in demand. One of the effective tools for resolving urban conflicts are local communities created on sub-municipal territories within the city boundaries. However, the effectiveness of this tool depends on the proper organization of intra-urban communities and provision of legal guarantees for their functioning. This study is carried out using a comprehensive interdisciplinary approach, implying the analysis of urban development and urban environment through the prism of law. The study of Russian and foreign doctrinal sources, along with normative legal acts and materials of judicial and law enforcement practice, allows to form a sufficient picture of the state of urban conflictology and substantiate the role of local communities in their resolution.

Key words: local communities, urban conflicts, local government, protection of rights, city regulation, urban studies, territorial public group

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

Funding. The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2022. This article uses the results of the project TZ-258 “State and directions for improving the legal regulation of public relations in the field of urban planning activities in Russian cities”, carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2022.

Received: 30th March 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Larichev, A.A., Soldatova, L.V., Tabolin, V.V. (2023) Local communities as a tool for urban conflict resolution. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 902–918. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918>

Введение

В последнее время в социальных науках и урбанистике одним из наиболее интересных для изучения стали городские конфликты. Ученые выделяют отдельные типы конфликтов, элементы их составляющие, значение для развития города. В качестве объекта городского конфликта рассматриваются проблемы, спровоцированные нелинейным принципом развития и функционирования городского сообщества и градостроительные проблемы (Glukhova, Kolba & Sokolov, 2018; Kolba, 2020).

Правовой подход к исследованию городских конфликтов, по нашему мнению, связан с таким сложным понятием, как правовая энтропия, которую Ю.В. Павлова (Pavlova, 2004:19) определяет как «меру неупорядоченности, известной дезорганизации правовой системы, которая является результатом нормальной динамики, движения материи в сфере права, приводящих к обострениям противоречий в системе, что влечет за собой неустойчивость структурных и функциональных связей, выражающуюся в неопределенности ее дальнейшего состояния и направления развития».

Анализируемое понятие правовой энтропии в городских отношениях можно рассматривать как узкое, так как участники городских отношений – жители, органы власти и управления, учреждения, организации, предприятия, физические и юридические лица – преобразуют весь город, реализуя свои интересы и потребности. Приведенный выше показатель отражает стабильность правовой ситуации в городе, может свидетельствовать о качестве правовых актов, обеспечивающих надлежащее регулирование общественных отношений в городе, нейтрализующих отношение жителей органам управления. В связи с этим энтропию города называют показателем уровня конфликтогенности городского сообщества и потенциальной возможности возникновения конфликтов в городской среде. Показатель энтропии (в виде определенных характеристик городской среды и жителей) отражает «качество управления городом, профессионализм должностных лиц администрации, степень безопасности жителей, экономическую и экологическую ситуации, социально-психологическое состояние горожан, политико-правовую стабильность власти» (Tabolin (ed.), 2021).

Необходимо согласиться с Т.Н. Ковалевой, которая совершенно верно выделяет ключевую проблему современных российских городов с точки зрения использования городского пространства. На первое место выходят социальные факторы. Она подчеркивает, что социальные факторы по своей сути предопределяют процесс урбанизации и сложности формирования корпоративных отношений (Kovaleva, 2014). Эти два взаимосвязанных процесса, зачастую по своей сути разнонаправленные, одновременно влияют на город, способствуют возникновению и разрастанию конфликтов. При конструировании модели регулирования отношений в мегаполисе, основанной на коммерческих экономических интересах и принципах утилитарности, без учета гуманитарных аспектов существования современного города создаст благотворную среду для столкновений и конфликтов.

«Незаметность» муниципальных городских проблем на федеральном уровне является естественным фактором политико-правовой организации такого большого

государства, как Россия, но это еще более актуализирует необходимость исследования социальных конфликтов в городах и создание эффективной системы их урегулирования на местном уровне. Это важно и с точки зрения механизмов их профилактики и разрешения, так как на городском уровне в большей степени имеются возможности «не силового» урегулирования, возникшего конфликта или его недопущение вовсе.

Понятие и виды городских конфликтов

Юридическая конфликтология, являясь достаточно новой для исследования областью науки, предполагает раскрытие ее содержания скорее с позиций «конкретизацию конфликтологической парадигмы в правовой теории» (Tretyak, 2019) в методологическом плане. Применительно к конкретной отрасли права конфликтология представляет собой исследовательский уровень юридической конфликтологии, направленный на изучение юридических конфликтов, определение их стадий, таких как выявление и разрешение, выявление условий возникновения, основанное на общетеоретических основах науки о социальных конфликтах.

По мнению А.Н. Сухова, конфликт как родовая категория является особым видом общения, в основе которого лежат различного рода «объективные или субъективные, реальные или ложные, но в различной степени осознаваемые противоречия в целях взаимодействующих сторон с попытками их разрешения на фоне эмоциональной напряженности». Под социальным конфликтом при этом, как правило, понимается определенный тип социального взаимодействия людей, причиной которого являются противоречия между потребностями, интересами, целями, социальным статусом, ролями, функциями социальных объектов (Starygina, 2015). Городской конфликт следует отнести к социальным конфликтам, хотя по внутреннему содержанию они могут включать в себя экономические, межгрупповые, экологические и иные составляющие (Ivanov, 2020), отличающимся от других социальных конфликтов тем, что «столкновение интересов различных субъектов происходит в рамках *городского сообщества* по поводу проблем *локального уровня*, формирующихся в его социальном пространстве» (Glukhova, Kolba & Sokolov, 2017). Подобные конфликты могут быть связаны с функционированием и развитием города, организацией городского пространства, предметом же городских конфликтов является сопоставление интересов сегментов городского сообщества при решении городских проблем и выбираемый способ реализации интересов и потребностей внутригородских акторов (Anisimov, 2020).

Современный город (крупный, средний, малый) – это всегда сосредоточие противоречивых ситуаций, которые становятся конфликтами или затухают при правильном понимании и регулировании городской властью всех процессов жизнедеятельности населения. При этом «городским конфликтом» можно считать только конфликт, возникший в социальном пространстве города, так как конфликты могут не иметь собственного социального основания, но быть привнесены в город искусственными способами извне с различными, в том числе и дестабилизирующими целями. Привнесенный конфликт может иметь коммерческую (например, интересы в освоении городской территории сторонним девелопером) либо политическую подоплеку (например, противоборство в ходе избирательной кампании). Городской конфликт *per se* вызван накоплением объективных противоречий между субъектами

городских отношений – властью, бизнесом и обществом, причем значительную роль в конфликте играют интересы жителей как представителей городского сообщества.

Конфликтологи обращают внимание на то, что городской конфликт имеет не только негативный контекст. С одной стороны, возникновение противоречий неизбежно, поэтому надо помнить, что это очередной и важный этап развития городского сообщества. С другой стороны, возникновение и развитие конфликта свидетельствует о нарушении уже существующих коммуникаций между общностями людей, что ведет к снижению групповой сплоченности. Поэтому основная задача регулирования заключается не в том, чтобы исключить возможность возникновения городских конфликтов. Они неизбежны, но для устойчивого развития города столь же неизбежной является систематическая работа по их купированию.

Рассмотрим различные подходы ученых к классификации конфликтов вообще и городских в частности, которые позволяют детально представить причины и структуру тех или иных конфликтов, а соответственно и определить способы их преодоления.

Классифицировать конфликты не так просто, необходимо целенаправленно и корректно определить основания выделения видов конфликтов. Так, например, А.Н. Сухов предлагает классифицировать конфликты в зависимости от сферы проявления (экономические, социальные и организационный конфликты) и по воздействию (конструктивные, деструктивные, гибридными (двойственные) (Sukhov, 2020).

А.С. Хохлов классифицирует юридические конфликты в зависимости от характера столкновения сторон, степени посягательства на права и свободы человека. Интересно, что, анализируя юридические конфликты, он выделяет формы столкновения конфликтующих сторон, включая заявление позиций, конфронтацию и агрессию. В целом данные формы характеризуют стадии развития конфликта, начиная с обозначения разных мнения, перетекающего в столкновение лицом к лицу в ходе развития конфликта, например, при подготовке, обсуждении и принятии нормативных правовых актов, актов правоприменения, заканчивая таким поведением в конфликтной ситуации, которое направлено на нанесение вреда противной стороне. Последняя форма может быть выражена и в совершении правонарушений (преступлений) (Khokhlov, 2014:125).

Одним из наиболее часто встречающимся основанием классификации городских конфликтов является сфера регулирования. Например, О.Б. Иванов условно подразделяет городские конфликты на градостроительные, инфраструктурные, экологические, символические. Преобразования в архитектурной среде, применение новых пространственных решений может повлечь возникновение градостроительных конфликтов. Инфраструктурные конфликты порождаются решениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства и топливно-энергетического комплекса. Часто те или иные изменения в городе влекут за собой ухудшение состояния природных объектов, качества воздуха, водных объектов и почв, сокращение площади зеленых насаждений, что не может не вызывать недовольство жителей. Подобные конфликты относят к экологическим. Еще одной важной для жителей сферой жизни выступают культовые, знаковые объекты, создающие уют, обеспечивающие комфортное существование (например, сквер, место встреч, кафе и т.д.), их снос или изменение без учета мнения местного населения может привести в развития символических конфликтов (Ivanov, 2020:105–106).

Виды городских конфликтов в зависимости от предмета спора и затрагиваемых отношений можно классифицировать следующим образом:

1. *Архитектурно-градостроительные конфликты*. С.Д. Мезенцев полагает, что на первое место среди причин городских конфликтов необходимо поставить не саму по себе урбанизацию, поскольку грамотная организация процессов управления позволяет нейтрализовать негативные эффекты, а проводимая градостроительная политика с ее не всегда продуманной организацией социального пространства (Mezentsev, 2010).

Нельзя не отметить сложившуюся тенденцию совершенствования градостроительного законодательства в целях повышения качества городской среды, увеличения объемов жилищного и социально-культурного назначения, более активного участия населения в принятии градостроительных решений и др.

О.Б. Иванов и Ю.И. Ильинская замечают, что представление о способах и методах, применяемых для развития и трансформации конкретного города, выборе траектории преобразования городской среды у жителей отличается. Любое общежитие, безусловно, это среда для конфликтов. А уж тем более такое обширное и разнообразное сообщество, как город, порождает много поводов для столкновения, противодействия сторон и конфликтов. И соответственно очень важно создать набор инструментов, позволяющих сохранять баланс в городском пространстве, обеспечить грамотную расстановку сил и сконструировать приемлемую для всех акторов процедуру принятия и согласования основных решений в области градостроительства. Культура диалога при решении городских конфликтов в России еще не сформирована, поэтому критически важно уделить этому вопросу должное внимание, учитывая технологические возможности управления и разрешения градостроительных конфликтов (Ivanov & Ilyinskaya, 2017);

2. *Экологические конфликты* приобретают все более распространенный и острый характер. Этому есть ряд причин: возрастающая актуальность обеспечения достойного качества жизни граждан, создание благоприятных условий существования, что сложно сочетать с постоянным сокращением территорий лесов и парков, сверхуплотненной жилой и промышленной застройкой;

3. *Административные конфликты* связаны, прежде всего, с порядком принятия решений и борьбой за власть в городе, порождающей часто неразрешимые противоречия между отдельными социальными группами и политическими объединениями. Кроме того, подобные конфликты возникают при непрофессиональной или безответственной деятельности органов коммунального хозяйства и социальных служб, которая, в свою очередь, связана с низким качеством подготовки руководителей и сотрудников различных органов власти и управления в городе либо с объективными обстоятельствами, повлекшими ненадлежащее качество обеспечения жизнедеятельности населения (отсутствие финансовых средств, природно-климатические условия, принятие популистских решений региональными и федеральными властями и т.п.);

4. Основными причинами *экономических конфликтов* в городе являются: безработица, низкий уровень заработной платы, тяжелые условия труда, отсутствие квалифицированных кадров, необоснованная миграционная политика и др. Городские власти (особенно когда это касается средних и малых городов) не всегда способны решать все эти проблемы, в силу целого ряда объективных причин, связанных с вопросами регионального и федерального ведения: программ и стратегий развития

страны и регионов, реализации политики государства в таких социальных областях, как образование, демография, миграция и др.;

5. *Социально-психологические конфликты* часто носят латентный характер, выражаясь в виде недовольства жителей по любому «подходящему» поводу. При этом не следует забывать, что первопричиной такого отношения выступает перманентное игнорирование мнения и интересов местных жителей при принятии решений, непосредственно влияющих на их жизнь и деятельность. Обостряющим фактором является сложный комплекс архитектурно-планировочных, культурологических, социально-досуговых, политико-правовых, инженерно-инфраструктурных, правоохранительных и других подобных «некомфортных» условий жизни в городе, требующих глубокого исследования причинно-следственных связей возникновения и научно обоснованных методов их разрешения.

Необходимо отметить некую условность подобной классификации, так как городской конфликт часто может иметь комплексный характер, объединяя несколько причин своего возникновения и развития, что в свою очередь требует от городской власти не банальных простых решений, а грамотного научно-обоснованного подхода к его разрешению.

Локальные сообщества в городах как фактор разрешения городских конфликтов

К одному из средств разрешения и предотвращения городских конфликтов можно отнести локальные сообщества как возможный институциональный элемент системы управления городами, в рамках которого потенциальные проблемы, связанные с функционированием городской среды, могут разрешаться гражданами на местном уровне, купируя их разрастание в более серьезное по масштабам социальное недовольство.

Следует отметить, что совокупность жителей города, с позиций теории местного самоуправления, является как объектом, так и субъектом управления. Данная совокупность в этом качестве представляет собой территориальный публичный коллектив, обладающий правами на самоуправление. К сожалению, российское законодательство не содержит определения территориального публичного коллектива, и помимо упоминания коллективных общностей местных жителей в качестве носителя прав на местное самоуправление в некоторых решениях Конституционного Суда РФ, в текущем правовом регулировании и науке муниципального права четкое понимание природы, структуры и функций таких коллективов отсутствует (Larichev & Vinogradov, 2021).

Местное сообщество, как и любой иной человеческий коллектив, характеризуется прямыми связями, объединяющими отдельных его членов, поэтому обосновательно считать, что границы функционирования территориального коллектива определяются административно-территориальным делением, определяемым сверху. Формирование сообщества детерминировано различными факторами, включая экономические, территориальные и инфраструктурные, однако, как показывает аналитика (Lazarev, 2004; Bezvikonnaya, 2018), общественные связи могут иметь сопряжение с такими факторами, но четко с ними не коррелировать. В рамках территориального публичного коллектива (ТПК) общественные связи определяются интересом жителей к участию в управлении соответствующей территорией, однако

расширение масштабов управления, особенно в ситуации крупного города либо мегаполиса приводит к их ослаблению. Здесь можно вспомнить верное рассуждение профессора Н.С. Тимофеева: «совместное проживание в городах массы людей в огромных домах формально делает их соседями, а то даже этого не делает, и они не знают друг друга; ни в какое «сообщество» люди не превращаются, самоорганизацией своей жизни не занимаются, по укоренившейся традиции исходя из того, что ими руководят сверху, со стороны – ранее домоуправления, теперь управляющие компании» (Timofeev, 2018).

Исходя из этого на протяжении довольно продолжительного времени доминировал концептуальный подход, согласно которому крупные города и агломерации должны управляться не на принципах самоуправления, но с помощью командно-административных форм. П. Кати и Т. Купер, анализируя литературу по городскому управлению XX в., выделяют в ней идеи о приоритете развития бюрократических форм, которые препятствовали бы захвату власти в городе со стороны социальных групп с узкими интересами. Централизованная бюрократия, наоборот, была призвана обеспечить справедливый подход к распределению ресурсов и грамотное решение вопросов местного значения (Kathi & Cooper, 2005:560). Эта идея и соответствующий подход к управлению получил наименование *administrative state* (Waldo, 1948).

В последние десятилетия XX в., однако, приходит осознание того, что местные сообщества, которые функционируют внутри городских агломераций, являются хорошими союзниками общегородской бюрократии, и городские власти не должны дистанцироваться от местных групп интересов, но наоборот привлекать их к решению местных вопросов (Chihladze & Friesen, 2022)

В странах Британского содружества, а также США такие структуры получили название *neighborhood councils* – соседские советы. Само название говорит о малом масштабе их деятельности и силе межличностных связей, определяемых отношениями добрососедства.

Схожие процессы наблюдаются и в ряде государств континентальной Европы. Законодательством земли Северный Рейн-Вестфалия¹ предусмотрено создание внутригородских районов внутри городских округов. Создаваемые внутригородские советы привлекаются к обсуждению важнейших вопросов городской жизни. Советы микрорайонов могут осуществлять различные виды активностей, включая рассмотрение обращений граждан, обеспечение интеграции и адаптации иностранцев, решение проблем пожилых, маломобильных граждан и молодежи.

Эти правовые меры, безусловно, направлены на создание механизмов, улучшающих жизнедеятельность городских сообществ в целом. Отдельные локальные самоуправленческие формы не ставят под удар функционирование общегородского территориального публичного коллектива, но наоборот, укрепляют его. Децентрализация и локализация в целях эффективного решения вопросов местного значения необходима в силу сущностной природы *сверхколлектива* города, в котором, как уже было отмечено, с расширением масштабов территории и населения ослабляются, истончаются «склеивающие» его общественные связи, падают показатели репрезентации интересов населения в общегородских органах власти.

¹ Gemeindeordnung für das Land Nordrhein-Westfalen vom 14 Juli 1994. Available at: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=2320021205103438063 [Accessed 2nd October 2022].

Формирование жизнеспособного сверхколлектива возможно только в условиях, когда население привлекается к решению локальных вопросов, таким образом устойчивый территориальный публичный коллектив может являться федерацией локальных сообществ. Такие сообщества могут либо самостоятельно решать вопросы местного значения (социальная помощь, волонтерство, локальное благоустройство), либо участвовать в их решении посредством, например, осуществления контроля за вывозом мусора, проведением ремонтных работ и т.д.

Специфика городского ТПК заключается также в том, что в отсутствие сильных сплачивающих механизмов позитивной повестки объединение жителей зачастую происходит на основе повестки негативной. В зарубежной практике широкой известны и изучен один из таких примеров – протесты жителей г. Штутгарта в Германии против перестройки центральной железнодорожной станции. Протест объединил большое количество жителей города независимо от их возраста и принадлежности к социальным группам (с политологической точки зрения такая форма протеста хорошо описана в «теории рамок» Д. Сноу (Benford & Snow, 2000). Подобные резонансные случаи общегородского протеста известны и в России, например протест в г. Екатеринбурге в 2019 г. (Массовые акции протеста прошли в сквере на Октябрьской площади Екатеринбурга в марте — июне 2019 г., 2023 г.). Городской конфликт не всегда приобретает общегородской резонанс, вместе с тем конфликты такого рода могут иметь достаточно затяжной характер и выходить за пределы района локализации. Так, например, один из самых громких городских конфликтов в связи с благоустройством территории в г. Москве связан с решением о строительстве храма в парке Торфянка (Argenbright, 2016). В 2014 г. было принято решение о предоставлении в безвозмездное срочное пользование ФХУ РПЦ земельного участка, являющегося частью территории объекта природного комплекса № 65 СВАО «Парк на Изумрудной улице» (неофициальное название – парк «Торфянка»)². В июне 2015 г. рабочие огородили часть парка, где начались капитальные строительные работы. Местные жители активно отреагировали на происходящее: были направлены жалобы и обращения в различные органы власти, проводились митинги, встречи, акции. Фактически местное сообщество разделилось на два лагеря: одни считали, что храм никому не помешает, другие настаивали на том, что парк предназначен для прогулок и отдыха, а не для капитального строительства. Протестующие заблокировали проезд строительной техники, разбили палаточный лагерь и следили за всеми действиями строителей. Не обошлось и без непосредственных столкновений, провокаций и стычек, за которыми последовали задержания и привлечение виновных к ответственности.

Противники строительства в июле 2015 г. обратились в суд с иском об отмене результатов публичных слушаний от 16.01.2012 г. по рассмотрению проекта планировки участка под строительство храма как проведенных с нарушением требований законодательства³. Предметом обсуждения на публичных слушаниях, проведенных префектурой и управой в 2012 г., была площадь храмовый застройки в размере

² Постановление Правительства Москвы № 280-ПП от 30.04.2013 «Об утверждении проекта планировки части территории объекта природного комплекса № 65 Северо-Восточного административного округа города Москвы «Парк на Изумрудной ул. по адресу: Осташковский проезд, вл. 4».

³ Определение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 31.07.2015 № 2-5025/15. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/civil/details/a5692c4e-e890-4bbc-be5f-65928864c35e> (дата обращения: 01.02.2023).

0,7 га. Однако постановлением Правительства Москвы от 30.04.2013 размер площади строительства был изменен и составил 0,2 га. Соответственно, истцы полагали, что другая площадь строительства (пусть даже и меньшая) представляет собой существенное изменение условий строительства, а потому это новый проект, который должен обсуждаться на других слушаниях.

Несмотря на предпринимаемые усилия, конфликт становился все более острым. Поэтому органы власти выбрали для храма новый участок возле станции Лосино-островская, и уже в 2016 г. там был построен деревянный храм-часовня, а после началось возведение кирпичного здания храма. Более того, для полного сглаживания конфликта в 2017 г. было предложено благоустроить парк: почистить пруд, посадить деревья и сделать два арт-объекта — «Поклонный крест», символизирующий прохождение через Лосинку старого паломнического маршрута в Лавру, и скульптуру лося, как символ Лосиноостровского района. Однако местное сообщество, столкнувшееся на своем личном опыте с далеко не всегда прозрачной процедурой принятия решений, настаивало на исключении из проекта благоустройства первого арт-объекта. Проведение префектурой встреч с местными жителями на этой стадии уже не дало ожидаемого результата, консенсус не был достигнут. Благоустройство территории парка, проведенное в 2019 г., не затронуло участок, предоставленный ФХУ РПЦ. И, наконец, в 2022 г. история подошла к своему завершению: забор и крест были демонтированы.

Разрастание этого конфликта до общероссийского уровня, включение в него все большего количества участников еще раз напоминает о том, что по сути локальный конфликт, связанный с использованием земель общего пользования под размещение капитальных объектов без предварительного изучения социальных ожиданий может вызвать протесты населения большего масштаба. Если бы в тот момент в рассматриваемой территориальной зоне функционировало институционализированное локальное сообщество местных жителей, которое участвовало бы в согласовании проекта строительства, то, возможно, конфликта удалось бы избежать. Сам проект строительства также мог быть реализован, поскольку вовлечение активного населения в решение связанных вопросов дало бы ощущение сопричастности граждан к реализации проекта.

Рассматривая городские конфликты, стоит также вспомнить об охране объектов культурного наследия. Выполняя важную роль в жизни общества, объекты культурного наследия выступают не только местами «живого прошлого», но и создают опору на нечто незыблемое, существующее вне времени в быстро меняющихся реалиях повседневности (Page & Mason (eds.), 2004:75). Наличие эмоциональной связи и реальной зависимости от исторических мест и объектов также предполагает активное включение жителей в процессы по их сносу, реконструкции или благоустройству (Lowenthal, 1998:234).

Так, например, показательным является конфликт вокруг охранной зоны музея-усадьбы «Архангельское», расположенного в Красногорском районе Московской области. Этот дворцово-парковый ансамбль конца XVIII в. включен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения⁴.

⁴ Ансамбль усадьбы «Архангельское» был принят под государственную охрану как объект культурного наследия федерального значения; постановление Совета министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Режим доступа:

В 2001 г., когда были утверждены границы территории и зон охраны усадьбы «Архангельское»⁵, их обоснованность и соответствие действующему законодательству неоднократно были подтверждены арбитражными судами⁶. Границы охранной зоны были установлены в соответствии с требованиями законодательства: проведен кадастровый учет, сведения внесены в Единый государственный реестр недвижимости, а также отображены в документах территориального планирования и градостроительного зонирования.

Тем не менее, с начала 2000-х гг. осуществлялись неоднократные попытки уменьшения площади утвержденных зон охраны усадьбы «Архангельское» в целях застройки охраняемых территорий. За прошедшее время состоялось порядка 30 судебных процессов в защиту музея-усадьбы. На все проекты сокращения зон охраны, появляющиеся с периодичностью почти раз в два года, сразу реагировала общественность: проводились разнообразные акции, направлялись обращения в органы власти, готовились экспертные заключения, подавались иски в суды, в результате чего по целому ряду спорных участков имеются вступившие в законную силу решения судов, признавших незаконными проекты строительства на них или определивших объекты самовольными постройками (в том числе в отношении рощи пейзажного парка за театром Гонзаги, Лохина острова и Ильинской поймы, Косыгинского парка и Парка Победы в пос. Архангельское и многих других территорий).

В данном случае показательно объединение местных жителей с администрацией музея-усадьбы и экспертным сообществом, что позволило достичь впечатляющих результатов: была остановлена застройка зон охраны, а большая часть охраняемых земель оформлена в пользование музея.

Очередной проект начал реализовываться в 2017 г.: все охранные зоны «Архангельского» предлагалось перевести в статус «достопримечательного места», что позволяло начать активную застройку территории, однако под давлением общественности проект не был осуществлен. Но уже в 2019 г. по заказу Государственного музея-усадьбы «Архангельское» НИиПИ Генплана г. Москвы был разработан новый проект зон охраны⁷. Данный проект был согласован Министерством культуры России в декабре 2019 г., и почти сразу Правительством Московской области данный проект был утвержден. Местные жители и экспертное сообщество сразу отреагировали на происходящее. Проведя анализ принимаемых решений, они выявили нарушения: проект не проходил никаких обсуждений на экспертных площадках Минкультуры, а при проведении процедуры общественного обсуждения на официальном сайте Главного управления культурного наследия Московской области проекта попросту не

<https://docs.cntd.ru/document/9012089> (дата обращения: 01.02.2023) и Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 № 176 «Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10104140/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Постановление Правительства Московской области от 30.05.2001 № 156/18 (с изменениями от 20.05.2013 № 331/19). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456081771> (дата обращения: 01.02.2023).

⁶ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2005 № 10АП-957/05-ГК; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.09.2013 № 17867/12; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2014 № А41-44108/2010.

⁷ О проекте охранных зон музея-усадьбы «Архангельское» // Институт Генплана Москвы. 2020. Режим доступа: https://genplanmos.ru/publication/2020_06_15_o-proekte-ohrannyh-zon-muzeya-usadby-arhangel'skoe/ (дата обращения: 01.02.2023).

оказалось. Все время обсуждения на сайте можно было ознакомиться только с проектом зон охраны Братской могилы советских воинов в Волоколамском районе. Местными жителями были подготовлены и направлены мотивированные возражения на данный проект, проведены акции (пикеты) в Архангельском, Ильинском, других поселениях, у здания Минкультуры с требованием отклонить данный проект; обсуждение проекта было организовано на разных площадках; направлены сотни писем в разные инстанции с требованиями спасти Архангельское.

Благодаря сплоченной позиции местных жителей и экспертного сообщества проект в декабре 2019 г. не был утвержден, а 300 гектарам земель был возвращен статус охраняемых: территория Ильинской поймы снова вошла в зону охраняемого природного ландшафта, земли парка Победы в поселке Архангельское отнесены к зоне охраняемого ландшафта, в зону регулирования застройки была возвращена деревня Захарково. Однако в остальном проект не претерпел ожидаемых изменений. Представителям общественности этого показалось недостаточным, и они обратились в суд с иском об оспаривании постановления Правительства МО, изменившего границы охранной зоны усадьбы.

Следует отметить, что подобные конфликты далеко не всегда связаны с охраной классических высокохудожественных объектов, не менее значимыми для жителей могут быть здания или места, не имеющие общегосударственной исторической значимости, не обладающие признанной архитектурной ценностью, скорее речь идет об объектах, влияющих на городской контекст. В таком случае на первый план выходит значимость для местных жителей сохранения непосредственно их исторической и эмоциональной памяти, привязанностей, традиций, объединяющих людей, формирующих связь между поколениями. Это может быть совершенно обычное место или здание, где несколько поколений проводило время, – кафе, бар, скверик и т.д. – являющиеся скорее типичными, а не исключительными. В данном случае игнорирование органами публичной власти мнения локальных сообществ также приводит к конфликтам. Примером может послужить спор вокруг сноса в 2014 г. кафе «Блинчики» в центре города Владимира, где люди вышли с протестами на улицы, 1500 жителей города подписали петицию против сноса, высказывая мнение о том, что данное кафе для них – это часть города и жизни их семей, также были направлены и обращения местных жителей в различные органы власти и губернатору (*Российская газета*. Экономика центрального округа, 2016:12 мая).

Анри Лефевр, известный французский урбанист, утверждал, что в психике человека существует привязка к объектам местной инфраструктуры, определяемая повседневным опытом жизни и взаимодействия с набором внешних объектов (дом, двор, улица, церковь). Таким образом, городская среда сквозь призму человеческого восприятия есть совокупность представлений и переживаний (Lefebvre, 1996). Соответственно и право на город, включающее право на участие в развитии городской среды (Medvedev, 2015), неразрывно связано с социальными аспектами пребывания в определенном пространстве, реализацией побуждения собираться вместе с другими жителями, искать решения городских вопросов и самостоятельно вносить вклад в их решение.

Таким образом, становится ясной и эмоциональная привязка жителей к определенным объектам внутри города, будь то парк, сквер либо определенное строение, и желание защищать эти объекты в том случае, если им грозит какая-то опасность либо

изменение, которое с жителями не согласовано, но коренным образом меняет объект городской инфраструктуры либо его свойства.

Психологическая привязанность отдельного человека к пространству его проживания и жизнедеятельности также является значимым условием создания эффективно функционирующего локального сообщества, которое могло бы принимать участие в решении подобных вопросов, купируя возникновение и (или) разрастание значительной части городских конфликтов. Такие сообщества, во избежание формализации процесса и его отрыва от конечной цели объединения заинтересованных и равнодушных жителей, должны создаваться с учетом соответствующих технологий территориально-социального проектирования. Наиболее интересным в этой связи можно считать подход по выявлению на городских территориях сообществ, формируемых по принципу так называемой «ментальной карты». В рамках данного подхода может проводиться опрос жителей с выявлением зоны их интересов – пользования транспортной инфраструктурой, отдыха, занятия спортом, покупок на территории проживания. Соединение точек коммуникации между этими объектами показывает географическое пространство – ареал интересов отдельного человека, а на больших масштабах показывает кумулятивную усредненную географическую карту, на основе которой можно формировать локальное сообщество.

Действующие на территориях, по масштабам меньшим, чем городские районы, такие сообщества могли бы с организационной точки зрения быть представлены советами жителей. Локальные сообщества и соответствующие советы было бы целесообразно включить в общемуниципальный управленческий механизм – это позволило бы, в отличие от закрепленного в настоящее время в российском законодательстве института ТОС, предоставить таким сообществам финансовые гарантии их деятельности и наделить реальными функциями по участию в решении вопросов местного значения. Среди таких функций может быть и обязательное участие в согласовании проектов планировки, застройки и реконструкции объектов на соответствующих локальных территориях. Локальные сообщества, институционализированные в праве с должным набором организационных и функциональных составляющих их статуса, могли бы стать социетальной основой не только устранения городских конфликтов, но и элементом устойчивого развития города как сложного пространственного, общественного и инфраструктурного явления.

Заключение

Как было отмечено в настоящем исследовании, городские конфликты относятся к типам общественных конфликтов, которые могут иметь разные основания и элементы, но которые можно объединить по критерию первичной локальности и разворачивания в рамках городской среды. Присутствие городских конфликтов является свидетельством динамики, развития города как системы и в этой связи их нельзя считать исключительно вредным явлением. С другой стороны, постоянная конфликтная среда носит разрушительный характер, поэтому городские конфликты необходимо вовремя купировать, избегая их разрастания.

Частой причиной возникновения городских конфликтов является осуществление местными органами власти своих полномочий по решению вопросов местного значения на городских территориях без учета мнения населения. Формальный подход к реализации соответствующих требований в сфере градостроительства, при

решении экологических проблем, в рамках развития транспортной и иной инфраструктуры в городах ведет к возникновению затяжной конфронтации, что никак не способствует ни созданию комфортной городской среды, ни обеспечению экономического развития и социальной стабильности.

Без создания качественных инструментов диалога между жителями города и органами местного самоуправления невозможно обеспечить принципиальное изменение формы взаимодействия от противостояния к соучастию.

Способность отдельного жителя влиять на развитие конкретной территории его проживания, особенно в городских условиях, наоборот, может содействовать росту ощущения его сопричастности к решению вопросов функционирования урбосреды. Перенос решения локальных проблем на соответствующий уровень может, таким образом, помочь избежать мобилизации общегородского ТПК на негативной повестке, купируя и предотвращая развитие масштабных городских конфликтов.

Зарубежный опыт показывает, что эффективным средством вовлечения городских жителей в решение вопросов локального характера может являться институционализация сообществ на внутригородских территориях. Такие локальные сообщества было бы целесообразно включить в управленческий механизм управления города, наделив их финансовыми и организационными гарантиями деятельности. Однако в России внедрение такого механизма зависит от возможности юридической формализации соответствующего института.

References / Список литературы

- Anisimov, N.O. (2020) On the content of the concept of urban conflict. *Nauka. Art. Culture*. 1(25), 187–197. (in Russian).
Анисимов Н.О. К вопросу о содержании понятия «городской конфликт» // Наука. Искусство. Культура. 2020. Выпуск 1(25). С. 187–197.
- Argenbright, R. (2016) *Moscow under Construction: City building, place-based protest, and civil society*. Lanham, MD, Lexington Books.
- Benford, R. & Snow, D. (2000) Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. (26), 611–639.
- Bezvikonnaya, E.V. (2018) The category of local community in the structure of self-management: a historical and conceptual analysis. *Society: politics, economics, law*. (7), 10–16. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.7.1>. (in Russian).
Безвиконная Е.В. Категория «местное сообщество» в структуре процессов самоорганизации: историко-концептуальный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7. С. 10–16. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.7.1>.
- Chihladze, L.T. & Friesen, O.A. (2022) Implementation of the constitutional provisions on a unified public authority in the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 26(1), 7–24. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-7-24> (in Russian).
Чихладзе Л.Т., Фризен О.А. Реализация конституционных положений о единой публичной власти в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 1. С. 7–24. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-7-24>
- Glukhova, A.V., Kolba, A.I. & Sokolov, A.V. (2017) Political-institutional and communicative aspects of interaction of subjects of urban conflicts (based on the materials of an expert survey). *Man. Community. Management*. 18(4), 44–65. (in Russian).
Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 44–65.

- Glukhova, A.V., Kolba, A.I. & Sokolov, A.V. (2018) Urban conflict as an object of research and political management: problems of conceptualization. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science.* (4), 5–12. (in Russian).
Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации // Вестник ВГУ. Серия: история. политология. социология. 2018. № 4. С. 5–12.
- Ivanov, O.B. (2020) Urban conflicts: typology and mediation. *Power.* 4, 99—104. (in Russian).
Иванов О.Б. Городские конфликты: типология и медиация // Власть. 2020. № 4. С. 99–104.
- Ivanov, O.B. & Plyinskaya, Yu.I. (2017) Mediation in urban conflicts. *Urbanistics.* (2), 1–10. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2017.2.22594> (in Russian).
Иванов О.Б., Ильинская Ю.И. Медиация в градостроительных конфликтах // Урбанистика. 2017. № 2. С. 1–10. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2017.2.22594>
- Kathi, P.C. & Cooper, T.L. (2005) Democratizing the administrative state: connecting neighborhood councils and city agencies. *Public Administration Review.* 65(5), 559–567. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00483.x>
- Khokhlov, A.S. (2014) *Conflictology. History. Theory. Practice: a textbook.* Samara, SF GBOU VPO MSPU Publ. (in Russian).
Хохлов А.С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учебное пособие. Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. 312 с.
- Kolba, A.I. (2020) The study of regional and urban political conflicts: basic concepts and prospects for the development of subdisciplines. *Political Science.* (3), 52–73. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.03> (in Russian).
Кольба А.И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. 2020. № 3. С. 52–73. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.03>
- Kovaleva, T.N. (2014) Social factors of dehumanization of modern urban space. *Society: philosophy, history, culture.* (2), 17–19. (in Russian).
Ковалева Т.Н. Социальные факторы дегуманизации современного городского пространства // Общество: философия, история, культура. 2014. № 2. С. 17–19.
- Larichev, A.A. & Markwart, E. (2020) Local communities as a tool for the development of general municipal democracy: the experience of Germany and lessons for Russia. *Comparative Constitutional Review.* 5 (138), 80–81. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-74-88> (in Russian).
Ларичев А.А., Маркварт Э. Локальные сообщества как инструмент развития общегородской муниципальной демократии: опыт Германии и уроки для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5(138). С. 80–81. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-74-88>
- Larichev, A.A. & Vinogradov, V.A. (2021) The city and urban communities: legal and urban aspects of the correlation of the whole and the part. *Municipal property: economics, law, management.* (2), 30–35. Doi: 10.18572/2500-0349-2021-2-30-35. (in Russian).
Ларичев А.А., Виноградов В.А. Город и городские сообщества: юридические и урбано-логические аспекты соотношения целого и части // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 2. С. 30–35. Doi: 10.18572/2500-0349-2021-2-30-35.
- Lazarev, V.N. (2004) Social foundations of local self-government: monograph. Belgorod, Logiya Publ. (in Russian).
Лазарев В.Н. Социальные основы местного самоуправления: монография. Белгород: Логия, 2004. 298 с.
- Lefebvre, H. (1996) Writings on cities. *Henry Lefebvre: selected, translated, and introduced by Leonore Kofman and Elizabeth Lebas.* Malden, Blackwell Publishing, 103–109.
- Lowenthal, D. (1998) *The Heritage Crusade and the Spoils of History.* Cambridge, Cambridge University Press.

- Medvedev, I.R. (2015) The right to the city. *Law*. 6, 181–195. (in Russian).
Медведев И.Р. Право на город // Закон. 2015. № 6. С. 181–195.
- Mezentsev, S.D. (2010) Modern urban planning: due and existing, ideals and reality. *Vestnik MGSU*. (4-3), 389–393. (in Russian).
Мезенцев С.Д. Современное градостроительство: должное и существующее, идеалы и реальность // Вестник МГСУ. 2010. № 4–3. С. 389–393.
- Page, M. & Mason, R. (eds.) (2004) *Giving preservation a history*. London, Routledge.
- Pavlova, Yu.V. (2004) *Legal entropy. Abstract dis. ... cand. legal of sciences*. Vladimir, Vladimir Law Institute. (in Russian).
Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, Владимирский юридический институт, 2004. 23 с.
- Starygina, P.S. (2015) Organizational and managerial mechanisms of regulation of social conflicts: regulatory and legal aspect. *Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences*. (2), 85–94. (in Russian).
Старыгина П.С. Организационно-управленческие механизмы регулирования социальных конфликтов: нормативно-правовой аспект // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 2. С. 85–94.
- Sukhov, A.N. (2020) Social conflictology: theoretical and historical aspect. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (4), 300–304. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10250> (in Russian).
Сухов А.Н. Социальная конфликтология: теоретико-исторический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 300–304. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10250>
- Tabolin, V.V. (ed.) (2021) *Legal urbanology. Urbanological theory: monograph: in 2 vols*. Moscow, Yustitsinform Publ. (in Russian).
Юридическая урбаноология. Урбанологическая теория: монография: в 2 т./ коллектив авторов; под общ. ред. В.В. Таболина. М.: Юстицинформ, 2021. 824 с.
- Timofeev, N.S. (2018) Trends and directions of conceptual development of local self-government in Russia (article one). *Constitutional and municipal law*. (10), 52–63. (in Russian).
Тимофеев Н.С. Тенденции и направления концептуального развития местного самоуправления в России (статья первая) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 52–63.
- Tretyak, I.A. (2019) Legal conflictology in constitutional and municipal law. *Law enforcement*. 3(1), 55–61. (in Russian).
Третьяк И.А. Юридическая конфликтология в конституционном и муниципальном праве // Правоприменение. 2019. Том 3. № 1. С. 55–61.
- Waldo, D. (1948) *The Administrative State: A Study of the Political Theory of American Public Administration*. New York, Ronald Press Co.

Сведения об авторах:

Ларичев Александр Алексеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор департамента публичного права, заместитель декана по научной работе, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3

ORCID ID: 0000-0002-6452-6787, SPIN-код 5047-7453

e-mail: alexander.larichev@gmail.com

Солдатова Лариса Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента публичного права, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3

ORCID ID: 0000-0001-7731-4153, SPIN-код 4397-5682

e-mail: lvsoldatova@hse.ru

Таболин Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента публичного права, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., д. 3

ORCID ID: 0000-0002-2418-8189, SPIN-код 7856-6333

e-mail: tabolin@mail.ru

About the authors:

Alexander A. Larichev – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Public Law, Deputy Dean for Research, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6452-6787, SPIN-code 5047-7453

e-mail: alexander.larichev@gmail.com

Larisa V. Soldatova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-7731-4153, SPIN-code 4397-5682

e-mail: lvsoldatova@hse.ru

Vladimir V. Tabolin – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Full Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-2418-8189, SPIN-code 7856-6333

e-mail: tabolin@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

EDN: GAWEEV

Научная статья / Research Article

Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноразовного правового регулирования

И.Н. Исаков

Московский институт электронной техники, г. Москва, Российская Федерация

 isakov2009@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена значительным усложнением общественных отношений, высоким их динамизмом, стремительным ростом новых высоких технологий в развитии современного права, его ориентированностью на реализацию конституционного принципа равенства. Предпринята попытка обосновать, что социальная направленность Российского государства и применение новых высоких технологий в праве дают возможность нормам первичного регулирования более активно участвовать в расширении круга субъектов, наделенных правом принятия норм первичного регулирования, в результате чего правовое регулирование необходимо приобретает разноразовный характер, а высокотехнологичное право, благодаря новым свойствам (технологичность, логистичность, наукоемкость) выступает эффективным средством осуществления принципа равенства в конкретных правоотношениях. Целью работы является обоснование роли высоких технологий в качестве эффективного средства реализации конституционного принципа равенства в условиях разноразовного правового регулирования. Материалами для проведения исследования послужили труды ученых-юристов, а также специалистов в области философии, теории права, социологии, технологии, юридическая практика, нормативная правовая база федерального, регионального, муниципального и локального уровней, практический опыт работы автора в правоохранительной сфере и преподавательской деятельности. Выводы получены на основе общенаучных методов исследования: диалектического, системного, логического, социологического, а также частно-научных и специальных методов. Обосновано, что новые высокие технологии в праве существенно корректируют основные теоретические установки первичного правового регулирования, его парадигмы и практическую направленность, развивают идею разноразовного и интегративного характера правового регулирования. Дается авторская интерпретация понятиям «равенство», «разноразовное правовое регулирование». Раскрываются механизмы действия высоких технологий в реализации правового равенства. Показаны позитивные результаты применения в разноразовном правовом регулировании цифрового государственного управления, искусственного интеллекта, электронного правительства и др.

Ключевые слова: право, правотворчество, принцип правового равенства, разноразовное правовое регулирование, правоприменение, новые высокие технологии, преобразование права, высокотехнологичное право

© Исаков И.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 15 января 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Исаков И.Н. Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation

Igor N. Isakov

Moscow Institute of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation

 isakov2009@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the significant complication of public relations, their high dynamism, rapid growth of new technologies in the development of modern law and its focus on the implementation of the constitutional principle of equality. An attempt is made to substantiate that the social orientation of the Russian Federation and the use of high technologies in law allows to expand the range of subjects entitled to adopt the norms of primary regulation; as a result, legal regulation necessarily acquires a multi-level character, and high-tech law, due to new properties (feasibility, logistics, research intensity) acts as an effective means of implementing the principle of equality in specific legal relations. The purpose of the work is to substantiate the role of high technologies as an effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. The materials for the research are the works of legal scholars, as well as specialists in the field of philosophy, theory of law, sociology, technology, legal practice, regulatory legal framework of the federal, regional, municipal and local levels, and the author's practical experience in law enforcement and teaching. The research employs the following methodology. The findings are based on general scientific research methods: dialectical, systematic, logical, sociological, as well as private scientific and special. The Results may be formulated as follows: it is proved that new technologies in law significantly correct the basic theoretical principles of primary legal regulation, its paradigms and practical orientation, develop the idea of a multi-level and integrative nature of legal regulation. The author's interpretation of the concepts of "equality", "multilevel legal regulation" is suggested. The mechanisms of high technologies in the realization of legal equality are revealed. The positive results of the application of digital public administration, artificial intelligence, e-government, etc. in multi-level legal regulation are demonstrated.

Key words: law, law making, the principle of legal equality, multilevel legal regulation, law enforcement, new technologies, transformation of law, high-tech law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 15th January 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Isakov, I.N. (2023) New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

Равенство – вековая мечта человечества
Ж.-Ж. Руссо

Введение

Происходящие в современном российском обществе изменения, требующие дальнейшего формирования права, ориентированного на реализацию конституционного принципа равенства, остро нуждаются в новых средствах правового регулирования, или, как отмечается в литературе, в «последовательном преобразовании права» (Trofimov, 2015), что становится ключевой и актуальной задачей юридической науки. По меткому выражению К. Маркса, «закон является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей». И далее Маркс акцентирует внимание на том, что «правовая природа вещей не может приспособляться к закону, напротив, закон должен приспособляться к ней» (Marx, 1955:22). Такой вывод известного аналитика, с одной стороны, подтверждает закономерный характер развития правовых явлений и процессов, что нисколько не утрачивает соей актуальности относительно преобразования современного права. С другой стороны, упомянутый вывод показывает, что отсутствие обоснованных представлений о закономерностях и особенностях формирования на современном этапе такого важнейшего атрибута общества и государства, каким является право, с нашей точки зрения, может выступать основной причиной нереализованных ожиданий и в первую очередь в сфере осуществления конституционного принципа равенства (ст. 19) (далее по тексту принципа правового равенства).

В данном случае речь идет о формировании права, в основе которого лежит двуединый (общесоциальный и планомерно-рациональный) процесс создания правовых норм, закрепляющих и использующих высокие технологии в правотворческой, регулятивной и иных видах юридической деятельности, обеспечивающей совершенствование общественных отношений, перевод принципа правового равенства в практическую плоскость на различных уровнях правового регулирования.

Между тем практика показывает, что всякий раз, когда появлялись новые технологии в праве, то значительно активизировалась научная и практическая деятельность, как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне юриспруденции. Случилось так и на рубеже конца XX – начале XXI вв. Органично вошедшие во многие сферы общественной жизни новые высокие технологии показывают неизбежность наступления четвертой промышленной революции, как логического продолжения современной компьютеризации и информатизации всех сфер общества (Bertovsky, 2021:739). Это подтверждают результаты развития высоких технологий в Китае и Южной Корее¹.

В Российской Федерации новые технологии отчаянно проникли в сферу права сначала в форме компьютеризации, а затем и цифровизации. «Приспособившись» к ним, право становится все более «высокотехнологичным», «цифровым»,

¹ См.: 10 ключевых технологий последнего десятилетия. Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/skillfactory/blog/533668/> (дата обращения: 22.12.2022).

«машиночитаемым» и др. заявляет о себе, как о новом качественном явлении общественной жизни (Bertovsky, 2021:735).

Соглашаясь с такой позицией, можно подчеркнуть, что высокие технологии стали уменьшать либо вовсе исключать ошибки во всех видах юридической, управленческой, предпринимательской, кадровой и другой деятельности (например, сокращение времени на изучение информации об уровне знаний, умений, профессиональных навыков и опыта деятельности работника, поиск рабочих мест в центрах занятости населения, проведение тестов при назначении на вакантные должности, электронный документооборот между работниками и работодателями и др.).

Убедительным подтверждением проникновения высоких технологий в право может служить закрепление в Гражданском кодексе РФ понятия «цифровые права» (ст. 141.1). Соответствующие изменения внесены и в другие законы отраслевого и комплексного правового регулирования. Как отмечается в литературе, новые высокие технологии быстро меняют современное российское право. Скорость изменений нарастает практически ежедневно. Правовое регулирование становится все более динамичным, ибо новые акты появляются все быстрее. При этом система нормативных актов становится «сверхсложной» и «слабо управляемой». В ней растет число «противоречий и неполных логических цепочек»². «Цифровизация охватывает все виды коммуникаций» (Bertovsky, 2021), «повышает качество нормативных правовых актов» (Pashentsev & Alimova, 2019; Sokolov & Soldatkina, 2022). По нашему представлению, высокие технологии в праве способствуют активизации деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов правотворчества, побуждают юристов-практиков к разработке и претворению в жизнь новых подходов к достижению реального равноправия в конкретных правоотношениях³.

Под этим углом зрения предпринимается попытка обосновать роль высоких технологий в формировании современного права и его ориентированность на осуществление принципа правового равенства в конкретных правоотношениях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) опираясь на достигнутый уровень технологичности современного права и учитывая степень исследования такого феномена в трудах ученых, показать способность права использовать высокие технологии в различных сферах, отраслях права и уровнях правового регулирования; 2) раскрыть смысл конституционного принципа равенства в условиях применения новых технологий как цели и перспективного направления развития общественных отношений; 3) подвергнуть анализу сферы, отрасли права и уровни правового регулирования, на которых используются высокие технологии; 4) сформулировать выводы.

Цифровизация в праве как новое особо организованное средство осуществления конституционного принципа равенства

Современные изменения в российском праве, отличающиеся от предыдущих этапов стремительностью и противоречивостью интегрирования правовых средств первичного регулирования с новыми высокими технологиями в праве, унифицируют основные виды юридической деятельности и в первую очередь первичное правовое

² Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 07.01.2023).

³ Под принципом равноправия (равенство в праве, правовое равенство, равное право) автор понимает равенство субъектов в их правах, закреплённое Конституцией РФ и действующим законодательством.

регулирование, которое в условиях демократического государства приобретает разноуровневый характер.

В этом контексте смысл цифровизации в праве состоит в переносе в компьютер знаний о праве и его функций, которыми владеет человек. Так, выполняя особую роль в первичном регулировании, цифровые технологии способствуют реализации всеобщих и фундаментальных принципов равенства, справедливости, эквивалентности и др. в различных сферах общественной жизни: управленческой, кадровой, предпринимательской, образовательной, медицинской, банковской, экологической, пенсионной и др. При этом в приоритетном порядке новые технологии вместе с другими правовыми средствами обеспечивают укрепление конституционного строя, сохранение суверенитета и целостности российской государственности как главных и необходимых условий реализации принципа правового равенства.

Если с этих позиций характеризовать роль высоких технологий в осуществлении принципа правового равенства крупным планом, то просматривается тенденция появления новых высокотехнологичных и эффективных правовых моделей, способствующих снятию противоречий в правовом пространстве, снижению социального неравенства в российском обществе, продвижению его по пути комплексной модернизации в социальной, технологической и иных сферах. Неслучайно российские и зарубежные ученые-юристы солидарны в том, что «технологическое право» все больше формируется в качестве отдельной и новой области права. Так, М. Guihot проведенным исследованием установил, насколько можно согласовать нормы и принципы действующего права в сфере здравоохранения и экологии, и обосновал необходимость унификации законодательства в названных сферах на основе цифровых технологий. Опираясь на полученные результаты, автору удалось сформулировать требования к классификации законодательства. Согласованные и классифицированные нормы и принципы законов с использованием цифровых технологий М. Guihot назвал «отдельной, новой технологической областью права» (Guihot, 2019). Научные выводы автора существенно дополнили рекомендации по тестированию разрозненных законодательных актов и формированию технологического права, содержащиеся в Оксфордском Справочнике по праву, регулированию и технологии.

Что касается научных разработок технологичности права в Российской Федерации, то одним из первых российских ученых-юристов, разработавших понятие «высокотехнологичное право», стал Л.В. Бертовский. Наиболее значимым в его трудах является то, что автор выявил и раскрыл характерные признаки высокотехнологичного права: 1) технологичность; 2) логистичность; 3) наукоемкость. При этом автор подчеркивает, что стремительное развитие высоких технологий привело к росту наукоемкости права и потребовало новых знаний и более высокого уровня профессиональных компетенций в законотворческой, правоприменительной и других видах юридической деятельности (Bertovsky, 2021:740).

Технологичность, наукоемкость и логистичность российского права подтверждается тем, что реальное использование высокотехнологичных информационно-коммуникативных систем способствует значительному повышению результативности правотворческой и регулятивной деятельности на федеральном, региональном, муниципальном и иных уровнях правового регулирования. Например, свойство технологичности и логистичности права предоставляют нормам первичного правового регулирования больше оснований конкретизировать и детализировать действие принципа равенства в праве, в частности, более предметно использовать принцип эквивалентности в трудовых отношениях, стимулировать трудовую активность

работников коммерческих и некоммерческих организаций, упорядочить оплату их труда и др.

Итак, общая характеристика новых технологий в праве показывает, что, с одной стороны, формируется высокотехнологичное право, а с другой – благодаря высоким технологиям расширяется действие принципа правового равенства, обеспечивается его органическая связанность с нравственными началами, присутствующими в нормах первичного регулирования.

Погружаясь в рассмотрение наиболее важных аспектов содержания принципа правового равенства, являющегося крупной теоретической и практической проблемой, следует заострить внимание на том, что базовую основу такого феномена составляет органический характер системного строения права, как сложного и целостного образования.

Исходя из этого, в российской юридической литературе (да и в международном праве) правовое равенство признается всеобщим фундаментальным реально действующим принципом: во-первых, правовое равенство отражает наиболее глубокие, существенные качества права, играет роль первоосновы для таких всеобщих принципов, как взаимозависимость, эквивалентность, справедливость и др.; во-вторых, выступает формой проявления свободы индивида, иных субъектов; в-третьих, не связано с посягательствами на права других лиц.

В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека отмечается, что признание равных и неотъемлемых прав личности является основой свободы, справедливости и всеобщего мира⁴. В этом контексте Н.В. Витрук справедливо отмечал, что формально-юридическое применение принципа равенства перед судом и законом ведет к нарушению принципов справедливости, милосердия, гуманизма (Vitruk, 2010:15).

Ведущая роль принципа равноправия в системе российского права отнюдь неслучайна. Свободный индивид по своей воле вступает в конкретное правоотношение, и самостоятельно, по соглашению с другим участником, определяет содержание этого правоотношения. Как справедливо отмечал В.С. Нерсесянц, «люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы» (Nersesyants, 2005:25).

Среди множества признаков и свойств, которыми обладает принцип правового равенства, В.М. Сырых особо выделяет его интегративные свойства, пронизывающие все отрасли системы российского права, охватывающие все уровни правового регулирования и находящиеся с ними в системных связях (Syrykh, 2004:212). Именно благодаря интегративным свойствам равноправие выступает всеобщим фундаментальным принципом права, охватывает все элементы внутринациональной системы российского права и находится с ними в органическом единстве. Отсутствие равенства в праве сводит на нет его (права) ценностные свойства. Как справедливо отмечается в литературе, где нет равенства, там нет и права как такового. На недопустимость отступления от принципа правового равенства указывали В.Н. Кудрявцев (Kudryavtsev, 2017), Н.В. Витрук, Н.А. Власенко, Г.В. Мальцев, В.Д. Зорькин (Zorkin, 2015), В.В. Лунеев (Luneev, 2013) и другие авторы.

В то же время, несмотря на признание правового равенства фундаментальным, ведущим принципом системы российского права, дискуссионными остаются, как минимум, два вопроса: 1) действует ли в Российской Федерации, в других странах мира принцип правового равенства *реально*, т.е. проявляется ли он как фактическое

⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 09.01.2023).

правовое равенство или остается не более чем формально-правовым равенством в конкретных правоотношениях; 2) в каких сферах права и на каких уровнях правового регулирования может *реально* действовать принцип правового равенства.

Обращаясь к учению Аристотеля о государстве, Н.А. Власенко заметил, что великий философ красной нитью проводит основополагающие мысли о государстве как «добродетели для человека», о связи добродетели и государства, счастья и государства (Vlasenko, 2021:485).

По мысли Аристотеля, государство, как добродетель, как социальное образование обеспечивает равенство для всех. При этом, выступая основной целью государства, добродетель ценится выше всех. Если господство богатства ценится выше добродетели, то государство становится корыстолюбивым (Aristotel', 1984:439).

Как видим, центральным звеном в наследии Аристотеля просматривается идея «государственной добродетели», осуществление которой немислимо без «равенства для всех». Высказанные более двух тысяч лет тому назад идеи мыслителя того времени нисколько не потеряли своей актуальности и в наше время. Проблема обеспечения фактического равенства в обществе по-прежнему остается острой и дискуссионной.

По мнению В.С. Нерсесянца, фактическое равенство – «величина иррациональная», «далекая от равенства», противоречащая самому понятию равенства (Nersesyants, 2005:18). Против трактовки равенства в праве только как формально-правового равенства обоснованно возражает В.М. Сырых (Syrykh, 2007:140). По его мнению, правовое равенство по форме и по содержанию может одновременно быть не только формальным, но и фактическим (Syrykh, 2011:447). Последнее существовало во времена Аристотеля и реально существует по настоящее время, хотя и в достаточно ограниченных сферах. Так, в современных развитых странах равное право существует на уровне минимальных стандартов. Согласно Всеобщей декларации прав человека каждое государство обязывается обеспечивать минимальный стандарт материальных и духовных благ каждому, независимо от пола, расы, национальности, уровня благосостояния и др. В Российской Федерации в соответствии с п. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от признаков, зафиксированных в названной статье.

Что касается обеспечения фактического равенства, то в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 7) и на основании Всеобщей декларации прав человека фактическое правовое равенство существует в Российской Федерации, также как и в развитых странах, во-первых, на уровне минимальных государственных стандартов: минимальный размер оплаты труда, минимальные социальные пенсии, пособия для многодетных семей, инвалидов, социальное страхование, оказание медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, равный доступ к государственной службе, гарантируемая общедоступность и бесплатность основного общего образования и др. При этом автор данного исследования обосновывает, что минимальные государственные стандарты могут дополняться и превышать решениями, принятыми по собственной инициативе правотворческими органами субъектов РФ, местного самоуправления, легализованных негосударственных образований, иных социальных сообществ с учетом возможности их бюджетов.

Однако в российской и зарубежной научной литературе до сих пор существует мнение, что современные государства, формально наделяя всех членов общества равными правами, не могут гарантировать предоставление им равных жизненно необходимых материальных и духовных благ, а предлагают ориентироваться на принцип «самообеспечения». Подобные проблемы существуют и в Российской

Федерации. Как отмечает Н.А. Власенко, «фактически платные образование и медицина в условиях низкой заработной платы и минимальных пенсий – это болезненно затянущиеся факторы современности» (Vlasenko, 2021:481).

Соглашаясь с автором, можно подчеркнуть, что формальное равенство не может соответствовать современным реалиям и перспективам развития права. Как показывает практика, общество идет по пути расширения не только сфер реального действия равенства, но и средств, с помощью которых можно достичь фактического правового равенства и уменьшить социальное неравенство в целом. Высокоэффективным средством выступают сегодня новые технологии в праве, которые с математической точностью могут определить возможность повышения эффективности действия норм первичного правового регулирования, что способствует исполнению принципа правового равенства во всех отраслях системы российского права и на всех уровнях правового регулирования.

Как уже отмечалось, обладая интегративными свойствами и выполняя миссию первого принципа в системе российского права, принцип правового равенства не может выступать как «формальный определитель равной меры» либо как «абсолютное равенство», где сливаются общие и личные интересы «в неразличимом единстве». Законодательное закрепление минимальных государственных стандартов обеспечения материальных и духовных благ и возможность их существенного дополнения на региональном, муниципальном и иных уровнях правотворчества служит тому убедительным доказательством, опровергающим тезис о правовом равенстве как формально-правовом равенстве.

Под этим углом зрения новые высокие технологии существенно *расширяют* реальное действие принципа правового равенства. Так, в рамках государственной программы «Информационное общество» реализуется Федеральный проект «Цифровое государственное управление». Проект, инициированный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ориентирован на достижение национальной цели «Цифровая трансформация». Последняя определена Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Федеральный проект предусматривает мероприятия цифровой трансформации системы государственного управления, направленные на достижение «нового уровня предоставления услуг необходимых для повышения качества жизни граждан», увеличение доли массовых социально значимых услуг, осуществляемых в электронном виде до 95 %⁵.

Практическая значимость анализируемого проекта состоит в том, что он предусматривает оказание государственных услуг посредством «реестровой модели», характеризуемой в литературе как «систематизированный перечень данных, формируемых в соответствии с поставленными задачами» (Tereshchenko, 2021). Создаваемая с помощью цифровых технологий модель систематизации и унификации «перечня данных», обеспечивает автоматизированную обработку и хранение информации любого объема.

Таким образом, непрерывно создаваемый информационный ресурс позволяет повысить оперативность прогнозирования и стратегического планирования в указанных сферах, устранить излишние звенья и этапы управленческой деятельности, сократить сроки принятия управленческих решений и тем самым создать

⁵ См.: «Цифровое государственное управление». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 09.01.2023).

благоприятные условия реализации принципа правового равенства. Приведем конкретные доводы.

Во-первых, при цифровой реестровой модели систематизированная и унифицированная правовая информация, ее точность и достоверность, высокая социально-правовая и практическая значимость позволяет более предметно осуществлять контроль за исполнением федеральными органами исполнительной власти законов, закрепляющих обязательные минимальные государственные стандарты и гарантирующих получение различными категориями граждан, установленных материальных и духовных благ. При этом уменьшается объем документов, представляемых при защите и восстановлении нарушенных прав в тех случаях, когда официально установленное получение материальных и духовных благ остается неисполненным.

Во-вторых, цифровая реестровая модель усиливает гарантии исполнения Конституции РФ, федеральных законов, норм международного права, конституций, уставов, законов субъектов РФ, уставов и предписаний местного самоуправления в тех случаях, когда минимальные государственные стандарты дополняются и превышаются первичными нормами субъектов Федерации, местного самоуправления и предписаниями легализованного негосударственного правотворчества. В данном случае реестровая модель препятствует проявлению различного рода злоупотреблений, мошенничества и коррупции при назначении дополнительных материальных и духовных благ для различных социальных групп, а также персональных выплат, осуществляемых в регионах, муниципальных образованиях, коммерческих и некоммерческих организациях, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществах.

Что касается саморегулируемых организаций, то в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ (с изм. на 02.07.2021 г.) под ними признаются некоммерческие организации, создаваемые в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Закон о саморегулируемых организациях закрепил понятие «саморегулирование», под которым понимается самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой является разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности. При этом саморегулирование осуществляется на условиях объединения субъектов указанных видов деятельности в саморегулируемые организации (ч. 2 ст. 2). Закон также установил статус саморегулируемой организации, ее правовое положение, определил органы управления, закрепил полномочия на самостоятельное осуществление правотворческой деятельности, принятие нормативных правовых актов исходя из предмета саморегулирования.

В-третьих, достоинством цифровой реестровой модели является и то, что унификация правотворчества, правореализации, правоохраны, правозащиты, применения юридической ответственности, исполнения санкций, являющихся компонентами механизма, обеспечивающего их единство и общеобязательность, создает реализуемому принципу благоприятные условия при его переводе из формально-правового состояния в фактическое равенство в конкретных правоотношениях.

Дополнительным и весьма эффективным средством, используемым в рамках государственной программы «Информационное общество», способствующим реализации принципа равенства, выступает цифровая трансформация в форме «машинночитаемого права». Ее применение объясняется постоянным увеличением массива правовых актов, различающихся по структуре, содержанию и форме их

выражения, что существенно затрудняет подготовку поступающих документов для их автоматизированной обработки. При этом, как уже отмечалось, сфера права обладает большим потенциалом применения цифровых технологий на уровне всей системы права.

Исходя из этого 15.09.2021 г. принята Концепция, разработанная правительственной комиссией Российской Федерации, ориентированная на применение технологии «машиночитаемого права», т.е. на перевод правовых норм на язык программирования, применение их в виде необходимых информационных систем. Как показывает практика, такие меры позволяют значительно усовершенствовать автоматизированную обработку поступающих нормативных текстов, сократить время поиска документов, содержащихся в нужных реестрах, исключить возможность их дублирования.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что ряд авторов говорит о нецелесообразности перевода в машиночитаемый вид действующих законов, поскольку их изначально следует прорабатывать под цифровое использование, а также «верхнеуровневых» законов, например, Конституции РФ, образующей базовые понятия и отношения⁶. Как нам представляется, в этом есть определенный смысл. К верхнеуровневым актам также следует отнести конституции и уставы субъектов РФ, уставы муниципальных и саморегулируемых образований. Из этого следует, что машиночитаемое право имеет ограниченную область применения.

Особого внимания в вопросе о роли высоких технологий в реализации принципа равноправия заслуживает широко обсуждаемая в современной российской и зарубежной литературе идея автоматического создания норм права на базе применения систем *искусственного интеллекта*. Его определение, как комплекса технологических решений на основе технического устройства, способного воспринимать и передавать информацию, дано в Федеральном законе от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ⁷.

Среди закрепленных законом признаков искусственного интеллекта можно выделить два наиболее характерных, имеющих прямое отношение к реализации принципа равноправия: во-первых, способность такого феномена без человеческого интеллекта и без заданного алгоритма осуществлять поиск правовой информации, подвергать ее глубокой обработке и на этой базе получать результаты, которые по своим целям и содержанию ни чем не отличаются от результатов человеческого мышления (интеллекта); во-вторых, самостоятельно, в автоматическом режиме формировать нормы первичного регулирования либо юридически значимые решения, которые могут иметь общеобязательное значение на федеральном, региональном, муниципальном и саморегулируемом уровнях правотворчества и правового регулирования.

Однако в этом аспекте дискуссионными остаются ряд вопросов и в первую очередь о том, выступает ли искусственный интеллект объектом права, ибо он фактически обладает теми же признаками, что и объект права в его традиционном значении, т.е. как разнообразные материальные и нематериальные явления либо блага, способные удовлетворять интересы управомоченного лица. Многие авторы отмечают,

⁶ Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45475> (дата обращения: 14.01.2023).

что искусственный интеллект сложно отнести к «классическому» объекту права на том основании, что такой «объект, принимая самостоятельные решения, не несет за них юридической ответственности» (Sokolov & Soldatkina, 2022).

Не менее дискуссионным является вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью. Сторонники точки зрения о том, что искусственный интеллект может выступать субъектом права, обосновывают свою позицию тем, что такой феномен создан по образу человека и потому у него могут быть права и обязанности. (Yastrebov, 2017; Morkhat, 2018). При этом другие авторы весьма осторожно предлагают в перспективе наделить искусственный интеллект особым статусом «электронного лица» либо рассматривать его как «квази-субъект права» (Vasiliev & Pechatnova, 2020).

С точки зрения юридических оснований многие авторы остро ставят вопрос о преждевременности наделения системы искусственного интеллекта правосубъектностью. Сомнения у них вызывают неопределенность статуса и юридической силы формируемых решений.

Наибольшее количество вопросов возникает по этическим проблемам использования технологий искусственного интеллекта. По мнению многих ученых, при автоматическом формировании правовых норм сложно реализовать их нравственную составляющую.

По нашему представлению, в дискуссии по этическим проблемам не учитывается то обстоятельство, что искусственный интеллект, обладая бесспорными высокотехнологичными преимуществами, активно участвует в формировании и реализации нравственных основ норм первичного регулирования посредством: 1) высокой скорости принятия, обработки и передачи правовой информации, обеспечения ее достоверности и точности; 2) существенного снижения неоправданных рисков и ошибок в период действия норм первичного регулирования на всех его уровнях; 3) препятствия всякого рода злоупотреблениям и вмешательства в процесс формирования управленческих и иных решений; 4) оперативного выявления фактов нарушения прав и свобод граждан и гарантированного их восстановления.

Иными словами, этот вопрос можно интерпретировать так, что когда нормы первичного регулирования принимаются законодательным органом, то их нравственные начала, органично связанные с принципом равноправия, закладываются в процессе законотворческой деятельности. Если же нормы первичного регулирования формируются исключительно на основе высоких технологий в автоматическом режиме, т.е. искусственным интеллектом, то, по нашему представлению, названный феномен вполне объективно оказывает, как прямое, так и опосредованное всеохватывающее высокотехнологичное воздействие на нравственные стороны первичных норм, тем, что, во-первых, создает благоприятные условия для реализации принципа равенства права в конкретных правоотношениях; во-вторых, безукоризненностью и достоверностью формируемых решений.

В этом контексте актуализируется вопрос о том, что, поскольку предметами нормативной и социальной этики выступают моральные идеалы, ценности нравственного характера, конкретные требования к образу жизни в социуме, общественное мнение и др., то этические начала выступают неизменным условием реализации принципов равенства и справедливости в конкретных правоотношениях. И, как уже отмечалось, в этом позитивную роль может играть высокотехнологичный интеллект. Однако в реальной действительности имеют место неравные условия в бизнесе (малом и среднем предпринимательстве), вызванные монополией крупных корпораций, когда возникает опасное для общества социальное расслоение и др.

В подобных случаях должное и фактическое совпадают не всегда и не во всем, а нравственные санкции (одобрение, похвала, осуждение, возмущение) в необходимой мере не используется. При этом моральная оценка практических действий и их мотивов в правотворческой, регулятивной и иной деятельности (намерения, побуждения и др.) может быть неполной либо различной для одинаковых социальных групп и индивидов и потому несправедливой.

Следовательно, такой подход дает основание утверждать, что одним из главных достоинств технологий искусственного интеллекта является его ориентированность и органическая связанность с принципом равноправия, основанном на нравственных началах. Благодаря искусственному интеллекту появляется больше возможностей реализации фактического равенства в конкретных правоотношениях.

В этом аспекте китайские специалисты уверяют, что этические проблемы искусственного интеллекта надуманы. По их мнению, цифровые помощники в виде искусственного интеллекта значительно увеличивают скорость рассмотрения дел в судах и административных органах, исключают задержки правосудия, вносят больше ясности и обоснованности в разрешении споров между субъектами⁸.

Реализация принципа равноправия с использованием высоких технологий в условиях разноуровневого правового регулирования

Новые высокие технологии, используемые в системе российского права, существенно корректируют основные теоретические установки первичного правового регулирования, его парадигмы и практическую направленность, развивают идею разноуровневого и интегративного характера правового регулирования, его цели, задачи, средства, структуру, механизмы реализации правового равенства.

В этом контексте автором данных строк обосновывается, что во внутринациональной системе российского права первичное правовое регулирование осуществляется на четырех уровнях: 1) федерального законодательства; 2) законодательства субъектов РФ; 3) муниципального правотворчества; 4) правотворчества коммерческих, а также некоммерческих организаций, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществ.

В авторской интерпретации существование названных уровней правового регулирования объясняется тем, что в условиях демократического правового государства расширяется круг субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования. В правотворческую и регулятивную деятельность вовлекаются: 1) широкие слои населения; 2) субъекты Российской Федерации по предметам «совместного» с Российской Федерации ведения и «собственного» правотворчества и правового регулирования, осуществляемого субъектами РФ; 3) органы местного самоуправления; 4) легализованные негосударственные организации и иные социальные сообщества. При этом важно подчеркнуть, что каждое из перечисленных социально-правовых образований наделено правомочием самостоятельно осуществлять первичное правовое регулирование в целях закрепления в системе российского права особенных интересов регионов, муниципальных образований, коммерческих, а также некоммерческих организаций, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществ и придания им общеобязательного значения.

⁸ См.: Семь смертных грехов искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5eb299089a79476e9fd77f5c> (дата обращения: 07.01.2023).

Названные факторы и предопределяют, что в новых условиях правовое регулирование необходимо приобретает разноуровневый характер.

В то же время требует объяснения дискуссионный вопрос, касающийся правового регулирования, осуществляемого федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти.

С точки зрения автора данного исследования, акты правотворчества исполнительных органов не являются самостоятельным уровнем правового регулирования. Обоснованием такой позиции может служить то, что в соответствии с действующими законами об исполнительной власти и прямыми поручениями федеральных и региональных законов, органы исполнительной власти по своему предназначению обязаны исполнять нормы первичного правового регулирования, и потому принимаемые ими нормативные акты имеют статус вторичного (вспомогательного) уровня правового регулирования. Этим можно объяснить правомерность вхождения таких актов в законодательный уровень правового регулирования, а в муниципальных образованиях и легализованных негосударственных организациях в правотворческий уровень – на правах *субэлемента*.

Необходимо связанные с главным (первичным) элементом, нормативные акты исполнительных органов власти не обладают всеми его существенными признаками по следующим основаниям.

Во-первых, действующее законодательство наделяет органы исполнительной власти полномочием принятия норм «во исполнение закона», означающее конкретизацию первичных норм без изменения их содержания.

Во-вторых, вспомогательные нормы, в отличие от главных, отменяются в административном порядке вышестоящими органами исполнительной власти.

В-третьих, Правительство Российской Федерации, осуществляющее исполнительную власть, наделяется правом законодательной инициативы, побуждающей Государственную Думу принимать меры, обеспечивающие: 1) качественное совершенствование федеральных законов по форме и содержанию, их органическое взаимодействие с актами органов исполнительной власти; 2) отсутствие в актах органов исполнительной власти норм противоречащих федеральному законодательству; 3) соответствие главного и вторичного элементов федеральным стандартам, ориентированным на реализацию принципа равноправия.

Находясь, таким образом, в состоянии единства с волей законодателя, каждый уровень правового регулирования, определяемый в настоящем исследовании как самостоятельное социально-правовое образование, обладает способностью на базе высоких технологий интегрировать и индивидуализировать права и обязанности в конкретных правоотношениях, осуществлять прямые и обратные интегративные связи, аккумулировать отечественную и международную практику, участвовать в разрешении международных конфликтов и внутринациональных споров. Правовой основой в данном случае выступают официальное закрепление в ГК РФ понятия «цифровые права» (ст. 141.1) и федеральные законы «Об электронном документообороте», «Об электронной подписи» и др.

Углубляясь в предмет исследования, акцентируем внимание на ранее упоминаемых общесоциальных и планомерно-рациональных видах юридической деятельности в сфере реализации принципа правового равенства на различных уровнях правового регулирования.

В этом аспекте к наиболее важным особенностям общесоциального и планомерно-рационального процесса утверждения принципа правового равенства следует отнести то, что бурное развитие «цифрового права» позитивно отражается на

высших формах выражения власти народа – *референдуме и свободных выборах* (ст. 3 Конституции РФ). Одновременно происходит непрерывный процесс складывания новых форм участия граждан в правотворческой и управленческой деятельности на уровне региона и муниципального образования: публичные слушания проектов нормативных правовых актов; народные правотворческие инициативы; инициирование в сети Интернет проекта нормативного решения местного самоуправления; сбор голосов в поддержку принятия инициированного правового акта либо голосов, поданных против выдвигаемых правотворческих инициатив; принятие юридических решений при помощи «электронной демократии» и др.

Как показывает практика, названные виды общесоциальной и планомерно-рациональной юридической деятельности, осуществляемые на базе новых технологий в праве, обеспечивают быструю и достоверную обратную связь с социальной средой, что позволяет более предметно осмыслить возможности реализации правового равенства в условиях разноуровневого правового регулирования. Так, в избирательном процессе стало активно использоваться электронное голосование, организаторы которого уверяют, что оно способно обеспечить честные и справедливые выборы. Однако в обществе появилось недоверие к электронному голосованию из-за возможности несанкционированного вмешательства в этот процесс субъективного фактора. Представляется, что подобные неправомерные действия, с одной стороны, могут спровоцировать подрыв идеи народного представительства, а с другой – могут тормозить реализацию конституционно закрепленного принципа равенства, в форме равного и свободного выражения воли избирателей. Между тем еще в конце XIX в. Б.Н. Чичерин писал, что представитель – это не только лицо, служащее государству. На этой службе он занимает место самих граждан. Через них представитель проводит мнение граждан (Chicherin, 1899:5).

Что касается референдума, то такой институт реализации конституционного принципа равенства в постсоветский период на федеральном уровне практически не использовался, за исключением внесения поправок в Конституцию РФ 14.03.2020 г.

Между тем, по нашему представлению, референдум и свободные выборы, как высшие непосредственные формы выражения власти народа, органично дополняя друг друга с помощью новых технологий в праве, могли бы внести весомый вклад в реализацию конституционного принципа равенства в правовом регулировании.

Однако Федеральный конституционный закон «О референдуме в Российской Федерации» не содержит норм, которые прямо предусматривают возможность вынесения на референдум, инициированных гражданами проектов нормативных правовых актов или действующих актов, с целью их отмены⁹. Это влечет за собой не только существенное умаление права граждан на участие в правотворческой деятельности, но и снижение качества правового регулирования на всех его уровнях. Как верно отмечает Н.А. Власенко, «референдум как форма законотворчества, как институт демократии является неработающим» (Vlasenko, 2021:492).

Между тем существуют широкие возможности использования новых высоких технологий в организации и проведении референдумов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях правового регулирования. Речь в данном случае идет не только о технической стороне: информирование граждан о времени и месте проведения референдума, его целях, составление списков для опроса мнения граждан, оглашение результатов референдума, их оформление в качестве общеобязательного

⁹ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21089> (дата обращения 10.01.2023).

нормативного правового акта и др. Использование новых высоких технологий при проведении референдумов дает возможность глубже понять проблемные вопросы, вовремя снять социальное напряжение в муниципальном образовании, регионе о обществе в целом.

В этой связи издержки, существующие на федеральном уровне законодательного регулирования, восполняются правовым регулированием на региональном и муниципальном уровнях. Так, важным способом реализации принципа равенства с использованием высоких технологий на муниципальном уровне являются «народные правотворческие инициативы», смысл которых состоит в официальном внесении во властные органы проектов нормативных правовых актов группой граждан в установленном законом порядке. Однако в соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении такая форма народного правотворчества предусмотрена только для муниципального уровня правового регулирования (ст. 26).

Восполнению пробела в законодательном регулировании на федеральном и региональном уровнях способствовали Указы Президента РФ от 09 февраля 2011 г. №167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и от 04 марта 2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"»¹⁰.

Значительная роль в решении этого вопроса отводилась и Федеральному закону «Об общественном контроле», принятому в июле 2014 г.¹¹ Целевая установка закона заключалась в обеспечении учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти и органами местного самоуправления. Как нам представляется, использование данного закона могло способствовать реализации принципа равенства в праве. Однако правильный и чрезвычайно важный закон, официально закрепивший понятие «общественный контроль», в реальной действительности не работал, о чем свидетельствуют официальные аналитические справки и общественное мнение.

Сегодня надежды возлагаются на новый Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹².

В реализации принципа равноправия с использованием новых высоких технологий в условиях разноразовного правового регулирования, активно участвует не обычный по своему названию и характеру деятельности феномен – «электронное правительство». Речь идет о деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти Российской Федерации по системному и профессиональному использованию Интернета и новых цифровых технологий, имеющих цель предоставления физическим и юридическим лицам публичных услуг информационного характера по широкому кругу вопросов. Однако в реальной действительности подобного рода деятельность привела к существенным изменениям во взаимоотношениях между органами исполнительной власти и гражданами. Для сравнения можно отметить, что в странах Европы деятельность электронных правительств связывается

¹⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

¹¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 23 июля 2014 г. Вып. № 6435.

¹² См.: Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790> (дата обращения 10.01.2023).

исключительно с сервисными функциями исполнительных органов государства, т.е. с предоставлением гражданам сугубо информационных услуг.

Электронное правительство Российской Федерации можно характеризовать как новый и достаточно сложный компонент российской правовой системы, выполняющий социально значимые функции на всех уровнях правового регулирования: 1) предоставление гражданам, физическим и юридическим лицам информационных услуг в электронной форме; 2) предоставление доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти; 3) осуществление структурных и иных позитивных преобразований в системе исполнительных органов власти, кардинально изменивших характер взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти и граждан; 4) консультирование заинтересованных лиц по вопросам получения и пользования информацией в целях решения юридически значимых вопросов; 5) создание благоприятных условия для реализации принципа равенства в конкретных правоотношениях на различных уровнях правового регулирования.

В целом, по нашему представлению, можно говорить не только о создании единого общероссийского государственного информационного центра, впервые позволившего централизованно осуществлять широкий спектр государственных и муниципальных услуг с использованием высоких технологий¹³ или о формировании единой инфраструктуры для стандартизации и интеграции сферы оказания электронных услуг различными правительственными организациями. Речь идет о широкой планомерно-рациональной юридической деятельности, позволяющей кардинально улучшить *качество* информации, ее достоверность, оперативность и комфортность получения. В качестве примера приведем Налоговый кодекс РФ, предусматривающий в ст. 80 возможность предоставления в электронном виде налоговой декларации, а ст. 32 официально закрепляет возможность передачи в электронном виде акта сверки расчетов по налогам, сборам, пеням, штрафам, процентам и др. по телекоммуникационным каналам связи. В целях улучшения качества обслуживания налогоплательщиков и защиты их прав ФНС РФ запустила онлайн-сервис «Узнай о жалобе». Благодаря данной услуге налогоплательщики стали оперативно получать информацию о результатах рассмотрения жалоб и заявлений, поступающих в центральный аппарат ФНС РФ и в управления налоговой службы по субъектам РФ.

Подтверждением такого вывода могут также служить: 1) Федеральный закон «Об электронном документообороте», который не только значительно расширил перечень предоставляемых электронным правительством услуг, но и предписал мониторить их качество на отраслевом и комплексном уровнях правового регулирования; 2) поправки в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации относительно фотофиксации нарушений правил дорожного движения, которая происходит автоматически, без участия должностных лиц, осуществляющих контроль за дорожным движением. Это стало эффективным способом реализации принципа правового равенства при определении санкций за административные правонарушения; 3) Семейный кодекс, обеспечивающий правовое равенство посредством оказания бесплатного медицинского обследования лиц, вступающих в брак, консультирование по медико-генетическим вопросам, определения отцовства в суде с использованием ДНК-исследования и др.

Переход к цифровизации не обошел стороной уголовное право и судопроизводство. В настоящее время фиксируется рост количества преступлений, связанных с

¹³ См. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32938> (дата обращения 10.01.2023).

использованием незаконного получения сведений о гражданах, физических и юридических лицах и др. Прогнозы экспертов также неутешительны: согласно отчету Cybersecurity Ventures, в ближайшие несколько лет глобальный урон от киберпреступности будет расти на 15 % ежегодно и составит 10,5 триллионов долларов США к 2025¹⁴ г.

В этом контексте можно предположить, что в ближайшем будущем некоторые категории гражданских дел могут рассматриваться таким образом, что в роли судьи будет выступать искусственный интеллект. Если этот вопрос рассматривать с точки зрения обеспечения правового равенства, то в данном случае оно может быть гарантировано, поскольку искусственный интеллект неподкупен.

Однако можно привести примеры иного характера. Так, О.Х. Чинар, исследуя право на неприкосновенность частной жизни в странах ЕС, являющегося одним из прав, закрепленных в международном праве, показывает, что в цифровую эпоху реализация названного права претерпевает определенные изменения. По мнению автора, с ростом цифровизации защита частной жизни становится все более сложной. Государственные и негосударственные организации многих стран вмешиваются в частную жизнь граждан на том основании, что законодательные акты в нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека закрепляют возможность такого вмешательства с разрешения соответствующих органов (Çinar, 2021).

В подобных случаях вмешательство в частную жизнь всегда вызывает обеспокоенность людей, создает напряжение между гражданами и государственными организациями, дестабилизирует общественные отношения и не способствует защите прав человека. Так, принятый в декабре 2022 г. Федеральный закон №152-ФЗ «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» вызвал неоднозначное к нему отношение. По мнению большого числа депутатов (за принятие проголосовало 295 депутатов) и многочисленных экспертов, единая биометрическая система нарушает право на неприкосновенность частной жизни. Частная жизнь может оказаться под контролем у чиновников и силовиков, поскольку в родильных домах детям надевают браслеты на руки и присваивают штрих-коды, объясняя это «удобством» и «безопасностью». Однако биометрические данные могут оказаться в руках злоумышленников. По этому поводу в печати появились статьи «электронные ловушки», «цифровой рай», «тотальный контроль за населением» и др.

Как нам представляется, большие надежды на цифровые технологии, обеспечивающие равный и быстрый доступ к информации, развитие демократии, свободу слова, защиту равноправия на различных уровнях правового регулирования в названном случае себя не оправдывают.

Заключение

1. Исследование показало, что благодаря новым высоким технологиям впервые происходят стремительные и широкомасштабные социально и юридически значимые преобразования в системе российского права. Нормы первичного

¹⁴ Cybercrime To Cost The World \$10.5 Trillion Annually By 2025. Режим доступа: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damage-costs-10-trillion-by-2025> (дата обращения: 15.01.2023).

правового регулирования, обладая новыми свойствами и дополнительными признаками (наукоемкость, логистичность и технологичность), обеспечивают реализацию принципа правового равенства посредством: общероссийского государственного информационного центра, осуществляющего государственные и муниципальные услуги; единой инфраструктуры для стандартизации и интеграции; электронного правительства, как одного из наиболее сложных компонентов системы российского права, выполняющего социально и юридически значимые функции в муниципальных образованиях, регионах и в обществе в целом; «электронной демократии», искусственного интеллекта; машиночитаемого права и др.

2. В сравнении с традиционными нормами первичного правового регулирования нормы высокотехнологичного права имеют меньшую ориентированность на реализацию конституционного принципа равенства, способствуют раскрытию его глубокого смысла, усиливают интегративные свойства, предоставляют дополнительные основания судить о равенстве не как о формально-правовом принципе, а как о реально действующем феномене в конкретных правоотношениях, расширяют возможности его действия в системе российского права.

3. Новые технологии, органично вошедшие в систему российского права, корректируют теоретические установки разноуровневого правового регулирования, его цели, средства и механизмы, а нормы первичного регулирования, воплотившие в себе высокие технологии, закрепляют предметно-практическую деятельность уполномоченных субъектов в различных сферах общества, что способствует переоценке возможностей осуществления правового равенства в конкретных правоотношениях. Наибольшая активность новых технологий просматривается на этапе перевода прав и обязанностей субъектов в конкретные правоотношения, обеспечивая их конкретизацию и детализацию, снимая возникающие противоречия.

4. Новые технологии в праве, посредством высокой точности расчетов бюджетных средств, имеющихся в распоряжении субъектов РФ, муниципальных и саморегулируемых образований, позволяют определить приоритеты расходов в целях повышения уровня материальных и духовных благ индивидов, иных субъектов права по сравнению со стандартами, установленными федеральным законодательством.

References / Список литературы

- Aristotel', (1984) *Politics*. Collected Works in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Аристотель. Политика // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 444 с.
- Bertovsky, L.V. (2021) High-tech law: concept, genesis and prospects. *RUDN Journal of Law*. 25(4), 735–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749> (in Russian).
Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749>
- Çınar Özgür Heval (2021) The current case law of the European Court of Human Rights on privacy: challenges in the digital age. *The International Journal of Human Rights*. 25(1), 26-51. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1747443>
- Chicherin, B.N. (1899) *About the People's Representation*. Moscow, Printing house of the Partnership I.D. Sytin. (in Russian).
Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. 836 с.
- Guihot M. (2019) Coherence in technology law. *Law, innovation and technology*. 11(2), 311–342. <https://doi.org/10.1080/17579961.2019.1665792>
- Kudryavtsev, V.N. (2017) *Equality and equality*. Monograph. Repr. ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).

- Кудрявцев В.В. *Равноправие и равенство: монография*. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 184 с.
- Luneev, V.V. (2013) Equity and Equality in Modern Russia in modern Russia. *State and law*. (5), 95–99. (in Russian).
Лунеев В.В. О равенстве и равноправии в современной России // Государство и право. 2013. № 5. С. 95–99.
- Marx, K. (1955) *Proceedings of the Sixth Rhine province assembly. Third Article. (Debates on the law on thefts of wood)*. *Sobr. Op.* Vol. 1. Moscow. (in Russian).
Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Статья третья. (Дебаты по поводу закона о краже леса) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1955.
- Morkhat, P.M. (2018) On the issue of legal personality of an «electronic person». *Legal studies*. (4), 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (in Russian).
Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647>
- Nersesyants, V.S. (2005) *Philosophy of Law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2005. 656 с.
- Pashentsev, D. & Alimova, D. (2019) Innovations of law-making in the conditions of digitalization of public relations. *State and law*. (6), 102–106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3> (in Russian).
Пашентцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3>
- Sokolov, A.Yu. & Soldatkin, O.L. (2022) Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization. *RUDN Journal of Law*. 26(3), 705–724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724> (in Russian).
Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л. Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 705–724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>
- Syrykh, V.M. (2004) *Logical foundations of the general theory of law: The logic of legal research*. In 2 vol-s. Vol. 2. Moscow, Yustitsinform Publ. (in Russian).
Сырых В.М. Логические основания общей теории права: Логика правового исследования: в 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
- Syrykh, V.M. (2007) *Logical foundations of the general law theory. Contemporary legal comprehension*. Vol. 3. Moscow. Russian Academy of Justice. (in Russian).
Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. Т. 3. М.: Российская академия правосудия, 2007. 512 с.
- Syrykh, V.M. (2011) *Materialistic theory of law. The essence of law*. Vol. 2. Moscow. Russian Academy of Justice Publ. (in Russian).
Сырых В.М. Материалистическая теория права. Сущность права. Т. 2. М.: РАП. 2011.
- Tereshchenko, L.K. (2021) Register model for the provision of state and municipal services. *Journal of Russian law*. 25(7), 110–120. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090> (in Russian).
Терещенко Л.К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 110–120. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090>
- Trofimov, V.V. (2015) Formation of new Russian law as a socio-legal process. *Problems of formation of new law and new Russian statehood on the way to the “pure gold of law”*. *Collection of materials of the I All-Russian Scientific Conference*. To Anniversary of Professor N. A. Pridvorov. 5 February 2015. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin. pp. 101–116. (in Russian).
Трофимов В.В. Формирование нового российского права как социально-юридический процесс: общетеоретический и практико-ориентированный аспекты // Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права»: сборник материалов I Всероссийской научной

- конференции: к юбилею профессора Н. А. Придворова, Тамбов, 5 февраля 2015 года. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2015. С. 101–116.
- Vasiliev, A.A. & Pechatnova, Yu.V. (2020) The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship. *Digital law journal*. 1(4), 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83> (in Russian).
- Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // *Digital law journal*. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83>
- Vitruk, N.V. (2010) Human and civil rights and freedoms in the context of real life as an object of scientific and legal cognition. *Constitutional rights and freedoms of the individual in the context of interaction between civil society and the state*. Moscow, RAP Publ. pp. 9–19. (in Russian).
- Витрук Н.В. Права и свободы человека и гражданина в контексте реальной жизни как объект научно-правового познания // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства: материалы II Международной научно-теоретической конференции. М.: РАП, 2010. С. 9–19.
- Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505> (in Russian).
- Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505>
- Vlasenko, N.A. (2014) *Reasonableness and certainty in legal regulation: monograph*. Moscow, Infra-M Publ., IZiSP Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Инфра-М, ИЗиСП, 2014. 157 с.
- Yastrebov, O.A. (2017) Artificial intelligence in the legal space: conceptual and theoretical approaches. In: *Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: Collected articles for the XII Annual Scientific Readings in memory of S.N. Bratus*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Statute Publ. pp. 271–283. (in Russian).
- Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. С. 271–283.
- Zorkin, V.D. (2015) Constitution lives in laws. Reserves of improving the quality of Russian legislation. *Journal of Constitutional Justice*. 3(45), 1–5. (in Russian).
- Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3(45). С. 1–5.

Сведения об авторе:

Исаков Игорь Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Московский институт электронной техники; Российская Федерация, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, д. 1

ORCID ID: 0000-0001-6944-1048

e-mail: isakov2009@yandex.ru

About the author:

Igor N. Isakov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, Moscow Institute of Electronic Technology; 1 Shokin Square, Zelenograd, Moscow, 124498, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6944-1048

e-mail: isakov2009@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-939-955>

EDN: LPGIQS

Научная статья / Research Article

Междисциплинарный биоэтический подход в публичном праве

Е.М. Полнякова¹, Э.С. Тагиев²

¹Министерство науки и высшего образования Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
alvin.tagiev@ya.ru

Аннотация. Работа посвящена взаимному влиянию на российское право, вопросам разнородности биоэтики, ее соединению с этикой, правом и администрированием. Выделены и проанализированы некоторые законы как федерального уровня, так и уровня субъектов Российской Федерации, в которых прямо или косвенно затрагиваются проблемы, связанные с биоэтикой. Отдельное внимание уделено анализу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, подняты вопросы презумпции согласия на трансплантацию органов и (или) тканей, а также этической стороны суррогатного материнства. Учитывая важность вопросов, затрагиваемых биоэтикой, в работе определена проблема выработки оптимального баланса между применением и действием правовых норм, а также использованием биоэтики, ее принципов для наиболее корректного и справедливого разрешения возникающих в социуме проблем. На основе проведенного анализа зарубежных источников была предпринята попытка осуществить обзор правового регулирования медицины, здравоохранения и биотехнологий, наиболее проблематичных с точки зрения биоэтики. На основе проведенного исследования были выявлены проблемы отсутствия формально определенного и системного правового регулирования биоэтики, а также выработана позиция относительно закрепления в нормативных правовых актах положений, направленных на регулирование этических и моральных составляющих. Кроме того, в работе затронуты вопросы, связанные с деятельностью независимых организаций, основной деятельностью которых является формирование биоэтических принципов, направленных на имплементацию в российское законодательство норм по решению возникающих этических проблем.

© Полнякова Е.М., Тагиев Э.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: биоэтика, публичное право, законодательные основы биоэтики, соотношение права и этики, биоэтика и медицина, биотехнологии, суррогатное материнство, донорство
Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 22 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Полнякова Е.М., Тагиев Э.С. Междисциплинарный биоэтический подход в публичном праве // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 939–955. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-939-955>

Interdisciplinary bioethical approach in public law

Ekaterina M. Polnyakova¹, Elvin S. Tagiev²

¹Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

²National Research University «Higher School of Economics», *Moscow, Russian Federation*
alvin.tagiev@ya.ru

Abstract. The study is devoted to issues of heterogeneity of bioethics, its connection with ethics, law and administration. It highlights and analyzes some laws both at the federal level and at the level of the constituent entities of the Russian Federation, which directly or indirectly address issues related to bioethics. Special attention is paid to analyzing the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation including the issues of presumption of consent to organ and/or tissue transplantation, as well as the ethical side of surrogacy. Given the importance of issues related to bioethics, the work defines the problem of developing an optimal balance between application of legal norms and their effect, as well as the use of bioethics and its principles for the most correct and fair resolution of problems arising in society. Based on the analysis of foreign sources, an attempt is made to review legal regulation of medicine, health care and biotechnology, the most problematic from the point of view of bioethics. The study highlights problems connected with the lack of formally defined and systematic legal regulation of bioethics as well as the position regarding consolidation of provisions aimed at regulating ethical and moral components in regulatory legal acts. Moreover, the work touches upon issues related to the activities of independent organizations whose main activity is the formation of bioethical principles aimed at implementing norms to address emerging ethical issues in Russian legislation.

Key words: bioethics, public law, legislative framework of bioethics, law-ethics ratio, bioethics and medicine, biotechnology, surrogacy, donation

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution. undivided co-authorship.

Received: 22nd March 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Polnyakova, E.M., Tagiev, E.S. (2023) Interdisciplinary bioethical approach in public law. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 939–955. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-939-955>

Введение

Биоэтика представляет собой, с одной стороны, относительно сформировавшееся явление, которое в комплексе затрагивает различные сферы общественных отношений, при этом с другой стороны вопросы биоэтики исследованы не так глубоко и многие как российские, так и зарубежные авторы до сих пор рассматривают биоэтику с различных точек зрения.

Кроме того, в отечественной доктрине до сих пор ведутся споры относительно неоднородности биоэтики (Bystranowski, Dranseika & Żuradzki, 2022:919), ее влияния на взаимоотношения как с российским, так и международным правом. В зарубежной литературе отмечается, что биоэтика рассматривается как новая междисциплинарная область (Botbol-Baum, 2015:81). В других источниках, посвященных прикладным проблемам биоэтики, исследователями указывается на то, что трансдисциплинарность биоэтики предоставляет возможность и ресурс для контекстуального обсуждения¹. В иных источниках биоэтика рассматривается и как явление, находящееся на стыке философии и медицины (Ives & Draper, 2009:251).

Также следует отметить, что междисциплинарность биоэтики заключается (Ketova, 2015:32), в том числе в том, что она поднимает сложные и комплексные вопросы, которые право решить не может. Если междисциплинарный характер биоэтики обосновывается сложностью применения различных подходов, то трансдисциплинарный (Grebenshchikova, 2010:80) подход означает рассмотрение проблем на другом уровне, более глубоком, для выявления целых цепочек проблем, в том числе в правовом регулировании с учетом методов, которые используются повсеместно.

Поскольку биоэтика обладает междисциплинарным (трансдисциплинарным) характером (Maldonado, 2012:114), наиболее важно те принципы, которые уже сложились в обществе в связи с распространением биоэтики, использовать в публичном праве для наиболее полного и глубокого рассмотрения возникающих проблем. Кроме того, биоэтика призвана создать общее представление и целостную концепцию на основе общечеловеческих ценностей исходя из достижений в области медицины и биологии (Vásquez Abanto, Vásquez Abanto & Arellano Vásquez, 2015:298).

Учитывая важность вопросов, связанных с жизнедеятельностью человека, уважением права на жизнь и других прав, которые прямо следуют из права на жизнь, а также необходимость нормативного регулирования спорных составляющих, как использование вспомогательных репродуктивных технологий (в частности, экстракорпоральное оплодотворение (*in vitro fertilisation*) (Semkina, 2021:296), суррогатное материнство), эвтаназии и ограничения аборт, вопросов, связанных с прогрессом генетики, геномики (изучение генома), геномной регистрации (Gribunov, 2022:104), фармакологии, трансплантологии, биотехнологии, клонирования и других отраслей как отечественной, так и зарубежной науки, необходимо не только качественное

¹ Labrecque Cory Andrew (2004). *Transcending the functional self: a discourse on the continuity of personhood in degenerative dementia*. McGill University. 2004.

нормативное правовое регулирование, но и широкое общественное обсуждение вопросов в целях соблюдения этических норм, сложившихся в обществе традиций, нравственных требований и норм поведения (Nezhmetdinova, 2013:85).

Биоэтика затрагивает не только вопросы жизнедеятельности человека, но и в целом вопросы всего живого. Учитывая широкое распространение биоэтики, многие авторы считают, что именно взаимодействие между иными отраслями жизнедеятельности человека сможет помочь в установлении консенсуса по многим этическим вопросам (Gorovitz, 1984:17).

Так, например, соблюдение требования этичности эксперимента над животным является обязательным условием проведения научных исследований с использованием животных в различных странах мира. В частности, Европейская Конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях², директива 2010/63/EU Европейского Парламента и Совета Европейского союза³ подробно и детально регулируют правила научной работы на основе гуманного отношения к животным: поиск альтернативных моделей, минимизация количества объектов в эксперименте, допустимость и (или) недопустимость процедур и хирургических вмешательств, варианты обезболивания и эвтаназии. Указанные международные документы затрагивают использование животных в образовательном процессе. В частности, подчеркивается необходимость замены процедур экспериментов над животными иными экспериментами, в том числе новейшими технологиями (например, путем применения широко распространяющегося искусственного интеллекта).

В ряде исследовательских институтов действуют локальные этические комитеты, регулирующие проведение экспериментов на животных, однако в организации работы таких комитетов, комиссий и учебных программах прослеживается отсутствие внутреннего законодательного регулирования, соответствующего международным стандартам, на которое можно было бы опираться при разработке соответствующих рекомендаций, в связи с чем необходимо продолжать вести работу по совершенствованию принципов биоэтики.

Представляется, что моральные принципы, заложенные биоэтикой, могут оказаться необходимыми для включения их как в федеральное законодательство, так и законодательство субъектов Российской Федерации в целях интеграции сложных взаимосвязанных компонентов для проведения более глубокого анализа возникающих в социуме проблем.

Гетерогенность правового регулирования, связанного с биоэтикой

Общественные отношения в области биоэтики в настоящее время развиваются наиболее активно. Этому способствуют государственное регулирование подобных

² Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях (ETS № 123) (Заключена в г. Страсбурге 18.03.1986). Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10398#Pt2t5YTz1Hc9LXjB> (дата обращения: 20.02.2023).

³ Директива № 2010/63/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите животных, использующихся для научных целей» (Принята в г. Страсбурге 22.09.2010). Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=s2St5YT4ii8Sr0eE2&cacheid=69CC45AF6BED E07F1B588E4DA19AC1D0&mode=splus&rnd=UZbg&base=INT&n=55621#BzSt5YT0D76YcydY> (дата обращения: 20.02.2023).

отношений, а также изменения в обществе, когда важными становятся вопросы, связанные с балансом прав и свобод человека и гражданина.

Вступившая в силу 1 декабря 1999 г. Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины⁴ (далее – Конвенция по биоэтике) закрепила основополагающие базовые положения, предполагающие нормативное правовое регулирование важнейших постулатов (в частности, вмешательство в геном человека), а также установила необходимость проведения общественной дискуссии по тем вопросам, которые возникают в случаях применения технологий биологии и медицины.

Отдельно следует отметить, что положения Конвенции по биоэтике действуют более чем в 30 странах. Вместе с тем они не распространяются на Российскую Федерацию и не являются частью ее правовой системы. Представляется целесообразной ратификация указанной конвенции Россией, поскольку она служит неким ориентиром для имплементации в законодательство норм, предусмотренных указанным международным документом.

Всегда остро стоял вопрос о соотношении правовых норм, регулирующих общественные отношения в области биологии и медицины, а также моральных (этических) норм, которые, как правило, носят декларативный и необязательный характер. Кроме того, учитывая общую практику правоприменения, этические нормы не предполагают их обязательное закрепление в актах, поскольку в различных условиях могут применяться по-разному.

Например, в Австралии разрешено терапевтическое клонирование путем переноса ядер соматических клеток (в частности, для борьбы с прогрессирующим различными заболеваниями) по лицензии, выданной Комитетом по лицензированию исследований эмбрионов Национального совета по здоровью и медицинским исследованиям Австралии. В данном случае ведется клонирование эмбриона и получение эмбриональных стволовых клеток, которые впоследствии будут использоваться для исследований.

Вместе с тем следует отметить, что в Австралии запрещено репродуктивное клонирование⁵, которое предполагает полное воссоздание живого или умершего человека путем воспроизведения клонированного эмбриона и помещения его в необходимые условия для достижения беременности (Harvey, 2005:126). Исследования на эмбрионах человека также запрещены во многих странах (Gazina, 2021:155).

При этом в Российской Федерации установлен временный запрет на клонирование человека в соответствии с федеральным законодательством⁶. Следовательно, российское законодательство устанавливает императивный запрет на клонирование человека без учета цели клонирования (терапевтическое или репродуктивное клонирование) (Nekoteneva & Babushkin, 2021:73). Однако следует отметить, что запрет является временным, и в случае возникновения необходимых ситуаций запрет может

⁴ Подробнее: Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS N 164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/2562155/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ В соответствии с Законом о запрещении клонирования человека в целях воспроизводства от 2002 года // Prohibition of Human Cloning for Reproduction Act 2002. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Series/C2004A01081> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ В соответствии с Федеральным законом от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.05.2002, № 21, ст. 1917.

быть снят законодателем путем принятия федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека.

Возникает ряд вопросов, связанных с определением оптимального баланса между применением и действием правовых норм, а также применением в определенных случаях принципов биоэтики для наиболее правильного и справедливого разрешения соответствующих проблем.

Поскольку биоэтика является многоаспектным явлением, конкретные законодательные предложения могут повлечь за собой увеличение эффективности правовых институтов, установление более понятной и унифицированной модели осуществления властных полномочий, а также большую результативность применения моральных принципов, которые постепенно складываются исходя из потребностей общества.

Также в качестве примера целесообразно отметить этические проблемы, которые возникли в связи с быстрым распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в мире. Все страны мира столкнулись с общими проблемами обеспечения защиты здоровья общества, проблемами разработки биоэтических руководящих принципов для оказания помощи специалистами заболевшим лицам. Кроме того, в таких условиях возникли проблемы осуществления органами государственной власти принятия решений в условиях ограниченности ресурсов и конституционных ограничений власти.

Когда повсеместно государствами мира начали вводиться ограничения для защиты лиц разных категорий от вышеуказанного заболевания, стало ясно, что вопросы биоэтики в контексте ограничения прав не имеют национальных и региональных границ.

Полагается, что международное сотрудничество в области биотехнологических исследований могло бы способствовать более эффективному управлению обществом и, возможно, смогло бы уменьшить потери государств мира в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Потребность в биоэтике и выработке концептуальных принципов, которые могут помочь в решении глобальных проблем, очевидна (Millum, 2022:17). Поскольку общественные отношения находятся в постоянном развитии, как никогда важной становится выработка правовых инструментов, которые смогут помочь биоэтике.

Как в российском праве, так и в международной практике выработка юридических норм с прямым влиянием принципов биоэтики может привести к большей эффективности публично-властных решений, а также к улучшению качества принятия решений, их рассмотрения с различных сторон. Путем обеспечения выработки моральных и этических составляющих, которые влияют на публичное право, возможно достичь баланса в применении норм права, которые имеют пограничное состояние с моральными нормами.

Отдельно необходимо отметить разнородное правовое регулирование в различных правовых семьях.

Так, например, выработанные биоэтикой принципы проблематично распространить на африканскую правовую семью, поскольку она является смешанной и представляет собой совокупность как обычного, так, например, и мусульманского права. Также некоторые решения биоэтических проблем, возможно, не найдут свое применение в определенных странах.

Примером может служить вопрос суррогатного материнства, осуществление которого разрешено в Российской Федерации (Siluyanova, 2021:273) и запрещено в некоторых других странах. В Индии, например, был принят закон, «запрещающий коммерческое суррогатное материнство. Согласно закону, его нарушители – лица, оплачивающие услуги докторов, клиник и суррогатных матерей, – будут наказываться лишением свободы на срок не менее пяти лет и штрафом от 500 тыс. рупий» (Belikova, 2020:19).

Кроме того, примерами неоднородности правоотношений, связанных с биоэтикой, могут служить постоянно меняющиеся правоотношения, которые претерпевают изменения, устаревают, а на их смену приходят новые. В частности, если раньше в Испании право на смерть не рассматривалось в целом, то в 2021 г. в Испании был принят закон, легализующий эвтаназию⁷.

Положения федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, связанные с биоэтикой

Нормы, связанные с биоэтикой, нашли свое отражение во многих нормативных правовых актах как федерального уровня, так и уровня субъектов (при этом, как показал анализ нормативных правовых актов субъектов, в них, как правило, не затрагиваются вопросы биоэтики). Так, в частности, в статье 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дано сущностное определение понятию «эвтаназия», а также установлен запрет медицинским работникам по осуществлению действий, которые ускоряют смерть по просьбе пациента⁸. Данная норма затрагивает живое (человека), а также этическую сторону существования.

Кроме того, согласно статье 19 вышеуказанного Закона в правах пациента закреплено такое право, которое предполагает «облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством, методами и лекарственными препаратами, в том числе наркотическими лекарственными препаратами и психотропными лекарственными препаратами»⁹. Указанная норма является декларативной и не устанавливает определенные последствия за ее несоблюдение. Также следует отметить, что важной составляющей вышеуказанной нормы является тот факт, что критерий «облегчение боли» нигде не зафиксирован и не может быть зафиксирован в принципе, поскольку боль для каждого человека является разной, по-разному чувствуется и является субъективной оценкой, которую порой очень сложно оценить.

Проанализировав федеральное законодательство, в качестве примера подобных норм можно привести положение закона, сфера которого состоит в регулировании

⁷ Органический закон от 24 марта 2021 г. № 3/2021 «О регулировании эвтаназии» // *Ley Orgánica 3/2021, de 24 de marzo, de regulación de la eutanasia*. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2021-4628> (дата обращения: 20.06.2023).

⁸ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

⁹ Подробнее см.: ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

психиатрической помощи¹⁰. Так, в соответствии с частью 2 статьи 5 вышеуказанного закона «все лица, страдающие психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи имеют право на уважительное и гуманное отношение, исключаящее унижение человеческого достоинства»¹¹.

Несмотря на то, что критерии гуманного, а также уважительного отношения законодательством Российской Федерации не установлены, законодатель не мог не включить указанную норму в федеральный закон, поскольку иное бы означало отход от базовых этических принципов, что является нецелесообразным в условиях формирования социума, а также трансформирующихся общественных отношений.

Вместе с тем отсутствие закрепления данного положения в федеральном законодательстве повлекло бы за собой определенные правовые последствия, связанные с обеспечением социальной составляющей. Нормы-принципы, декларативные нормы также важны в регулировании общественных отношений, поскольку они выступают неким индикатором развития таких отношений: чем менее этично общество и менее этичны установленные в различных источниках нормы права, тем более высок риск перехода к сугубо нормативистскому подходу, главной целью которого является применение норм права без уяснения их глубинного смысла на основе только субъективной составляющей.

Поскольку биоэтика затрагивает не только вопросы жизнедеятельности человека, но и вопросы взаимодействия с животным миром, который является важнейшей составляющей жизни человека в целом, необходимо выделить также вопросы, которые затрагиваются отраслевым федеральным законодательством в сфере ответственного обращения с животными.

В частности, пунктом 1 статьи 4 отраслевого Федерального закона предусмотрено, что «обращение с животными основывается на нравственных принципах и принципах гуманности: отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания»¹².

Стоит отдельно отметить пункт 4, согласно которому федеральным законодателем предпринята попытка закрепить принцип научно обоснованного сочетания нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства. Во взаимосвязи с иными принципами, которые закреплены в других пунктах указанного федерального закона, а также федеральном законодательстве в целом, данные этические принципы наиболее емко закрепляют важность ответственного обращения к животным. При этом следует особо подчеркнуть, что указанный Федеральный закон был принят сравнительно недавно, лишь в 2018 г. Причиной этому послужили давно созревшие в обществе преобразования, которые стали дополнительным рычагом по изменению указанных правоотношений.

¹⁰ Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹ Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

¹² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

При этом вопросы использования животных в различных лабораторных испытаниях как в России, так и в других странах мира еще несколько десятилетий назад нормативно урегулированы не были. Это можно обосновать тем, что во второй половине XX в. уровень интеграции нравственных оснований в правовое регулирование государств был на ином уровне, чем сейчас. На сегодняшний день множество корпораций, компаний закрепляют в своих локальных актах важность стремления к идеалам для поддержания своей нематериальной составляющей (репутационные издержки).

Однако еще в 1959 г. исследователи У. Рассел и Р. Берч (Russell & Burch, 1959) разработали принцип трех R, который используется во многих компаниях, связанных с опытами над животными, и сейчас. Три R – это «replacement», «reduction», «refinement» (или «замена», «сокращение», «улучшение»).

«Замена» состоит в том, чтобы животные, над которыми ставятся опыты, подвергались негативному воздействию без страданий (следовательно, вопросы замены экспериментов на более гуманные уже в те времена были актуальными и важными для нормативного правового регулирования).

Вместе с тем «сокращение» затрагивает важнейшую проблему, связанную в целом с использованием животных в опытах. «Сокращение» предполагает по задумке авторов уменьшение количества опытов над животными. Однако в данном случае необходимо обнаружить баланс, поскольку опыты над животными – это, как правило, испытание абсолютно новых, никому неизвестных веществ, компонентов. Так, например, компании, специализирующиеся на косметике, в случае сокращения опытов над животными могут не справиться с задачей замены предусмотренных локальными актами компании равноценными опытами, что впоследствии может негативно сказаться на здоровье человека. При этом сторонники утилитаризма считают, что здоровье здорового человека важнее здоровья здорового животного. Представляется, что в данном случае необходим комплексный подход к решению проблемы и постепенный переход к тем принципам, которые на сегодняшний день формируются во многих странах, в том числе путем закрепления в нормативных правовых актах.

Третьим принципом выступает «улучшение», которое состоит в том, чтобы методика, которая применяется к испытуемым животным, была приведена в соответствие с принципом гуманизма, тем самым уменьшив страдания животных, которые подвержены опытам.

Вместе с тем научное сообщество неоднократно отмечало, что на данный момент существует нормативный правовой вакуум в области регулирования использования животных как в учебном процессе, так и при работе исследователя с животными. На практике это приводит к тому, что руководители лабораторий определяют стандарты работы самостоятельно и проводят соответствующие эксперименты по своему усмотрению, ссылаясь на внутренние источники, которые нигде не размещены и не опубликованы. Возможным следствием отсутствия единой регламентирующей системы является затруднение сравнения результатов исследовательских работ, так как известно, что условия содержания животных влияют на итог эксперимента. Кроме того, подобные эксперименты дают возможность лицам на разном уровне злоупотреблять правом, не неся за это никакой ответственности.

Следует отдельно отметить, что до 2020 г. (до реализации «регуляторной гильотины») на территории Российской Федерации действовал отдельный документ, который предусматривал порядок использования животных, подвергаемых опытам –

приказ Минздрава СССР от 12 августа 1977 г. № 755 «О мерах по дальнейшему совершенствованию организационных форм работы с использованием экспериментальных животных», который утратил силу. На сегодняшний день акта, регулирующего порядок проведения опыта, биоэтические проблемы, связанные с проведением опытов над животными, цели и возможную ответственность сотрудников и работников лабораторий в различных случаях, на территории России обнаружено не было. Существуют некоторые стандартизированные правила (ГОСТы), которые регулируют лишь техническую составляющую проведения подобных экспериментов, не закрепляя сущностные и важные элементы¹³.

Отдельно необходимо отметить положения в законодательстве субъектов России. Так, законодательство субъектов Российской Федерации, как правило, дублирует нормы-принципы, которые закреплены в федеральном законодательстве. В частности, в пункте 3 статьи 10 Закона города Москвы от 17 марта 2010 г. № 7 «Об охране здоровья в городе Москве» предусмотрено, что «органы государственной власти города Москвы создают условия для реализации пациентами прав на уважительное и гуманное отношение со стороны медицинского и обслуживающего персонала»¹⁴.

В нормативном правовом акте Свердловской области затронут вопрос, связанный с биоэтическими проблемами, однако Закон Свердловской области от 21 ноября 2012 г. № 91-ОЗ «Об охране здоровья граждан в Свердловской области»¹⁵, который, как представляется, должен быть направлен на закрепление не только формализованной стороны, но также учитывать биоэтические проблемы.

В пункте 1 части 1 статьи 6 указанного Закона предусмотрено, что «органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, расположенных на территории Свердловской области (за исключением территорий, особенности организации оказания медицинской помощи населению которых устанавливаются Правительством Российской Федерации), в сфере охраны здоровья в соответствии с федеральным законом создают условия для оказания медицинской помощи населению в соответствии с пунктом 2 указанной статьи и территориальной программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в пределах полномочий, установленных федеральным законом».

Отдельно следует отметить, что еще в 1997 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) был внесен проект федерального закона о правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения¹⁶, который был отклонен депутатами Государственной Думы в 2001 г. Исходя из данных стенограммы к первому чтению указанный законопроект

¹³ Например, ГОСТ 33215-2014. Межгосударственный стандарт. Руководство по содержанию и уходу за лабораторными животными. Правила оборудования помещений и организации процедур (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.11.2015 N 1732-ст). Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=s2St5YT4ii8Sr0eE2&cacheid=061A6308717F47457101CC37A804483F&mode=splus&rnd=UZbg&base=OTN&n=17377#SqMw5YTSgzJIDfam> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁴ Закон города Москвы от 17 марта 2010 г. № 7 «Об охране здоровья в городе Москве». Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=cavw5YTdJxiTN1BW&cacheid=59A88141F51E09E4811B642A43AC19B3&mode=splus&rnd=UZbg&base=MLAW&n=222137#syvw5YTUxm6mjMLP1> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁵ Закон Свердловской области от 21 ноября 2012 г. № 91-ОЗ «Об охране здоровья граждан в Свердловской области». Режим доступа: <https://base.garant.ru/20908281/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁶ Подробнее: проект федерального закона № 97802181-2 «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802181-2> (дата обращения: 10.07.2023).

носил неправовой характер и предусматривал вопросы нравственности, что нецелесообразно внедрять в федеральное законодательство. Кроме того, на данный законопроект были получены отрицательные заключения Президента Российской Федерации, так и отрицательные заключения правовых структурных подразделений Правительства России и Государственной Думы.

Несмотря на то, что законопроектом была предпринята попытка закрепления условий проведения медико-биологических исследований, а также решения других основных биоэтических проблем, представляется, что в том виде, в котором он представлен депутатами Государственной Думы, не будет нести за собой правовые последствия и не окажет существенно никаких последствий, поскольку обладает декларативным характером.

Вместе с тем те наработки, которые были предложены субъектами права законодательной инициативы, могут дополнительно помочь в урегулировании правоотношений, связанных с биоэтикой.

Проанализировав федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации, следует отметить следующее.

Во-первых, федеральным законодателем предпринимаются попытки по разработке нормативных правовых актов через проблематику, затрагиваемую биоэтикой. Это выражается в том, что многие рассмотренные положения федерального законодательства содержат этические нормы, являющиеся декларативными положениями, которые необходимы для социума. Общество, увидев необходимость и важность биоэтики, послужило маркером для имплементации таких норм в законодательство.

Во-вторых, законодательство субъектов Российской Федерации, как правило, дублирует положения федерального законодательства или никаким образом не закрепляет нормы-принципы в законодательстве. Представляется, что подобное обусловлено спецификой законодательства субъектов, поскольку оно направлено на конкретизацию норм федерального законодательства, устранение пробелов в регулировании и не должно расширять уже действующее правовое регулирование.

Некоторые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с биоэтикой

Учитывая сложность вопросов, которые входят в содержание биоэтики, возникающие проблемы невозможно решить без участия Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) как высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации¹⁷. Конституционным Судом неоднократно поднимались проблемы, связанные с проблематикой биоэтики и ее соотношения с правом. Эти вопросы связаны, например, с донорством крови, трансплантацией тканей и органов, имплантацией эмбрионов (суррогатное материнство), иными отношениями, производными от права человека на жизнь, а также с вопросами правовой природы репродуктивного биологического материала, который носит дискуссионный характер (Belova, 2021:112).

¹⁷ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2023 г.

В 2016 г. Конституционным Судом была рассмотрена жалоба¹⁸, в которой была предпринята попытка оспорить конституционность статьи 8 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹⁹, в соответствии с которой в Российской Федерации установлена презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей. В своем определении Конституционный Суд указал несколько правовых позиций, которые подтвердили конституционность рассматриваемых статей. Также следует отметить, что похожее дело рассматривалось Конституционным Судом еще в 2003 г.²⁰

В частности, заявители провели аналогию с другим делом, рассматриваемым Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), в котором также рассматривался вопрос презумпции согласия на трансплантацию, однако в том деле ЕСПЧ указал, что «имело место нарушение запрета жестокого и унижающего достоинство обращения, а также права на частную и семейную жизнь (статьи 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)».

Также Конституционный Суд указал в своем решении, что «российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет наступление юридической ответственности».

Вместе с тем возникает ряд вопросов, связанных с реализацией права на несогласие на изъятие органов. В случае, если лицо, в отношении которого будет проведена трансплантация, выразило свое несогласие посредством татуировки, которая содержит, например, следующее: «запрещаю трансплантацию органов и (или) тканей в любом случае и запрещаю любые медицинские процедуры в отношении моего тела», будет ли это считаться запретом на такое действие со стороны медицинских работников? На данный момент практика носит точечный характер и не является общепринятой, поэтому с уверенностью ответить на подобный вопрос весьма проблематично и даже невозможно.

Однако целесообразно провести анализ, выявить проблемные вопросы заранее и выработать единые подходы, связанные с действиями медицинского характера с учетом мнения экспертов. Поскольку подобные отношения находятся на стыке права, морали, а также в некоторых вопросах религии (в некоторых вероисповедованиях установлен жесткий запрет на трансплантацию органов и (или) тканей, а также переливание крови реципиенту), охватить полностью данную проблему в первоначальном виде, как видится, весьма проблематично. Исходя из этого полагается

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2023 г.

¹⁹ Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

целесообразным в наиболее общем виде закрепить правила для медицинских организаций, а также для иных организаций, в которых затрагиваются вопросы биоэтики.

Интересным также является дело, рассмотренное Конституционным Судом, связанное с вопросами суррогатного материнства. Как известно, для закрепления отношений суррогатного материнства заключается договор, в соответствии с которым суррогатная мать обязуется выносить плод и затем передать его юридически установленным родителям²¹. Между тем в соответствии со статьями 14, 17 и 23 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»²² предусмотрено право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители. Следовательно, суррогатная мать вправе вписать себя матерью ребенка в свидетельство о рождении несмотря на договорные отношения.

В данном случае безусловно публичный интерес будет выше частного, поскольку налицо конкуренция норм права публичного и частного, однако необходимо отметить следующее. При суррогатном материнстве, как указывает Конституционный Суд, женщине проводят имплантацию эмбриона, полученного путем экстракорпорального оплодотворения половых клеток генетических родителей. Следовательно, рожденный ребенок будет иметь ДНК генетических родителей. Исходя из этой логики указанные родители должны быть так же защищены законом от случаев, когда суррогатная мать не хочет отдавать ребенка по различным основаниям.

Трудно не согласиться с судьей Конституционного Суда С.Д. Князевым, который в особом мнении к вышеназванному определению указал: «закрепляя исключительную прерогативу суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических (биологических) родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей плод. Тем самым создается легальная почва для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате применения соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии».

Действительно, в данном случае законодатель будто бы целенаправленно не пытается оказать защиту генетическим родителям (Akimtseva, 2022:201), что может быть связано, как представляется, лишь с национальными приоритетами государства, которые заключаются в поддержке семьи, материнства и детства.

Приведенные примеры позиций Конституционного Суда показывают, что правовое регулирование очень часто тесно связано с важнейшими вопросами биоэтики, которые позволяют более глобально установить определенные рамки общественных отношений и указать маркеры, которые в дальнейшем подлежат проработке при рассмотрении конкретных дел.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

²² Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ, 24.11.1997, № 47, ст. 5340.

Заключение

Вопросы соотношения права и этики всегда вызывали интерес у исследователей. Это отражается в том числе в проанализированных научных статьях как российских, так и зарубежных авторов.

Биоэтика интересна с той точки зрения, что с ее помощью можно решить множество возникающих в обществе проблем, которые исключительно право решить не может. Указанное выражается тем, что нормы права, закрепляемые в источниках, чаще всего затрагивают лишь формальную сторону и не учитывают этические проблемы, а биоэтика в данном случае может помочь более глубоко исследовать и регулировать те или иные правоотношения. Вместе с тем явно существует проблема, связанная с финансированием исследований по биоэтике.

В случае если законодатель не принимал бы во внимание важность биоэтики, нормы, закрепляемые в источниках права, действовали односторонне.

Важно отметить, что в настоящий момент в Российской Федерации отсутствуют четкие и целостные законодательные основы в отношении биоэтики. Действующие документы представлены рядом разрозненных актов разного уровня и компетенции: некоторые вопросы рассматриваются только юристами, некоторые – медицинским сообществом. В данном случае разрозненность даже экспертных мнений может пагубно сказаться на возникшей проблеме и привести к различным точкам зрения на одну проблему.

Вместе с тем полагается, что разработка единого правового акта, регулирующего основы биоэтики, на сегодняшний день не является целесообразной в связи с тем, что в едином нормативном правовом акте невозможно отразить абсолютно все проблемные ситуации, связанные с биоэтикой. Полагается, что ратификация Российской Федерацией Конвенции по биоэтике могла бы послужить началу имплементации в отечественное законодательство положений, направленных на решение актуальных проблем в медицине, биологии и смежных отраслях.

Представляется, что независимые организации, которые занимаются вопросами биоэтики и формированием биоэтических принципов, могут помочь в формировании и внедрении в российское законодательство норм, направленных на решение биоэтических проблем. В настоящее время созданы различные независимые комитеты по этике при медицинских организациях. Например, Независимый этический комитет при Федеральном государственном бюджетном учреждении «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Межвузовский Комитет по этике, который занимается вопросами экспертизы клинических исследований лекарственных средств и клинических испытаний медицинских изделий.

Кроме того, на федеральном уровне функционируют Координационный совет при Министерстве здравоохранения Российской Федерации по вопросам биоэтики; Совет по этике (в части лекарственных средств); Совет по этике, созданный в целях выдачи заключения об этической обоснованности возможности проведения клинического исследования биомедицинского клеточного продукта; рабочая группа по нормативному правовому регулированию в сфере генетических технологий, включая вопросы геномного редактирования, и биоэтике при президиуме совета по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 гг.

Также Федеральным государственным бюджетным учреждением высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» создана Комиссия по биоэтике, которая рассматривает вопросы биоэтического направления и обеспечения правовых и этических норм в исследованиях с участием добровольцев.

Вопросы, затрагиваемые биоэтикой, крайне важны для разрешения сложных деонтологических ситуаций, в том числе в практическом здравоохранении. Взаимодействие законодателя и независимых органов, изучающих проблемы биоэтики, поможет задать методологические установки для более глубокого понимания клинических дисциплин, а также могут быть использованы для обучения уже практикующих врачей, медицинского персонала, а также лиц, ответственных за проведение опытов на животных.

References / Список литературы

- Akimtseva, Ya.V. (2022) Significance of judicial acts of the constitutional court of the russian federation in the transformation of legal regulation of biomedical research. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. (4), 198–206. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-4-198-206> (in Russian).
Акимцева Я.В. Значение судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации в трансформации правового регулирования биомедицинских исследований // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 198–206. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-4-198-206>
- Belikova, K.M. (2020) Legal responsibility of a scholar for implementation of the results of his scientific activity in the area of reproductive and therapeutical genetic modification of human in the BRICS countries. *Legal studies*. (4), 11–28. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.4.33249> (in Russian).
Беликова К.М. Правовая ответственность ученого за реализацию результатов его научной деятельности в сфере репродуктивного и терапевтического редактирования генов человека в странах БРИКС // Юридические исследования. 2020. № 4. 11–28. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.4.33249>
- Belova, D.A. (2021) Legal regime of reproductive biological material. *Lex Russica*. 7 (176), 111–121. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121>
Белова Д.А. Правовой режим репродуктивного биологического материала // Lex Russica. 2021. № 7 (176). С. 111–121. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121>
- Botbol-Baum, M. (2015) Epistemology of bioethics in the making: from historical context to conceptual plurality and anticipation. *Bioethics Update*. (1), 79–95.
- Bystranowski, P., Dranseika, V. & Żuradzki, T. (2022) Half a century of bioethics and philosophy of medicine: a topic-modeling study. *Bioethics*. 36(9), 902–925. <https://doi.org/10.1111/bioe.13087>
- Ives, J. & Draper, H. (2009) Appropriate methodologies for empirical bioethics: it's all relative. *Bioethics*. 23 (4), 249–258. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2009.01715.x>.
- Gazina, N.I. (2021) Legal regimes for the use of the human embryo for scientific purposes in the light of the practice of international bodies. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 7 (83), 153–159. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.83.7.153-159> (in Russian).
Газина Н.И. Правовые режимы использования эмбриона человека в научных целях в свете практики международных органов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 7 (83). 153–159. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.83.7.153-159>
- Gorovitz, S. (1984). Bioethics: problems and prospects. *Western Division Meetings*. 18(1), 17–20. <https://doi.org/10.2307/2215017>

- Grebenshchikova, E. G. (2010) Transdisciplinary paradigm in bioethics. *Knowledge. Understanding. Skill.* (2), 79–83 (in Russian).
Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 79–83.
- Gribunov, O.P. (2022). Improving the legal regulation of genomic registration in the context of crime prevention. *All-Russian Criminological Journal.* 1(16), 101–110. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).101-110](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).101-110)
Грибунов О.П. Совершенствование правового регулирования геномной регистрации в контексте предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1(16). С. 101–110. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).101-110](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).101-110)
- Harvey, O. (2005). Regulating stem-cell research and human cloning in an Australian context: an exercise in protecting the status of the human subject. *New Genetics and Society.* 24(2). 125–136. <https://doi.org/10.1080/14636770500184776>
- Ketova, T.N. 2015. Bioethics as a stage in the development of humanism. *Uchenye zapiski St. Petersburg State Medical University I. P. Pavlova.* 4, 31–34. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2015-22-4-31-34> (in Russian).
Кетова Т.Н. Биоэтика как этап развития гуманизма // Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2015. № 4. С. 31-34. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2015-22-4-31-34>
- Millum, J. (2021). How to Identify Priority Questions for Bioethics Research. *The American Journal of Bioethics.* 22(1), 17–18. <https://doi.org/10.1080/15265161.2021.2001102>
- Maldonado, C.E. (2012) Crisis of Bioethics and Bioethics in the Midst of Crises. *Revista Latinoamericana de Bioética.* 12(1), 112–123. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2740430>
- Nekoteneva, M.V. & Babushkin, M.S. (2021) Some features and problems of application of genomic technologies in the Russian Federation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* (7), 70–78. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.83.7.070-078> (in Russian).
Некотенева М.В., Бабушкин М.С. Некоторые особенности и проблемы применения геномных технологий в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 7. С. 70–78. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.83.7.070-078>
- Nezhmetdinova, F. (2013) Global challenges and globalization of bioethics. *Croatian medical journal.* 54(1), 83–85. <https://doi.org/10.3325/cmj.2013.54.83>
- Russell, W.M.S. & Burch, R.L. (1959) *The principles of humane experimental technique.* London, UK, Methuen & Co Ltd.
- Semkina, I.A. (2021) Assisted reproductive technologies: foreign legislation and practice of application. *Education and law.* (11), 295–301. (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-11-295-301>
Сёмкина И.А. Вспомогательные репродуктивные технологии: зарубежное законодательство и практика применения // Образование и право. 2021. № 11. С. 295–301. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-11-295-301>
- Silyanova, I.V. (2021) Ethical context of legal regulation of surrogate and genetic motherhood in Russia. *Obstetrics, gynecology and reproduction.* (3), 270–275. (in Russian).
Силуянова И.В. Этический контекст правового регулирования суррогатного и генетического материнства в России // Акушерство, гинекология и репродукция. 2021. № 3. С. 270–275.
- Vásquez Abanto, J.E., Vásquez Abanto, A.E. & Arellano Vásquez, S.B. (2015) Modern ethics of medical research – bioethics. *Liberal Arts in Russia.* 4(4), 292–303. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2015.4.5> (in Russian).
Васкес Абанто Х.Э., Васкес Абанто А.Э., Арельяно Васкес С.Б. Современная этика медицинских исследований – биоэтика // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 4. С. 292–303. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2015.4.5>

Сведения об авторах:

Полнякова Екатерина Михайловна – заместитель директора Правового департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; Российская Федерация, 125009, г. Москва, Тверская ул., д. 11

ORCID ID: 0009-0006-7917-1815

e-mail: polniakovaem@minobrnauki.gov.ru

Тагиев Эльвин Сергеевич – консультант Правового департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; Российская Федерация, 125009, г. Москва, Тверская ул., д. 11

ORCID ID: 0009-0008-1379-0888

e-mail: alvin.tagiev@ya.ru

About the author:

Ekaterina M. Polnyakova – Deputy Director of the Legal Department of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; 11 Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0006-7917-1815

e-mail: polniakovaem@minobrnauki.gov.ru

Elvin S. Tagiev – Consultant to the Legal Department of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; 11 Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0008-1379-0888

e-mail: alvin.tagiev@ya.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968>

EDN: KGLPFL

Научная статья / Research Article

Роль блокчейна в совершенствовании публичного управления

М.Ю. Шамрин , М.В. Галкина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
 mvgalkina@msal.ru

Аннотация. Исследуется важнейшая революционная технология «блокчейн», применение которой в публичном управлении будет способствовать совершенствованию всех сфер государственной жизни. Анализируется роль блокчейна в экономической сфере (торговле, сельском хозяйстве, финансах) и в здравоохранении. Рассматривается соотношение цифрового рубля и криптовалют, приводятся аргументы в пользу внедрения в экономику России криптовалют. Цель исследования – сформировать представление о необходимости скорейшего внедрения технологии «блокчейн» в различные сферы публичного управления, в первую очередь, в экономику и здравоохранение. Методы: логический метод, анализ, сравнительно-правовой, исторический. Доказана необходимость использования блокчейна в различных сферах публичного управления, так как благодаря его внедрению России удастся минимизировать санкционное давление и усовершенствовать реализацию государственной политики во всех сферах общественной жизни. Выводы: блокчейн уже сегодня можно считать основой успешного функционирования публичной администрации в Российской Федерации; уникальная структура блокчейна может сделать его основным элементом в совершенствовании всех сфер экономики, создавая новое поколение экономических систем, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве; блокчейн может решить проблемы, связанные с координацией и обменом информацией между независимыми медицинскими учреждениями; в блокчейне скрыты величайшие возможности для сельского хозяйства, поскольку его применение позволяет выявить все этапы производства, обработки, поставки продукции, ее доставки до магазина и продажи потребителю.

Ключевые слова: технология «блокчейн», публичное управление, экономика, сельское хозяйство, здравоохранение, криптовалюта, децентрализация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Шамрин М.Ю., Галкина М.В. – нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ No НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

Поступила в редакцию: 06 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Шамрин М.Ю., Галкина М.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Шамрин М.Ю., Галкина М.В. Роль блокчейна в совершенствовании публичного управления // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 956–968. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968>

The role of blockchain in improving public administration

Maxim Yu. Shamrin , Marina V. Galkina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
 mvgalkina@msal.ru

Abstract. The study is dedicated to the most important revolutionary "blockchain" technology, the application of which in public administration will contribute to the improvement of all spheres of the government life. The authors analyze the role of blockchain in the economic sphere (trade, agriculture, finance) and in healthcare. The article looks at correlation between the digital ruble and cryptocurrencies and arguments in favor of implementation of cryptocurrencies into the Russian economy. The purpose of the research is to form an idea of the need for the speedy introduction of blockchain technology in various areas of public administration, primarily in economy and healthcare. The employed methods are logical method, analysis, comparative legal, historical. The findings prove the need to use the blockchain in various areas of public administration; as a result of its implementation, Russia will be able to minimize sanctions pressure and improve realization of state policy in all spheres of public life. The research allows to draw the following conclusions: 1. Blockchain sets up the basis for the successful functioning of public administration in the Russian Federation. 2. The unique structure of blockchain may be looked at as the main element in streamlining all areas of the economy, creating a new generation of economic systems based on mutually beneficial cooperation. 3. Blockchain may contribute solving the problems associated with coordination and exchange of information between independent medical institutions. 4. Blockchain holds the greatest opportunities for agriculture, since its application allows to identify all stages of production, processing, supply of products, their delivery to the store and sale to the consumer.

Key words: blockchain technology, public administration, economy, agriculture, healthcare, cryptocurrency, decentralization

The authors' contribution. Shamrin M.Yu., Galkina M.V. – undivided co-authorship.

Funding. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. IIII-3270.2022.2 “Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence”.

Received: 06th September 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Shamrin, M.Yu., Galkina, M.V. (2023) The role of blockchain in improving public administration. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 956–968. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968>

Введение

В последнее время слово «блокчейн» заняло прочное место в лексиконе IT-специалистов и даже простых обывателей. Блокчейн следует определять в качестве выстроенной по специальным правилам непрерывной цепочки блоков, каждый из которых включает информацию о предыдущем блоке (рис.1). Можно констатировать, что копии цепочек блоков хранятся на множествах устройств, и это обуславливает децентрализованность всей системы учета данных, обеспечивающей высокий

уровень надежности и безопасности, что делает технологию блокчейна такой востребованной в настоящее время, в том числе в различных сферах в публичном управлении.

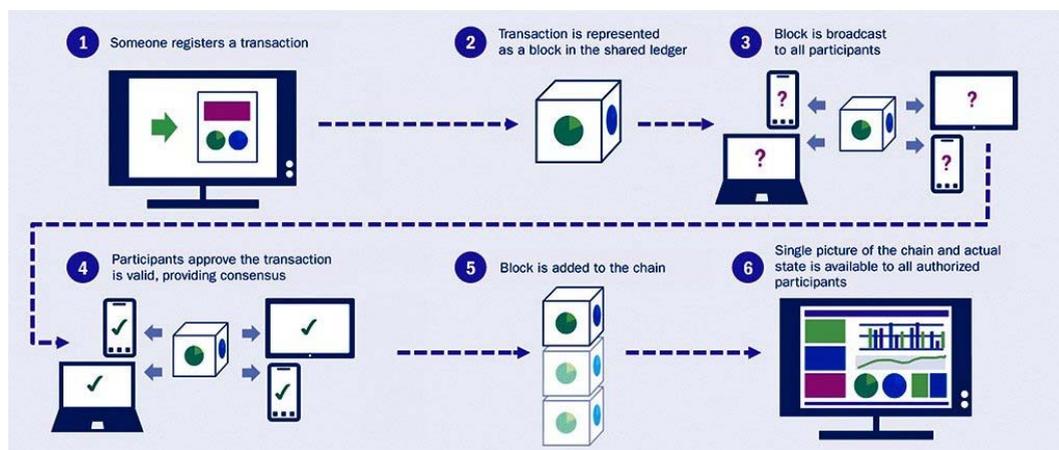

Рис. 1. Сущность технологии «блокчейн» /
Figure 1. The essence of blockchain technology

Этот термин часто связывают с криптовалютами, например, с Биткоином, однако его возможности гораздо шире.

В 2008 г. была представлена «белая бумага» Биткоина, в которой были определены преимущества блокчейна, основанного на объединении имевшихся и использовавшихся по отдельности криптографических технологий¹.

Революционным в сущности понятия «блокчейн» является тот фундаментальный факт, что в нем (блокчейне) содержатся данные обо всех транзакциях, которые проходят через него. Американский венчурный капиталист Тим Дрейпер подчеркивал это положение, когда предрекал биткоину (цифровому золоту) светлое будущее в новой финансовой системе, основанной на блокчейне². Применение блокчейна во всех сферах публичного управления, безусловно, будет способствовать усовершенствованию работы государственных служб – от защиты личных данных граждан до оптимизации экономики (Yastrebov, 2021) и улучшения функционирования системы здравоохранения.

Далее проанализируем основные направления, где блокчейну отводится важная роль, в частности, в сферах публичного управления, а также в решении актуальных проблем современности (Rusakova & Frolova, 2022; Frolova & Inshakova, 2022; Rusakova, Frolova & Gorbacheva, 2020; Rusakova, Frolova Gorbacheva & Kupchina, 2019). Представляется важным отметить, что наиболее полно блокчейн проявил себя в экономическом секторе в связи с его уникальностью – децентрализацией, которая не позволяет хакерам повреждать ключевой узел системы и организовать утечку или подмену информации, хранящейся в блокчейне и проверяемой на постоянной

¹ Накамото С. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности. Режим доступа: <https://www.bitcoin.com/satoshi-archive/whitepaper/> (дата обращения: 31.08.2023).

² Partz H. Tim Draper Predicts Crypto Will Rule, Only Criminals Will Use Cash in Five Years. Режим доступа: <https://cointelegraph.com/news/tim-draper-predicts-crypto-will-rule-only-criminals-will-use-cash-in-five-years> (дата обращения: 31.08.2023).

основе. Таким образом, использование блокчейна позволяет исключить любую возможность фальсификации платежей и обеспечивает их прозрачность.

В связи с необходимостью защиты персональных данных, отслеживания фиатных денег, которые не поддаются абсолютному контролю со стороны регулирующих органов, – а отмывание денежных средств является острой проблемой в современном мире, – нет сомнений, что блокчейн может стать именно той технологией, которая существенно снизит масштабы процессов теневой экономики, облегчив контроль за движениями финансов глобально (Frolova, 2020). Иронично, но, по словам того же Дрейпера, именно фиатные деньги станут основной валютой преступников в будущем, а не криптовалюты, работающие на читаемом блокчейне. Таким образом, блокчейн уже сегодня можно считать основой успешного функционирования публичной администрации в Российской Федерации.

Анализируя трекинг транзакций, необходимо упомянуть взлом криптовалютной биржи Scurptoria, который произошел в конце 2018 г., с которой хакерам удалось осуществить криптовалютный перевод на свои кошельки в размере 23 млн долл., тем самым подорвав нормальную работу биржи. Примечательно, что благодаря возможности блокчейна отслеживать украденную криптовалюту, правоохранительным органам Новой Зеландии, используя современные цифровые технологии, в сотрудничестве с высококвалифицированными IT-специалистами удалось добиться успехов в выявлении организаторов данной атаки и возврате средств. В настоящее время обналичивание криптовалюты или же ее обмен на другие криптоактивы через сторонние криптовалютные биржи является невозможным. Торговые и обменные площадки активно сотрудничают с правоохранительными органами, могут воспользоваться функцией заморозки подозрительных аккаунтов, блокировать перемещение с них средств, возвращая их обратно владельцам (Sukhodolov, Antonyan, Rukinov, Shamrin & Spasennikova, 2019:560). Например, самая крупная биржа Binance во взаимодействии с правительственными и правоохранительными органами использует специальную систему запросов (LERS). Органы публичной администрации могут через эту систему отправлять информационные запросы. Binance будет рассматривать каждый случай и осуществлять сотрудничество в рамках каждого запроса на раскрытие информации в соответствии с Условиями использования Binance и применимым законодательством³.

Но несмотря на все его неоспоримые преимущества, его использование в сферах публичного управления требует осмысления и учета всевозможных рисков (Shinkaretskaia & Berman, 2020).

Далее авторы считают необходимым рассмотреть возможности применения революционной технологии блокчейна в главнейших сферах административно-правового регулирования (Deasy & Khokhlov, 2018).

Блокчейн в сфере экономики

Известно, что в обычных экономических системах действия всех субъектов зависят от посредников – банков и платежных систем, проводящих и подтверждающих финансовые операции, что часто приводит ко всевозможным ошибкам, сбоям и мошенничеству.

³ Система запросов для правоохранительных органов. Режим доступа: <https://www.binance.com/ru/support/law-enforcement> (дата обращения: 31.08.2023).

Однажды зафиксированная транзакция становится неизменной, информация о ней сохраняется, что исключает возможность двойных трат. Для каждого участвующего в этой системе блокчейн создает доступ ко всем финансовым операциям и обеспечивает абсолютную прозрачную историю всех проводимых финансовых транзакций (Frolova & Ermakova, 2022).

Блокчейну присущ основополагающий принцип – децентрализации – благодаря чему отсутствует необходимость в посредниках – банках, агентах и др. Это не только снижает издержки для участников финансовых операций, но и сокращает время на обработку данных.

После введения незаконных санкций со стороны ряда западных государств российская экономическая система в последние годы ограничивается в доступе к международным финансовым рынкам (Tserova, 2022a; Tserova, 2022b). Результатом стало резкое снижение иностранных инвестиций. Однако в этой ситуации криптовалюты явились одним из способов преодоления сложившихся экономических проблем. Именно криптовалюты играют ключевую роль в «небанковских экосистемах», предоставляя доступ к финансовым услугам для тех, кто ранее был лишен такой возможности. Всемирный банк констатирует, что около 1,7 миллиарда граждан в мире лишены доступа к банковским услугам. Таким образом криптовалюты и блокчейн помогут ликвидировать эти проблемы и обеспечить населению возможности для инвестиций, кредитования и сбережений.

При взаимодействии с финансовыми системами блокчейн транслирует новые инструменты и методы для создания более эффективных и безопасных моделей. Дальнейшие проводимые исследования показывают его потенциал, который в будущем, по прогнозам специалистов, может привести к революционным изменениям мировой экономики (Gracheva (ed.), 2020).

Криптовалюты, появившиеся благодаря технологии «блокчейн», начали свое «существование» с «цифровых монет» и подошли вплотную к глобальному экономическому явлению, а биткоин, зародившись как децентрализованная платежная система, в настоящее время занимает разнообразные ведущие ниши в мировой экономике (Frolova & Ermakova, 2022; Zatsepin, Permyakov & Morozova, 2020; Zhuravlev, Brisov, Yankovsky, R. & Levashenko, 2020). Кроме того, блокчейн способствует внедрению «токенизации», т.е. перевод товаров и услуг в цифровые токены, которые в последствии могут легко обмениваться и, таким образом, открывать новые возможности для инвестиций и торговли.

Экономическая политика в текущей ситуации в связи с экономическими трудностями без сомнения требует пересмотра с целью внедрения криптовалютных технологий, способствующих сохранению и умножению российского капитала (Frolova & Ermakova, 2022).

Несмотря на все экономические сложности сегодняшнего дня, большинство зарубежных инвесторов хотели бы вложить капитал в российскую экономику. Однако отсутствие свободных неподконтрольных недружественным странам криптовалютных инструментов в России создано не было. Переустроить свой экономический потенциал Российской Федерации вряд ли удастся без стимулирования криптовалютных технологий, способствующих развитию инноваций, так необходимых сегодня всем отраслям российской экономики (Dudin, Bezbakh, Galkina, Rusakova & Zinkovsky, 2019).

Необходимо начать медленное воссоздание новой экономической системы, в структуре которой криптовалюта будут занимать ведущее место, поскольку они будут меньше подвержены внешнему давлению и могут стать базой нового этапа экономического сотрудничества с Китаем, Индией, Саудовской Аравией, странами АСЕАН и др. Это возможно реализовать, например, благодаря запасам природных ресурсов, наличие которых позволит полностью обеспечить собственную российскую национальную криптовалюту, подобную Tether, полностью обеспеченную американскими долларами.

Создание собственной национальной криптовалюты, обеспеченной, например, таким образом, позволит получить альтернативные финансовые возможности, использование которых не сможет заблокировать даже Америка, так как она постоянно наращивает закупку у России топлива с обогащением по урану-235, которое представляет собой главную закупку Вашингтона⁴. Интерес США способствовал листингу такой российской криптовалюты на лучших мировых биржах, таких как Coinbase, Kraken, Bitfinex, Binance, OKX. Представляется важным отметить, что Россия, в лице Росфинмониторинга, впоследствии могла бы обменять такую национальную криптовалюту на Биткойн и тем самым постоянно накапливать его количество, что было бы важным для российского бюджета.

В августе 2023 г. был запущен цифровой рубль (Central Bank Digital Currency (CBDC)). Он является цифровой валютой, эмитентом которой является Банк России. Таким образом, если Bitcoin и другие криптовалюты независимы от банковского сектора, то цифровой рубль, обеспеченный фиатными рублями, полностью находится под контролем Центрального банка Российской Федерации. Безусловно, у цифрового рубля есть плюсы, но и недостатки тоже, в частности, главнейшая проблема — это фактические возможности его использования в глобальных международных расчетах. В экономике его применение в расчетах представляется возможным лишь в рамках Союзного государства, поскольку каждое государство старается развивать и популяризировать собственную государственную цифровую валюту. В этой связи международные расчеты, осуществляемые в цифровом рубле, ни для каких стран интереса представлять не будут (в отличие от криптовалюты, обеспеченной природными ресурсами, например золотом).

Главнейшим минусом цифрового рубля следует считать полную подконтрольность Банку России. В любой момент цифровой кошелек в определенных политических или экономических ситуациях может быть заблокирован Центральным банком РФ либо по собственной инициативе, либо по запросу должностного лица публичной администрации, а хранящиеся в нем цифровые рубли — конфискованы. Если владелец Биткойна обладает анонимностью, то владелец цифровых рублей полностью идентифицирован государством. Таким образом, по сравнению с независимыми криптовалютами у цифрового рубля полностью отсутствует адаптация к новым финансовым технологиям, что без сомнений дезактивирует какие-либо нововведения в его отношении.

В качестве положительного фактора применения цифрового рубля можно считать невозможность: 1) не платить алименты, налоги и обязательные государственные платежи, сумма которых будет автоматически списана с цифрового кошелька; 2) скрывать дополнительные доходы, тем самым не платя налоги в казну;

⁴ США нарастили закупку урана у России до максимальных показателей. Режим доступа: <https://ria.ru/20230824/uran-1891881128.html> (дата обращения: 21.08.2023).

3) финансировать запрещенные организации, 4) совершать мошеннические финансовые операции и др. Можно сделать вывод, что в случае безальтернативного использования цифрового рубля все денежные средства граждан и финансовые транзакции будут находиться под тотальным контролем Росфинмониторинга и Банка России.

Блокчейн положил начало преобразованию сектора международных переводов, который ввиду множества выгод оказался подконтрольным нескольким странам – США и Великобритании.

Благодаря проекту Ripple была достигнута невероятная скорость проведения транзакций в криптовалюте XRP, буквально за секунды стало возможным осуществить перевод любой суммы, причем без комиссии и посредников. Представим ситуацию, когда необходимо сделать перевод 100 долларов США в другую страну. Если использовать традиционную систему SWIFT и отправить деньги через «Вестерн Юнион», то размер комиссии будет около 10 долл. США, т.е. 10 %. Возможно, это незначительная комиссия, но если сумма перевода будет равна 100 тыс. долл. США, то комиссия составит уже 10 тыс. долл. США, то есть более значимую сумму. Если переводить аналогичные суммы в XRP, то комиссия при переводе, например, 100 тыс. долл. составит всего несколько центов. Это невероятное достижение, на которое обратили внимание страны организации «БРИКС».

Однако в 2020 г. произошла непредвиденная ситуация, Американская комиссия по ценным бумагам (U.S. Securities and Exchange Commission) подала иск к Ripple Labs, в котором заявлялось, что XRP – ценная бумага, а не валюта, и что, таким образом, Ripple Labs нарушает закон, продавая его без разрешения или регистрации. Однако после долгих месяцев разбирательств Ripple доказал, что XRP не является ценной бумагой, что явилось важным шагом не только для самой компании, но и для всей мировой системы криптовалют, определив правовой статус и других цифровых активов.

Блокчейн в сфере здравоохранения. Безопасность данных

Система блокчейна может быть активно использована в сфере здравоохранения, в частности, при соблюдении безопасности медицинских данных. Поскольку блокчейн – это децентрализованная система, это значит, что полученная информация не хранится на одном сервере и каждый последующий блок связан с предыдущим. Получить доступ к такой системе очень сложно, так как для этого необходимо одновременно изменить данные на всех этапах.

Применение блокчейна блокирует открытый доступ к медицинской информации, таким образом, пациент может осуществлять контроль за использованием своих медицинских данных.

Блокчейн позволяет записывать и сохранять каждый этап истории болезни пациента, следовательно, лечащий врач может отследить всю историю болезни пациента с учетом всех происходящих изменений.

Помимо всего прочего, блокчейн, записывая информацию, предотвращает риски ее разглашения для третьих сторон.

Учитывая всемирный характер здравоохранения, с помощью блокчейна можно упростить и строго стандартизировать системы обработки и хранения медицинских данных на международном уровне.

Блокчейн также может решить проблемы, связанные с координацией и обменом информацией между независимыми медицинскими учреждениями. Несмотря на

децентрализацию блокчейна, тем не менее, он может служить единой базой медицинских данных с кратчайшими сроками обмена информацией между медучреждениями.

Truck&Trace лекарственных препаратов

В настоящее время можно констатировать глобальную проблему подделки лекарственных препаратов. Эта проблема существует во всех странах, но в решении и этой жизненно важной проблемы может помочь технология «блокчейн». В частности, блокчейн позволит избежать фальсификации лекарственных средств благодаря фиксации каждого этапа производства, включая продажу данного лекарства конечному потребителю.

То есть система truck&trace будет способствовать моментальному выявлению нарушений установленных требований к производству лекарственного препарата, а также позволит отследить путь лекарств от производителя до аптечного пункта, сделав этот процесс автоматическим. Продукция, изготовленная с какими-либо нарушениями, в аптечный пункт не попадет и будет моментально выявлена и уничтожена.

Кроме того, использование блокчейна позволит создать медицинские системы учета данных, специальные регистры, что позволит повысить эффективность деятельности всех медицинских учреждений и государственного управления в сфере здравоохранения в целом. Возможности блокчейна безмерны.

Так как данные в блокчейне содержатся децентрализованным образом, не представляется возможным повредить ключевой узел системы и организовать утечку или подмену информации с историей болезни пациентов. Такой формат хранения данных может использоваться не только для отслеживания транзакций, но и для помощи различным научным медицинским учреждениям при изучении редких заболеваний, а также для создания универсальных закрытых регистров в абсолютно различных сферах деятельности, например, в индустрии каннабиса⁵. Проект Tokes Platform⁶ предлагает использовать защищенную, псевдоанонимную (для участников, но не для контролирующего узла) и распределенную базу данных, чтобы контролирующий реестр орган мог правильно и безошибочно распределять нужное количество каннабиса пациентам в конкретные дни. Разумеется, пользователи системы проходят процедуру KYC (Know your customer), тем самым вписывая себя в реестр данных и деанонимизируя свою личность перед руководящим органом. Таким образом, обеспечиваются возможности индивидуального лечения конкретного пациента медицинского учреждения.

Блокчейн в сфере сельского хозяйства

В блокчейне скрыты величайшие возможности для сельского хозяйства, поскольку его применение позволяет выявить все этапы производства, обработки, поставки продукции, ее доставки до магазина и продажи потребителю.

⁵ Bourque A. Cannabis Looping And Smurfing Schemes: <https://www.forbes.com/sites/andrebourque/2019/02/28/how-blockchain-can-end-cannabis-looping-and-smurfing-schemes/?sh=2e8634c1605f> (дата обращения: 31.08.2023).

⁶ Blockchain Visibility & Payment Solutions for the Cannabis Industry. Режим доступа: <https://tokesplatform.org/> (дата обращения: 31.08.2023); Lightpaper. A brief overview of the Tokes Platform, a Multichain Ventures company. Режим доступа: <https://multichain.ventures/assets/docs/multichain-ventures-tokes-lightpaper.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).

Необходимо отметить, что, благодаря использованию сельхозпроизводителями блокчейна стало возможно узнать историю происхождения продукта.

Китайская компания Tencent занимается разработкой блокчейн-платформы для контроля всех этапов производства, транспортировки и реализации вина для крупнейшего производителя алкоголя компании Changyu. Данное блокчейн-решение позволит потребителям получить полную информацию о продукте, который они приобретают: сорт, место производства и так далее⁷. Но конечная цена произведенного вина, производство которого подтверждено блокчейном, может иметь более высокую цену.

В декабре 2017 г. между Россией и Турцией состоялась первая торговая операция в криптовалюте. Турция купила 3 тыс. тонн российской пшеницы, расплатившись 46 биткоинами (30 млн руб. на декабрь 2017 г.). Данная сделка была реализована транспортной компанией Prime Shipping Foundation, принадлежащей Роснефти и Сбербанку, в сотрудничестве с Quorum Capital Ltd. и Interchart LLC. Зерно было отправлено из Ростова-на-Дону в турецкий г. Самсун. Примечательно, что это была первая сделка по оплате фрахта судна криптовалютами.

Представитель Prime Shipping Иван Викулов отметил, что такие операции позволят расплачиваться за сельхозтовары моментально и помогут странам, которые не могут пользоваться американскими долларами для торговых сделок из-за санкций (например, Иран)⁸. Для хеджирования рисков сделки использовались фьючерсы на биткоин от площадки CME Group⁹, таким образом, блокчейн имеет огромные возможности для повышения качества продукции и эффективной работы отрасли.

Напомним, в начале января китайская компания Shandong Bohi Industry впервые использовала блокчейн-платформу для продажи груза соевых бобов американскому агропредприятию Louis Dreyfus¹⁰.

Блокчейн в торговле

Изучая возможности использования блокчейна в торговле, специалисты пришли к следующим выводам:

1) блокчейн дает возможность всем сотрудникам торговой сети отслеживать все операции в режиме реального времени, что создает атмосферу доверия и ответственности;

2) блокчейн позволяет сократить все временные и операционные затраты для проведения торговых сделок, так как снижает необходимость в дилерах;

⁷ Peng T. Tencent Builds Blockchain Platform for China's Oldest Wine Producer. Режим доступа: <https://cointelegraph.com/news/tencent-builds-blockchain-platform-for-chinas-oldest-wine-producer> (дата обращения: 31.08.2023).

⁸ Россия впервые продала пшеницу за биткоины. Режим доступа: <https://www.if24.ru/rossiya-prodala-pshenitsu-za-btc/> <https://cointelegraph.com/news/tencent-builds-blockchain-platform-for-chinas-oldest-wine-producer> (дата обращения: 31.08.2023).

⁹ Almeida I. First cryptocurrency freight deal takes Russian wheat to Turkey. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-23/first-cryptocurrency-freight-deal-takes-russian-wheat-to-turkey-producer> (дата обращения: 31.08.2023).

¹⁰ Джесс Л. Турецкий покупатель оплатил биткоинами доставку зерна из России. Режим доступа: <https://forklog.com/turetskij-pokupatel-oplatil-bitkoinami-dostavku-zerna-iz-rossii/> (дата обращения: 31.08.2023).

3) благодаря своей криптографической сути и децентрализованной системе блокчейн обладает высокой степенью защиты от хакерства, так распространенного в настоящее время.

В качестве примера, резюмируя все изложенное, рассмотрим зерновые сделки, проведенные между Россией и Турцией за биткойны.

Представим гипотетически, что российский экспортер и турецкий импортер проводят сделку на блокчейн-платформе за биткойны.

1. Обе стороны договариваются о количестве, качестве, цене и датах поставки, при этом детали соглашения фиксируются в блокчейне.

2. Как только выполняются условия сделки (зерно отгружено и прошло все необходимые проверки), блокчейн автоматически обеспечивает перевод биткойнов от турецкого импортера к российскому поставщику.

3. Весь этап сделки, начиная от производства и заканчивая доставкой, фиксируется в блокчейне, что позволяет каждому участнику сделки отследить всю операцию.

Блокчейн как база данных в публичном управлении.

В настоящее время продолжают активные дискуссии относительно возможностей использования блокчейна в публичном управлении, проводятся обсуждения, организуются круглые столы (Berryhill, Bourgerly & Hanson, 2018:20)¹¹.

Преимущества технологии блокчейна:

– увеличение скорости передачи информации и формирование единого реестра данных;

– сокращение затрат на содержание рабочего персонала, ответственного за ведение делопроизводства;

– повышение уровня безопасности и гарантирования конфиденциальности документов в рамках ограниченного доступа;

– возможность автоматизации деятельности подходящих ведомств с использованием смарт-контрактов.

Возможные отрасли использования блокчейна в государственном управлении.

Бюджетные процессы – автоматизированное исполнение и формирование бюджетов на основе смарт-контрактов, т.е., блокчейн способствует созданию более стабильной, гибкой и надежной финансовой структуры.

Налоговое администрирование – автоматизированный сбор налогов, а также автономный сбор соответствующей налоговой информации, исключение случаев неуплаты налогов.

Таможенный контроль – прозрачная система получения таможенных сборов и минимизация нарушений таможенного законодательства.

Внешний и внутренний финансовый контроль – автоматизация контролируемых процессов.

Антимонопольное регулирование – организация открытой и децентрализованной системы контроля государственных закупок.

¹¹ EU parliament for Members of the European Parliament (MEPs) in April 2016 (Patrick, 2016); the ongoing exploration of Blockchains by the Senate and National Assembly of France; and the recognition of distributed ledger technology as a means for legal financial bonds transfers by the French Ministry. Berryhill, J., T. Bourgerly and A. Hanson. Blockchains Unchained: Blockchain Technology and its Use in the Public Sector. OECD Working Papers on Public Governance. 2018. No. 28. OECD Publishing, Paris. P. 20. <http://dx.doi.org/10.1787/3c32c429-en> (дата обращения: 31.08.2023).

Авторы приводят примеры использования блокчейна в рамках государственных структур:

- модернизация земельных кадастров;
- криптографическая защита интеллектуальной собственности;
- цифровизация логистических систем;
- оптимизация документооборота;
- перевод в цифровой вид различных сертификатов и дипломов в системе образования.

Заключение

Внедрение блокчейна в определенные сферы мировой экономики представляет собой определенного рода революцию в области цифровой безопасности и прозрачности. За последние несколько лет был достигнут значительный прогресс в сфере цифровой трансформации государственных органов, но, учитывая ускоряющиеся темпы технологических изменений, стратегия России в отношении следующих этапов цифровой трансформации системы государственного управления нуждается в постоянном пересмотре и обновлении. Важно помнить, что блокчейн находится еще на стадии разработки и повсеместное его внедрение требует дополнительного исследования.

References / Список литературы

- Berryhill, J., Bourgerly, T. & Hanson, A. (2018) Blockchains unchained: blockchain technology and its use in the public sector. *OECD working papers on public governance*. No. 28. Paris, OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/3c32c429-en>
- Deasy, D. & Khokhlov, Y.E. (2018) Global best practices for digital transformation of the public sector in Russia. In: *Report on the development of the digital economy in Russia: "Competition in the digital era: strategic challenges for the Russian Federation"*. The World Bank. September 2018. pp. 50–65. Available at: https://www.researchgate.net/publication/328771690_Globalnyj_peredovoj_opyt_dla_cifrovoj_transformacii_gosudarstvennogo_sektora_v_Rossii [Accessed 31th August 2023]. (in Russian).
- Дизи Д., Хохлов Ю. Глобальный передовой опыт для цифровой трансформации государственного сектора в России // Доклад о развитии цифровой экономики в России: «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». Всемирный банк. Сентябрь 2018 г. С. 50–65. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/328771690_Globalnyj_peredovoj_opyt_dla_cifrovoj_transformacii_gosudarstvennogo_sektora_v_Rossii (дата обращения: 31.08.2023).
- Dudin, M.N., Bezbakh, V.V., Galkina, M.V., Rusakova, E.P. & Zinkovsky, S.B. (2019) Stimulating innovation activity in enterprises within the metallurgical sector: The Russian and international experience. *TEM Journal*. 8(4), 1366–1370. <https://doi.org/10.18421/TEM84-38>
- Gracheva, E.Yu. (ed.) (2020) *Current problems of financial law in the conditions of digitalization of the economy: monograph*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
- Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2020. 256 с.
- Frolova, E.E. (2020) Innovative tools and new financial institutions in the field of "green" financing. *Eurasian Law Journal*. 12(151), 33–37.
- Фролова Е.Е. Инновационные инструменты и новые финансовые институты в сфере «зеленого» финансирования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12(151). С. 33–37.

- Frolova, E.E. & Inshakova, A.O. (2022) Preface. *Advances in Research on Russian Business and Management*. (2022), xi-xix.
- Frolova, E.E. & Ermakova, E.P. (2022) Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries. *Advances in Research on Russian Business and Management*. (2022), 309–322.
- Rusakova, E.P., Frolova, E.E., Gorbacheva A. & Kupchina, E.V. (2019) Implementation of the smart-contract construction in the legal system of Russia. *6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities*. pp. 748–753.
- Rusakova, E.P., Frolova, E.E. & Gorbacheva, A.I. (2020) Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. (1100), 665–673.
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*. 26(3), 695–704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>
- Shinkaretskaia, G.G. & Berman, A.M. (2020) Digitalization of public administration (comparative legal analysis). *Education and law*. (8), 216–223. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10837> (in Russian).
Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М. Цифровизация государственного управления (сравнительно-правовой анализ) // Образование и право. 2020. № 8. С. 216–223. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10837>
- Sukhodolov, A.P., Antonyan, E.A., Rukinov, M.V., Shamrin, M.Yu. & Spasennikova, M.G. (2019) Blockchain in digital criminology: problem statement. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 13(4), 555–563. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).555-563](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).555-563) (in Russian).
Суходолов А.П. Антонян Е.А., Рукинов М.В., Шамрин М.Ю. Спасенникова М.Г. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 555–563. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).555-563](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).555-563)
- Tseпова, E.A. (2022a) Unprecedented law: protecting the Russian financial system against the impact of sanctions. *RUDN Journal of Law*. 26(3), 655–677. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677> (in Russian).
Ценова Е.А. Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 655–677. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>
- Tseпова, E.A. (2022b) Financial assets and electronic means of payment outside the Russian Federation: currency regulation peculiarities. *Taxes (Journal)*. (5), 24–27. <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-5-24-27> (in Russian).
Ценова Е.А. Финансовые активы и электронные средства платежа за пределами Российской Федерации: особенности валютного регулирования // Налоги. 2022. № 5. С. 24–27. <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-5-24-27>
- Yastrebov, O.A. (2021) Artificial intelligence in the legal space: discussion and development prospects. In: Blazheev, V.V. & Egorova, M.A. (eds.). *Transformation of models of legal regulation of objects of innovation infrastructure in modern law: Russian and foreign experience: monograph*. Moscow, Prospekt Publ., pp. 278–309. (in Russian).
Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: дискуссия и перспективы развития // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт: монография. М.: Проспект, 2021. С. 278–309.
- Zatsepin, M.N., Permyakov, M.V. & Morozova, E. (2020) On the use of blockchain technologies in the judicial system of the Russian Federation. *Advances in social science, education and humanities research*. (420), 170–173. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200321.106>
- Zhuravlev, A., Brisov, Yu., Yankovsky, R. & Levashenko, A. (2020) The evolution of cryptoeconomics and recent trends in decentralized finance. *Bank Review*. (10), 32–35. (in Russian).

Журавлев А., Брисов Ю., Янковский Р., Леващенко А. Эволюция криптоэкономики и последние тренды децентрализованных финансов // Банковское обозрение. 2020. № 10. С. 32–35.

Сведения об авторах:

Шамрин Максим Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Российская Федерация, 125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID ID: 0000-0002-8943-8820; SCOPUS AUTHOR ID: 57211288441

e-mail: akr177@protonmail.com

Галкина Марина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Российская Федерация, 125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID ID: 0000-0002-4537-9697; SCOPUS AUTHOR ID: 57190668625

e-mail: mvgalkina@msal.ru

About the author:

Maxim Yu. Shamrin – Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8943-8820; SCOPUS AUTHOR ID: 57211288441

e-mail: akr177@protonmail.com

Marina V. Galkina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-4537-9697; SCOPUS AUTHOR ID: 57190668625

e-mail: mvgalkina@msal.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-969-983>

EDN: KDSWXI

Научная статья / Research Article

Особенности правовой охраны объектов всемирного природного наследия в Австралии на примере Большого Барьерного Рифа

Р.Ю. Колобов^{1,2} , Я.Б. Дицевич³

¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

²Иркутский научный центр СО РАН, г. Иркутск, Российская Федерация

³Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация

 yaroslavadi@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена практика правовой охраны расположенного в Австралии объекта всемирного наследия Большого Барьерного Рифа. Отражено основное содержание решений Комитета всемирного наследия и Международного союза охраны природы по вопросам охраны Большого Барьерного Рифа, рассмотрены особенности управления им как объектом всемирного наследия (далее также – ОВН), а также удачные, по мнению авторов, нормативно-организационные решения, направленные на предотвращение угроз экологическому состоянию ОВН «Большой Барьерный Риф». По итогам анализа правовых основ и практики охраны объектов всемирного наследия сделан вывод о том, что некоторые элементы австралийского опыта могут быть использованы для укрепления организационно-правовых основ природоохранного режима озера Байкал. Сформулировано предложение по разработке плана управления объектом всемирного наследия «Озеро Байкал» в соответствии с требованиями и стандартами системы охраны всемирного наследия, а также по принятию специальных планов стратегического развития. Для обеспечения эффективной разработки конкретных управленческих решений, по мнению авторов, необходимо нормативно закрепить общие принципы формирования планов управления ОВН. По итогам характеристики практики вовлечения местных сообществ в управление объектами всемирного наследия, основываясь на австралийском опыте организации Консультативных комитетов, сформулировано предложение о создании Консультативного совета из представителей различных сфер жизнедеятельности общества, осуществляющих деятельность на территории объекта

© Колобов Р.Ю., Дицевич Я.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

всемирного наследия «Озеро Байкал», природоохранных организаций и представителей общественности.

Ключевые слова: объект всемирного наследия, Австралия, Большой Барьерный Риф, международное право, Озеро Байкал, особо охраняемая природная территория, стратегическая экологическая оценка, план управления

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи за исключением формулирования предложений о признании центральной экологической зоны Байкальской природной территории особо охраняемой территорией *sui generis* и использовании австралийского опыта для консолидации управления Байкалом как объектом всемирного природного наследия, разработанных Р. Ю. Колобовым.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00618.

Поступила в редакцию: 21 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Колобов Р.Ю., Дицевич Я.Б. Особенности правовой охраны объектов всемирного природного наследия в Австралии на примере Большого Барьерного Рифа // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 969—983. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-969-983>

Peculiarities of legal protection of natural world heritage sites in Australia on the example of the Great Barrier Reef

Roman Yu. Kolobov^{1,2}, Yaroslava B. Ditsevich³

¹Irkutsk State University, *Irkutsk, Russian Federation*;

²Irkutsk Scientific Center SB RAS, *Irkutsk, Russian Federation*

³Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, *Irkutsk, Russian Federation*

yaroslavadi@mail.ru

Abstract. The study examines the practice of legal protection of the Great Barrier Reef World Heritage Site located in Australia. It reflects the main content of the decisions of the World Heritage Committee and the International Union for Conservation of Nature on the protection of the Great Barrier Reef, looks at the features of its management as a World Heritage Site (hereinafter also – WHS), as well as regulatory and organisational solutions aimed at preventing threats to the ecological state of the Great Barrier Reef WHS. The analysis of the legal framework and practice of protection of World Heritage Sites allows to conclude that some elements of the Australian experience can be used to strengthen the institutional and legal framework of the environmental regime of Lake Baikal. The proposal to develop a management plan for the Lake Baikal World Heritage Site in accordance with the requirements and standards of the World Heritage protection system, as well as to adopt special strategic development plans has been formulated. According to the authors, to ensure the effective development of specific management decisions, it is necessary to establish normatively the general principles of management plan formation. Based on the practice of engaging local communities in the management of World Heritage Sites and Australian experience of organising Marine Advisory Committees, the authors have verbalized a proposal to create an Advisory Council of representatives of various spheres of society, operating in the territory of the Lake Baikal World Heritage Site, environmental organisations and representatives of the public.

Key words: World Heritage Site, Australia, Great Barrier Reef, international law, Lake Baikal, specially protected natural area, strategic environmental assessment, management plan

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: The authors have made an equal contribution to the preparation of the article, except for the formulation of proposals on the recognition of the central ecological zone of the Baikal natural Territory as a specially protected area *sui generis* and the use of Australian experience to consolidate the management of Lake Baikal as a World Natural Heritage site, developed by R.Y. Kolobov.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00618.

Received: 21st March 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Kolobov, P.Yu., Ditsevich, Ya.B. (2023) Peculiarities of legal protection of natural world heritage sites in Australia on the example of the Great Barrier Reef. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 969–983. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-969-983>

Введение

Во второй половине XX в. человечество пришло к пониманию необходимости особой международно-правовой и национальной охраны объектов культурного и природного наследия. Юридическим отражением такого понимания стало принятие Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. (далее также – Конвенция о всемирном наследии, Конвенция)¹. Данный международный договор создал опирающуюся на принцип суверенного равенства государств² систему международных обязательств по выявлению, охране, популяризации и передаче будущим поколениям уникальных природных и культурных объектов. В целях международно-правовой координации национальных усилий по охране всемирного наследия был создан специальный конвенционный орган – Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия (далее также – Комитет всемирного наследия, Комитет). Комитет обладает достаточно широкими полномочиями в вопросах охраны всемирного наследия, к которым относятся, в частности, рассмотрение докладов о состоянии объектов и формулирование рекомендаций по их охране. Анализ и учет данной практики видится необходимым для надлежащего выполнения международных обязательств Российской Федерации, закрепленных нормами Конвенции.

Одна из основных целей любого международно-правового регулирования заключается в унификации – применении единых правил и подходов к регулированию международных отношений. Поэтому представляет особый интерес сравнение основных проблем, наличествующих в области охраны объектов всемирного наследия в разных странах, а также поддержанных Комитетом всемирного наследия способов их решения.

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (заключена в г. Париже 16.11.1972) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 290–302.

² Уважение суверенитета отдельных государств, на территории которых находятся объекты всемирного наследия, отмечается в 6 статье Конвенции о всемирном наследии.

В России расположено одиннадцать объектов всемирного природного наследия, среди которых уникальное по своим характеристикам озеро Байкал (Kolobov, 2020). В настоящее время экосистема Байкала сталкивается с разнообразными угрозами: развитием туристской инфраструктуры; жидкими бытовыми отходами, попадающими в озеро; проектированием строительства гидротехнических сооружений на реке Селенге; последствиями деятельности Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и др. (Ditsevich, 2020). Все эти проблемы находятся в поле постоянного внимания Комитета всемирного наследия (Galazii, G.I. & Votintsev, K.K., 1978).

Анализ зарубежного опыта по охране объектов всемирного наследия, как было сказано, является одним из перспективных направлений совершенствования режима правовой охраны озера Байкал (Shornikov, 2021). В качестве объекта сравнения была выбрана Австралия. Данное государство входит в тройку стран с наибольшей площадью территории, занимаемой объектами всемирного наследия, и в отношении некоторых из них имеются серьезные проблемы в сфере их сохранения.

Не в последнюю очередь Австралия выбрана и по причинам информационной открытости государственной политики по вопросам охраны природы и доступности соответствующих документов в сети «Интернет». Кроме того, в русскоязычной литературе недостаточно представлен юридический анализ практики охраны объектов всемирного наследия в этом государстве.

Таким образом, предметом настоящей статьи является практика правовой охраны объектов всемирного наследия в Австралии и ее оценка Комитетом всемирного наследия, а цель данной работы заключается в исследовании позитивного природоохранного австралийского опыта и его экстраполировании на проблемы охраны объекта всемирного наследия Озеро Байкал в целях формулирования предложений по их решению.

Анализ австралийской практики охраны ОВН

Австралия ратифицировала Конвенцию о всемирном наследии в 1974 г., став одним из первых государств, принявших законодательные акты в целях исполнения положений Конвенции (Figgis, Leverington, Mackay, Maclean & Valentine, 2012). На территории Австралии находится двенадцать объектов всемирного природного наследия, номинированных в разные годы и находящихся в разном экологическом состоянии. Пожалуй, самым известным объектом всемирного природного наследия в Австралии является Большой Барьерный Риф (далее также – Риф), включенный в Список объектов всемирного наследия (далее также – Список) в 1981 г. Он представляет собой самое значительное скопление коралловых рифов, где, по оценке ЮНЕСКО, сконцентрировано 400 видов кораллов, 1,5 тыс. видов рыб и 4 тыс. видов моллюсков³. Риф посещает ежегодно более одного миллиона шестисот тысяч человек; он обеспечивает доход более 5 миллиардов долларов и 63 000 рабочих мест⁴.

Для проводимого сравнительно-правового анализа Большой Барьерный Риф интересен, во-первых, тем, что он, как и объект всемирного наследия «Озеро Байкал», включает в себя водные и сухопутные участки, а также обладает значительной

³ Great Barrier Reef // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/154> (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ The Great Barrier Reef, Queensland. Режим доступа: <https://www.environment.gov.au/heritage/places/world/gbr> (дата обращения: 15.05.2022).

пространственной протяженностью. Во-вторых, как и озеро Байкал, экологическое состояние Рифа испытывает угрозы природного и антропогенного характера. На решение этих проблем из государственного бюджета Австралии выделяются значительные финансовые ресурсы, применяются передовые организационные механизмы (долгосрочные планы развития, стратегическая экологическая оценка), а эффективность проводимых мероприятий подвергается публичной оценке.

Анализ решений Комитета всемирного наследия и Международного союза охраны природы (далее также – МСОП) показывает, что на протяжении длительного времени, включая современный период, экосистема Большого Барьерного Рифа подвергается разнообразным угрозам, связанным, в большей степени, с деятельностью человека.

В 1985 г. на девятой сессии Комитета всемирного наследия рассматривался вопрос о строительстве дороги по прибрежному рифу, прилегающему к Национальному парку Мыс Скорби. Представители органов власти Австралии представили итоги проведенного трехлетнего исследования (с финансированием в сумме около миллиона долларов) степени влияния строительства дорог на экосистему Рифа. В свою очередь, Комитет выразил удовлетворенность качеством проведенных исследовательских работ⁵.

В 1994 г. при рассмотрении отчета о состоянии Рифа Комитет был проинформирован о временном приостановлении строительства отеля на 1 500 мест в непосредственной близости от объекта всемирного наследия для оценки вероятного воздействия строительства и его последствий на Объект (решение CONF 003 IX)⁶. 9 ноября 2000 г. на территории объекта всемирного наследия на мель село морское судно, повредив риф Садбери (повреждения затронули примерно 1500 кв. м территории Рифа). По результатам инцидента руководящим комитетом были приняты организационные меры для предотвращения появления подобных ситуаций в будущем⁷.

Также на двадцать пятой сессии Комитета рассматривался вопрос об увеличившейся популяции морской звезды «терновый венец», являющейся, по мнению ученых, одной из причин ухудшения состояния Рифа⁸. При этом в качестве одной из причин резкого роста численности популяции указанных морских организмов называлось загрязнение используемым в сельском хозяйстве азотом рек, являющихся притоками Кораллового моря, что способствует развитию в морских водах фитопланктона – кормовой базы тернового венца.

Начиная с 2005 г. в решениях Комитета в отношении состояния Рифа получает отражение проблематика изменения климата, которая впоследствии будет рассматриваться как одна из основных угроз уникальной экологической системе Рифа

⁵ Decision CONF 008 XIII.C SOC: Great Barrier Reef Marine Park (Australia) // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/3881> (дата обращения: 15.05.2022).

⁶ Decision CONF 003 IX SOC: Great Barrier Reef National Park (Australia) // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/3137> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ Decision CONF 205 V.106-112 Great Barrier Reef (Australia) // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5869> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ Биологический вид *Acanthaster planci*, начинает угрожать экосистеме кораллового рифа при достижении плотности популяции более 1500 особей на км-2. См.: (Bos, A.R., Gumanao, G.S., Mueller, B. & Saceda-Cardoza, M.M.E., 2013:116).

и других природных объектов (решение 29 СОМ 7В.а)⁹. В 2021 г. в заключении МСОП и Центра всемирного наследия о состоянии Рифа¹⁰, и в представленном Австралией в 2022 г. отчете о состоянии объекта¹¹, изменение климата рассматривается в качестве основной угрозы экологическому состоянию Большого Барьерного Рифа.

Особое внимание в документах органов системы охраны всемирного наследия уделяется проблемам возведения промышленных объектов, развития транспортной (портовой) инфраструктуры и иного капитального строительства. Так, в 2011 г. Комитет обратил внимание на утверждение проектов по обработке сжиженного газа на Острове Кёртис¹². Реакция на указанную проблематику выразилась в дальнейшем в осуществлении независимой оценки порта Глэдстоун и принятии Стратегии развития портов Квинсленда. Наконец, один из самых серьезных вопросов, который ставят органы системы всемирного наследия перед органами государственной власти Австралии, касается развития деятельности по добыче полезных ископаемых в шахте Кармайкл¹³.

По данному вопросу Австралия указала, что разрешение на проведение работ обусловлено выполнением всех необходимых условий. Традиционным требованием, которое Комитет предъявляет ко всем экономическим проектам в границах объектов всемирного наследия, является проведение различных видов экологической оценки. К Австралии подобные требования выдвигались в отношении практически всех вышеназванных проблем, при этом необходимо отметить, что в вопросе проведения стратегической экологической оценки и формирования долгосрочных планов управления Австралия достигла значительных успехов, речь о которых пойдет далее в настоящей статье.

Наиболее серьезной угрозой для Рифа на текущий момент признается глобальное потепление, вызванное деятельностью человека. Отмечается, что именно оно является причиной обесцвечивания кораллов – одной из основных экологических проблем Рифа (McWhorter, Halloran, Roff, Skirving, Perry & Mumby, 2022). Совокупность накопленных проблем, первичной из которых является глобальное изменение климата, привела к угрозе включения Большого Барьерного Рифа в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Нельзя не отметить, что Правительство Австралии и Правительство штата Квинсленд, судя по всему, отрицательно отнеслись к подобному варианту развития событий.

В период, предшествующий сорок четвертой сессии Комитета всемирного наследия, органы власти Австралии обратились к Комитету с просьбой провести мониторинговую миссию до принятия решения о включении Рифа в Список

⁹ Decision 29 COM 7B.a Threats to World Heritage Properties // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/351> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁰ Convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/2021/whc21-44com-7B.Add-en.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

¹¹ State Party Report on the state of conservation of the Great Barrier Reef // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/191659> (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Decision 35 COM 7B.10 Great Barrier Reef (Australia) (№ 154) // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/4418> (дата обращения: 15.05.2022).

¹³ Mackay Conservation Group challenges Adani mine in Federal Court. Режим доступа: <https://www.theage.com.au/national/queensland/mackay-conservation-group-challenges-adani-mine-in-federal-court-20150115-12qwnp.html> (дата обращения: 15.05.2022).

всемирного наследия, находящегося под угрозой¹⁴, а также организовать посещение объекта представителями стран, входящих в состав Комитета всемирного наследия, с целью убедить их в необходимости проголосовать против планируемого решения¹⁵.

Подобное отношение к факту включения в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, со стороны государств, на территории которых расположены объекты всемирного наследия, является достаточно распространенным. Самим Комитетом отмечалось, что существует проблема восприятия данного инструмента в негативном свете, как своего рода санкции¹⁶. В то же время гораздо продуктивнее воспринимать его как средство обеспечения сохранения объекта всемирного наследия, особенно в условиях, когда угрозу состоянию уникального природного комплекса представляют факторы, которые само государство не в состоянии контролировать¹⁷. Поскольку, согласно позиции австралийских властей, основной причиной ухудшающегося состояния Большого Барьерного Рифа является потепление вод мирового океана, являющееся следствием промышленной деятельности человека в общепланетарном масштабе, то включение Рифа в анализируемый Список, наоборот, послужит консолидации международных усилий противодействия глобальному изменению климата.

Особенности управления Большим Барьерным Рифом предопределяются федеративной моделью организации государственной власти в Австралии. Соответствующие полномочия в отношении объекта всемирного наследия реализуются на уровне Правительств Австралии и штата Квинсленд. Основы разграничения полномочий двух публично-правовых образований закреплены в Межправительственном соглашении о Барьерном Рифе (Great Barrier Reef Intergovernmental Agreement)¹⁸.

Впервые подобное соглашение было заключено в 1979 г. (Emerald Agreement)¹⁹. В последующие годы данное соглашение периодически изменялось и обновлялось²⁰. Этот документ отражает исключительную универсальную ценность охраняемого

¹⁴ Australia demands world heritage experts visit Great Barrier Reef ahead of 'in danger' list decision. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/07/australia-demands-world-heritage-experts-visit-great-barrier-reef-ahead-of-in-danger-list-decision> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁵ Australia to host ambassadors at Great Barrier Reef ahead of 'in danger' list. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/14/australia-to-fly-ambassadors-to-great-barrier-reef-ahead-of-in-danger-list-vote> (дата обращения: 16.05.2022). Резко негативное отношение к возможности включения объектов в "красный" список ЮНЕСКО Правительство Австралии выражало и по отношению к другим объектам, например, Национальному парку Какаду. См.: (Maswood, 2000; Aplin, 2004).

¹⁶ Decision 40 COM 7 State of Conservation of World Heritage Properties // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/6817/>.

¹⁷ В практике некоторых стран наблюдается более конструктивное отношение к включению объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. К их числу относятся, например, США, просьбе которых в указанный список были внесены Национальный парк «Эверглейдс» и Йеллоустоунский национальный Парк, а также Болгария, власти которой согласились с включением в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, природного резервата Сребрына.

¹⁸ Ports and shipping information sheet. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/4b83c677-f3a5-4f2d-9579-6123002b5103/Great-Barrier-Reef-Intergovernmental-Agreement-2015.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁹ Original-Emerald-Agreement-1979. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/dda92c7c-9d49-40b5-9c75-9a36aa61d0b/Original-Emerald-Agreement-1979.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

²⁰ На текущий момент в разработке находится новая редакция Соглашения, изначально планировавшегося к принятию после 2022 г. (Great Barrier Reef Intergovernmental Agreement. Режим доступа: <https://www.awe.gov.au/parks-heritage/great-barrier-reef/protecting-the-reef/intergovernmental-agreement> (дата обращения: 16.12.2022).

объекта, цели управления, выражение приверженности ряду принципов охраны и, собственно, закрепление разграничения полномочий. Так, федеральные власти осуществляют управление Морским парком Большого Барьерного Рифа (Great Barrier Reef Marine Park), созданным одноименным законом 1975 г.²¹ В его управлении находится территория порядка 344 400 квадратных километров. Штат Квинсленд отвечает за управление Прибрежным Морским Парком Большого Барьерного Рифа (Great Barrier Reef Coast Marine Park), площадь территории которого приблизительно 63 000 квадратных километров²².

В соглашении отмечается, что в составе Морского Парка Большого Барьерного Рифа расположено около 1050 островов и рифов. Большинство островов подпадают под юрисдикцию Квинсленда и более половины из них являются национальными парками согласно законодательству штата. Около 70 островов управляются федеральным правительством и составляют часть Морского Парка. Оба парка входят в состав территории объекта всемирного наследия. Как указывается в легенде карты²³, прилагаемой к Межправительственному Соглашению, в состав Морского парка не входят также небольшие водные объекты вокруг портов и городов на территории Штата.

В практической природоохранной деятельности Администрация Морского Парка и Отдел окружающей среды и науки Квинсленда реализуют совместную программу местного управления (Joint Field Management Program)²⁴. Как следует из краткого отчета о реализации программы за 2019–2020 гг., усилия данной структуры концентрируются по пяти направлениям: сохранение экосистемы, мониторинг изменений, работа с посетителями, обеспечение соблюдения экологического законодательства, реагирование на происшествия. Анализ содержания отчета позволяет утверждать о проведении весьма масштабных мероприятий в рамках указанных направлений.

Так, к примеру, проводились работы по восстановлению Рифа и установке пробной системы откачки макроводорослей; в целях улучшения условий гнездования черепах осуществлялись работы по поднятию уровня пляжа и перемещению около 15 000 кубических метров песка²⁵. Из последнего размещенного в открытом доступе отчета за 2020–2021 гг. следует, что программа претерпела значительное расширение и трансформацию, которые начались еще в 2017–2018 гг. после принятия правительственными органами Австралии и Квинсленда обязательств по ее дополнительному финансированию (Mosolova, 2019). Расширение проводится поэтапно, чтобы обеспечить продуманный и устойчивый рост финансирования с около 17 млн долл.

²¹ Great Barrier Reef Marine Act 1975. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00182> (дата обращения: 16.05.2022).

²² Парк действует на основании закона Штата Квинсленд о Морских парках 2004 г. Режим доступа: <https://www.legislation.qld.gov.au/view/whole/html/inforce/current/act-2004-031> (дата обращения: 14.03.2023).

²³ Легенда карты – список либо таблица, содержащие перечень условных обозначений на карте с разъяснением их значения.

²⁴ Подробнее о программе можно ознакомиться на сайте Правительства Австралии. Режим доступа: <https://www.gbrmpa.gov.au/our-work/field-management> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁵ Annual Report Summery 2019-2020. Режим доступа: <https://library.gbrmpa.gov.au/jspui/bitstream/11017/3682/1/Annual-Report-Summery-2019-20.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

до свыше 38 млн долл. к 2021–2022 гг., а также увеличение штата со 115 до примерно 186 человек²⁶.

Интерес представляет практика вовлечения местных сообществ в управление Большим Барьерным Рифом. Такое участие осуществляется через созданные местные морские консультативные комитеты. Их назначение и цель деятельности определены в документе «Круг полномочий на 2021–2024» (Local Marine Advisory Committee: Terms of Reference 2021–2024)²⁷. Целями деятельности комитетов определены, в частности, консультации администрации Парка для поддержки его долгосрочной охраны и устойчивого использования; развитие обмена информацией между различными заинтересованными субъектами.

В целом, оценивая общую организационную структуру управления Большим Барьерным Рифом и особенности организации Морского Парка в частности, необходимо отметить высокую степень информационной открытости процессов управления. Информационные ресурсы содержат сведения об общей политике и программах по охране Рифа, особенностях управления Морским Парком, практике реализации и независимых оценках результатов осуществляемой деятельности.

В австралийском законодательстве содержатся принципы управления объектами всемирного наследия²⁸. В соответствии с ними определяются цели управления объектами природного наследия (в этой части они полностью соответствуют положениям Конвенции о всемирном наследии). Отдельный блок общих принципов посвящен участию общественности в управлении объектом. Так, управление должно обеспечиваться через общественные консультации по вопросам и действиям, которые могут оказать существенное влияние на территорию (статья 1.02). В процессы управления должны быть вовлечены представители местного населения, заинтересованные в использовании объекта в том или ином качестве либо чьи интересы могут быть затронуты управлением объектом. Действительно, должный формат организации управления ОВН должен включать постоянное участие в данной деятельности местных сообществ.

На уровне национального нормативного регулирования закрепляется обязанность подготовки как минимум одного плана управления объектом всемирного наследия. Такой план должен включать процедуры участия общественности в управлении, определять необходимые меры для выявления, сохранения и передачи объекта будущим поколениям, поощрять интеграцию ответственности всех уровней власти за состояние объекта и пересматриваться в срок не реже семи лет.

В числе рассматриваемых принципов самостоятельное значение имеет экологическая оценка. Перед осуществлением какого-либо действия его последствия должны быть оценены согласно установленным требованиям к данному виду деятельности. При этом действие не может быть одобрено, если оно несовместимо с целями защиты, сохранения, популяризации и передачи объекта будущим поколениям.

²⁶ Annual Report Summery 2020-2021. Режим доступа: https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/4f19d9f1-4c67-4028-bfe0-6b0b06f2a5f9/J002544_GBRMPA_Annual%20Report%20Summary_accessible_NOV21.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

²⁷ Local Marine Advisory Committee: Terms of Reference 2021–2024. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/e1abb9a8-cf7e-4796-8e7f-bce20be4e5dd/LMAC-Terms-of-Reference-2021-2024.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁸ Environment Protection and Biodiversity Conservation Regulations 2000, schedule 5. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2018C00929> (дата обращения: 14.03.2023).

Таковы организационные основы сохранения Большого Барьерного Рифа. Нормативно-правовое обеспечение его охраны весьма разнообразно и детализировано. Значимое место в нормативных основах охраны Барьерного Рифа также занимают международно-правовые и национальные акты, обеспечивающие снижение выбросов парниковых газов. Однако их детальный анализ не входит в предмет настоящей статьи, так как они представляют собой самостоятельный предмет исследования, в связи с чем сконцентрируемся на нормативно-правовом регулировании, направленном непосредственно на охрану Большого Барьерного Рифа.

Общее регулирование данной деятельности осуществляется законодательством федерального уровня, к которому относятся: Закон об охране окружающей среды и биоразнообразия 1999 г. (Environment Protection and Biodiversity Conservation Act)²⁹, Закон о Морском Парке Большого Барьерного Рифа 1975 г. (Great Barrier Reef Marine Act)³⁰, Регламент Морского парка Большого Барьерного рифа 2019 г. (Great Barrier Reef Marine Park Regulations)³¹, План зонирования Морского Парка 2003 г. (Great Barrier Reef Marine Park zoning plan 2003)³², Долгосрочный план устойчивости до 2050 г. (Reef 2050 Long-Term Sustainability Plan)³³. Среди нормативных актов штата Квинсленд можно выделить Закон об охране и управлении прибрежными территориями 1995 г. (Coastal Protection and Management Act)³⁴, Закон об охране окружающей среды 1994 г. (Environment Protection Act)³⁵, Закон о морских парках 2004 г. (Marine Parks Act)³⁶.

В разрезе возможного заимствования нормативных решений среди перечисленных актов наибольший интерес представляет Долгосрочный план обеспечения устойчивости 2050 (Reef 2050 Long-Term Sustainability Plan)³⁷ (далее – План), являющийся одним из интегральных документов, определяющих порядок охраны и устойчивого использования экосистемы Рифа.

Первое обстоятельство, обращающее на себя внимание при рассмотрении указанного документа – тридцатипятилетний горизонт планирования: План будет служить всеобъемлющей стратегией для развития объекта всемирного наследия вплоть

²⁹ Great Barrier Reef Marine Park Act 1975. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00182> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁰ Great Barrier Reef Marine Park Act 1975. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00182> (дата обращения: 14.03.2023).

³¹ Great Barrier Reef Marine Park Regulations 2019. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2019L00166> (дата обращения: 14.03.2023).

³² Great Barrier Reef Marine Park ZONING PLAN 2003. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/dad1ff4a-e985-494c-85e5-a3935f2b4123/GBRMP-zoning-plan-2003.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

³³ GBRMPA, Reef 2050 Plan. Режим доступа: <http://www.environment.gov.au/system/files/resources/35e55187-b76e-4aaf-a2fa-376a65c89810/files/reef-2050-long-term-sustainability-plan-2018.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁴ Coastal Protection and Management Act 1995. Режим доступа: <https://www.legislation.qld.gov.au/view/html/inforce/current/act-1995-041> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁵ Environmental Protection Act 1994. Режим доступа: <https://www.legislation.qld.gov.au/view/html/inforce/current/act-1994-062> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁶ Marine Parks Act 2004. Режим доступа: <https://www.legislation.qld.gov.au/view/html/inforce/current/act-2004-031> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁷ Reef 2050 Plan Insights Report. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/6f75b9e6-4f49-4022-a66e-03ae13aea5b1/Reef%202050%20Plan%20Insights%20Report%202019.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

до 2050 г. При этом важным является заложенный внутренний механизм его обновления: каждые пять лет проводится оценка эффективности плана и его корректировка. Однако в связи с массовыми процессами обесцвечивания кораллов, наблюдаемыми в 2016–2017 гг.³⁸, и общим ухудшением экологического состояния Рифа оценка плана была проведена досрочно в 2018 г., а затем в 2021 г. с учетом оценки Комитета всемирного наследия и с привлечением независимых специалистов.

В соответствии с Планом созданы консультативные органы: Независимая экспертная группа (The Independent Expert Panel) и Консультативный комитет (Advisory Committee)³⁹. Первый, как следует из его наименования, имеет своей целью осуществление научного обеспечения принимаемых решений. Как показывает изучение имеющихся в открытом доступе материалов, экспертная группа готовит отчеты по разнообразным вопросам.

Консультативный комитет обеспечивает вовлечение представителей промышленности и иных слоев общества в выполнение Плана. Положение о Комитете закрепляет широкое секторальное представительство его членов, к примеру, в него могут входить представители традиционных сообществ, морские туроператоры, Австралийский комитет МСОП, ассоциация портов Квинсленда, Федерация фермеров, Совет Квинсленда по ресурсам и др. На момент написания настоящей статьи в открытом доступе представлена раскрывающая содержание рекомендаций Комитета публикация, посвященная одной из самых серьезных угроз состоянию Рифа – обесцвечиванию кораллов⁴⁰.

Отличительной особенностью деятельности рассматриваемых структур является наличие дискуссии и возможность выражения особого мнения субъектов, несогласных с отдельными его положениями, в итоговом документе. Так, Совет Квинсленда по ресурсам указал, что Консультативный комитет не может делать заявлений об изменении глобальной и национальной политики по изменению климата, поскольку это не входит в его полномочия. Особое мнение было высказано и по проблеме добычи угля. Совет по ресурсам не согласился с мнением о недопустимости разработки таких месторождений (в частности, шахты Кармайкл), указав, что не существует прямой связи между добычей угля и изменением климата. Документы стратегического планирования разработаны и в отношении развития портов Квинсленда (Queensland Ports Strategy)⁴¹.

Одним из важнейших элементов нормативного регулирования экосистемы Рифа является План зонирования Морского Парка⁴². Этот объемный документ содержит детализированное определение зон территории Парка с выделением особенностей режима каждой из зон. В соответствии с Планом в австралийском рифе

³⁸ Как отмечается в литературе, массовое обесцвечивание кораллов на Большом Барьерном Рифе носит периодический характер, и прежде было зафиксировано в 1998 и 2002 годах, однако в 2016 году оно приняло беспрецедентные масштабы. См.: (Hughes, Kerry & Simpson, 2017:501).

³⁹ Marine parks. Cleland Wildlife Park. Seal Bay Conservation Park. Режим доступа: <http://www.environment.gov.au/marine/gbr/reef2050/advisory-bodies> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴⁰ Reef Advisory Committee – Advice on Responding to Mass Coral Bleaching of the Great Barrier Reef. Режим доступа: <http://www.environment.gov.au/system/files/pages/abff0d5e-b94d-4495-b79b-90dc52274f69/files/rac-advice-responding-mass-coral-bleaching-gbr.pdf> (дата обращения: 18.12.2022).

⁴¹ Queensland Ports Strategy 2014 // Queensland Parliament. Режим доступа: <https://www.parliament.qld.gov.au/Documents/Office/TabledPapers/2014/5414T5335.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴² Great Barrier Reef Marine Park zoning plan 2003. Режим доступа: <https://elibrary.gbrmpa.gov.au/jspui/retrieve/dad1ff4a-e985-494c-85e5-a3935f2b4123/GBRMP-zoning-plan-2003.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

выделяется восемь зон, границы которых описываются в приложении. Для каждого режима определяется цель его введения, особенности посещения и использования природных ресурсов (с разрешением или без разрешения) (Day, Kenchington, Tanzer & Cameron, 2019).

Несмотря на то, что в задачи настоящего исследования не входит описание и детальный анализ всех выделенных зон, приведем некоторые примеры. Так, выделяется зона общего пользования (General Use Zone). Целью ее создания является обеспечение сохранения территорий Морского Парка при обеспечении возможностей разумного использования (пункт 2.2.2). Среди целей зоны научных исследований закреплено обеспечение возможности научных исследований в относительно незагрязненных территориях (пункт 2.6.2 (b)). Более чем сорокалетняя практика зонирования Рифа высоко оценивается в науке и может служить моделью для построения систем зонирования на других объектах (Day, 2002; Emslie, Bray, Cheal & Johns et al., 2020).

Заключение

Рассматриваемая в настоящей работе проблематика имеет важное значение для сохранения объекта всемирного наследия Озеро Байкал, поскольку думается, что некоторые элементы вышеприведенного австралийского опыта могут быть использованы для укрепления природоохранного режима правовой охраны Байкала.

Достаточно давно обсуждается вопрос о разработке плана управления объектом всемирного наследия «Озеро Байкал» в соответствии с требованиями и стандартами системы охраны всемирного наследия. При этом указанный программный документ, по нашему мнению, должен охватывать достаточно протяженный период времени. Австралийский опыт принятия плана на период тридцати пяти лет с системой возможного постоянного пересмотра представляется весьма удачным.

На современном этапе разработке общего плана управления и стратегического развития объекта всемирного наследия «Озеро Байкал» должно предшествовать определение особенностей правового режима центральной экологической зоны Байкальской природной территории (далее также – ЦЭЗ БПТ). Мы неоднократно отмечали, что она фактически представляет собой особо охраняемую территорию *sui generis*. От других особо охраняемых природных территорий (далее также – ООПТ) ее отличает только один признак – формальный: отсутствие наделения ее таким качеством в законе.

Нормативное признание ЦЭЗ БПТ особо охраняемой природной территорией позволит сформировать единую администрацию по аналогии с создаваемыми в последние годы в России укрупненными администрациями ООПТ. Такая администрация сможет сконцентрировать общее управление и контроль за реализацией стратегического плана управления объектом всемирного наследия «Озеро Байкал». Юридическое признание ЦЭЗ БПТ ООПТ особого рода позволит провести единое зонирование прилегающих территорий, входящих в границы объекта всемирного наследия, с установлением различных режимов для хозяйственной и иной человеческой деятельности.

Рассмотренная ранее в работе практика зонирования Морского Парка в Австралии показывает эффективность данного подхода. Акватория озера Байкал и прилегающие территории также могут быть зонированы в зависимости от поставленных управленческих задач и установления статуса ООПТ для всей ЦЭЗ БПТ.

Обобщенный характер такого плана не препятствует принятию специальных планов стратегического развития. Так, представляется необходимым сформировать отдельные планы развития расположенных в пределах ЦЭЗ БПТ особых экономических зон туристско-рекреационного типа, отдельных поселений, входящих в участок всемирного наследия. При этом для системы органов всемирного наследия небезразличным является развитие территорий, непосредственно примыкающих к объекту всемирного наследия и оказывающих влияние на состояние объекта. Поэтому стратегическое планирование развития пяти городов, не входящих в границы объекта всемирного наследия озера Байкал, представляется также необходимым. В свою очередь, обеспечение процессов подготовки планов стратегического развития может быть значительно усилено путем нормативного закрепления общих принципов формирования планов управления.

Исследованный зарубежный опыт показывает, что общие принципы могут служить основой для разработки конкретных управленческих решений. Рассмотренные положения австралийских нормативно-правовых актов отличает еще одна особенность – интегральная роль экологической оценки. В современных российских условиях, к сожалению, экологическая оценка и ее разновидности не получают развернутого регулирования. Необходимо как повышение роли института оценки воздействия на окружающую среду, так и внедрение в отечественное законодательство и природоохранную практику иных видов экологической оценки, прежде всего, стратегической экологической оценки.

Весьма наглядной является имеющая общепланетарный характер проблема изменения климата, с которой столкнулся Большой Барьерный Риф. Байкал, как известно, является одним из самых холодных озер в России, и повышение его температуры будет негативно влиять на его экологическое состояние. Данная проблема получает обсуждение в научной литературе естественно-научной направленности, однако она совершенно не представлена в юридической литературе, а также документах политического и нормативного характера. В этой связи представляется, что связь проблем изменения климата и сохранения озера Байкал должна быть отражена как в правовых документах, выражающих экологическую политику Российской Федерации, так и в Федеральном законе «Об охране озера Байкал» и принятых в его развитие подзаконных актах.

В разных публикациях не раз поднимался вопрос о необходимости реализации комплексного подхода в вопросах информационного обеспечения охраны природы объекта всемирного наследия Озеро Байкал. Создание единой администрации, управляющей данным объектом, позволит решить задачу по консолидации информационной политики, организации и ведению содержательного тематического интернет-портала, отвечающего высоким мировым стандартам раскрытия экологической информации.

Наряду с рассмотренными в настоящей статье возможностями заимствования австралийского управленческого и законодательного опыта нельзя не отметить, что Российская Федерация добилась серьезных успехов в прекращении деятельности промышленных объектов и реализации масштабных инвестиционных проектов в границах объектов всемирного наследия. Речь идет не только о закрытии Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, но и, например, о прекращении разработки Холоднинского месторождения. Не последнюю роль в принятии окончательного решения в указанных случаях сыграло нахождение озера Байкал в Списке всемирного

наследия и принципиальная позиция Комитета о невозможности реализации проектов добывающей промышленности на территории объектов всемирного наследия.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что зарубежный опыт охраны уникальных природных объектов обладает достаточным потенциалом для укрепления правовых и организационных средств охраны российских объектов всемирного наследия, включая ОВН «Озеро Байкал».

References / Список литературы

- Aplin, G. (2004) Kakadu National Park World Heritage Site: Deconstructing the Debate, 1997–2003. *Australian Geographical Studies*. 42(2), 152–174. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.2004.00258.x>
- Bos, A.R., Gumanao, G.S., Mueller, B. & Saceda-Cardoza, M.M.E. (2013) Management of crown-of-thorns sea star (*Acanthaster planci* L.) outbreaks: Removal success depends on reef topography and timing within the reproduction cycle. *Ocean & Coastal Management*. (71), 116–122. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2012.09.011>
- Day, J.C. (2002) Zoning – lessons from the Great Barrier Reef Marine Park. *Ocean & Coastal Management*. 45(2-3), 139-156. [https://doi.org/10.1016/S0964-5691\(02\)00052-2](https://doi.org/10.1016/S0964-5691(02)00052-2)
- Day, J.C., Kenchington, R.A., Tanzer, J.M. & Cameron, D.S. (2019) Marine zoning revisited: How decades of zoning the Great Barrier Reef has evolved as an effective spatial planning approach for marine ecosystem-based management. *Aquatic Conservation-Marine and freshwater ecosystems*. 29(S2), 9-32. <https://doi.org/10.1002/aqc.3115>
- Ditsevich, Ya.B. (2020) On the creation of an information resource of environmental education for the protection of Lake Baikal. In: Grachev V.A. (ed.). *From environmental education to the ecology of the future: Collection of materials and reports of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference on Environmental Education*, Moscow, 30th October – 1st November, 2019. Moscow, Non-governmental environmental foundation named after V.I. Vernadsky. pp. 2192–2197. (in Russian).
Дицевич Я.Б. О создании информационного интернет-ресурса эколого-просветительской направленности в целях охраны озера Байкал // От экологического образования к экологии будущего: сборник материалов и докладов VI Всероссийской научно-практической конференции по экологическому образованию. Москва, 30 октября – 1 ноября 2019 года / под общ. ред. В.А. Грачева. М.: Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, 2020. С. 2192–2197.
- Emslie, M.J., Bray, P., Cheal, A J. & Johns, K.A. et al. (2020) Decades of monitoring have informed the stewardship and ecological understanding of Australia’s Great Barrier Reef. *Biological Conservation*. (252). <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108854>
- Figgis, P., Leverington, A., Mackay, R., Maclean, A. & Valentine, P. (eds.). (2012) Keeping the outstanding exceptional: the future of world heritage in Australia. Sydney, Australian Committee for IUCN.
- Galazii, G.I. & Votintsev, K.K. (eds.). (1978) *Problems of Baikal. Proceedings of the Limnological Institute*. Vol. 16(36). Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).
Проблемы Байкала. Труды Лимнологического института. Т. 16(36) / отв. ред. Г.И. Галазий, К.К. Вотинцев. Новосибирск: Наука, 1978. 295 с.
- Hughes, T.P., Kerry, J.T & Simpson, T. (2017) Large-scale bleaching of corals on the Great Barrier Reef. *Ecology*. 99(2), 501–501. <https://doi.org/10.1002/ecy.2092>
- Kolobov, R.Yu. (2020) The role of the Convention for the protection of the world cultural and natural heritage in the protection of Lake Baikal. *Issues of Russian and International Law*. 10(1–2), 482–496. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.84.93.006> (in Russian).
Колобов Р.Ю. Роль Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в охране озера Байкал // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1–2. С. 482–496. https://doi.org/10.34670/AR.2020.84.93.006

- Maswood, S. Javed (2000) Kakadu and the Politics of World Heritage Listing. *Australian Journal of International Affairs*. 54(3), 357–372. <https://doi.org/10.1080/713613526>
- McWhorter, J.K., Halloran, P.R., Roff, G., Skirving, W.J., Perry, C.T. & Mumby, P.J. (2022) The importance of 1.5°C warming for the Great Barrier Reef. *Global Change Biology*. 28(4), 1332–1341. <https://doi.org/10.1111/gcb.15994>
- Mosolova, A.V. (2019) Environmental programs of the Australian Government. In: *South Pacific region: History, politics, economics, culture*. Vol. 1. Moscow, OntoPrint Publ. pp. 72–83. (in Russian).
Мосолова А.В. Экологические программы Правительства Австралии // Южно-Тихоокеанский регион: история, политика, экономика, культура. Том 1. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 72–83.
- Shornikov, D.V. (2021) Place of the Espoo Convention in the formation of the international legal mechanism for the protection of Lake Baikal. *Siberian Law Herald*. (3), 97–102. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.97> (in Russian).
Шорников Д.В. Место Конвенции Эспо в формировании международно-правового механизма охраны озера Байкал // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3. С. 97–102. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.97>

Сведения об авторах:

Колобов Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных проблем ИИЦ СО РАН, Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134.

ORCID ID: 0000-0003-1488-7530, ResearcherID: H-4644-2016

e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Дицевич Ярослава Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, руководитель ассоциации молодежных экологических объединений Байкальского региона «ЭкоМолодежь», старший советник юстиции; Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1

e-mail: yaroslavadi@mail.ru

About the authors:

Roman Yu. Kolobov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International and Comparative Law, Law Institute of Irkutsk State University; 1 K. Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation; Researcher of the Department of Regional Economic and Social Problems of the ISC SB RAS, 134 Lermontov str., Irkutsk, 664033, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-1488-7530, ResearcherID: H-4644-2016

e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Yaroslava B. Ditsevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Head of the Association of Youth Environmental Associations of the Baikal Region "EcoMolodezh", Senior Counsellor of Justice; 1 Shevtsova str., Irkutsk, 664035, Russian Federation

e-mail: yaroslavadi@mail.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-984-1006>

EDN: JVMOOC

Research Article / Научная статья

Place where neonaticide was committed as a feature of the objective side of the crime

Almaz F. Abdulvaliev^{ID}✉, Viktor I. Morozov^{ID}, Sergey G. Losev^{ID}

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

✉a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Abstract. Is devoted to the study of the place of the murder by the mother of a newborn child as a feature of the objective side of the crime. The paper provides a detailed analysis of the crime scene from the legal, criminological and geographical points of view. Consider separately the place of birth of the child, the place of the murder of the newborn, the places of burial and the discovery of the body of the neonate. Text analysis of court decisions in criminal cases incriminated under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation is used as the main method of scientific research. Statistical and geographical methods contribute to study the data on crimes under Article 106 of the Criminal Code, as well as comparative-legal method is used in the study of the act from a criminal law point of view. Conclude that most frequent cases of newborns murder are committed by mothers in regions of Russia with high population density – most often in Central Russia, the North Caucasus, the Volga region, the Kama region and Southern Siberia. In almost half of the cases, this crime is committed in rural settlements. The research shows certain consistency between the high number of committed crimes related to the murder of a newborn child by a mother, the level of income of the population and the level of socio-economic development of the regions. Most often, the place of committing the above acts is a dwelling (house, apartment and bathrooms in them), about 1/4 of the crimes are committed in the yard and/or outbuildings located in it. The authors distinguish separately the places where the bodies of murdered neonates are found, since the place of the crime and the place where the corpse of an infant is found differ due to the desire of recently delivered women to conceal the fact of murdering. Apart from the house, the most common places a newborn corpse is found are garbage dumps, containers and garbage cans, as well as pit latrines and abandoned places in the street.

Key words: neonaticide, newborn, objective side, place, crime, infanticide, Russian Federation, court

© Abdulvaliev A.F., Morozov V.I., Losev S.G., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Abdulvaliev A.F.: writing the abstract and section of the article, collecting practical material, analyzing and summarizing practice materials; description of empirical material; editing the manuscript text and bibliography. Morozov V.I.: writing the article section; description of bibliographic material; editing the manuscript test and article abstract. Losev S.G.: writing a section of the article; review of publications on the topic of the article; editing the manuscript text.

Received: 02nd February 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Abdulvaliev, A.F., Morozov, V.I., Losev, S.G. (2023) Place where neonaticide was committed as a feature of the objective side of the crime. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 984—1006. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-984-1006>

Место совершения неонатцида как признак объективной стороны преступления

А.Ф. Абдулвалиев , В.И. Морозов , С.Г. Лосев

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация
 a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Аннотация. Изучаются места совершения убийства матерью новорожденного ребенка как признака объективной стороны преступления. Дается детальный анализ места совершения преступления с уголовно-правовой, криминологической и географической точек зрения. Рассматривается отдельно место рождения ребенка, место совершения убийства новорожденного, места захоронения и обнаружения тела новорожденного. Основным методом научного исследования – анализ текстов судебных решений по уголовным делам, инкриминируемым по ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации. Дополнительные методы научного исследования – статистический и географический методы при изучении данных о преступлениях, предусмотренных ст. 106 УК РФ, а также сравнительно-правовой метод при исследовании данного деяния с уголовно-правовой точки зрения. Авторы пришли к выводу, что чаще всего убийство новорожденных детей совершалось матерями в регионах России, где наблюдается высокая плотность населения – чаще всего это Центральная часть России, Северный Кавказ, Поволжье, Прикамье и Юг Сибири. Практически в половине случаев данное преступление совершалось в сельских поселениях. Обусловлено тем, что между высоким числом совершенного преступления, связанного с убийством матерью новорожденного ребенка, уровнем дохода населения и уровнем социально-экономического развития регионов прослеживается определенная относительно прямая закономерность. Чаще всего местом совершения вышеуказанных деяний являлось жилище (дом, квартира и ванные комнаты в них), около 1/4 преступлений совершались во дворе или в расположенных в нем дворовых и хозяйственных постройках. Отдельно выделяются места обнаружения тел убитых новорожденных, так как место совершения преступления и место обнаружения трупа младенца отличаются ввиду желания рожениц сокрыть факт убийства новорожденных. Самым частым местом обнаружения трупа новорожденного помимо дома были мусорные свалки, контейнеры и мусорные баки, а равно выгребные ямы уличных туалетов и заброшенные места на улице.

Ключевые слова: неонатцид, новорожденный, объективная сторона, место, преступление, детоубийство, Российская Федерация, суд

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Абдулвалиев А.Ф.: написание аннотации и раздела статьи, сбор практического материала, анализ и обобщение материалов практики; описание эмпирического материала; редактирование текста рукописи и библиографического списка. Морозов В.И.: написание раздела статьи; описание библиографического материала; редактирование текста рукописи и аннотации статьи. Лосев С.Г.: написание раздела статьи; обзор публикаций по теме статьи; редактирование текста рукописи.

Поступила в редакцию: 02 февраля 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Абдулвалиев А.Ф., Морозов В.И., Лосев С.Г. Место совершения неонатцида как признак объективной стороны преступления // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 984–1006. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-984-1006>

Introduction

Murder of a newborn by a mother under Article 106 of the Russian Criminal Code seems to be quite frequent. Every year, several dozens of criminal cases related to murdering infants are recorded. Such criminal phenomenon has been repeatedly investigated by legal scholars in the field of criminal law and criminology, both in Russia (Dyadyun, 2020:37–40; Kapinus & Dodonov, 2008:231–242) and abroad (Friedman & Resnick, 2012:585–597; Klier, Amon, Putkonen, Arias & Weizmann-Henelius, 2019:159–164; Shelton, Corey, Donaldson & Dennison 2011: 263–276).

As a rule, the crime scene is an optional element of the objective side of an offence and is taken into account only if that is expressly specified in the disposition of the norms of the Special Part of the Criminal Code. Article 106 does not contain any direct references to that element of the crime, and focuses on the time of its committing and psychotraumatic situation, defining those as mandatory features of the objective side of the crime.

Nevertheless, there is every reason to believe that the neonaticide scene cannot be overlooked by the law enforcement bodies and requires close attention. Establishing the exact accident scene is not only necessary to find the evidence, but also to verify the suspect's testimony, search for attestors and eyewitnesses, and to verify an alibi (Muslimova, 2008). As some scholars argue, recording regional specifics is of greater practical importance for crime prevention and detection than the non-spatial approach, as it allows to specify and optimize this activity (Vereshchagina, 2016:109–112).

Moreover, the analysis of the crime scene allows establishing both the elements of the objective and subjective sides of the crime due to inseparable connection between the internal and the external in human behavior, therefore, by examining the traces left by the offender, it is possible to get an insight about the internal psychological processes that characterize the committed offence.

The main research method is the analysis of judicial acts (texts of court decisions on criminal cases under Article 106 of the RF Criminal Code). The empirical base comprises 160 texts of judgments issued by the courts of first instance between 2011 and 2020 on the crimes qualified under Article 106. Statistical and geographical methods, as

additional research instruments, were applied to study the data on the crimes under Article 106, and comparative legal method was used to analyze such offence from the criminal law point of view.

In recent years the number of persons convicted under Article 106 of the Criminal Code has slightly decreased: while in 2018, 33 women were convicted for murder of their newborns, by 2021 their number went down to 25. In 2022, 24 women were convicted under this article of the Criminal Code. Judging by the ongoing trend, the number of neonates murdered by their biological mothers does not tend to decrease dramatically. To date, the figures have been “plateauing” and now demonstrate stabilization of the crime type under study.

Generally, the number of women who murdered their newborns makes 3.5% of the overall number of female murderers. The crime rate is low, but behind those figures are the lost lives of infants; over the past five years, 137 newborns were murdered by their mothers (on average, each convicted mother killed one infant). Murders of two or more newborns by their mothers have not been registered recently by the law enforcement bodies.

It should be borne in mind that it is impossible to establish all the facts of murder of newborns by their mothers due to rather high latency of the crime. And as scientists noted in this regard, there exist various factors that contribute to the concealment of such crime: "First, mothers keep their pregnancy a secret as they are psychologically determined to get rid of the fetus upon its birth. Second, they do not register for pregnancy in medical institutions, and the newborns remain unreported and unregistered either in medical institutions or civil registration offices. Third, after killing the newborn, its corpse may be hidden" (Bagmet & Skobelin, 2015:49–53).

The concept of neonaticide

The issue of criminal liability of mothers for killing their newborns has been repeatedly considered by various scientists and practitioners. And this criminal phenomenon has been equally studied by both Russian and foreign scholars thanks to whom the legal term "neonaticide" was introduced.

It is noteworthy that neonaticide has been studied by foreign scientists for quite a long period of time. As early as in the 1960s, the first research papers were published confirming that killing of the newborns was caused by economic hardships in the family or malformation in babies (Shelton, Corey, Donaldson & Dennison, 2011:263–276).

Foreign researchers classify killing of a newborn by the mother into several types, depending on the age of the newborn murdered. They identify three categories of such murders:

Filicide is a general term referring to the actions of a parent killing his or her child. Filicide covers subcategories of newborns and infants, distinguished by the age of the child victim. Neonaticide is the killing of a newborn within the first day of life while infanticide is most commonly defined as the killing of an infant at any time during the first year of life (Friedman, Horwitz & Resnick, 2005:1578–1587). Infanticide is also a general term applied to killing children by any subject of a crime (Friedman, Cavney & Resnick, 2012:585–597).

Therefore, it is more reasonable and expedient to call infanticide in this study a neonaticide, since in Russia, in 99% of cases mothers killed their newborns during the first day of their lives, subject to a reservation that this term in the national science of criminal law should also be extended to the newborns under one lunar month (28 calendar days).

This is why we propose introducing the following concept of neonaticide as applied to the Russian legal system. Neonaticide should be understood as a criminal act of murdering a newborn baby by the mother from the beginning of delivery until it reaches the age of 28 days, committed in a psychotraumatic situation or in a state of mental disorder that does not exclude sanity. All other cases of killing newborns should be classified as child murder.

Criminal Characteristics of the Murder of a Neonate by Mother (Article 106 of the RF Criminal Code)

The criminal legal norm under review actually comprises three essential elements of the crime: 1) Murder by the mother of a newborn during labor; 2) Murder by the mother of a newborn immediately after delivery; 3) Murder by the mother of a newborn baby (in the absence of evidence of the first two offenses) in a psychotraumatic situation or in a state of mental disorder that does not exclude sanity.

The object of criminal legal protection in the criminal norm under study is the life of a newborn baby. Moreover, when it comes to the murder of a neonate during labor, we can only refer to protection of the victim's right to life. The criminal law protects a baby's life from the beginning of its independent life activities.

The time characteristics in Article 106 of the RF Criminal Code affect the criminal assessment of infanticide. Killing a newborn during labor refers to the period from the beginning of the baby expulsion from the mother's body when she gets an opportunity to influence it, until the birth of the placenta. According to A.N. Popov whose opinion we share, killing immediately after delivery is the period within four hours after the birth of the placenta (Popov, 2001)¹. Substantiating his position, the author relied on medical science stating that the early postpartum period ends after four hours. As for the age limit for a baby to be deemed a newborn, all authors take "pediatric" criteria as basic, but not "obstetric" or "forensic"; however, the opinions concerning the age of the child differ. Some authors argue that this should be a baby under one month of age (Antonyan, Goncharova & Kurguzkina, 2018:94–114), others refer to infants up to 28 full days of age. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia No. 409n dated 01.06.2010, established that the rules of neonatological medical care (medical care for neonates) apply to the period from birth to 28 full days of a baby's life. However, this document lost its force upon publication of Order No. 921n of the Russian Ministry of Health dated 15.11.2012, with no reference to "pediatric" criterion of a newborn's age. The analysis of other normative legal acts allows concluding that this criterion is not included into the current

¹ It should be noted that in 2021 a study guide was published specifically on the contents of Article 106 of the RF Criminal Code, where the author, upon analyzing the views of various scholars on the issue, generally shared the above position. For more detail see: (Popov, 2021:51).

Russian legislation. Our survey of pediatricians showed that when determining the maximum age of a newborn they are guided by the WHO recommendations describing a newborn infant as a 3- or 4-week-old baby. In our opinion, the criterion of a child's newborn period should be fixed in the note to Article 106 of the Criminal Code and it may read as follows: “By a newborn this Article means a baby under the age of 28 full days”.

The objective side of this crime is defined as any action or inaction connected with the biological death of a newborn baby. According to Russian researchers, such murders are most often committed by strangulation (40.7%), leaving a baby in a helpless state (25.9%), and by drowning (14.8%) (Pchelkina & Malysheva, 2019:63-66). The greater social danger, in our opinion, is represented by special recidivism, i.e., committing another murder of a newborn by a mother with a previous criminal record for a similar crime or a previous conviction for murdering a minor (qualified under Article 106 of the Criminal Code). Although this is a very rare crime, the analysis of forensic statistics shows that, on average, one infanticide, committed by a woman previously convicted under Article 106 of the Criminal Code, is recorded annually. Therefore, we believe that the absence of such qualifying feature in Article 106 is a deficiency of the Russian criminal law that should be rectified.

It is also appropriate to consider the murder of two or more newborns as a *qualified corpus delicti*. All the more so as such cases have been encountered in judicial practice.

For example, back in 2011, B., being alone in the bathroom, gave birth to a live female baby whom she immediately strangled by winding a sock around her neck. After that her labor progressed and B. delivered a second live baby of unidentified sex, whom she also strangled in a similar manner². The investigation classified those criminal acts as two separate offences under Article 106 of the Criminal Code and cumulatively, she was sentenced to three years and four months of imprisonment to be served in a penal colony.

Additionally, as part of improving the norms that establish liability for neonaticide, criminal liability may be introduced for mothers causing intended severe or moderate bodily harm to a newborn, if the elements of crime specified in Article 106 of the RF Criminal Code are in place. The logic behind introducing that component in the Special Part of the Criminal Code is that acting with indeterminate or alternative intent the mother of a newborn may cause the victim both death and harm to health. If in the case of intended death, the actions of the perpetrator may be qualified under Article 106 of the Criminal Code, in the case of infliction of serious harm to health they may be qualified under Article 111 of the Criminal Code, i.e., she will be criminally liable on general grounds.

Thus, it is appropriate to add Article 113.1 to the Criminal Code that would establish criminal liability for inflicting moderate or severe harm to health to a neonate by its mother during labor, immediately after delivery or in a psychotraumatic

² Judgment sustained by the Yasnogorsk District Court of the Tula Oblast on August 8, 2011. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/1am3VcfcOUNX/> [Accessed 30th October 2022].

situation. However, this issue requires separate research and is beyond the scope of this article.

Regarding the subject of this crime, it should be noted that historically, in domestic scientific and educational publications, it has been the mother of a newborn, who has reached the age of 16 (Pimakova & Kolesova, 2019:51–55). However, we believe that the issue requires clarification in case of surrogacy. When a newborn is killed during labor or immediately after the delivery, the childbirth can only be considered a psychotraumatic situation for the woman who gave birth to that baby. The biological mother of the baby may only be the subject of that crime if another psychotraumatic situation is in place, or a mental disorder that does not exclude sanity. When a newborn is killed by its mother who is under 18 years of age, she should be checked for mental retardation unrelated to a mental disorder, and if such condition is determined, exempting her from criminal responsibility should be considered under Article 20.3 of the Criminal Code (age-related insanity).

Speaking briefly about the subjective side of this crime, it should be noted that this offence may be committed with both direct and indirect intent. Our study of criminal cases shows that only 25% of such murders are committed with indirect intent, all the rest (75%) were committed with direct intent. There is an opinion among Russian scholars that all murders of neonates, including those committed by the mothers, should be qualified under part 2 of Article 105 of the RF Criminal Code (Khatuev, 2019:83-95). In our opinion, it is not quite correct since in a psychotraumatic situation or mental disorder that does not exclude sanity even a murder with direct intent that arose after the delivery should be qualified under Article 106 of the Criminal Code. However, if the direct premeditated intent to kill a newborn arose in a pregnant woman before the delivery, this means that it was pre-formed and is not directly related to the childbirth and subsequent psychologically traumatic situations or mental disorders. Therefore, such murders should be qualified under part 2 of Article 105 of the Criminal Code. This issue could be reflected in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on this category of criminal cases, but there is no such Resolution available, which is, in our opinion, a serious shortcoming of the Russian judicial practice in terms of official judicial interpretation of the peculiarities of applying Article 106 of the Russian Criminal Code.

It should be noted that back in the 30-s of the previous century, the statutory acts of the Soviet state did not consider life hardships of the perpetrator of infanticide a mitigating circumstance (Piontkovsky, 1938:29).

Further in the research we should dwell in more detail on the analysis of such feature of the objective side of neonaticide as the scene of the crime, investigating its peculiarities not only from the legal but also from the geographical point of view. Although in terms of criminal law characteristics of the offence, the crime scene under Article 106 of the Criminal Code is not an attribute of the objective aspect of the crime affecting the qualification of the deed but, objectively speaking, in certain cases it plays a key role, especially in the investigation (Komarov & Parubov, 2021 a, b) and activities aiming at detecting and preventing such criminal acts (Abdulvaliev, Morozov & Pavlenko, 2020:75-85). The latter is one of the tasks of criminal law as stipulated by Article 2 of the Criminal Code. Moreover, the characteristic of that crime scene and the

place of concealment of a newborn's corpse affect the establishment of subjective orientation of the acts of the perpetrator.

Geography of neonates' murders by mothers in Russia

The geography of crime scenes, by region, as a legal phenomenon, has rarely been a core topic of academic legal research, including in criminology. However, it seems interesting to find out where mothers most often kill their newborn babies and what the reasons behind it are.

The research allows establishing a correlation between the neonaticide crime scene and population density in Russia, by region. Most crimes were committed in southern and central Russia, in a zone of favorable climatic conditions with relatively high population density. At the same time, in several Russian regions with low population density, an insignificant number of crimes related to murder of a newborn by a mother have been detected and brought to trial. Moreover, there are regions where no such crimes were officially recorded in the period from 2011 to 2020, or their number is negligent. For example, those regions include the Republic of Kalmykia, the Republic of Karelia, Murmansk Oblast, Nenets Autonomous Okrug, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Chukotka Autonomous Okrug and others. This is due to the fact that the above regions are sparsely populated, therefore the probability of murders committed by mothers of newborn babies is low. The high latency of those crimes cannot be ruled out either; the thing is that there is not any reliably recorded information about such acts with the preliminary investigation authorities.

A large “concentration” of neonaticide crime scenes is observed in the North Caucasus (Makhmudova, 2007), the Volga Region, the Middle Urals, and central Russia, from Belgorod to Vologda³.

Beyond the Urals, the region with the highest neonaticide rate is Kuzbass with adjacent areas and other centers are Primorye and Khabarovsk Krai. However, the number of detected offences related to the murder of newborns by their mothers in Siberia and in the Far East is much lower than in the European part of Russia.

The research allows identifying the regions where criminal cases under Article 106 of the Criminal Code were most often recorded, investigated and prosecuted. Those are: Vladimir Oblast, Irkutsk Oblast, Krasnodar Krai, Krasnoyarsk Krai, Perm Krai, and Udmurt Republic. What is significant about the latter in terms of criminal law, is that in the city of Sarapul located there at least three criminal cases under Article 106 of the Criminal Code were brought to court between 2012 and 2015. Such regularity of neonaticide in the same location is a rare phenomenon that requires additional academic investigation.

³ It should be noted that the religious aspect does not always deter parents from infanticide. Though the main monotheistic religions prohibit murdering children, in those regions of the Russian Federation where religious beliefs and traditions are strong, murders of newborn babies by their mothers were recorded multiple times.

Therefore, there is every reason to assume that apart from geographic conditions, there are others that directly or indirectly influence the development and perpetration of neonaticide. To this end, it is worth examining such phenomenon from socio-economic and regional perspective. First, it is necessary to understand how the neonaticide locations are correlated from the urban point of view. After all, those crimes were committed not only in large cities and regional centers, but also in small towns and remote rural settlements.

The research shows that in 24% of cases the crime was committed by women in administrative centers of the Russian regions, i.e., in regional centers, in 36.4% of cases – in rural settlements (in the countryside), and in 39.5% of cases – in large cities and small towns of the Russian Federation.

A relatively high percentage of crimes committed in rural settlements is determined by several objective and subjective factors. The objective factors comprise underdeveloped sanitary and housing conditions, lack of adequate social support, lack of access to certain health care services, remoteness of many rural settlements from major regional centers, etc. Subjective factors include poor upbringing, education and culture, troubled family, negative attitude of fellow villagers and relatives, etc.

The rest of the crimes related to the murder of a newborn by the mother were committed in urban settlements (more than 1/3) other than regional centers. An interesting fact is that crimes under Article 106 of the Criminal Code were also committed in cities with the population exceeding one million. At least eight criminal cases of neonaticide committed in those cities were brought to trial. Two crimes were committed in Moscow. As the study shows, they were committed by the women who had come to the capital to work and had made casual acquaintances with males there. One of the women gave birth to her child right in the street behind the litter bins because she did not have enough time to reach home. She left her baby there to die for fear of publicity and negative reaction from relatives. And the abandoned newborn died at the scene from general body hypothermia⁴.

Another factor in committing such crimes either in urban or rural settlements is related to the standard of living and low incomes of the population. The low subsistence minimum established for the population also plays an important role.

If we do not consider the cities of federal significance, it can be noted that most of those crimes were committed in the regions with medium and low subsistence level. With certain reservations, most of the new mothers who murdered their newborns lived below the poverty line. This can be confirmed by the fact that economic hardship was often the motive of the defendant, and in certain cases it was recognized by the court as a psychotraumatic situation.

It becomes evident that low income, financial hardships of the people including recently delivered women, who realize that they are unable to support the baby, especially if the family already has two or three children, explain the high rate of neonaticide in the aforementioned regions.

⁴ Judgment of the Solntsevsky District Court of Moscow in case No. 1-270/2013 dated October 2, 2013. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 30th October 2022].

Thus, we can assert that there is a certain correlation between the high number of crimes related to murdering newborns by their mothers, the income level of the population and the level of socio-economic development of the regions. However, this is not the only factor that predetermines the murder of neonates by their mothers.

Place of birth and location of neonate's murder scene

In addition to the geographical location of the crime scene, there are other categories of locations of direct relevance to criminal law and criminology. In this context we will focus on the place of a newborn baby's birth and the place of its murder by its natural mother.

As the research shows, the place of birth and the location of newborn's murder scene are generally the same. Yet, there are cases where the place of birth of a newborn infant and the location of its murder scene differed (3% of all crimes studied by the authors). Most often new mothers killed their babies at home (56.66%), about 1/4 of the crimes were committed in the yard or household buildings located there (26.66%). Nevertheless, in the future it is more appropriate to speak about the same location of the birthplace and murder scene of the newborn.

In light of this, newborn's birth and murder locations can be classified into five conditional groups: dwelling, yard and household buildings, open countryside, work, others. Notably, group 'others' contains rare and unusual crime scenes. These include: a hospital (maternity hospital), a summer shower, a garden house, a farm, a village stadium⁵, etc.

In 2017, the Verkhnebureinsky District Court of Khabarovsk Krai tried a criminal case for committing an offence under Article 106 of the Criminal Code. Defendant V. went into labor in a moving train, went to the toilet of the car where she gave birth to a premature baby and then killed it, by flushing it down the toilet⁶.

In their paper, Y.M. Antonyan, M.V. Goncharova, and E.B. Kurguzkina give somewhat different figures noting that 27% of cases the location of the crime scene involved an apartment, 21% – a dormitory, 13% – a backyard toilet, 12% – a private house, 12% – a street, 9% – a barn, and 6% – a vegetable garden (Antonyan, Goncharova & Kurguzkina, 2018:94-114). That variance is primarily explained by different methodological approaches to the study of neonaticide in Russia. Recalculation of those figures results in similar numbers. The authors agree with the position of domestic scholars that most often the murders of newborns were committed in a dwelling, exactly where the perpetrator herself resided (Makhmudova, 2007).

⁵ Judgment of Zaigrayevsky District Court of Zabaikalsky Krai in criminal case No.1/25-2015 dated 27.01.2015 // Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 19th November 2022].

⁶ Judgment of Verkhnebureinsky District Court of Khabarovsk Krai in criminal case No.1-129/2017 dated 27.02.2017. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 19th November 2022].

Meanwhile, cases were identified of mothers giving birth and killing their newborn children directly in the street or outside the residential area of the settlement (8.66%). In two cases it was a municipal dump⁷, the street itself or adjacent areas, or places near rivers and other water bodies⁸. In the latter case, the baby was not drowned in the river, but was left nearby, where it died of hypothermia.

The choice of such unusual environmental places is primarily explained by the desire of a woman to hide the fact of childbirth from any third parties, first of all from relatives and neighbors, and secondly, from other persons and casual passers-by, so that none of them could subsequently report it to law enforcement agencies. At the same time, there have been situations in judicial practice when the labor contractions began outside the house thus predetermining the delivery in the street.

Thus, in 2018, the Irkutsk District Court considered a criminal case against V. for committing a crime under Article 106 of the Criminal Code. As the investigation established, the defendant had premature contractions right in the street. Realizing that labor was about to begin, she found an unfrequented place near a fenced area where she squatted down and delivered a live mature female child. After that she took a nearby plastic bag, put the baby in it, tied the edges of the bag in a knot and hid the criminating evidence in a snow pile near a garage⁹.

The study also revealed cases of new mothers committing infanticide directly at their place of work. They went into labor while carrying out their work activities, and in order to hide the moment of childbirth from others, the women found secluded places where they delivered babies and then killed them. One of such cases occurred in a furniture store¹⁰, and another in a Russian Post office where the birthing mother worked¹¹.

There is no doubt that similar crimes were also committed at other enterprises, organizations, and institutions. And it is highly probable that traces of neonaticide may be concealed there; the information is not available to the investigative and judicial authorities. In his article A.V. Galkin gives one such example: “On May 14, 2013, while inspecting a deep-freeze of a supermarket in Verkhnyaya Pyshma, Sverdlovsk Oblast, the employees found packages with the bodies of two newborns of different years of birth, in the same compartment with dumplings and ice cream. The killer was their

⁷ Judgment of Urvanskiy district court of Kabardino-Balkarian Republic in criminal case No. 1-73/2011 dated 01.04.2011 and judgment of Rybinskiy district court of Yaroslavl Oblast in criminal case No. 1-538/2011 dated 21.09.2011. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 03rd November 2022].

⁸ Judgment of Palkinskiy District Court of Pskov Oblast in criminal case No. 1-15/2016d dated 07.06.2016 // Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 03rd November 2022].

⁹ Judgment of the Irkutsk District Court of the Irkutsk Oblast in criminal case No. 1-361/2018dated 28.07.2018. Sudact.ru Judicial and Regulatory Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 08th November 2022].

¹⁰ Judgment of the Abakan city court of the Republic of Khakassia in criminal case No. 1-965/2014 dated 23.10.2014. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 08th October 2022].

¹¹ Judgment of the Novokuznetsk District Court of Kemerovo Oblast in criminal case No. 1-282/2014 dated 14.10.2014. Site of judicial and regulatory acts Sudact.ru. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 08th October 2022].

mother, a former supermarket employee. She had two births, in 2007 and 2009. The forensic examination established that the children had been placed in the deep-freeze while still alive” (Galkin, 2014:28–31).

Foreign scholars also note that for the childbirth outside medical facilities women chose outdoor locations, including parks and streams, as well as various locations around the house where they lived, and enterprises and offices where they worked (Gheorghe, Banner, Stolborg & Lynnerup, 2011:317–321).

However, of greater interest is where exactly in the dwelling the babies were born and killed. In such situations, most often it was the living room that became the place of birth and murder of the newborn (55%). In many cases, the birthing women were alone at home and would not seek medical assistance, so it became the main reason behind choosing the living room as the appropriate place to commit the crime.

An interesting fact is that almost a quarter of such crimes were committed directly in the bathroom (24%). Frequent choice of that room as a crime scene is usually explained by the availability of access to water, so that after the birth and neonaticide the woman could wash away the traces of the crime and drown the newborn in a bucket, basin or bathtub.

A little less frequently (12%) the birthing women chose the toilet room as the crime scene. That choice is usually determined by the opportunity of hiding the crime from others if, say, they were at home, despite unsanitary conditions in such rooms.

Thus, in 2016, the Sarapul city court heard a criminal case against P. for committing a crime under Article 106 of the Criminal Code. It was established that P., in order to conceal the delivery of a baby, went to the toilet where in unsanitary conditions, with no medical personnel or any unauthorized persons, she gave birth to a viable premature female baby. After that she strangled the newborn and left the body in the toilet¹².

The woman explained that she chose that isolated and unclean place for delivery and commission of crime because she wanted to hide from the husband the fact of pregnancy from another man and feared moral condemnation by her husband, relatives and co-workers. Moreover, she did not register her pregnancy for prenatal care at a women’s health clinic and subsequently, did not take measures for a favorable course and outcome of the pregnancy.

It is interesting that foreign scholars also confirm the fact that births took place in bathrooms and toilets. Bathrooms were the most common place where the delivery took place and the crime was committed; bathrooms occurred in 36 (65%) out of 55 cases, whereas births in the toilet occurred in 22 (61%) cases. In six (17%) cases the births occurred directly in the shower stall or in the bathtub. Moreover, they were able to calculate that in 81% of cases the bathrooms were located in the dwelling where the birthing mother lived, in 3.8% of cases – in public buildings, and in 3.8% of cases – in hotels (Shelton, Corey, Donaldson & Dennison 2011:263-276). Notably, no cases of

¹² Judgment of the Sarapul City Court of the Udmurt Republic in criminal case No. 1-284/2016 dated 02.11.2016. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 12th November 2022].

births and murders of newborns in hotel rooms have been officially registered in the Russian Federation by this time.

Meanwhile, the analysis of domestic judicial practice allows to conclude that birthing women may choose other places in the dwelling to commit a crime. These are veranda, kitchen, basement, attic. For example, in Boguchansky district of Krasnoyarsk Krai, in spring, a mother being alone on a veranda in the nighttime, gave birth to a live female baby and killed the newborn on the spot by blocking its airways with the palm of her hand¹³.

There is no doubt that when a birthing woman is alone at home, she can choose any room in the apartment to deliver a baby and to commit the crime. But if someone else is at home, then the women try to retreat into another room as far as their prepartum contractions allow. Therefore, basement and attic, along with toilet and bathroom, are most preferable for birthing women to secretly kill the newborns.

As half of all crimes related to infanticide are committed in rural settlements, the principal location of the crime scene apart from the house is the area adjacent to the house and the courtyard buildings on it.

The most common place in the yard to commit a neonaticide is the street toilet (39%). As a rule, birthing women choose it because, despite the unsanitary conditions, it is possible to keep the birth secret and, in some cases, it is possible to hide the body of the newborn there. The crime is mainly concealed by drowning the body in fecal matter in the cesspit. If in summer such action results in inevitable death of the baby, in the cold (autumn-winter-spring) period there remains a chance to save the newborn.

In 2015, the Mogotuisky District Court of Zabaikalsky Krai heard a criminal case charging T. with attempted murder of a newborn. It was established that the defendant, being in her home at 38-40 weeks of pregnancy, felt that she was going into labor, and, given the opportunity, did not call an ambulance for hospitalization in the nearest maternity ward but went to the toilet located in the yard of the house, where in unsanitary conditions, at low air temperature (it was early May) she delivered a live female baby. Then she wrapped the newborn in a towel and a jacket and threw it into the toilet cesspit¹⁴.

Police officers who arrived on the scene several hours later found a newborn baby with signs of life in the cesspit, pulled it out, and thereby saved its life. There is no doubt that unless the witnesses heard the cry of the newborn, it could have died because the young mother did not care about the baby. She even tried to hide the reasons behind her unwanted pregnancy from the investigation.

¹³ Judgment of the Boguchanskiy District Court of Krasnoyarsk Krai in criminal case No.1-102/2018 dated 20.06.2018. Sudact.ru Judicial and Regulatory Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 14th November 2022].

¹⁴ Judgment of the Mogotuisky District Court of Zabaikalsky Krai in criminal case No. 1-121/2015 dated 28.08.2015. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 02nd November 2022].

It is worth adding that such latent crimes do not always remain secret. Sooner or later the bodies of murdered babies are found while cleaning cesspits, or, as in the above example, the newborns themselves, while alive, try to attract attention with their screams, in an attempt to survive. However, most often, babies die than stay alive.

A similar case occurred in autumn 2013 in a village in Korenovsky District, Krasnodar Krai, when K., who gave birth to a viable male baby on her own, threw it into a drainage pit of an outdoor toilet where the baby suffocated and died from the blockage of airway by fecal matter¹⁵.

Like cesspits and outdoor toilets, household buildings located in the yard (22%) are also used by birthing women to conceal the birth of a newborn and to commit a crime. Judicial practice shows that the following places are chosen for that purpose: auxiliary premises, sheds, and other temporary outbuildings.

In 2011, in one of the districts of Astrakhan Oblast a case was recorded when a woman gave birth to a live female baby in a cattle pen, where she killed it by strangling it with her own hands¹⁶.

Various household buildings, like outdoor toilets, are not the best places for delivering a baby, due to unsanitary conditions and lack of necessary facilities for childbirth. Therefore, to ensure relatively sterile conditions, women choose bathhouses (20%) to deliver and kill the newborn babies.

In the remaining 19% of cases, births took place outdoors in the yard or in a vegetable garden. For example, one such case occurred in 2013 in the city of Arsk, Republic of Tatarstan. At night, when Z. went into labor, instead of seeking help from a healthcare facility, she went out into the vegetable garden where she gave birth on her own to a mature live and viable female child. She then took a sharp knife from a nearby wooden pole and stabbed the newborn several times in the chest, back, abdomen, head, and other parts of the body inflicting fatal penetrating stab and slash wounds to the infant¹⁷.

High emotional stress that emerged and developed in a psychotraumatic situation after the childbirth, resulted in her inflicting multiple stab wounds on the baby damaging almost all its internal organs.

The above examples from judicial practice only confirm the fact that in almost 98.6% of established cases, the births were unassisted and took place away from any medical facilities. However, facts have been recorded when women killed their newborns in medical institutions.

¹⁵ Judgment of the Korenosky District Court of Krasnodar Krai in criminal case No. 1-160/2014 dated 03.07.2014 // Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 02nd November 2022].

¹⁶ Judgment of the Kharabalinsky District Court of Astrakhan Oblast dated 10.12.2012. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 05th November 2022].

¹⁷ Judgment of the Arsky District Court of the Republic of Tatarstan in criminal case No. 1-82/2013 dated 12.12.2013. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 09th November 2022].

Such incident occurred in Iskitim, Novosibirsk Oblast, in 2013. As the defendant did not want to have a second child because of financial hardships, she contacted several medical institutions during her pregnancy for its artificial termination but was refused as she was heavily pregnant at that time. She then decided to kill the baby after its birth. Upon delivering a mature, viable and live male child, she was left alone with her newborn baby in a hospital room where she strangled the baby by pressing its head against her chest and thus blocking its airways. As a consequence, the infant died of mechanical asphyxia not having lived a day¹⁸.

The place of burial and discovery of the newborn's body

In criminal science, the place of burial, as well as the place of concealment of the newborn's body is not always given due attention although the relevance of such places is important. As a rule, preliminary investigation and initial investigative actions begin in the location where the corpse of the newborn is found. Therefore, it is necessary to study in detail where the places of burial or concealment of the bodies of newborns are established.

First of all, it should be noted that neonaticide sites can vary depending on whether the baby was left or abandoned at the crime scene after delivery or it was moved to another location specifically for concealing its body, or for burial. A comparative study of the neonaticide sites and the locations where the corpses of the newborns were found showed that in half of the cases (50%) the babies' bodies were discovered directly at the places of delivery and commission of the crime. In the remaining cases, the birthing women moved the bodies of the neonates in an attempt to hide the traces of the crime. It is obvious that in that situation the recently delivered mothers acted consciously and with direct intent. This explains why the bodies of infants were found in the street litter bins, dumps, in the street behind the garages, or in the ground.

A detailed study of court records reveals that along with the living quarters (21 %), the most frequent places where the bodies of the babies were found were street litter bins, garbage cans, and dumps (21 %). In general, such waste storage tanks and garbage collection sites were located right next to those houses and other places where the delivery of the baby took place and the crime was committed.

For example, in 2016 the Privolzhsky District Court of Ivanovo Oblast considered a criminal case against P. for committing a crime under Article 106 of the Criminal Code. It was found that after giving birth in the evening and killing the newborn baby in the bathhouse, the defendant wrapped the body in an old blanket and took it to a dump in the morning, where she placed it under a hill near the trees¹⁹.

¹⁸ Judgment of the Iskitimsky District Court of Novosibirsk Oblast in criminal case No. 1-324/2014 dated 14.05.2014. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 12th November 2022].

¹⁹ Judgment of the Privolzhsky District Court of Ivanovo Oblast in criminal case No. 1-64/2016 dated 29.09.2016. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 01st December 2022].

The dump is mainly used as a place to store unnecessary things and wastes, and also, as a convenient place to get rid of a body. This dismissive attitude of mothers toward their newborn children as to unnecessary things predetermines the choice of dumps and street litter bins as a place to hide the corpses after the murder. This is also the reason why the bodies are moved away from the place where the babies were killed to the place of their concealment.

An equally common place where newborns' bodies are found is the toilet cesspit or the toilet itself (19%). The specific "popularity" of this place is explained by the fact that the cesspit and toilet are both the places of the baby's birth, its murder and the places where it is left and later found by third parties. And no additional efforts are required from birthing women like moving the body of the newborn to a different place, or otherwise hiding its corpse.

The interesting thing is that for hiding the body of a newborn, the women used places that are unsuitable and dangerous for a newborn from a sanitary point of view. In 2015, in Chuvashia, a case was registered when a mother gave birth on her own in a bathhouse to a mature viable baby, wrapped it in a rug, took it outside and placed it in a dunghill near the bathhouse, where it died of general hypothermia. Interestingly, this crime was committed in mid-July, in the warm time of the year, but the delivery took place in late evening, and the baby was taken outdoors at night, when it was cold, which explains the baby's death from general hypothermia²⁰.

In comparison, in other countries the bodies of murdered newborns were also found in sewers, toilets, dump sites, bags, and litter bins (Gheorghe, Banner, Stolborg & Lynnerup, 2011:317-321), and in public bathrooms (Shelton, Corey, Donaldson & Dennison, 2011:263-276). That is, mothers abroad, like in Russia, used dirty places to hide the bodies of their newborns, assuming that no one would look for them there.

Besides litter bins, dumps and toilets, the open space in the street is one of the common places where the bodies of newborn children are found (14%). As the study shows, in addition to the streets themselves, roadside bushes, wastelands behind garages, woodlands and coastal strips outside populated areas, etc, also belong to that group.

Thus, in 2013, in Kolchugino, Vladimir Oblast, a casual passerby found a live newborn baby in a plastic bag, left on the side of the road outside the city. As the investigation established, Ch. concealed her pregnancy from her relatives and friends, wore wide clothes, pulled her belly in when communicating with others, did not register for pregnancy at the antenatal clinic and never visited doctors about her pregnancy and childbirth. Upon delivery of the baby in the bathroom, she decided to get rid of it due to a difficult life situation and two other dependent minors. To that end she wrapped the baby in a robe, took it outside and left in the bushes growing in the

²⁰ Judgment of the Mariiinsko-Posadsky District Court of the Chuvash Republic in criminal case No. 1-75/2015 dated 07.10.2015. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 01st December 2022].

immediate vicinity of the bridge over the river, about 30 meters away from the right side of the road²¹.

It is worth noting that in that situation the mother decided to conceal the fact of birth and the newborn itself, for which she decided to move it to another place, and precisely, to a place that excludes visual observation and quick detection of the baby, for which the roadside thickets near the river were chosen. It is obvious that such actions of the woman were acts of indirect intent, when the mother was indifferent to the life of the newborn. But thanks to a casual passerby the baby was found alive in time, therefore the crime of its mother was not brought to an end for the reasons beyond her control, and the court qualified that offence under part 3 of Article 30, Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation as the mother's attempt to kill her newborn baby immediately after the birth.

Household outbuildings (other than outdoor toilets) are also the places where the bodies of newborns are frequently detected. At least every tenth criminal case on neonaticide was initiated because of the discovery of the bodies of infants in various outbuildings, such as a closet, an outdoor pantry, a bathhouse, an attic, a veranda, a trailer, a shed, etc.

For example, in 2013, in Voronezh Oblast, a mother who decided to conceal childbirth from her relatives, left the house for a summer shower located in the yard, where she delivered a live mature male child. Later, not wishing to have a baby, she took a nearby fragment of brick and struck the newborn's head with it multiple times to death, after which she left the summer shower, closed the door behind her, and went back into the house²².

As previously noted, the use of such backyard outbuildings for hiding the bodies of newborns is explained primarily by the fact that those were the places of the babies' delivery and murder. In those situations, mothers did not always try to hide or otherwise conceal the body of a murdered baby. It was enough for them that the birthplace itself was secluded, and few outsiders had access to it.

Other places where the newborns' bodies were found include rare and unusual locations, both the same or other than the birthplace and the scene of murder. Apart from the above-cited furniture store, the defendant's workplace, and the maternity ward, another unusual place where a newborn's body was found was a crosswalk over a railroad track.

Thus, in 2011, M. gave birth on her own to a viable male baby in a forest area near a railway platform. After that she hit the baby's head twice against a tree trunk, then wrapped it in her dress and put it in a cellophane bag, took the bag to the railroad tracks and left it on a crosswalk over the rails of the second main

²¹ Judgment of the Kolchuginsky city court of the Vladimir Oblast in criminal case No. 1-158/2013 dated 21.11.2013. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 03rd December 2022].

²² Judgment of the Kominternovskiy District Court of Voronezh city dated 11.06.2013 in criminal case No. 1-293/2011. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 03rd December 2022].

track, along which a train soon passed, dismembering the body of the newborn²³.

As far as the above example is concerned, we can only add that the death of the newborn occurred when its head was struck against a tree, and the subsequent action of blunt solid objects when the wheels of the train rolled over the body crushing and dismembering it as a result of compression, took place postmortem.

In another case in Khabarovsk Krai, V., while in a heating trailer, gave birth to a live mature viable female baby. Wishing it would die, she placed the living baby on the embers in the metal stove of the trailer and closed the fire door. The death was caused by thermal burns by flame which damaged 100 % of the baby's body²⁴. Here we should add that the mother had been previously convicted multiple times for theft, robbery, desecration of the dead bodies and involving a minor in a crime. And two years before the murder she was released from prison. As a result, she was sentenced to two years' imprisonment for a new crime with serving her sentence in a general regime penal colony.

Another unusual place of concealment of a newborn's body, along with burning it in an oven and dismemberment by train, is its burial (interment) directly in the ground. In at least 4% of cases, the newborns were buried by their own mothers.

In Gdovsky district, Pskov Oblast, S., not wishing to publicize that she had gone into labor, left the house, went behind a yard household building, spread a blanket on the ground, and gave birth on her own to a live and viable male child. Then, a short time after that, S. took a shovel, dug a hole about 40 cm deep, wrapped the newborn baby in a blanket, put it in the hole and buried it alive, covering with a thin layer of earth²⁵.

Needless to say that the motives behind that murder were difficult life circumstances, unsettled housing conditions, lack of material resources for raising and supporting children. Unfortunately, that is true. But those should not be the reasons for such cruel slaughter of newborns. Although the desire to conceal the fact of childbirth, the fact of ruthless murder and the fact of burying the bodies of the babies should not prevail over the psycho-emotional state of the woman after the childbirth, and should not be overshadowed by difficult life circumstances.

Judicial practice also includes cases of combined concealment of a corpse of the newborns' corpses when the body was later re-hidden in a different place by the mother. In 2014, in Bashkortostan, after killing her newborn with a pillow, the mother

²³ Judgment of the Odintsovo city court of the Moscow Region in criminal case No.1-64/2016 dated 26.04.2011. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 11th December 2022].

²⁴ Judgment of the Polina Osipenko District Court of Khabarovsk Krai in criminal case No. 1-28/2016 dated 12.09.2016. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 12th December 2022].

²⁵ Judgment of the Gdovskiy District Court of the Pskov Oblast in criminal case No. 1-64/2016 dated 29.09.2016. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 11th December 2022].

wrapped the baby's body in a diaper and put it into the freezer, and after about a month and a half, she buried it in her front garden²⁶. Interestingly, the motive behind such crime is that the mother is already raising three young children alone, and she would not be able to support the fourth child. Considering this criminal case, the court found such set of grave life circumstances to be a mitigating factor. Moreover, another reason for killing the newborn was the fear of being judged by the relatives and fellow villagers for having an illegitimate child.

As the study shows, the mismatch of those three geographical locations is due to the desire of the women to hide the traces of the crime, to conceal the fact of childbirth itself and to hide the body of the newborn. Thus, it was only in half of the cases that the bodies of the babies were found at or near the crime scene: a house or an apartment (21%), a toilet (19%), or a yard outbuilding next to the house (10%). At the same time, in the remaining 50% of cases the bodies of newborns were found in other places. As a consequence, the place of the preliminary investigation, in some cases, is not the place where the crime was committed, but the place where the body of the newborn was found, which does not always comply with Article 152 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, establishing that “the preliminary investigation shall be carried out at the place where the act containing elements of a crime was committed”.

Conclusion

Investigation of the place of the murder of a newborn child by the mother from the criminal and geographical points of view allows to draw the following conclusions.

1. Based on the views of domestic criminal law science, with due account for the content of Article 106 of the RF Criminal Code, neonaticide shall be understood as a criminal act of murdering a newborn baby by the mother within the period from the beginning of its birth and until it reaches 28 days of age, committed in a psychotraumatic situation or in a mental disorder that does not exclude mental sanity. All other cases of murder of newborns shall be classified as child murder.

2. To a large extent, the offence under Article 106 of the Criminal Code is a single crime, but at the same time, multiple crimes have been registered in judicial practice; they were expressed both in the form of special recidivism, and cumulative neonaticide. However, no such qualifying features are listed in Article 106 of the Criminal Code, which, in our opinion, is a drawback of the legislation.

3. Although from the point of view of the criminal characteristics of the offence, the crime scene under Article 106, is not an element of the objective side that has an effect on the qualification of the offense, but in some cases, it plays a key role, especially in the investigation and activities to disclose and prevent such criminal acts. The latter is one of the objectives of criminal law as stipulated in Article 2 of the RF Criminal Code. Moreover, the characteristics of the place where this crime was committed and the place

²⁶ Judgment of the Haibullinsky district of the Republic of Bashkortostan in criminal case 1-5/2013 dated 28.01.2013. Sudact.ru Judicial and Regulatory Acts Website. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc> [Accessed 14th December 2022].

of concealment of the corpse of a newborn contribute to the establishment of subjective orientation of the acts of the perpetrator.

4. The crime under Article 106 of the RF Criminal Code is not widespread throughout the Russian Federation; it concentrates mainly in the regions with a relatively high population density. In fact, a significant portion of crimes involving the murder of a neonate by the mother have been recorded in central Russia, the Volga Region, southern Russia, the North Caucasus, Kama Region, the Middle Urals, Kuzbass and Primorye.

5. Most often neonaticide was recorded in the regions with a high percentage of the population living below the poverty line and with low wages. In almost half of the cases neonaticide took place in rural settlements, and in about 20% of the cases it occurred in small towns. These factors allow to stress the fact that a frequent motive for committing neonaticide were the financial hardships of the birthing woman. This circumstance should be recognized as one of the main motivating factors.

6. The most frequent places of childbirth and neonaticide in dwellings were living rooms and bathrooms, allowing the women to give birth in secret and to kill the baby, most often, by drowning. And in rural settlements, the most frequent place for childbirth and murder of the newborn by the birthing woman was an outdoor toilet, which also allowed them to give birth in secret and leave the child in a cesspit. Also, quite often in rural settlements, bathhouses were chosen as the place of birth and the place where the woman committed the murder. Besides the house, the most frequent places where the corpse of a newborn baby was found, were dumps, containers and litter bins, as well as cesspits of street toilets and desolate places in the street. On rare occasions, the bodies of newborns were found on railroad tracks and in furnaces.

7. The place of a baby's birth and the place of its murdering coincide in many cases. However, the place of burial and the place where the body of a newborn was found do not always coincide with the place where the murder was committed as in half of the cases the bodies of the babies were found in different places than those of their killing. As a consequence, the preliminary investigation is sometimes carried out not at the place where the crime was committed, but at the place where the body of the newborn was found, thus failing to meet the requirements of Article 152 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

References / Список литературы

- Abdulvaliev, A., Morozov, V. & Pavlenko, O. (2020) Problems of preventing crimes related to the killing by a mother of her newborn child in Russia: geographical and criminological analysis. *Journal of complementary medicine research*. 11(2), 75-85.
- Antonyan, Yu.M., Goncharova, M.V. & Kurguzkina, E.B. (2018) Murder of a newborn child by a mother: criminal law and criminological problems. *Lex Russica*. 3(136), 94-114. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114> (in Russian).
- Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // *Lex Russica*. 2018. №3(136). С. 94-114. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114>
- Bagmet, A.M. & Skobelin, S.Yu. (2015) Criminal law protection of motherhood and childhood. *Juridical world*. (3), 49-53. (in Russian).

- Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Уголовно-правовая охрана материнства и детства // Юридический мир. 2015. № 3. С. 49–53.
- Klier, C.M., Amon, S., Putkonen, H., Arias, P.F. & Weizmann-Henelius, G. (2019) Repeated neonaticide: differences and similarities to single neonaticide events. *Archives of women's mental health*. (22), 159–164. <https://doi.org/10.1007/s00737-018-0850-1>
- Dyadyun, K.V. (2020) To the question of the subject of the crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian investigator*. (23), 37–40. (in Russian).
Дядюн К.В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2017. № 23. С. 37–40.
- Friedman, S.H., Horwitz, S.M., & Resnick, P.J. (2005) Child murder by mothers: a critical analysis of the current state of knowledge and a research agenda. *The American Journal of Psychiatry*. (162), 1578–1587. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.9.1578>
- Friedman, Cavney J., & Resnick, P.J. (2012) Mothers who kill: evolutionary underpinnings and infanticide law. *Behavioral Sciences & the Law*. 30(5), 585–597. <https://doi.org/10.1002/bsl.2034>
- Galkin, D.V. (2014) Criminal legal protection of the life of a newborn child. *Russian investigator*. (19), 28–31. (in Russian).
Галкин Д.В. Уголовно-правовая охрана жизни новорожденного ребенка // Российский следователь. 2014. № 19. С. 28–31.
- Gheorghe, A., Banner, J., Stolborg, U. & Lynnerup, N. (2011) Abandonment of newborn infants: a Danish forensic medical survey 1997–2008. *Forensic Science, Medicine, and Pathology*. (7), 317–321.
- Kapinus, O.S. & Dodonov, V.N. (2008) Murder of a newborn child by a mother in modern criminal law: domestic and foreign experience. In: Kapinus, O.S. *Modern criminal law in Russia and abroad: some problems of responsibility: Collection of articles*. Moscow, Bukvoved Publ. pp. 231–242. (in Russian).
Капинус О.С., Додонов В.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка в современном уголовном праве: отечественный и зарубежный опыт // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквовед, 2008. С. 231–242.
- Khatuev, V.B. (2019) The evolution of the Russian criminal legislation on the murder of a newborn child by a mother. *Lex Russica*. 1(146), 83–95. (in Russian).
Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об убийстве матерью новорожденного ребенка // Lex Russica. 2019. № 1(146). С. 83–95.
- Komarov, I.M. & Parubov, A. I. (2021a) Features of individual investigative actions and interaction between the investigator and the body of inquiry to identify the mother of the discovered corpse of a newborn child (Part 1). *Yurist-Pravoved*. 2(97), 131–135. (in Russian).
Комаров И.М., Парубов А.И. Особенности отдельных следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка (часть 1) // Юристы-Правоведы. 2021. № 2(97). С. 131–135.
- Komarov, I.M. & Parubov, A.I. (2021b) Features of individual investigative actions and interaction between the investigator and the body of inquiry to identify the mother of the discovered corpse of a newborn child (Part 2). *Yurist-Pravoved*. 3(98), 174–180. (in Russian).
Комаров И.М., Парубов А.И. Особенности отдельных следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка (часть 2) // Юристы-Правоведы. 2021. № 3(98). С. 174–180.
- Makhmudova, M.A. (2007) Problems of murders by mothers of newborn children: a regional aspect. *Issues of juvenile justice*. (1), 17–20. (in Russian).
Махмудова М.А. Проблемы убийств матерями новорожденных детей: региональный аспект // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. №1. С. 17–20.
- Muslimova, E.G. (2008) The features of proof in cases of murder by a mother of a newborn child. *Russian judge*. (3), 39–41. (in Russian).

- Муслимова Э.Г. Особенности доказывания по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка // Российский судья. 2008. № 3. С. 39–41.
- Pchelkina, E.V. & Malysheva, E.V. (2019) Criminological portrait of the personality of a mother convicted of murdering her newborn child in Russia. *Russian investigator*. (12), 63–66. (in Russian).
- Пчелкина Е.В., Малышева Е.В. Криминологический портрет личности матери, осужденной за убийство своего новорожденного ребенка в России // Российский следователь. 2019. № 12. С. 63–66.
- Pimakova, O.G. & Kolesova, A.S. (2019) Murder of a newborn child by a mother: criminal and legal aspects. *Russian investigator*. (12), 51–55. (in Russian).
- Пимакова О.Г., Колесова А.С. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые аспекты // Российский следователь. 2019. № 12. С. 51–55.
- Piontkovsky, A. A. (1938) *Criminal law. Special part. Crimes against the person*. Moscow, NKYu USSR. (in Russian).
- Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: НКЮ СССР, 1938. 136 с.
- Popov, A.N. (2001) *Crimes against the person under extenuating circumstances*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
- Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. 463 с.
- Popov, A.N. (2021) *Criminal-legal characteristics of the crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation “Murder of a newborn child by a mother”*. Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. (in Russian).
- Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка». Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 136 с.
- Shelton, J.L., Corey, T., Donaldson, W.H. & Dennison, E.H. (2011) Neonaticide: A Comprehensive Review of Investigative and Pathologic Aspects of 55 Cases. *J Fam.* (26), 263–276. <https://doi.org/10.1007/s10896-011-9362-8>
- Vereshchagina, A.V. (2016) The crime scene (Article 158, Part 3, Para. “A” of the Criminal Code of the Russian Federation): Certain aspects of criminological and criminal characteristics. *Criminal Law*. (5), 109–112. (in Russian).
- Верецагина А.В. Место совершения преступления (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ): некоторые аспекты криминологической и уголовно-правовой характеристик // Уголовное право. 2016. № 5. С. 109–112.

About the authors:

Almaz F. Abdulvaliev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Subjects, Institute of State and Law, Tyumen State University; 38 Lenina str., Tyumen, 625000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0390-393X; Research ID (Wos): Q-6544-2018

SPIN-code 1041-6560

e-mail: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Viktor I. Morozov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law Subjects, Institute of State and Law, Tyumen State University; 38 Lenina str., Tyumen, 625000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0627-4083; Research ID (Wos): ABC-9564-2021

SPIN-code 4961-8730

e-mail: v.i.morozov@utmn.ru

Sergey G. Losev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Subjects, Institute of State and Law, Tyumen State University; 38 Lenina str., Tyumen, 625000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4706-475X; Research ID (Wos): HLG-1628-2023

SPIN-code: 7826-7359

e-mail: s.g.losev@utmn.ru

Сведения об авторах:

Абдулвалиев Алмаз Фирзьярович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

ORCID ID: 0000-0002-0390-393X; ResearchID (Wos): Q-6544-2018

SPIN-код: 1041-6560

e-mail: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Морозов Виктор Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

ORCID ID: 0000-0002-0627-4083; ResearchID (Wos): ABC-9564-2021

SPIN-код: 4961-8730

e-mail: v.i.morozov@utmn.ru

Лосев Сергей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

ORCID ID: 0000-0003-4706-475X; ResearchID (Wos): HLG-1628-2023

SPIN-код: 7826-7359

e-mail: s.g.losev@utmn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1007-1027>

EDN: MXTMJZ

Научная статья / Research Article

Уголовная ответственность за преступления против детей в США

И.И. Нагорная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
 irnag@yandex.ru

Аннотация. Во всех странах мира дети нуждаются в особой правовой охране, в том числе уголовно-правовой, так как являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Преступные посягательства на них наносят не только непосредственный вред потерпевшим, но и влияют на дальнейшее развитие общества в целом. Опыт США в области уголовно-правовой охраны детей обладает существенной спецификой и представляет научный интерес. Цель исследования – выявить и описать характерные черты американского уголовного права в указанной сфере, проанализировать его применимость к российской действительности. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы. Особенностью американского законодательства является наличие обязанности заявить о случаях жестокого обращения с ребенком. За ее нарушение предусмотрена уголовная ответственность. Своды законов некоторых штатов содержат специальные главы о преступлениях против детей. Родитель или иное лицо, осуществляющее уход за ребенком, не вправе не только наносить вред ребенку непосредственно, но и, бездействуя, допускать его нанесение третьими лицами. Такое бездействие является преступлением. В США разрешено применять разумную силу к ребенку с целью наказания, если при этом не причинен вред, больший, чем преходящая боль, и соблюдены иные законодательные требования. Родитель или иное обязанное лицо должны обеспечить контроль за ребенком, не оставляя его одного дома до достижения определенного возраста. Законы «о горячем автомобиле» запрещают оставлять детей, не достигших определенного возраста, в автомобиле без присмотра. Нарушение таких обязанностей в ряде случаев является преступлением. Применимость указанного опыта в России проанализирована для каждого отдельного уголовно-правового запрета. Сделан вывод об избыточности многих положений американского уголовного закона. Выявлены особенности, представляющие интерес для нашей страны.

Ключевые слова: преступления против детей, жестокое обращение с ребенком, неисполнение родительских обязанностей, телесное наказание, закон о горячем автомобиле, уголовное право США, оставление ребенка в опасности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Нагорная И.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Нагорная И.И. Уголовная ответственность за преступления против детей в США // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1007–1027. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1007-1027>

Criminal responsibility for crimes against children in USA

Irina I. Nagornaya

National Research University Higher School of Economics (HSE University),
Moscow, Russian Federation
 irnag@yandex.ru

Abstract. Children require special legal protection, including criminal law protection, in all countries since they are one of the most vulnerable categories of population. Crimes against children inflict harm not only to victims but also affect further development of society as a whole. The US experience in the field of criminal law protection of children has significant specifics and is of scientific interest. The purpose of this paper is to identify and describe characteristic features of American criminal law in this area and its applicability in Russia. To reach the goal formal-legal, comparative-legal and other methods are used. American laws create legal duty to report acts that constitute child abuse. Failure to report constitutes crime. Statutes of several US states contain special chapters devoted to crimes against children. Parents or other caregivers may not inflict harm the child directly but also, by inaction, allow third party to do so. Such inaction is deemed a crime. Using reasonable force to discipline children is legal in the USA if the punishment does not inflict harm greater than transient pain and other legal requirements are met. Parents or other caregivers must control children and never leave them unattended at home if they are younger than state's law or recommendations of state's authorities prescribe. «Hot car» laws prohibit to leave children unattended in a vehicle if they have not reached the age prescribed by law. Violation of such duties is a crime in some cases. The applicability of such experience in Russia is analyzed for each criminal law prohibition. It is concluded that many rules of the US criminal law are redundant. The features that are of certain interest for our country have been identified and studied.

Key words: crimes against children, child abuse, child neglect, corporal punishment, hot car law, US criminal law, child endangerment

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 20th February 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Nagornaya, I.I. (2023) Criminal responsibility for crimes against children in USA. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1007–1027. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1007-1027>

Введение

Вопросы уголовно-правовой охраны жизни и здоровья, а также иных прав несовершеннолетних вызывают все больший интерес исследователей. Это объясняется тем, что речь идет об одной из наиболее уязвимых категорий населения, от которой зависит будущее любого государства. Вред, причиненный жестоким обращением с детьми и иными преступлениями, влияет на правонарушающее поведение потерпевших во взрослом возрасте, затрагивает экономическое развитие страны и имеет иные

долгосрочные последствия (Dedel, 2010:6–7; Ben-David, Jonson-Reid, Drake & Kohl, 2015:132–141).

В США уделяется большое внимание проблеме жестокого обращения с детьми и иных преступных посягательств на них. Необходимые законодательные, организационные и другие меры приняты как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

Указанный опыт чрезвычайно интересен, поскольку в американском законодательстве и судебной практике поднимаются некоторые проблемы, которые отечественный законодатель обошел молчанием.

В то же время ситуация в рассматриваемой сфере остается серьезной, несмотря на все предпринимаемые усилия (Mahoney, 2019:434; Austin, Lesak & Shanahan, 2020:334–335).

Как и в России, помимо общих уголовно-правовых запретов, которые направлены на охрану всех лиц, в том числе детей (например, норм об убийстве, причинении вреда здоровью), своды законов штатов предусматривают отдельные главы, разделы и статьи о преступлениях против детей. Составы именно этих преступлений станут предметом научного анализа.

Нормы об уголовной ответственности за соответствующие деяния в США являются весьма разработанными. Однако ряд законодательных решений и практика применения отдельных уголовно-правовых запретов вызывают оживленные дискуссии в американском научном сообществе. Указанные споры связаны не столько со спецификой американского общества, сколько с особенностями процесса воспитания детей, общими для всех государств.

В статье будут выделены основные особенности американского уголовного законодательства в указанной сфере, проанализирован вопрос о применимости рассмотренного опыта к российской правовой действительности, приведены доктринальные позиции и правоприменительная практика.

Законодательство штатов будет подробно изучено на примере Свода законов штата Флорида, где существует специальная глава, посвященная преступлениям против детей. Также будут приведены примеры из законов Миннесоты и штата Вашингтон.

Рассматривая опыт США в указанной сфере, необходимо иметь в виду, что данное государство имеет самый высокий уровень уголовной репрессии и это является признанной американским научным сообществом проблемой, которая до сих пор не решена и влечет за собой крайне драматичные последствия для всего государства. Под высоким уровнем уголовной репрессии в данном случае понимается самое большое количество осужденных к лишению свободы в мире как в абсолютном, так и в относительном исчислении, а также чрезвычайно суровые наказания, включая смертную казнь и пожизненное лишение свободы, в том числе без возможности условно-досрочного освобождения¹.

Таким образом, опыт США может быть оценен с двух сторон: как детально разработанный и имеющий ответы на многочисленные вопросы, возникающие

¹ Malcolm, J.G. & Richardson, J. Supreme Court justices agree: overcriminalization is a problem in America. 2015. Available at: <https://www.google.com/amp/s/www.dailysignal.com/2015/02/26/supreme-court-justices-agree-overcriminalization-problem-america/amp/> [Accessed 8th December 2022]; Travis, J. The Era of punitive excess. Brennan Center's series. 13th April 2021. Available at: <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/era-punitive-excess> [Accessed 8th December 2022].

в реальной жизни, и как чрезмерно репрессивный и не подлежащий механическому заимствованию.

Обширное цитирование нормативных правовых актов объясняется тем, что рассмотренный материал является актуальным, учитывает последние законодательные новеллы и ранее не был переведен на русский язык.

Перевод и анализ данного материала являются вкладом автора в дальнейшие научные исследования рассматриваемой темы.

Зарождение правовых механизмов охраны детей в США

Современные правовые механизмы охраны детей связаны с существенными изменениями общественного сознания и имеют сравнительно недавнюю историю. Здесь приводится лишь беглый обзор основных этапов их формирования в США.

Внимание американского общества и государства к проблеме защиты детей от преступных посягательств существенно возросло в 1960-х гг.

Особую роль в этом сыграла публикация «Синдром избитого ребенка» (The Battered Child Syndrome), подготовленная в 1962 г. С.Г. Кемпе и другими авторами (Stanziani & Cox, 2021:691).

В это время в законодательство были внесены значимые изменения, в частности, в 1962 г. были приняты поправки в Закон о социальном обеспечении от 1935 г. (Social Security Act), которые увеличили финансирование органов охраны детей. К 1967 г. все штаты законодательно обязали врачей сообщать об обнаруженных следах насилия над детьми (Reed, 2004:271; Mahoney, 2019:432–433).

В 1974 г. был принят Закон о предотвращении и устранении жестокого обращения с детьми (Child Abuse Prevention and Treatment Act – CAPTA), обеспечивший федеральное финансирование штатам для предотвращения, выявления и устранения жестокого обращения с детьми и ненадлежащего исполнения обязанностей в отношении детей (Reed, 2004:271; Vandervort, 2020:9).

Закон о содействии усыновлению и детском благополучии от 1980 г. (Adoption Assistance and Child Welfare Act) был посвящен усыновлению и приемным семьям. В нем подчеркивалась необходимость оставлять ребенка в его семье и доме во всех случаях, когда это возможно. Подобный подход был подвергнут критике в 1990-х гг., поскольку позволял оставить ребенка в небезопасных условиях (Reed, 2004:271; Mahoney, 2019:432–433).

В 1997 г. был принят Закон об усыновлении и безопасности в семье (Adoption and Safe Families Act), который назвал главной целью обеспечение безопасности ребенка (Reed, 2004:271; Mahoney, 2019:432–433). В настоящее время этот подход сохраняется и предопределяет особенности как регулятивного, так и уголовного законодательства в США.

Обязанность сделать заявление о жестоком обращении с детьми

Такая обязанность стала играть важнейшую роль в правовом механизме защиты детей (Liu & Vaughn, 2019:219–229). Ее, начиная с 1960-х гг., ввели в свое законодательство все штаты США (Dedel, 2010:4).

К *первой особенности* уголовного законодательства США в области охраны детей можно отнести то, что за ее нарушение наступает уголовная ответственность.

Соответствующие законы штатов устанавливают:

1. Круг субъектов, обязанных сделать соответствующее заявление. Обычно он включает в себя медицинских работников, учителей, специалистов в области психического здоровья, сотрудников правоохранительных органов и других лиц, которые постоянно контактируют с детьми в процессе профессиональной деятельности. Некоторые штаты возлагают обязанность заявить о жестоком обращении с ребенком на любое лицо.

2. Санкции за нарушение обязанности.

3. Срок, в течение которого должно быть сделано заявление.

4. Перечень государственных органов, уполномоченных принимать заявления и проводить расследование (Dedel, 2010:4–5).

Так, в Своде законов штата Флорида содержится разд. V «Судебная ветвь власти». Часть II гл. 39 данного раздела «Процедуры, относящиеся к детям» объединяет нормы об обязанности заявить о случаях жестокого обращения с ребенком².

Параграф 39.201 требует незамедлительно заявить на горячую линию органа защиты детей о совершенном правонарушении, если лицо знает или имеет разумную причину подозревать, что оно имело место.

В ч. 2 параграфа указаны лица, которые обязаны сообщить свое имя сотрудникам горячей линии, включая врачей и судей.

Согласно § 39.205 лицо, которое не заявляет или препятствует другому лицу сделать заявление о правонарушении, совершает фелонию 3 степени (под фелонией (felony) в уголовном праве США понимается тяжкое преступление, под мисдиминором (misdemeanor) – менее тяжкое).

Обязанность заявить о жестоком обращении лежит также на лицах, достигших 18 лет и живущих в одном доме с ребенком, однако суд может учесть, что это лицо также являлось жертвой домашнего насилия или иные смягчающие обстоятельства. Подобную норму, характерную именно для американского правопорядка, следует считать излишне жесткой: вряд ли, например, сын или дочь, достигшие 18 лет, могут эффективно противостоять насилию в отношении младших детей.

В Миннесоте обязанность заявить о жестоком обращении с ребенком предусмотрена § 260E.06 гл. 260E «Заявление о ненадлежащем обращении с несовершеннолетними» разд. «Социальное обеспечение и связанная с ним деятельность» Свода законов штата. Она лежит на специальных субъектах, в частности, на медицинских работниках, работниках сферы образования³.

Параграф 260E.08 устанавливает уголовную ответственность за неисполнение обязанности сделать заявление.

Параграф 26.44.030 гл. 26.44 «Жестокое обращение с детьми» разд. 26 «Семейные отношения» Свода законов штата Вашингтон обязывает сделать соответствующее заявление работников школы, сотрудников правоохранительных органов, психологов, фармацевтов и прочих специальных субъектов. Уголовная ответственность за нарушение обязанности наступает согласно § 26.44.080⁴.

² Chapter 39. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&AVAILABLE_AT=0000-0099/0039/0039.html [Accessed 8th December 2022].

³ Chapter 260E. 2022 Minnesota Statutes. Available at: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/260E> [Accessed 8th December 2022].

⁴ Chapter 26.44. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-26/chapter-26-44/> [Accessed 8th December 2022].

Установление юридической ответственности специальных субъектов за нарушение рассматриваемой обязанности предполагается наиболее обоснованным решением.

В нашей стране органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обязаны незамедлительно информировать органы внутренних дел о фактах жестокого обращения с ребенком и иных преступлениях (п. 2 ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁵).

Ответственность за нарушение данной обязанности, как и иных обязанностей, наступает согласно локальным актам или законодательству на общих основаниях. После надлежащего обсуждения возможно введение специальной нормы, предусматривающей административную ответственность за несообщение о случаях жестокого обращения с ребенком для более широкого круга специальных субъектов.

Система преступлений против детей по законодательству штатов

В США термин «child abuse» – злоупотребление, жестокое обращение с ребенком – употребляется как в широком, охватывая преступления против детей вообще, так и в узком смысле, когда речь идет собственно о жестокое обращении как отдельном составе преступления.

Рассмотрим детально законодательство штата Флорида.

Раздел XLVI «Преступления» Свода законов штата Флорида содержит гл. 827 «Жестокое обращение с детьми»⁶.

Несмотря на свое название, рассматриваемая глава включает в себя не только состав собственно жестокого обращения с ребенком, но и иные уголовно-правовые запреты.

Параграф 827.01 раскрывает основные понятия. Согласно ч. 2 под ребенком понимается любое лицо, не достигшее 18 лет. Согласно ч. 1 лицом, осуществляющим уход, является родитель, взрослый член семьи, иное лицо, ответственное за благополучие ребенка.

Согласно п. «б» ч. 1 параграфа 827.03 жестокое обращение с ребенком означает:

- умышленное причинение физического или психического вреда ребенку;
- умышленное деяние, которое может с разумной вероятностью повлечь причинение такого вреда;
- активное подстрекательство другого лица к перечисленным выше деяниям.

Жестокое обращение при отягчающих обстоятельствах имеет место, согласно п. «а» ч. 1 параграфа, если лицо:

- применяет физическое насилие при отягчающих обстоятельствах;
- намеренно пытается, злонамеренно наказывает или намеренно и незаконно лишает свободы;
- со знанием или намерением причиняет существенный физический вред, постоянную нетрудоспособность или постоянное обезображивание потерпевшего.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

⁶ Chapter 827. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&AVAILABLE AT=0800-0899/0827/0827.html [Accessed 8th December 2022].

Злонамеренно (*maliciously*) означает неправомерно, умышленно и без правовых оснований либо при отсутствии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность.

Злонамеренность может быть установлена, если, исходя из обстоятельств дела, суд придет к выводу о том, что разумный родитель не предпринял бы подобных действий по отношению к ребенку и основной целью таких действий было причинение необоснованной боли или вреда.

В американском законодательстве активно используется ссылка на «разумного родителя» (Vitiello, 2010). В российском уголовном праве на доктринальном уровне используется, в частности, фикция «среднего человека» (Fedotov, 2012).

В целом понятие жестокого обращения с детьми является чрезвычайно широким. В Уголовном кодексе РФ⁷ (далее – УК РФ) различные виды посягательств предусмотрены множеством других статей, включая ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», что представляется наиболее правильным решением.

Уголовная ответственность за бездействие как в России, так и в США, наступает в ограниченном числе случаев, предусмотренных законом. Учитывая, что дети являются зависимыми от взрослых и не могут самостоятельно удовлетворять свои потребности, именно применительно к детям широко используется подобные уголовно-правовые запреты (Loewy, 2009:161–162).

Ненадлежащее исполнение обязанностей по отношению к ребенку (*neglect of a child*) определено в п. «е» ч. 1 § 827.03 гл. 827, это:

– невыполнение лицом, осуществляющим уход, обязанности по обеспечению заботы, контроля, а также по поддержанию физического и психического здоровья, включая, но не ограничиваясь предоставлением пищи, одежды, жилища, медицинских услуг, которые благоразумный человек сочтет необходимыми для благополучия ребенка;

– невыполнение лицом, осуществляющим уход, разумных усилий для защиты ребенка от злоупотреблений, ненадлежащего выполнения обязанностей по отношению к нему или эксплуатации другим лицом.

Ненадлежащим исполнением обязанностей по отношению к ребенку может, как и в нашей стране, признаваться повторяющееся поведение или единичное действие либо бездействие, которое причинило или по разумному предположению может причинить серьезный психический или физический вред либо смерть.

Составы поставления в опасность активно используются при конструировании уголовно-правовых запретов, направленных на охрану детей в США, что выражается в формуле «по разумному предположению может причинить».

Следует, однако, учитывать, что использование подобных составов преступления должно быть обоснованно и максимально ограничено, поскольку в противном случае происходит чрезмерное усиление уголовной репрессии.

Согласно § 827.035 к ненадлежащему исполнению обязанностей не относятся случаи оставления новорожденного ребенка в больнице, на станции скорой помощи или пожарной станции или в приемном покое больницы с намерением не забирать его. Новорожденным считается ребенок, которому, по мнению лицензированного

⁷ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

врача, исполнилось не более 7 дней. Данная оговорка применяется также и к другим параграфам, связанным с бездействием в отношении ребенка (§ 827.10, § 827.04).

Четкое определение мест, в которых допустимо оставить новорожденного, является совершенно правильным и позволяет ограничить уголовно наказуемое оставление в опасности от правомерного, хотя и социально осуждаемого, поведения.

Наказания во Флориде устанавливаются путем отнесения преступлений к фелониям или мисдиминорам. Подробнее классификации преступлений и наказания будут рассмотрены ниже. Это необходимо для уяснения системы всех преступлений в отдельных штатах США и понимания соотношения наказаний за разные деяния (LaFave, 2010:36–38).

Жестокое обращение с ребенком при отягчающих обстоятельствах считается фелонией 1 степени. Если лицо намеренно или по небрежности совершает ненадлежащее исполнение обязанности по отношению к ребенку и причиняет ему существенный телесный вред, постоянную нетрудоспособность или постоянное обезображивание, то оно будет наказано за фелонию 2 степени. Если подобные последствия не наступили – за фелонию 3 степени.

Рассмотрим иные составы преступлений, содержащиеся в гл. 827.

Согласно § 827.04 «Содействие правонарушающему поведению или зависимости ребенка; наказания» запрещены деяния, которые:

- влекут за собой, могут повлечь, способствуют или побуждают ребенка стать правонарушителем либо материально зависимым, а также нуждающимся в социальных услугах;

- вовлекают или пытаются вовлечь ребенка с помощью угрозы, приказа или убеждения в совершение деяний, которые связаны с поведением или образом жизни, влекущим или могущим повлечь то, что ребенок станет правонарушителем либо материально зависимым, а также нуждающимся в социальных услугах.

Такое преступление является мисдиминором 1 степени.

Данные составы преступления в целом соответствуют ст. 150–151.2 УК РФ и, несомненно, должны существовать в каждом развитом правовом порядке. В США уголовно-правовые запреты сформулированы шире путем общей отсылки к зависимости и нуждаемости несовершеннолетнего.

Значительный интерес представляет следующий уголовно-правовой запрет, предусмотренный § 827.04, который может стать предметом дальнейших научных дискуссий в плане его применимости к российской действительности.

Лицо, достигшее возраста 21 года, от которого забеременела девушка, моложе 16 лет, считается совершившим указанное преступление, независимо от его осуждения за иные деяния. Данное деяние является фелонией 3 степени.

В § 827.071 говорится о непредоставлении поддержки зависимым лицам. Понятие поддержки раскрывается в литературе (Artemyeva & Sergeeva, 2019).

Параграф оговаривает, что большинство родителей хотят обеспечивать своих детей и поддерживать связь с семьей. Однако часть родителей намеренно нарушает обязанность по содержанию детей, имея возможность для ее исполнения.

Это, как видится, ответ на не раз прозвучавшие в американской литературе упреки в том, что законодатель и суды склонны считать плохими родителями бедных и менее образованных людей и навязывать им свои представления о воспитании (Funderburk, 2013:259; Jacobs, 1998:591, 608).

Устанавливается, что в тех случаях, когда гражданско-правовые меры не привели к выплате денег, необходимо применять уголовно-правовые меры.

Любое лицо, умышленно не предоставляющее финансовую поддержку ребенку, в отношении которого, как известно этому лицу, у него есть юридическая обязанность ее предоставить, а также возможность это сделать, совершает мисдиминор 1 степени.

Согласно ч. 3 параграфа лицо несет ответственность за фелонию 3 степени, если оно:

- осуждено за четвертое или последующее такое преступление или
- должно заплатить более чем за один год сумму, равную или превышающую 5000 долл.

Статья 157 УК РФ предусматривает ответственность за неуплату средств на содержание детей. Состав преступления формулируется с использованием административной преюдиции. Представляется, что использование тех или иных криминообразующих признаков не столь принципиально, если они обеспечивают применение уголовного закона лишь в крайних случаях, когда меры иных отраслей права оказались неэффективны.

Параграф 827.071 гл. 827 предусматривает ответственность за использование ребенка в представлении сексуального содержания и изготовление детской порнографии.

Первое деяние имеет место, если лицо нанимает, разрешает или побуждает ребенка участвовать в данном представлении, а равно если родитель, опекун или попечитель ребенка дает согласие на его участие в подобном представлении.

Уголовная ответственность также наступает за изготовление, руководство или рекламирование подобных представлений.

Незаконным признается владение с целью распространения фотографией или иным изображением, которое включает в себя детскую порнографию. Доказательством умысла на распространение является владение тремя или более копиями изображений.

Перечисленные выше деяния считаются фелониями 2 степени.

Кроме того, уголовная ответственность наступает за умышленное владение или просмотр таких изображений. Такие деяния являются фелониями 3 степени.

Под ребенком понимается лицо, личность которого известна или неизвестна, не достигшее 18 лет.

Сходные составы преступлений содержатся в ст. 242.1–242.2 УК РФ.

Параграф 827.08 гл. 827 говорит о неправомерном использовании денег, выделенных на поддержку ребенка другим лицом или государством, если они были использованы на иные цели, кроме обеспечения ребенка жильем, едой, одеждой, удовлетворения иных его жизненных нужд, и это деяние привело к лишению ребенка названных благ.

Преступление совершается умышленно, за первое деяние лицо наказывается как за мисдиминор 1 степени, за второе и последующее – как за фелонию 3 степени.

Оценить данный состав преступления однозначно довольно трудно, так как выделяемые деньги обычно используются на различные семейные нужды. Именно поэтому законодатель штата Флорида прибегают к дополнительному криминообразующему признаку – лишению ребенка благ. Представляется, что в нынешних

экономических реалиях уголовная ответственность за подобные деяния в нашей стране будет излишней.

Параграф 827.10 посвящен незаконному оставлению ребенка в месте или с лицом, не являющимся родственником, с намерением не возвращаться за ним и не осуществлять о нем заботу. Если лицо, осуществляющее уход, совершило данное деяние и при этом знало или должно было знать, что тем самым подвергает ребенка неоправданному риску, оно виновно в фелонии 3 степени.

Аналогичный запрет в российском уголовном законодательстве отсутствует и представляется излишним. В случае необходимости применима ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности».

Уголовная ответственность за торговлю людьми предусмотрена иной главой. Параграф 787.06 гл. 787 «Похищение, преступления, связанные с незаконным лишением свободы, торговля людьми и связанные с ними преступления» разд. XLVI Свода законов штата Флорида определяет торговлю людьми как перевозку, склонение, вербовку, укрывательство, передачу, вовлечение, удержание, покупку, содержание, подбор или получение другого лица с целью его эксплуатации (п. «d» ч. 2)⁸. Данные деяния, совершенные в отношении взрослых лиц или несовершеннолетних, являются фелониями 1 степени.

Формулировка ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» отличается от вышеприведенной тем, что предусматривает ответственность за куплю-продажу и иные сделки в отношении человека независимо от цели. Иные деяния могут оцениваться как торговля людьми при наличии цели эксплуатации. Более широкая сфера действия статьи в данном случае является оправданной. Совершение деяния в отношении несовершеннолетнего рассматривается как квалифицирующий признак (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ).

Ответственность за незаконное лишение свободы предусмотрена § 787.02. Отдельно выделяется незаконное лишение свободы ребенка в возрасте до 13 лет, под которым понимается удержание ребенка без согласия его родителя или опекуна. Если в процессе этого деяния совершены иные преступления, перечисленные в параграфе, в том числе жестокое обращение с ребенком при отягчающих обстоятельствах, суд может назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Согласно п. «d» ч. 2 ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы» совершение данного деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего является квалифицированным составом преступления.

Параграф 775.08 гл. 775 «Общие наказания; регистрация преступников» разд. XLVI Свода законов штата Флорида устанавливает, что преступления (crimes) подразделяется на фелонии и мисдиминоры⁹.

Согласно § 775.081, 775.082, 775.083 видами фелоний являются:

1. Фелония, за которую может быть назначено наказание в виде смертной казни (capital felony).

2. Фелония, за которую может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы (life felony).

⁸ Chapter 787. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0700-0799/0787/0787.html [Accessed: 21th April 2022].

⁹ Chapter 775. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&AVAILABLE AT=0700-0799/0775/0775.html [Accessed 8th December 2022].

3. Фелония 1 степени, которая наказывается лишением свободы на срок до 30 лет и/или штрафом в размере до 10000 долл.

4. Фелония 2 степени, наказание – до 15 лет лишения свободы и/или штраф до 10000 долл.

5. Фелония 3 степени, наказание – до пяти лет лишения свободы и/или штраф до 5000 долл.

Существуют также два вида мисдиминоров. Мисдиминор 1 степени наказывается лишением свободы на срок до одного года и/или штрафом в размере до 1000 долл. Мисдиминор 2 степени – лишением свободы на срок до 60 дней и/или штрафом в размере до 500 долл.

Закон также содержит понятие неуголовного правонарушения, наказуемого штрафом, конфискацией или другим неуголовным наказанием.

Таким образом создается стройная и последовательная система, в которой каждое преступление из различных глав Свода законов может быть сопоставлено с другим по тяжести содеянного и срокам или размерам наказаний.

Глава 609 «Уголовный кодекс» Свода законов штата Миннесота содержит раздел «Преступления против семьи»¹⁰.

Он включает в себя такие преступные деяния в отношении детей, как неоказание им поддержки – § 609.375, злонамеренное наказание ребенка – § 609.377, пытка ребенка – § 609.3775, ненадлежащее исполнение обязанностей или поставление ребенка в опасность – § 609.378.

Согласно § 609.376 ребенком является лицо, не достигшее 18 лет.

Уголовная ответственность за торговлю людьми предусмотрена § 609.281–609.284, за незаконное лишение свободы – § 609.255. Согласно ч. 3 § 609.255 родители не вправе необоснованно запирают или иным образом ограничивать свободу ребенка на долгое время или жестоким образом.

В Миннесоте фелонии не имеют универсальной классификации, максимальное наказание предусмотрено для каждого отдельного тяжкого преступления.

Например, если лицо злонамеренно наказало ребенка до четырех лет и причинило вред его голове, глазам, шее либо оставило многочисленные повреждения на теле, оно виновно в совершении фелонии и может быть наказано лишением свободы на срок до пяти лет и/или штрафом в размере до 10000 долл.

За пытку ребенка может быть назначено до 25 лет лишения свободы и/или штраф до 35000 долл.

За мисдиминор при отягчающих обстоятельствах предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года и/или штраф до 3000 долл. За мисдиминор – до 90 дней лишения свободы и/или штраф до 1000 долл.

Мелкий мисдиминор (*petty misdemeanor*) не является преступлением, максимальный штраф за его совершение – 300 долл.

В штате Вашингтон понятие жестокого обращения с детьми закреплено в гл. 26.44 «Жестокое обращение с ребенком» разд. 26 «Семейные отношения» Свода законов штата¹¹.

¹⁰ Chapter 609. 2022 Minnesota Statutes. Available at: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/609> [Accessed 8th December 2022].

¹¹ Chapter 26.44. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-26/chapter-26-44/> [Accessed 8th December 2022].

Параграф 26.44.020 устанавливает, что жестокое обращение или ненадлежащее исполнение обязанностей по отношению к ребенку означает сексуальное злоупотребление, сексуальную эксплуатацию или нанесение увечий любым лицом, которые приводят к причинению вреда его здоровью, благополучию, безопасности, а равно ненадлежащий уход со стороны лица, обязанного заботиться о ребенке.

Под ребенком понимается лицо, не достигшее 18 лет.

Конкретные составы преступлений и наказания за их совершение установлены разными главами разд. 9А «Уголовный кодекс» Свода законов штата Вашингтон.

В частности, гл. 9А.42 посвящена ненадлежащему осуществлению ухода за ребенком¹², в гл. 9А.44 содержатся составы половых преступлений, включая изнасилование ребенка¹³.

Параграф 9А.64.030 гл. 9А.64 предусматривает ответственность за продажу и покупку ребенка, если сделку совершают родители между собой или одной из ее сторон является компетентный орган, а также в некоторых иных случаях¹⁴.

Параграф 9А.20.010 гл. 9А.20 «Классификация преступлений» разделяет все преступления на фелонии класса А, В и С, мисдиминоры и мисдиминоры при отягчающих обстоятельствах¹⁵.

Наказания установлены § 9А.20.021:

- за фелонию класса А – пожизненное лишение свободы и/или штраф до 50000 долл.;
- за фелонию класса В – лишение свободы на срок до 10 лет и/или штраф до 20000 долл.;
- за фелонию класса С – лишение свободы на срок до пяти лет и/или штраф до 10000 долл.;
- за мисдиминор при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок до 364 дней и/или штраф до 5000 долл.;
- за мисдиминор – лишение свободы на срок до 90 дней и/или штраф до 1000 долл.

Обязанность по защите ребенка от действий третьих лиц

К особенностям американского законодательства можно отнести то, что за нарушение такой обязанности установлена уголовная ответственность.

Уголовное преследование родителей за нарушение обязанности по защите может производиться по разным правовым основаниям. Некоторые штаты прямо криминализуют так называемое нанесение травм путем бездействия (т.е. когда лицо допускает нанесение травмы другим лицом). В других штатах ответственность может наступать за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей или помещение ребенка в опасную ситуацию (Stanziani & Cox, 2021:692).

¹² Chapter 9A.42. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-9a/chapter-9a-42/> [Accessed 8th December 2022].

¹³ Chapter 9A.44. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-9a/chapter-9a-44/> [Accessed 8th December 2022].

¹⁴ Chapter 9A.64. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-9a/chapter-9a-64/section-9a-64-030/> [Accessed: 21th April 2022].

¹⁵ Chapter 9A.20. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-9a/chapter-9a-20/> [Accessed 8th December 2022].

Согласно ч. 2 § 609.378 Свода законов штата Миннесота родитель, опекун или лицо, осуществляющее уход, которое осознанно позволяет продолжающееся физическое или сексуальное насилие над ребенком, виновно в ненадлежащем исполнении обязанностей по отношению к ребенку. Наказание – до одного года лишения свободы и/или штраф до 3000 долл.

В штате Вашингтон имеется специальный состав преступления – оставление ребенка на попечение сексуального преступника (§ 9A.42.110). Данное преступление имеет место, если родитель или иное лицо, обязанное обеспечивать безопасность или осуществлять уход, оставляет ребенка с лицом, которое, как ему известно, зарегистрировано или обязано зарегистрироваться как сексуальный преступник по закону штата Вашингтон либо по закону (подзаконному акту) иной юрисдикции, имеющей аналогичные требования, за половое преступление против ребенка. Данное деяние является мисдиминором.

Параграф 9A.42.100 содержит состав поставления ребенка в опасность с использованием ограниченных в обороте веществ. Оно имеет место, если лицо умышленно разрешает находящемуся на его иждивении ребенку подвергаться действию, глотать, вдыхать или контактировать с метамфетамин, эфедрином, псевдоэфедрином, жидким аммиаком, включая их соли, изомеры и соли изомеров, которые используются в производстве метамфитамина.

Установление уголовной ответственности за нарушение обязанности по защите стало предметом многолетних оживленных дискуссий среди американских исследователей.

В литературе говорится о том, что, хотя законы штатов сформулированы гендерно нейтрально, применение данной нормы приводит к дискриминации матерей.

Отчасти это объясняется тем, что мужчины по статистике чаще являются субъектами жестокого обращения с ребенком путем активных действий, следовательно, матери чаще оказываются в роли бездействующих субъектов.

Так, согласно Четвертому национальному исследованию случаев жестокого и ненадлежащего обращения с детьми 2010 г. (The Fourth National Incidence Study of Child Abuse and Neglect) 62 % ребенка подверглись посягательствам со стороны мужчин (Stanziani & Cox, 2021:692).

Однако следует учитывать, что доля женщин, допустивших жестокое обращение путем действия, все же очень велика, а отцы реже привлекаются за нарушение обязанностей по защите (Stanziani & Cox, 2021:692; Lee & Douglas, 2021:641–645).

Американские исследователи пишут о том, что традиционно именно матери рассматриваются как лица, которые обязаны нести полную ответственность за безопасность ребенка, защищать его, забыть о своих собственных интересах, если этого требуют интересы ребенка. Ожидания общества в отношении отцов гораздо меньшие и сводятся в основном к материальному обеспечению ребенка (Mahoney, 2019:434; Jacobs, 1998:646, 660).

Некоторые уголовные дела действительно свидетельствуют о том, что отношение правоприменителей к матерям, которые не смогли по разным причинам защитить детей от третьих лиц, более суровое: они могут быть осуждены по тем же статьям, что и лица, непосредственно применявшие насилие.

Так, в штате Флорида имели место два резонансных уголовных дела.

По делу *Zile vs State* (1998) за убийство и несколько эпизодов жестокого обращения с дочерью была осуждена мать, которая присутствовала во время нанесения своим мужем ударов потерпевшей и бездействовала. Хотя мать не причиняла дочери

повреждений и сама подвергалась насилию со стороны супруга, она была приговорена к пожизненному лишению свободы. Ее супруг был осужден за убийство первой степени своей падчерицы (Mahoney, 2019:442–444).

В деле *Schwarz vs State* (1997) женщина была осуждена за жестокое обращение со своим пасынком, повлекшее его смерть. В деле имелось 17 свидетелей, осужденная обсуждала свою нелюбовь к мальчику со знакомыми, служба защиты детей получала неоднократные сообщения о жестоком обращении. Отец, однако, заявил, что не замечал ничего подобного. В итоге мачеха была приговорена к пожизненному лишению свободы, а отец ребенка не был обвинен ни в каком преступлении (Mahoney, 2019:442–444).

В литературе указывается на несправедливость такого подхода, особенно в ситуациях, когда матери сами подвергались домашнему насилию. Такие матери не просто физически не могут противостоять своим партнерам, но и испытывают финансовые, психологические и иные трудности с тем, чтобы покинуть их и поместить ребенка в безопасные условия (Mahoney, 2019:434, 441–444).

Парадокс в том, что, если мать подверглась домашнему насилию, она тут же рассматривается как лицо, которое знает об опасности для ребенка, даже если сам ребенок насилию не подвергался, и должна немедленно предпринять меры для обеспечения его безопасности, хотя даже свою безопасность она обеспечить не в состоянии. Обращение за помощью в государственные органы ставит ее в уязвимое положение, поскольку ребенка могут забрать из семьи (Stanziani & Cox, 2021:694, 706).

Сложившаяся практика, при которой бездействующие родители наказываются так же или строже тех, кто непосредственно наносил ребенку вред, не может быть признана справедливой. Нормы российского уголовного закона об оставлении в опасности и о жестоком обращении с ребенком и практика их применения являются в этом отношении предпочтительными.

Телесные наказания

К особенностям уголовно-правовой охраны детей в США следует также отнести то, что в стране разрешено применение физической силы с целью наказания детей (Edwards, 1996:983–984).

США является единственной страной с развитой правовой системой, которая не ратифицировала Конвенцию ООН о правах ребенка (1989 г.).

Хотя ст. 19 и п. 2 ст. 28 Конвенции о правах ребенка напрямую не запрещают телесные наказания, Комитет по правам ребенка считает их неприемлемыми (пункты 20–22 Замечания общего порядка 8 «Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания», CRC/C/GC/8, 21 августа 2006 г.¹⁶).

В штате Флорида разрешено применение разумных (reasonable) и нечрезмерных (non excessive) наказаний. Телесные наказания дозволено применять не только дома, но и в школах¹⁷.

¹⁶ Замечание общего порядка 8. Комитет по правам человека. Сорок вторая сессия. Женева, 15 мая – 2 июня 2006 года // Библиотека по правам человека. Университет Миннесоты. Режим доступно: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/crc/Rcrcomm8.html> (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁷ Roelke, W. It's not illegal to spank your child in Florida. 4th November 2021 Available at: <https://www.google.com/amp/s/www.jacksonvillecriminaldefenseattorneyblog.net/amp/its-not-illegal-to-spank-your-child-in-florida/> [Accessed 8th December 2022].

Часть 2 § 39.01 гл. 39 «Процедуры, относящиеся к детям» Свода законов штата Флорида устанавливает, что поддержание дисциплины путем телесных наказаний родителем или иным законным опекуном ребенка само по себе не является жестоким обращением, если не наносит ребенку вреда¹⁸.

Согласно п. «а» ч. 34 § 39.01 вред здоровью или благополучию ребенка – это причинение физического, ментального или эмоционального ущерба. При этом принимаются во внимание такие факторы, как возраст ребенка, история предыдущих травм, расположение повреждений на теле, число повреждений, тип нанесенной травмы.

В деле *Raford vs State* (2002) Верховный суд штата Флорида постановил, что обычные шлепки в принципе являются разумным и неизбыточным телесным наказанием.

Однако в ряде дел суды приходили к выводу, что шлепки не являлись допустимыми.

Так, в деле *Hall vs State* (2018) ребенок попытался защитить мать, когда подсудимый решил ее ударить в машине. По прибытии домой подсудимый привел ребенка в дом и нанес ему несколько ударов ремнем. Кожа ребенка была повреждена, следы на ней оставались несколько дней.

Суд признал подсудимого виновным в жестоком обращении с ребенком. Апелляционный суд подтвердил законность и обоснованность приговора, отметив, что о поддержании дисциплины в данном случае речи идти не могло, поскольку ребенок защищал свою мать¹⁹.

Прецедентное право штата Флорида разрешает шлепать ребенка по ягодицам рукой, ремнем или лопаткой, если ребенок одет и удары не оставляют следов на коже или следы незначительны. Ребенку не должны наноситься повреждения, требующие медицинского вмешательства. Наказание – это ответ на ненадлежащее поведение ребенка. Недопустимо шлепать ребенка по причине гнева или из мести²⁰.

Физические меры поддержания дисциплины избыточны, если они являются результатом применения смертоносного оружия или влекут следующие или иные подобные им повреждения:

1. Растяжения, вывихи или повреждения хрящей.
2. Переломы костей или черепа.
3. Поражение головного или спинного мозга.
4. Внутрочерепное кровоизлияние или повреждения других внутренних органов.
5. Удушение или утопление.
6. Ожоги или ошпаривание.
7. Порезы, рваные раны, проколы или укусы.
8. Постоянное или временное обезображивание.

¹⁸ Chapter 39. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&AVAILABLE AT=0000-0099/0039/0039.html [Accessed 8th December 2022].

¹⁹ Roelke, W. It's not illegal to spank your child in Florida. 4th November 2021 Available at: <https://www.google.com/amp/s/www.jacksonvillecriminaldefenseattorneyblog.net/amp/its-not-illegal-to-spank-your-child-in-florida/> [Accessed 8th December 2022].

²⁰ Roelke, W. It's not illegal to spank your child in Florida. 4th November 2021 Available at: <https://www.google.com/amp/s/www.jacksonvillecriminaldefenseattorneyblog.net/amp/its-not-illegal-to-spank-your-child-in-florida/> [Accessed 8th December 2022].

9. Постоянную или временную потерю или повреждение части тела, нарушение либо утрату ее функции.

10. Значительные синяки или рубцы.

В Миннесоте разрешено применение силы к ребенку родителем, опекуном, учителем или другим лицом, осуществляющим уход, для сдерживания или коррекции поведения, согласно § 609.379 гл. 609 Свода законов штата. При этом следует принимать во внимание § 609.377, запрещающий злонамеренное наказание²¹.

Параграф 9А.16.100 гл. 9А.16 «Защиты» разд. 9А Свода законов штата Вашингтон разрешает применение разумной и умеренной силы к ребенку родителем, опекуном или учителем для сдерживания и исправления нежелательного поведения²².

Российская Федерация обязана соблюдать принятые на себя международные обязательства. Телесные наказания являются недопустимыми, однако это не означает, что всякое наказание должно влечь за собой уголовную ответственность. Вполне возможны прекращение уголовного дела по причине малозначительности и административная ответственность (Nagornaya, 2017).

Возраст, с которого ребенка можно законно оставить одного дома

Такой возраст законодательно установлен в 5 штатах США. Он варьируется от 6 до 14 лет (Jennissen, Evans, Oral & Denning, 2018:56).

Национальная кампания по защите детей – National Safe Kids Campaign – первая национальная организация, направленная на предотвращение нанесения детям неумышленных травм – рекомендует не оставлять одних дома детей до 12 лет. Приглядывать за другими детьми могут несовершеннолетние, достигшие 15 лет.

Департамент штата Флорида по делам детей и семьи руководствуется именно этими рекомендациями.

Необходимо убедиться, что детям недоступно огнестрельное оружие, а также оградить их от бассейна, если таковой имеется. Детям должно быть известно о телефонном номере службы спасения. Рекомендуется установить технические средства, через которые можно увидеть ребенка в течение дня и говорить с ним²³.

В Миннесоте возраст, с которого можно оставить ребенка дома одного, не установлен законом.

Согласно рекомендациям штата ребенка младше 7 лет нельзя оставлять дома одного. С 8 до 10 лет можно оставить максимум на 3 часа. С 11 до 13 лет – на 12 часов. С 14 до 15 лет – на 24 часа. В 16–17 лет – на большее количество часов, если есть связь с родителями и план, как действовать в чрезвычайной ситуации.

Оставить ребенка с младшими детьми можно с 11 лет на промежуток времени, соответствующий возрасту присматривающего ребенка.

²¹ Chapter 609. 2022 Minnesota Statutes. Available at: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/609> [Accessed 8th December 2022].

²² Chapter 9A.16. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-9a/chapter-9a-16/> [Accessed 8th December 2022].

²³ Dunnan, T. What are the laws about leaving your children home alone? 07 th August 2020. Available at: <https://www.wptv.com/news/region-martin-county/stuart/what-are-the-laws-about-leaving-your-children-home-alone> [Accessed 8th December 2022].

При этом должны учитываться уровень зрелости ребенка; его предыдущее поведение, включая суицидальные мысли и поступки, поджоги, правонарушения; пожарная безопасность в доме и другие факторы²⁴.

Согласно рекомендациям штата Вашингтон дети, не достигшие 9 лет, не должны оставаться дома без присмотра. От 9 до 12 лет детей можно оставлять не более, чем на 2 часа. С 13 лет ребенок вправе присматривать за другими детьми не более, чем 12 часов. Детей с инвалидностью или иными подобными особенностями не рекомендуется оставлять дома одних.

Принимая решение, родители должны учитывать уровень зрелости ребенка и возможность получить поддержку от друзей или соседей в случае чрезвычайной ситуации²⁵.

Все эти факторы должен учесть каждый родитель в любой стране, оставляя ребенка одного дома (Schnitzer, Covington, Kruse, 2011:45). Они подлежат оценке при возможной квалификации деяния как оставления ребенка в опасности.

Оставление ребенка одного в автомобиле

По данным статистики, с 1990 по 2022 г. в среднем в США ежегодно умирало 38 детей из-за перегрева в автомобилях. Однако в большинстве случаев ребенок был неумышленно оставлен в машине или получил к ней доступ самостоятельно. Вопреки общественному мнению только немногие дела были связаны с употреблением родителем или иным обязанным лицом алкоголя либо наркотиков или с предыдущим вмешательством службы по охране детей²⁶.

На федеральном уровне этот вопрос не урегулирован. В 21 штате имеются специальные законы об оставлении детей в автомобиле, 26 штатов предусматривают более общие нормы об оставлении в автомобилях животных и детей и освобождении от гражданско-правовой ответственности тех, кто предпринял меры по их защите (так называемые законы о горячей машине – hot car laws). Большинство законов применяется к детям до 6 лет. Некоторые штаты допускают, чтобы за ребенком присматривал другой ребенок старше 12, 14 или 16 лет²⁷.

Согласно ч. 1 § 316.6135 гл. 316 «Унифицированные правила дорожного движения в штате» разд. XXIII «Автомобили» Свода законов штата Флорида запрещается оставлять ребенка младше 6 лет без присмотра в автомобиле:

- более чем на 15 минут (п. «а») или
- на любое время, если мотор автомобиля включен, здоровье ребенка под угрозой либо он испытывает стресс (п. «b») ²⁸.

²⁴ Olson, Poole & Envall, P.A. MN law on child supervision is vague – your ex’s attorney won’t be. Available at: <https://northlandlawyers.com/mn-law-on-child-supervision-is-vague-your-exs-attorney-wont-be/> [Accessed 8th December 2022].

²⁵ As a co-parent, when can i leave my child home alone? Available at: <https://elisebuiefamilylaw.com/as-a-co-parent-when-can-i-leave-my-child-home-alone/> [Accessed 8th December 2022].

²⁶ См.: U.S. Child hot car death data analysis from the kids and car safety national database (1990-2022). P. 3, 8. Available at: https://www.kidsandcars.org/document_center/download/hot-cars/Child-Hot-Car-Deaths-Data-Analysis.pdf [Accessed 8th October 2023].

²⁷ McKenna, R. Is it illegal to leave a child in the car? 2017. Available at: <https://www.finder.com/child-in-car-laws#:~:text=There's%20no%20federal%20law%20covering,your%20children%20in%20the%20car> [Accessed: 8th December 2022].

²⁸ Chapter 316.6135. 2022 Florida Statutes. Available at: http://www.leg.state.fl.us/Statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&AVAILABLE_AT=0300-0399/0316/Sections/0316.6135.html [Accessed 8th December 2022].

Нарушение п. «а» представляет собой мисдиминор 2 степени, пункта «b» – неуголовное нарушение правил дорожного движения, за которое назначается штраф от 50 до 500 долл.

В Миннесоте нет специального закона на этот счет, применяются общие нормы.

Согласно § 46.61.685 гл. 46.61 «Правила дорожного движения» разд. 46 «Автомобильные средства» Свода законов штата Вашингтон любое лицо не вправе оставлять ребенка до 16 лет без присмотра в автомобиле во время работы двигателя, на парковке, при остановке на общественной трассе или в общественном месте с включенным мотором²⁹. Деяние является мисдиминором.

В России ответственность водителя может наступить по п. 1 ст. 12.19 Кодекса РФ об административных правонарушениях³⁰. Согласно п. 12.8 Правил дорожного движения, утв. Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090³¹, запрещается оставлять в транспортном средстве на время его стоянки ребенка в возрасте младше 7 лет в отсутствие совершеннолетнего лица. Также возможна уголовная ответственность по ст. 125 УК РФ.

Заключение

1. В США нормы, обеспечивающие защиту детей от жестокого и ненадлежащего обращения, существуют как на федеральном уровне, так и на уровне штатов.

В каждом штате законодательно установлена обязанность сделать заявление в компетентные органы о случаях жестокого обращения с ребенком. В некоторых штатах она распространяется на всех лиц, включая членов семьи ребенка, достигших 18 лет, в других – только на лиц, занимающихся определенной профессией, например врачей.

В нашей стране органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обязаны незамедлительно информировать органы внутренних дел о фактах жестокого обращения с ребенком. Ответственность за нарушение данной обязанности, как и иных обязанностей, наступает согласно локальным актам или законодательству на общих основаниях. После надлежащего обсуждения возможно введение специальной нормы, предусматривающей административную ответственность за несообщение о случаях жестокого обращения с ребенком для более широкого круга специальных субъектов.

2. В США под жестоким обращением с ребенком (child abuse) понимается в узком смысле конкретный состав преступления, а в широком – совокупность преступных посягательств на ребенка.

Своды законов некоторых штатов содержат отдельные главы или разделы, посвященные преступлениям против детей (Флорида) либо против детей и семьи (Миннесота).

Уголовный кодекс РФ содержит собственную систему уголовно-правовых запретов, направленных на охрану несовершеннолетних. Опыт США может быть

²⁹ Chapter 46.61. 2021 Revised Code of Washington. Available at: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/title-46/chapter-46-61/section-46-61-685/> [Accessed 8th December 2022].

³⁰ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

³¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ от 22 ноября 1993 г. № 47. Ст. 4531.

применен в нашей стране в ограниченном числе случаев. Подробнее этот вопрос рассмотрен для каждого состава преступления в отдельности. В целом следует признать многие американские уголовно-правовые нормы в указанной сфере избыточными для нашей страны.

3. В США предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение обязанности по защите ребенка от посягательств со стороны третьих лиц. В некоторых штатах подобное бездействие рассматривается как неисполнение родительских обязанностей, в других как поставление в опасность. В ряде штатов формулируются специальные составы преступлений, такие, как оставление ребенка на попечении сексуального преступника.

В американской литературе подчеркивается, что матери привлекаются к ответственности за подобное бездействие чаще, чем отцы, а взрослые лица, сами ставшие жертвами домашнего насилия, автоматически рассматриваются как поставившие ребенка в опасность, даже если к нему такое насилие не применялось.

Российское законодательство в этом отношении является более справедливым, устанавливая уголовную ответственность за оставление в опасности (ст. 125 УК РФ). Само по себе бездействие одного из родителей не может быть признано соучастием при причинении ребенку того или иного вреда.

4. Большинство штатов США разделяют все преступления, включая посягательства на детей, на felonies (более тяжкие преступления) и misdemeanors (менее тяжкие преступления) различных видов, за каждый из которых предусмотрены унифицированные наказания в виде лишения свободы и/или штрафа. Это позволяет создать стройную и последовательную систему, в которой все имеющиеся преступления можно соотносить друг с другом по тяжести и размеру наказания.

В целом для американского уголовного законодательства характерны чрезмерно суровые наказания. Наша страна отличается более разумным подходом к данному вопросу, сохраняя, однако, суровые санкции в статьях, предусматривающих ответственность за тяжкие или особо тяжкие преступления в том числе против несовершеннолетних.

5. В США не ратифицирована Конвенция ООН о правах ребенка. Применение умеренной и разумной физической силы к детям в качестве телесного наказания считается допустимым, если были соблюдены правила, предусмотренные законом и судебной практикой. Телесное наказание не может причинять ребенку больший вред, чем преходящая боль, и должно применяться в ответ на ненадлежащее поведение.

Российская Федерация обязана соблюдать принятые на себя международными обязательства. Телесные наказания считаются недопустимыми, однако это не значит, что каждое наказание будет рассматриваться как жестокое обращение с ребенком. Возможна административная ответственность за побои или же признание деяния малозначительным по УК РФ.

6. Возраст, с которого родитель может оставить ребенка дома одного, законодательно установлен лишь в пяти штатах США. Однако органы исполнительной власти по делам семьи и детей многих других штатов выпускают рекомендации, описывающие, с какого возраста и на какой период времени ребенок может остаться дома один и присматривать за более младшими детьми.

Рекомендуется учитывать и такие факторы, как зрелость ребенка и безопасность в доме. Они могут быть приняты во внимание и в нашей стране при решении вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ.

7. В ряде штатов США формулируются специальные составы преступлений и неуголовных правонарушений, не допускающие оставление детей, не достигших определенного возраста, в автомобиле без присмотра.

В России установлена административная ответственность за оставление ребенка до 7 лет без взрослых в транспортном средстве при его стоянке. Также возможна уголовная ответственность за оставление в опасности по ст. 125 УК РФ.

References / Список литературы

- Artemyeva, Y.A. & Sergeeva, V.V. (2019) Problems of determining child support obligations in Russian and American. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. 24 (5), 429–439.
- Austin, A., Lesak, A. & Shanahan, M. (2020). Risk and protective factors for child maltreatment: A review. *Injury epidemiology*. 7(4), 334–342. <https://doi.org/10.1007/s40471-020-00252-3>
- Ben-David, V., Jonson-Reid, M., Drake, B. & Kohl, P. (2015) The association between childhood maltreatment experiences and the onset of maltreatment perpetration in young adulthood controlling for proximal and distal risk factors. *Child abuse & neglect*. (46), 132–141. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2015.01.013>
- Dedel, K. (2010) *Child abuse and neglect in the home: problem-oriented guides for police*. Tempe, Center for Problem-Oriented Policing.
- Edwards, L. (1996) Corporal punishment and the legal system. *Santa Clara law review*. 4(36), 983–1023.
- Fedotov, A.V. (2012) *The average person fiction in Russian criminal law*. Part 1. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Федотов А.В. Фикция «среднего» человека в российском уголовном праве. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2012. 571 с.
- Funderburk, C. (2013) Best interests of the child should not be an ambiguous term. *Children's legal rights journal*. 33(2), 229–266.
- Jacobs, M.S. (1998) Requiring battered women die: murder liability for mothers under failure to protect statutes. *Journal of criminal law and criminology*. 88(2), 579–660.
- Jennissen, C., Evans, E., Oral, R. & Denning, G. (2018) Child abuse and neglect experts' determination of when a child being left home alone constitutes child neglect. *Injury Epidemiology*. 5(16), 55–62. <https://doi.org/10.1186/s40621-018-0144-0>
- LaFave, W.R. (2010) *Criminal law*. 5th edition. Thomson Reuters, West Academic.
- Lee, K.A. & Douglas, E.M. (2021) An exploratory study of the prosecution of fatal child maltreatment: Criminal charges filed against presumed perpetrators in the United States in 2017. *Violence & victims*. 5(36), 638–650.
- Loewy, A.H. (2009) *Criminal law*. Thomson Reuters.
- Liu, B. & Vaughn, M. (2019) Legal and policy issues from the United States and internationally about mandatory reporting of child abuse. *International journal of law and psychiatry*. (64), 219–229. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2019.03.007>
- Mahoney, A. (2019) How failure to protect laws punish the vulnerable. *Health matrix: the journal of law-medicine*. 29(1), 429–461.
- Nagornaya, I.I. (2017) Child abuse as estimating concept of criminal law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. (2), 142–154. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.142.154> (in Russian).
Нагорная И. И. Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142–154. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.142.154>
- Reed, J.G. (2004) Maltreatment of children: an American perspective. *The Journal of social policy studies*. 2(2), 265–282. (in Russian)
Рид Дж. Г. Жестокое обращение с детьми: Американская перспектива // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 265–282.

- Schnitzer, P., Covington, T., Kruse, R. (2011) Assessment of caregiver responsibility in unintentional child injury deaths: challenges for injury prevention. *Injury prevention*. 17, 45–54.
- Stanziani, M. & Cox, J. (2021) The failure of all mothers or the mother of all failures? Juror perceptions of failure to protect laws. *Journal of interpersonal violence*. 36(1-2), 690–711. <https://doi.org/10.1177/088626051773627>
- Vandervort, F. (2020) The law and policy of child maltreatment. *Handbook of interpersonal violence and abuse across the lifespan*. In: Geffner, R. et al., (eds.). New York, Springer International Publishing.
- Vitiello, M. (2010) Defining the reasonable person in the criminal law: fighting the lernaean hydra. *Lewis & Clark law review*. 14(4), 1435–1454.

Сведения об авторе:

Нагорная Ирина Игоревна – кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., д. 20
ORCID ID: 0000-0002-8423-3754; SPIN-код: 6087-4020
e-mail: irnag@yandex.ru

About the author:

Irina I. Nagornaya – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Legal Process and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-8423-3754; SPIN-code: 6087-4020
e-mail: irnag@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1028-1042>

EDN: MHHJJA

Научная статья / Research Article

Сравнительное исследование становления доктринальных направлений института правовой защиты жертв преступлений в США и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии

С.П. Андрусенко

Государственный университет по землеустройству, г. Москва, Российская Федерация

 lawyer.cardio@mail.ru

Аннотация. США и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии имеют долгую историю формирования и развития правовой защиты прав жертв преступлений, которая основывается на признании ответственности государства за неспособность охраны общества от преступлений и оказанию всесторонней поддержки жертвам преступлений, включая выплату компенсаций, предоставление льгот, медицинской помощи, социального обслуживания, поддержку специализированных общественных организаций. При этом важное значение имеют нормы публичного права, регулирующие государственную компенсацию вреда жертвам преступлений. В то же время показательным является исследование ведущих правовых институтов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, у которых накоплен позитивный нормативный и правовой опыт регулирования обеспечения прав жертв преступлений, их правовой защиты, который может быть воспринят в качестве законодательных новелл в Российской Федерации. Актуальность темы также обусловлена социальной значимостью проблемы правовой защиты прав потерпевших от преступлений, а также правовой реальностью, сложившейся в Российской Федерации в сфере законодательного регулирования статуса жертв уголовно-наказуемых деяний, что напрямую отражается на праве на компенсацию причиненного им вреда. Показательным является сравнение правовых институтов ведущих зарубежных государств, накопивших позитивный нормативный и правовой опыт регулирования обеспечения прав жертв преступлений, их правовой защиты, который может быть воспринят в качестве законодательных новелл в Российской Федерации.

Ключевые слова: жертвы преступлений, государственная компенсация вреда, восстановление социальной справедливости, уголовное наказание, генезис института жертв преступлений

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 21 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Андрусенко С.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Андрусенко С.П. Сравнительное исследование становления доктринальных направлений института правовой защиты жертв преступлений в США и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 1028–1042. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1028-1042>

A comparative study of the formation of doctrinal directions of the institution of legal protection of crime victims in the USA and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Sergey P. Andrusenko

State University of Land Use Planning, *Moscow, Russian Federation*
lawyer.cardio@mail.ru

Abstract. The United States and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland have a long history of forming and developing legal protection of the rights of crime victims, which is based on the recognition of state responsibility for the failure to protect society from crime and provision of comprehensive support to crime victims, including compensation, benefits, medical care, social services, support of specialized public organizations. At the same time, the norms of public law regulating state compensation for harm to victims of crime are important. In fact, a study of the leading legal institutions of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, which has accumulated positive regulatory and legal experience in ensuring the rights of crime victims and their legal protection, which can be perceived as legislative novelties in the Russian Federation, is indicative. The relevance of the topic is also conditioned by the social significance of the issue of legal protection of the rights of crime victims, as well as the legal reality that has developed in the Russian Federation in the field of legislative regulation of the status of victims of criminal offenses, which directly affects the right to compensation for harm caused to them.

Key words: crime victims, state compensation for harm, restoration of social justice, criminal punishment, genesis of the institution of crime victims

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st September 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Andrusenko, S.P. (2023) A comparative study of the formation of doctrinal directions of the institution of legal protection of crime victims in the USA and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1028–1042. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1028-1042>

Введение

Права жертв преступлений в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Соединенное Королевство) в широком смысле можно разделить на материальные и процессуальные. Материальные права направлены обеспечение жертв преступлений юридической, психологической, консультационной помощью, государственной компенсацией вреда и т.д. Процессуальные права обеспечивают жертв преступлений правом влиять на принятие решений в

уголовном судопроизводстве посредством участия непосредственно или через представителя (Manikis, 2013).

Прежде исследования механизма государственной компенсации вреда жертвам преступлений необходимо проанализировать исторические предпосылки создания института прав жертв преступлений в Великобритании.

Уголовно-правовая защита жертв преступлений в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Соединенное Королевство) развивалась под сильным влиянием аналогичного института в США. В.Е. Квашиш и Л.В. Вавилова в монографии, посвященной зарубежному законодательству о защите жертв преступлений, указывают, что большое влияние на становление уголовно-правового статуса потерпевшего в странах Евросоюза оказала законодательная политика США. Именно США, по мнению данных авторов, являются лидером в области развития прав потерпевшего (Kvashis & Vavilova, 1996:20). Принадлежность США и Великобритании к одной англо-американской правовой семье и их тесная взаимосвязь выразилась во взаимной рецепции в развитии прав жертв преступлений. Однако социологические, исторические и культурные особенности предопределили формирование и развитие общественно-политических движений в поддержку жертв преступлений в большей степени именно в США. Законодательство Великобритании восприняло многие доктринальные идеи и законодательные конструкции, которые были сформированы в США.

Историю развития уголовных наказаний в Соединенном Королевстве, которая рассматривается через призму восстановления социальной справедливости как определенного эквивалента компенсации вреда жертвам преступлений, нельзя рассматривать в отрыве от формирования уголовного права в континентальной Европе, так как философские и некоторые правовые традиции были восприняты Соединенным Королевством и нашли свое отражение в теории уголовного наказания.

В Великобритании, следуя общеевропейскому пути, многие правоведы традиционно рассматривали уголовное наказание в корреляции с правами жертв преступлений посредством теории возмездия (retributive justice) и назначения соразмерного наказания (proportionality of punishment).

В связи с тем, что история развития уголовного наказания рассматривается в контексте защиты жертв преступлений, то в настоящем параграфе полагаем целесообразным исследовать наиболее характерные особенности, которые присущи уголовному наказанию в Великобритании.

В Соединенном Королевстве в течение последних ста лет судьи обладали большими дискреционными полномочиями, которые позволяли назначать большие сроки лишения свободы в отношении преступников, избравших преступление в качестве основного источника доходов (Ashworth, 2005). Понимая необходимость законодательного закрепления продолжительных сроков лишения свободы для лиц, неоднократно совершивших преступления, правительство в 1895 г. создало комитет (The Gladstone Committee). В 1908 г. комитет разработал Закон «О Превенции» (Prevention Criminal act). Согласно ему судья имел право назначить дополнительное наказание преступнику – от 5 до 10 лет лишения свободы – при условии, что преступник достиг 16-летнего возраста (Ashworth, 2005). Основная задача данного закона заключалась в обеспечении охраны общества и потенциальных жертв от совершения преступлений посредством уголовного наказания. Изменения в правоприменении

менительную практику Закона «О Превенции» внес Уинстон Черчилль, который посредством циркуляра указал, что дополнительное наказание должно назначаться только в отношении наиболее опасных преступников.

В 1948 г. был принят Закон «Об уголовном правосудии» (Criminal Justice Act), согласно которому неоднократно судимые преступники в возрасте от 30 лет должны были быть приговорены к лишению свободы от 5 до 14 лет. Такое наказание не было дополнительным, а назначалось вместо наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Назначение уголовного наказания указанной категории преступников не соответствовало принципам справедливости и назначения соразмерного наказания. В рассматриваемый период времени приоритетной задачей государства в области уголовно-правовой политики являлась охрана общества и жертв от совершения новых преступлений. Таким образом, британский законодатель, отводя первостепенное значение охране общества и жертв преступлений, сознательно нивелировал значение указанных принципов уголовного права.

Для того, чтобы защитить общество от наиболее опасных преступников, законодательство, позволяющее лишать преступников свободы исходя из критерия «опасность» преступника, постепенно совершенствовалось. Закон «Об уголовном правосудии» 1991 г. позволял судьям назначать более длительные сроки, действуя в интересах общества и жертв преступлений, нарушая тем самым принцип соразмерности уголовного наказания (Ashworth, 2005).

В Великобритании, как и в других странах англо-американской правовой семьи, принцип возмездия (*retributive justice*) является одним из основополагающих принципов уголовного права. Содержание принципа сводится к тому, что государство посредством уголовного наказания карает преступника за совершенное преступление, тем самым восстанавливая справедливость (Nikiforov, 2010:215) и таким образом коррелируя с правами жертв преступлений. Преступнику должно быть назначено то наказание, которое он заслужил (Arrigo (ed.), 2014). Фундаментальной основной теории возмездия (*retributive justice*) являются философские воззрения И. Канта и Г. Гегеля, которые были рассмотрены в параграфах, посвященных романо-германской правовой семье (Arrigo (ed.), 2014). Таким образом, можно сделать вывод о том, что фундаментальной основой уголовного наказания для стран романо-германской и англо-американской правовых семей является европейская философия (преимущественно немецкая).

В настоящее время теория возмездия переживает свое возрождение (Lacey & Pickard, 2015:666). Некоторые британские ученые называют Великобританию «обществом наказания» (*community punishment*) (Robinson & McNeill (eds.), 2015:32). За последние 25 лет сроки лишения свободы в Соединенном Королевстве стали более длительными (Robinson & McNeill (eds.), 2015:32). В этой связи определенный интерес представляет одно из направлений восстановительного правосудия (*restorative justice*), согласно которому жертва преступления может выступить в суде с личным заявлением о том, какое наказание является наиболее соразмерным и должно быть назначено преступнику (Ashworth, 2005:88). Потерпевший в своем заявлении указывает, как совершенное преступление повлияло на жизнь, здоровье и отношения в семье жертвы преступления (Doerner & Lab, 2011). Таким образом, жертва преступления может просить суд о назначении того наказания, которое, по его мнению, наиболее соответствует тяжести совершенного преступления. Максимальное уравнение прав

жертв преступлений с лицами, обвиняемыми в совершении преступлений, заключается в том числе в праве жертвы преступления требовать назначения более сурового наказания.

Несмотря на множество различий между странами англо-американской и романо-германской правовых семей, данные правовые образования имеют ряд общих черт, которые их сближают.

Указанные выше отличия являются наиболее характерными, но не исчерпывающими отличиями англо-американской правовой семьи. Однако подробный анализ особенностей англо-американской и романо-германской правовой семьи не входит в предмет настоящего исследования.

Анализ судебной практики Великобритании позволяет сделать вывод, что в 65 % дел заявлялись требования о компенсации вреда по делам, связанным с причинением различной степени тяжести травм, явившихся результатом нападения с применением оружия или без применения; 25 % дел – требования о компенсации вреда заявлялись за причинения травм, полученных в результате сексуального насилия; 10 % дел – иные травмы, полученные в результате совершенных преступлений¹.

Таким образом, государственная компенсация вреда жертвам преступлений приобретает особую актуальность, особенно в ситуации, когда лицо совершившее преступление не установлено или не может выплатить соответствующую компенсацию.

Сравнение института прав жертв преступлений в Соединенном Королевстве Великобритании и США

Целесообразно сравнить генезис институтов прав жертв преступлений в США и Соединенном Королевстве. Уголовное наказание в рассматриваемых странах имеет общий теоретический фундамент, который заключается в одном из главных принципов – «возмездие» (retribution). Наказание как возмездие за совершенное преступление также рассматривается некоторыми авторами в корреляции с правами жертв преступлений, что является логичным (Dearing, 2017). США и Соединенное Королевство входят в число лидеров по количеству заключенных на душу населения и длительности сроков отбывания уголовного наказания в местах лишения свободы (Scott, 2013:2). Уголовное наказание в США и Соединенном Королевстве, обладая длительностью сроков, ограждает общество от совершения новых преступлений. Таким образом, общей и наиболее важной характерной чертой уголовного наказания в США и Соединенном Королевстве является: 1) «возмездие», как один из основных принципов уголовного наказания; 2) корреляция уголовного наказания с правами жертв преступлений; 3) длительность сроков лишения свободы.

Институт жертв преступлений в США и Соединенном Королевстве обладает определенной общностью черт, которые во многом обусловлены принадлежностью к одной правовой семье. Однако в силу исторического развития правовой системы в США отдельные штаты сформировали свое законодательство, регулирующее правовой статус жертв преступлений.

¹ Criminal injuries compensation Scheme Review 2020. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/901140/cic-s-review-2020.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

Такая дифференциация правового регулирования статуса жертв преступлений, по нашему мнению, выгодно отличает США от Соединенного Королевства.

На основании изложенного целесообразно изучить вопрос о рецепции уголовной защиты жертв преступлений из стран англо-американской правовой семьи и, в частности, США. Как отмечалось, уголовное законодательство многих субъектов США предусматривает судебную защиту жертв преступлений от угроз, а также ущемления в области трудовых отношений (Kozochkin, 2009:101). Считаем целесообразным воспринять в качестве рецепции некоторые положения Уголовного кодекса штата Нью-Йорк. В Уголовном кодексе штата Нью-Йорк и некоторых других субъектах США предусматривается специальная норма, в которой устанавливается уголовная ответственность за причинение вреда жертвам преступлений по мотивам мести за дачу свидетельских показаний в отношении обвиняемого (Kozochkin, 2009:102). Наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), п. «е» ч. 1. ст. 63 устанавливающего, что месть является отягчающим вину обстоятельством, является недостаточным. Целесообразно внести изменения в Особенную часть УК РФ и добавить «по мотивам мести» как квалифицирующий признак 111, 112, 115, 116, 116¹, 117 УК РФ.

Российские ученые-правоведы нередко отрицательно относятся к копированию зарубежного законодательства, которое без учета исторических, социальных и политических аспектов может привести к негативным последствиям. Однако в данном случае полагаем, что рецептирование в УК РФ вышеизложенных положений существенно улучшит в том числе судебную защиту потерпевшего от преступления. Разница в понимании указанных норм права будет отражена в практике правоприменения, в которой отразятся исторические, социальные и политические аспекты российского права. Рецепция указанных норм права должна соответствовать правилам юридической техники, которая принята в Российской Федерации.

Однако одной из основных проблем, которая может возникнуть в правоприменительной практике – загруженность правоохранительных органов по делам, связанным с совершением преступлений в отношении потерпевших по мотивам мести. Также сложность будет представлять процесс доказывания указанных преступлений. Но, несмотря на сложности, которые могут возникнуть в правоприменительной практике, важность введения уголовно-правовых норм, устанавливающих санкции за совершение противоправных деяний в отношении потерпевших, не должна вызывать сомнений.

Исследованные вопросы судебной защиты прав жертв преступлений в законодательствах зарубежных стран, а также рассмотрение развития материально-правового статуса потерпевшего в России позволяют сделать выводы о пробелах в российском законодательстве, регулирующем правовое положение потерпевшего в Российской Федерации.

Одной из отличительных особенностей законодательства зарубежных стран от законодательства Российской Федерации является признание ответственности государства за совершение на территории этого государства преступлений. Признание ответственности за неспособность взятой обязанности охраны правопорядка должна быть закреплена не только в Конституции, но и в отдельных нормативно-правовых актах, конкретизирующих ответственность государства перед жертвами преступлений. Такие государства, как США и Великобритания, признавая ответственность государства за неспособность обеспечить охрану прав и свобод граждан, начинают

оказывать помощь жертве сразу после совершения преступления. Помощь заключается, прежде всего, в оказании юридической помощи и осуществлении компенсационных выплат жертвам преступлений, которые должны покрывать расходы, связанные с оказанием медицинской и психологической помощи, а также оплате услуг по реабилитации. Некоторые отечественные правоведы также отмечали необходимость отражения в законодательстве ответственность государства перед потерпевшими. Так например, Б.С. Никифоров отмечал следующее: «Существенной стороной проблемы соответствия наказания преступлению и следования наказания за преступлением является, на наш взгляд, то, что если преступление есть общественно опасная деятельность отдельных лиц, то наказание за него есть общественно полезная деятельность государства, выражающая его ответ на преступление. Чтобы этот ответ был «существенным», он должен иметь своим содержанием возмещение причиненного вреда» (Nikiforov, 2010:210). Б.С. Никифоров возмещение вреда связывал с уголовным наказанием. Из приведенного можно сделать вывод о необходимости введения в Уголовный кодекс ответственности государства за причиненный преступлением вред. Данная ответственность должна выражаться в государственной компенсации потерпевшему причиненного преступлением вреда.

Механизм правового регулирования компенсации вреда жертвам преступлений по законодательству Великобритании

Первым фундаментальным нормативно-правовым актом, устанавливающим обязанность Соединенного Королевства выплачивать компенсацию вреда жертвам преступлений, стал Порядок компенсаций за вред, причиненный преступлениями 1964 г. (The Criminal Injuries Compensation Scheme) В данном нормативно-правовом акте не было четких положений, закрепляющих права жертв преступлений на компенсацию, однако ценность этого нормативно-правового акта в установлении принципа, согласно которому государство должно охранять своих граждан от преступлений, а в случае совершения в отношении граждан Соединенного Королевства преступлений, государство обязано выплатить компенсацию. В том же 1964 г. начала свою работу комиссия по выплате компенсаций жертвам преступлений (Burdett-Smith, 1999:43).

После принятия Порядка компенсаций за вред, причиненный преступлениями, 1964 г. законодательство Соединенного Королевства стало постепенно развиваться в направлении защиты жертв преступлений. Обязанность государства охранять граждан от преступлений более четко устанавливалась в Акте об уголовном правосудии 1988 г.² Согласно данному нормативно-правовому акту жертвы преступлений имели право на получение государственных компенсаций в размерах и порядке, определяемых специальным подзаконным актом. В 1990 г. в Соединенном Королевстве был принят Порядок компенсаций за вред, причиненный преступлениями, который заменил собой документ 1964 г.

Положения этого нормативно-правового акта претерпели определенные изменения, направленные на улучшение правового статуса жертв преступлений в части порядка выплаты компенсаций причиненного вреда. В настоящее время «Порядок компенсации за вред, причиненный преступлениями» действует в редакции 2012 г.

² Criminal Justice Act 1988. Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/33/contents> (дата обращения: 24.02.2023).

Данный нормативно-правовой акт распространяет свою юрисдикцию на три региона: Англия, Уэльс и Шотландия. На территории Северной Ирландии действуют другие нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы государственной компенсации вреда жертвам преступлений.

Указанный нормативно-правовой документ следует рассмотреть подробно, так как в нем закреплены наиболее существенные права жертв преступлений на компенсацию вреда, которые отражают правовую доктрину Великобритании в этом направлении.

Если сравнивать с Законом ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г., то Порядок компенсаций за вред, причиненный преступлениями в редакции 2012 г., содержит положения, которые определяют лиц, имеющих право на компенсацию вреда. Однако в отличие от немецкого закона, в котором уже в первых статьях, раскрывающих основные положения, подробно определены лица, имеющие право на компенсацию, и лица, не имеющие право на компенсацию, нормативно-правовой акт Великобритании устанавливает лишь общие признаки, которыми должна обладать жертва преступления для подачи заявления о выплате компенсации. Например, в Законе ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г. четко определено, что в случае, если жертва преступления спровоцировала совершение преступления, то компенсация вреда не выплачивается. В Порядке компенсаций за вред, причиненный преступлениями, не содержится аналогичного положения, тем самым принятие решения отдается на усмотрение специальной комиссии (Hester, 2009).

В Законе ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г., Порядок компенсации за вред, причиненный преступлениями, четко определяет, в каких случаях лицо, проживающее на территории Великобритании, имеет право на подачу заявления о выдаче государственной компенсации за причиненный преступлением вред. Данные положения целесообразно изложить более подробно в настоящем исследовании, чтобы выявить общие и отличительные черты Закона ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г. и Порядка компенсации за вред, причиненный преступлениями, дабы на основании такого анализа выявить наиболее подходящие доктринальные позиции с целью рецепции в российское уголовное право.

В разделе, посвященном праву на компенсацию по территориальному признаку, Порядка компенсации за вред, причиненный преступлениями, устанавливаются критерии, согласно которым жертва преступления должна отвечать определенным территориальным требованиям, которые включают в себя следующее: «лицо, которому может быть предоставлена компенсация, имеет право на компенсацию в нижеследующих случаях³»:

1) если лицо проживает на территории Соединенного Королевства на дату совершения преступления, повлекшего уголовно-правовые последствия в виде причиненного вреда здоровью;

2) а) если лицо, являющееся жертвой преступления гражданин Великобритании; б) если жертва преступления является близким родственником гражданина Великобритании; в) если лицо, являющееся жертвой преступления, имеет гражданство страны Европейского союза или Европейского экономического пространства;

³ Guidance Criminal Injuries Compensation Scheme 2012 (amended). Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/am-i-eligible/criminal-injuries-comp-scheme-2012.pdf>. (дата обращения: 18.04.2023).

г) лицо, которое имело право находиться в Великобритании в силу того, что оно является членом семьи гражданина государства члена Европейского Союза или Европейского экономического пространства; д) гражданин государства-участника Конвенции Совета Европы о выплате компенсации жертвам тяжких преступлений (СЕТС № 116, 1983); е) военнотрудовой или близкий родственник, сопровождающий военнотрудового⁴.

Также если лицо, которое является жертвой преступления, сожительствовало с гражданином Великобритании, который является военнотрудовым не менее двух лет, предшествовавших совершению преступления, оно имеет право на государственную компенсацию. Помимо этого компенсация может выплачиваться ребенку до 18 лет, зависимому финансово и психологически⁵ от гражданина Великобритании, который является военнотрудовым.

Виды компенсаций определены в разделе «виды компенсаций», которые включают в себя выплату компенсаций за следующее:

а) компенсационные выплаты за вред, причиненный преступлением (конкретные обстоятельства, при которых возможна компенсация за указанный вред, определены в статьях 32–42 рассматриваемого нормативно-правового акта);

б) компенсационные выплаты за потерю трудового дохода;

в) специальные компенсационные выплаты на расходы (статьи 50–56 рассматриваемого нормативно-правового акта);

г) компенсационные выплаты за существенные потери (статьи 61–62 рассматриваемого нормативно-правового акта);

д) компенсационные выплаты на ребенка (статьи 63–66 рассматриваемого нормативно-правового акта);

е) компенсационные выплаты на иждивенцев (статьи 67–74 рассматриваемого нормативно-правового акта);

ж) компенсационные выплаты на погребение (статьи 75–77 рассматриваемого нормативно-правового акта);

з) иные компенсационные выплаты за вред, который может наступить в будущем (статьи 78–84 рассматриваемого нормативно-правового акта)⁶.

Предельной суммой компенсационной выплаты является сумма в £500,000 фунтов стерлингов.

Далее, в указанных выше статьях подробным образом изложены положения, которые детально регламентируют порядок компенсационных выплат по вышеуказанным основаниям⁷.

⁴ Guidance Criminal Injuries Compensation Scheme 2012 (amended). Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/am-i-eligible/criminal-injuries-comp-scheme-2012.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

⁵ Guidance Criminal Injuries Compensation Scheme 2012 (amended). Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/am-i-eligible/criminal-injuries-comp-scheme-2012.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

⁶ Guidance Criminal Injuries Compensation Scheme 2012 (amended). Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/am-i-eligible/criminal-injuries-comp-scheme-2012.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

⁷ Guidance Criminal Injuries Compensation Scheme 2012 (amended). Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/am-i-eligible/criminal-injuries-comp-scheme-2012.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

Вред, причиненный преступлением, имеет четко определенный эквивалент, выраженный в денежной выплате. Размер денежных компенсаций закреплен в Руководстве по Порядку компенсации за вред, причинный преступлениями⁸. По сравнению с предыдущими редакциями данного руководства из редакции 2012 г. были исключены компенсации за легкие повреждения, такие, как сломанный нос или рубцы на лице, которые, по мнению многих английских юристов, были незаслуженно исключены из списка компенсаций, так как являются существенным вредом, причиненным преступлением (Antkowiak, 2002). Также по сравнению с предыдущими редакциями рассматриваемого Руководства по Порядку компенсаций за вред, причиненный преступлениями, в настоящей редакции уменьшены суммы компенсаций по целому ряду категорий за причинение легкого вреда здоровью (с £1500 до £1000 и £1800 до £1500 за такой вред, как, например, потеря трудоспособности свыше двадцати дней) (Goodey, 2004).

Сомнительным нововведением являются установленные сроки, в течение которых жертва преступления имеет право подать заявление о выплате компенсации, так как жертва преступления часто в силу определенных обстоятельств не может подать заявление на выплату компенсаций в течение двух лет после совершения преступления. В качестве примера можно привести несовершеннолетних жертв сексуального насилия. Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних является распространенным преступлением в Великобритании. Однако жертвы таких преступлений зачастую обращаются с заявлением о выплате компенсаций намного позже, чем в срок два года (Hale, 1996). Рассмотрением заявлений о выдаче компенсационных выплат занимается Служба по компенсациям за вред, причиненный преступлениями. Данная служба проверяет обоснованность заявлений, а также все необходимые документы для выдачи компенсации. Сотрудники данной службы имеют право на мотивированное уменьшение компенсационной выплаты (Hall, 1991:325). В случае обращения в данную службу жертва преступления теряет право на взыскание с преступника компенсации в судебном порядке, а государство приобретает право взыскивать компенсацию с преступника в порядке регресса (Mitin, 2011:161). Решения, принимаемые службой по компенсациям за вред, причиненный преступлениями, могут быть обжалованы в специальные профильные трибуналы, а потом в суд.

Детализированность положений рассматриваемого нормативно-правового акта во многом схожа с Законом ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г. В этой связи представляет интерес сравнение некоторых положений немецких и английских норм права в исследуемой теме. Как в и Законе ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г., Порядок компенсации за вред, причиненный преступлениями, тщательно регулирует порядок предоставления права компенсационных выплат исходя из критериев гражданства и пребывания на территории Великобритании. В обоих нормативно-правовых актах предусматривается компенсация как за физический, так и за психологический вред здоровью, или за совокупность физического и психологического вреда. Хотя в отношении компенсации психологического вреда есть некоторые особенности, такие, как, например, выплата компенсации за страх, который испытывает жертва преступления за себя или за своих близких (Miers, 1990). Указанное положение не предусматривается Законом ФРГ «О компенсациях жертвам

⁸ Guidance Criminal injuries compensation: a guide. Режим доступа: <http://www.justice.gov.uk/downloads/victims-and-witnesses/cic-a/how-to-apply/cica-guide.pdf> (дата обращения 21.04.2023).

насилия» 1976 г. Существенным отличием от немецкого Закона является то, что компенсация вреда, согласно положениям Порядка компенсаций за вред, причиненный преступлениями, выплачивается единовременно, даже если состояние здоровья жертвы преступления существенно ухудшилось. В данном случае в Великобритании начинают действовать нормы социального законодательства (Hillenbrand & Smith, 2008). В Законе ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г. отсутствует оговорка, не позволяющая получить повторную компенсацию вреда в случае ухудшения здоровья жертвы преступления.

В судебной практике Великобритании существуют проблемы, связанные с компенсационными выплатами детям, ибо традиционно возникают сложности в квалификации деяний, совершенных родителями в отношении детей (Livingstone & Doak, 2000). В британских судах долгое время чрезвычайно острым являлся вопрос о компенсации вреда ребенку, которому вред причинен матерью в период вынашивания плода. Поводом послужило рассмотрение дела, в котором мать обвинялась в том, что в период своей беременности пренебрегала здоровьем будущего ребенка и употребляла алкоголь и наркотические средства, что явилось причиной возникновения у рожденного ребенка тяжелого алкогольного синдрома (Rothe & Kauzlarich (eds), 2017). Заявление в суд было подано от органов опеки. Суд первой инстанции отклонил иск, основываясь на том, что деяние, совершенное матерью ребенка, не является преступным и, следовательно, компенсационная выплата не может быть присуждена ребенку. Однако суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, мотивировав тем, что мать ребенка должна была знать о последствиях, которые могут наступить в отношении будущего ребенка, если она (мать) будет употреблять алкоголь и наркотики. В последней редакции Порядка компенсации за вред, причиненный преступными действиями матери, причинившей физический вред ребенку в период беременности, были исключены, а выплаты ребенку регулируются нормами социального законодательства, что, по мнению многих правоведов Великобритании, является существенным нарушением прав ребенка (Rothe & Kauzlarich (eds), 2017). Аналогичные случаи в Германии рассматриваются через призму социального законодательства и не имеют никакого отношения к Закону ФРГ «О компенсациях жертвам насилия» 1976 г., так как указанное выше деяние не содержит признаков преступного деяния (Löffelmann, 2006: 48). По нашему мнению, причинение вреда выношенному плоду является общественно опасным деянием, и «будущая жизнь» человека должна быть охраняема нормами уголовного права, а не рожденный ребенок должен считаться жертвой преступления.

В 1990 г. Великобритания приняла Хартию жертв преступлений, в которой декларируются основные принципы прав жертв преступлений. В данном нормативно-правовом акте отражены общие положения, закрепляющие права жертв преступления на правовую, медицинскую и социальную помощь (Mitin, 2011:161). В Хартии жертв преступлений большое внимание уделено базовым правовым категориям по защите жертв преступлений, которые в большинстве своем носят декларативный характер. Согласно положениям Хартии, жертва преступления может узнать, на какую помощь она может рассчитывать в случае совершения преступления, а также какие службы и в каком объеме обязаны оказывать помощь жертве преступления. Также в Хартии жертв преступлений отражены последние изменения в судебной практике и законодательстве, которые затрагивают вопросы социальной помощи и обеспечения безопасности для пострадавших от преступлений (Mitin, 2011:161).

Заключение

Вопросы, исследованные выше, позволяют сделать вывод о том, что в Великобритании и США правовая защита жертв преступлений является одним из приоритетных направлений политики. В этой связи правительство США проводит политику, направленную на развитие общественных организаций, а также на развитие материально-правовой и процессуальной защиты жертв преступлений. Компенсация вреда, назначение программ реабилитации входит в компетенцию судов Великобритании и США. Поэтому правовая защита жертв преступлений в указанных странах стала национальной идеей.

Только политический курс, направленный на фундаментальное и комплексное развитие защиты потерпевших от преступлений, позволит улучшить правовой статус потерпевшего. Для этого необходимо, чтобы Правительство Российской Федерации, совместно с министерствами и ведомствами, разработало федеральную программу, направленную на комплексное улучшение прав потерпевших от преступлений. Данная программа должна содержать основные положения о развитии правового статуса потерпевшего, об улучшении медицинской и социальной помощи и т.д. Одним из ключевых положений такой федеральной программы должно быть финансовое обоснование и разработанные, строго определенные механизмы контроля за исполнением федеральной программы и расходованием средств, полученных на реализацию данной программы. Очевидно, что в Российской Федерации нет таких финансовых ресурсов, которые есть в США и странах западной Европы для реализации различных программ помощи жертвам преступлений. В этой связи система финансирования фонда жертв преступления, функционирующая в США, представляет несомненный интерес для рецепции доктрины в правовую систему Российской Федерации.

Однако несмотря на отсутствие необходимого объема финансовых ресурсов последовательный политический курс, направленный на развитие прав потерпевших в Российской Федерации, позволит постепенно комплексно улучшить правовой статус потерпевших от преступлений. Таким образом, рецепция доктринальной позиции по проведению политики защиты прав потерпевших является одним из основных элементов, который может воспринять Российская Федерация из стран англо-американской правовой семьи, в частности из США.

Развитые государства, такие, как США и Великобритания, выделяют значительные денежные средства на оказание помощи жертвам преступлений. Кроме того, в рассматриваемых зарубежных странах существует большое количество общественных организаций, которые оказывают социальную и психологическую помощь наряду с государственными организациями. В некоторых случаях общественные организации оказывают также финансовую помощь. Ввиду изложенного основной проблемой для защиты прав потерпевших в Российской Федерации является прежде всего признание ответственности государства за неспособность осуществления функции охраны правопорядка. Данная ответственность должна быть закреплена в нормативно-правовых актах, регулирующих порядок компенсации вреда жертвам преступлений, а также оказания иной помощи. Учитывая стабильно высокий уровень преступности в Российской Федерации, компенсационные выплаты могут достигать очень больших размеров. Ввиду этого государство, взяв на себя обязательства по выплате компенсаций, должно формировать специальный фонд, а также разрабатывать фундаментальную нормативно-правовую базу, регулиующую

порядок компенсационных выплат. Без экономического исследования сложно определить размер необходимого финансирования, который будет достаточен для осуществления компенсационных выплат потерпевшим в полном объеме. Однако из цифр статистики, приведенных выше, можно предположить, что суммы, которые должны подлежать компенсации, будут превышать несколько сотен миллиардов рублей. Система финансирования фонда жертв преступлений в США, функционирующая посредством финансовых поступлений из административных штрафов и денежных сумм, взысканных государством с преступников в порядке регресса, вполне может быть реципирована в правовую систему России с учетом правовых, исторических и экономических особенностей Российской Федерации.

Решение проблем защиты прав потерпевших от преступлений возможно, если решать эту проблему постепенно, с учетом опыта зарубежных стран и историко-социального развития Российской Федерации. На наш взгляд, первостепенной задачей является создание нормативно-правовой базы, которая позволит осуществлять компенсационные выплаты в строго определенных случаях в отношении определенной категории потерпевших от преступлений. В первую очередь необходимо закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации обязанность государства компенсировать потерпевшему причиненный преступлением вред. С этой целью целесообразно изменить название ст. 104.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также добавить в указанную статью часть 3. Название ст. 104.3. изменить с «Возмещение причиненного ущерба» на «Причинение причиненного ущерба и компенсация вреда». Часть 3 указанной статьи можно изложить следующим образом: «Государство обязано компенсировать потерпевшему вред, причиненный совершенным преступлением, а выплаченная компенсация взыскивается в порядке регресса с лица, виновного в совершении преступления».

Далее, постепенно развивая нормативно-правовую базу и увеличивая финансирование фондов компенсационных выплат потерпевшим от преступлений, можно расширить круг потерпевших, которым может выплачиваться компенсация, а также можно постепенно расширить категории услуг, которые должны оплачиваться государством в случае причинения вреда здоровью потерпевшему в результате совершенного преступления. Такими услугами могут быть финансирование социальной реабилитации, оплата переобучения, получение нового образования и т.д. По нашему мнению, только постепенный процесс формирования института защиты прав потерпевших от преступлений позволит в будущем достичь Российской Федерации международных стандартов в этой области.

Исследованные вопросы судебной защиты жертв преступлений в зарубежных странах позволяют сделать вывод о возможности рецепции некоторых доктринальных и законодательных положений из законодательства зарубежных стран в Российскую Федерацию.

В целом, Порядок компенсации за вред, причиненный преступлениями, является фундаментальным нормативно-правовым актом, регулирующим выплату компенсации вреда жертвам преступлений. Юрико-технические характеристики рассматриваемого нормативно-правового акта также соответствуют высоким международным стандартам.

Позитивный опыт защиты жертв преступлений в Великобритании вполне может быть имплементированным в российскую правовую систему. В этой связи государственная компенсация вреда жертвам преступлений в Великобритании

представляет особенный интерес и актуальность для отечественной правовой науки. Таким образом, полагаю, что концепция государственной компенсации вреда потерпевшим от преступлений может быть воспринята в российской правовой системе.

References / Список литературы

- Antkowiak, T. (2002) Truth as right and remedy in international human rights experience. *Michigan Journal of International Law*. 23(4), 977–1013.
- Arrigo, B.A. (ed.). (2014) *Encyclopedia of Criminal Justice Ethics*. Sage Publications.
- Ashworth, A. (2005) *Sentencing and Criminal Justice*. Fourth edition. Cambridge, Cambridge University Press.
- Burdett-Smith, P. (1999) Criminal injury compensation: from B to A. *Journal of accident & emergency medicine*. 16(1), 43–47. <https://doi.org/10.1136/emj.16.1.43>
- Dearing, A. (2017) *Justice for victims of crime: human dignity as the foundation of criminal justice in Europe*. Springer Cham, Springer International Publishing Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-45048-3>
- Doerner, W.G. & Lab, S.P. (2011) *Victimology*. 6th Edition. Anderson Publ.
- Goodey, J. (2004) *Victims and Victimology: research, policy and practice (Harlow, Pearson Longman)*. Pearson Education Canada.
- Hale, C. (1996) Fear of Crime: A Review of the Literature. *International Review of Victimology*. 4(2), 79–150. <https://doi.org/10.1177/026975809600400201>
- Hall, D. J. (1991) Victims' voices in criminal court: The need for restraint. *American Criminal Law Review*. (28), 233–266.
- Hillenbrand, S. & Smith, B.E. (2008) Victim rights legislation: an assessment of its impact on criminal justice practitioners and victims. London Press.
- Kvashis, V.E. & Vavilova, L.V. (1996) *Foreign legislation and practice of protecting victims of crimes* Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (in Russian).
Квашис В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. Москва, М.: ВНИИ МВД РФ, 1996. 124 с.
- Kozochkin, I.D. (2009) Protection of rights of injured (crime victims) in the USA. *Journal of Russian Law*. 8(152), 99–109. (in Russian).
Козочкин И.Д. Защита прав потерпевших (жертв преступления) в США // Журнал российского права. 2009. № 8(152). С. 99–109.
- Lacey, N. & Pickard, H. (2015) To Blame or to Forgive? Reconciling punishment and forgiveness in criminal justice. *Oxford Journal of Legal Studies*. 35(4), 665–696. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqv012>
- Livingstone, S.W. & Doak, J (2000) *Human rights and criminal justice: a report to the Criminal Justice Review Commission*. London, HMSO.
- Löffelmann, M. (2006) The victim in criminal proceedings: a systematic portrayal of victim protection under German criminal Procedure law. Режим доступа: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No70/No70_07VE_Loffelmann2.pdf (дата обращения: 17.03.2023).
- Manikis, M. (2013) A comparative overview of victims' rights, enforcement mechanisms, and redress in England and Wales and the American Federal jurisdiction. *Victims of Crime Research Digest*. (6). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2869304>
- Miers, D. (1990) *Compensation for Criminal Injuries*. London, Butterworths.
- Mitin, M.A. (2011) The right of victims of violent crimes to state compensation in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland: history, current situation and development prospects. *Zakon*. (6), 160–167. (in Russian).

Митин М.А. Право жертв насильственных преступлений на государственные компенсации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: история, текущее положение и перспективы развития // Закон. 2011. № 6. С. 160–167.

Nikiforov, B.S. (2010) *Favorites*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).

Нукифоров Б.С. Избранное. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 224 с.

Rothe, D. & Kauzlarich, D. (eds). (2017) *Towards a victimology of state crime*. Routledge.

Robinson, G. & McNeill, F. (eds.). (2015) *Community Punishment: European perspectives*. 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315768489>

Scott, D. (2013) *Why Prison?*, Cambridge, Cambridge University Press.

Hester, M. (2006). Making it through the criminal justice system: attrition and domestic violence. *Social Policy and Society*. 5(1), 79–90. <https://doi.org/10.1017/S1474746405002769>

Сведения об авторе:

Андрусенко Сергей Павлович – преподаватель кафедры публичного права, Государственный университет по землеустройству; Российская Федерация, 105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15

ORCID ID: 0000-0002-8370-8543

e-mail: lawyer.cardio@mail.ru

About the author:

Sergey P. Andrusenko – Lecturer of the Department of Public Law, State University of Land Use Planning; 15 Kazakov str., Moscow, 105064, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8370-8543

e-mail: lawyer.cardio@mail.ru

ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

JUSTICE IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1043-1064>

EDN: LYJSXS

Научная статья / Research Article

Неравенство в переговорах: способы его преодоления в международном торговом праве и в международном частном праве

О.В. Фонотова , Л.Е. Беляева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Российская Федерация

Olga.Fonotova@gmail.com

Аннотация. Основным постулатом договорного права служит свобода договора, включающая свободу ведения переговоров и автономию воли сторон. Однако практика и доктрина свидетельствуют, что множество заключаемых международных коммерческих контрактов формируется в условиях фактического неравенства контрагентов. Настоящая работа – первый опыт комплексного осмысления проблемы трансграничного неравенства переговорных возможностей коммерсантов. Цель исследования – систематизировать и критически оценить эффективность правовых условий, сформулированных в унифицированных актах международного торгового права и международного частного права, для преодоления неравенства контрагентов на преддоговорной стадии. Исследование выполнено с опорой на логический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Результаты и выводы. Набор правовых средств разрешения проблемы неравного положения договаривающихся сторон представлен комплексом взаимодополняющих сфер унифицированного нормативного регулирования – материальной и коллизионной. Универсальное конвенционное регулирование преддоговорного этапа в праве не выработано. Рекомендательные акты материально-правовой унификации торгового права закрепляют развитые модели регламентации поведения сторон в трансграничных переговорах. Основным правовым средством для достижения баланса положения контрагентов служит институт преддоговорной ответственности, основанный на принципе добросовестности. В европейском и в российском праве коллизионный вопрос решается путем комбинации нормативно закрепленной внедоговорной квалификации преддоговорных отношений и комплексного характера регулирования, предусматривающего последовательное использование договорной и деликтной привязок. В условиях неравенства коллизионные нормы должны предусматривать справедливое разрешение ситуаций, в которых выбор применимого права не является действительно в равной степени свободным для каждого контрагента, в том числе допускать отклонения от принципа автономии воли. В отсутствие выбора

© Фонотова О.В., Беляева Л.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

применимого права перечень критериев для установления наиболее тесной связи преддоговорных правоотношений с компетентным правопорядком следует расширить: так, суд должен иметь возможность учитывать право места исполнения будущих договорных обязательств и право, регулирующее другие связанные договоры.

Ключевые слова: неравенство, международный коммерческий договор, трансграничные преддоговорные отношения, переговоры о заключении договора, автономия воли, слабая сторона, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Регламент Рим II

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Фонотова О.В. – концепция и структура исследования, поиск научной литературы, анализ полученных данных, написание текста, перевод на английский язык; Беляева Л.Е. – сбор и обработка материалов, поиск научной литературы и судебной практики, анализ полученных данных, написание текста, работа с библиографическим списком и сносками.

Благодарности: В данной научной работе использованы результаты стратегического проекта «Правовые механизмы преодоления неравенства», выполненного в рамках проектной научно-исследовательской деятельности факультета права НИУ ВШЭ в 2022–2023 учебном году; Исследование выполнено при поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию: 22 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Фонотова О.В., Беляева Л.Е. Неравенство в переговорах: способы его преодоления в международном торговом праве и в международном частном праве // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1043–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1043-1064>

Bargaining inequality: ways to overcome it in international commercial law and in private international law

Olga V. Fonotova , **Lidiya E. Belyaeva**

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation
 Olga.Fonotova@gmail.com

Abstract. The basic tenet of contract law is freedom of contract, including the freedom to negotiate and the autonomy of the will of the parties. However, practice and doctrine show that many international commercial contracts are formed in conditions of actual inequality of counterparties. The present work is the first comprehensive study of the problem of cross-border bargaining inequality among professional merchants. The aim of the study is to systematize and critically evaluate the effectiveness of legal conditions formulated in the unified acts of international commercial law and private international law to overcome inequality of counterparties at the pre-contractual stage. The study is based on logical, formal-legal and comparative-legal methods. The results and conclusions may be formulated as follows: (1) The set of legal means to resolve the problem of unequal position of the contracting parties is represented by a complex of complementary spheres of unified normative regulation – substantive norms and conflict-of-law norms. (2) Universal conventional legal regulation of the pre-contractual stage has not been developed. (3) Recommendatory acts of substantive unification of commercial law enshrine developed models of regulation of the parties’ conduct in cross-border negotiations. The main legal means to balance the position of the counterparties is the institution of the pre-contractual liability based on the principle of good faith. (4) Both in European law and in Russian law, the conflict-of-law issue is resolved through a combination of non-contractual qualification of the pre-contractual relations and the complex nature of regulation involving the consecutive use of contractual and tort-based connecting factors. (4) Where there is inequality, conflict-of-laws must provide for an equitable solution to situations where the choice of law applicable to each of the contracting parties is not truly free, including permitting a deviation from the

principle of autonomy of will. (5) In the absence of parties' choice of applicable law, the list of criteria for establishing the closest connection between the pre-contractual legal relation and the competent legal order should be expanded: the court should be able to consider the law of the future contractual obligations' place of performance and the law governing other related contracts.

Key words: inequality; international commercial contract; cross-border pre-contractual relations; contract negotiation; autonomy of will; weaker party; UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods 1980; UNIDROIT Principles; Principles of European Contract Law; Rome II Regulation

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Fonotova O.V. – concept and structure of the study, search of scientific literature, analysis of the data obtained, writing the text, translation into English; Belyaeva L.E. – collecting and processing materials, searching scientific literature and judicial practice, analyzing the data obtained, writing text, working with bibliographies and footnotes.

Gratitude: This research paper uses the results of the strategic project "Legal Mechanisms to Overcome Inequality", implemented as part of the project research activities of the HSE Faculty of Law in the academic year 2022 – 2023; The study was carried out with the support of SPS ConsultantPlus.

Received: 22nd March 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Fonotova, O.V., Belyaeva, L.E. (2023) Bargaining inequality: ways to overcome it in international commercial law and in private international law. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1043–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1043-1064>

Введение

В регулировании частных коммерческих отношений повсеместно господствует принцип свободы договора, при этом презюмируется юридическое равенство сторон¹. Международное торговое право (МТП) в гораздо большей степени, нежели внутренний правопорядок, основывается на этом подходе, опираясь в том числе на фундаментальную концепцию автономии воли контрагентов. Следуя этой логике, в трансграничных договоренностях и при разрешении международных коммерческих споров данные принципы должны соблюдаться особенно тщательно (Grebelsky, 2021).

Однако в условиях усиления экономического неравенства, распространения практики создания стандартизированных договорных проформ более влиятельными участниками глобального рынка и информационной асимметрии, что отягчается геополитическими сдвигами, социальными потрясениями и финансовыми кризисами, юридическое равенство контрагентов из разных стран разбивается об их фактическое имущественное, политическое и, как следствие, – переговорное неравенство.

Когда отношения сторон выходят за пределы одной юрисдикции, состояние неравенства и его последствия усугубляются. Это обусловлено столкновением в трансграничных коммерческих отношениях сразу нескольких правопорядков и тем, что правовое регулирование в таких юрисдикциях может быть крайне неоднородным. Если во внутренних предпринимательских отношениях переговорные возможности оказываются существенно разбалансированными, идея фактического неравенства служит весомым обоснованием, с одной стороны, для «подразумеваемого» включения некоторых обязательных условий в договор в силу прямого указания закона или,

¹ Подробнее о свободе договора и об автономии воли в договорных отношениях см., напр.: (Karapetov & Saveliev, 2012).

с другой стороны, поводом не придавать обязательную юридическую силу тому или иному договорному положению по решению суда. Во внутреннем обороте такая защита служит хорошим подспорьем переговорщикам, позиции которых ослаблены². Для трансграничной коммерческой сделки такое правило будет действовать далеко не всегда, поскольку применимый правопорядок часто не бывает заранее определен, а в применимом праве, установленном впоследствии судом, не всегда слабая сторона получит желаемую поддержку.

Неравенство сторон будущего договора особенно ярко проявляется на преддоговорной стадии отношений. От того, в какой мере участник переговоров сможет добиться отражения собственной позиции в договоре, во многом зависит положение контрагентов в ходе исполнения договорных обязательств. В ситуации неравных возможностей переговорный этап является главным источником проблем на всем пути реализации заложенных в контракт положений.

Подбор правовых средств с целью обеспечить баланс в ситуации неравенства договаривающихся сторон, когда скрепляющий коммерсантов договор еще отсутствует, является очень непростой задачей. Некоторые исследователи полагают, что в договорном праве в принципе отсутствуют механизмы, позволяющие решить проблему неравенства (Carrigan, 2013). Более того, отдельные авторы убеждены, что договорное право не только отражает, но и усиливает неравенство (Gava, 2013). Чаще же всего проблема неравенства в трансграничных деловых переговорах не исследуется вовсе³. Мы предполагаем, что в комплексе положения унифицированных актов МТП и международного частного права (МЧП) созданы, чтобы служить стержнем для обеспечения равного положения участников трансграничного делового оборота. Цель нашей работы – систематизировать и критически оценить эффективность правовых условий, сформулированных в таких актах, для преодоления неравенства контрагентов на преддоговорной стадии.

Преддоговорная ответственность как правовое средство обеспечения баланса в переговорах

В МТП понятия «неравенство», «неравные переговорные возможности» или «слабая сторона договора» нормативно не определены. Самостоятельная доктрина неравенства контрагентов в науке МТП не представлена. Концепция неравных переговорных возможностей применительно к отношениям между предпринимателями не развита также и на уровне национального договорного права, например, ее нет в договорном праве Англии и Уэльса (McKendrick, 2019:334–335). Следует обратить внимание, что, вероятно, именно в силу слабой доктринальной проработки указанной тематики сколь-либо значимая судебная практика, касающаяся непосредственно проблем переговорного неравенства в трансграничных правоотношениях, не сформирована. Наука (а вслед за ней и правоприменительная практика) преимущественно обращается к связанным с неравенством ситуациям через призму общих частноправовых категорий добросовестности и справедливости, характерных для отдельных

² Категория «слабой стороны» договора, в том числе в сравнительно-правовом контексте, весьма емко и убедительно представлена в современной отечественной доктрине (см., напр.: Volos & Volos, 2019). В настоящей работе мы опираемся на результаты данного и ряда иных трудов и не ставим себе задачу углубиться в изучение указанного правового феномена.

³ Например, ключевые диссертационные исследования отечественных ученых, посвященные доктринальному осмыслению трансграничных преддоговорных отношений, не затрагивают непосредственно проблему неравенства в переговорах (см.: Stepanisheva, 2015; Muratova, 2015).

правовых систем, при этом лидирующее место в данном вопросе занимает концепция преддоговорной ответственности.

Переговоры, предшествующие заключению основного договора между предпринимателями, имеют не всегда очевидные для будущих контрагентов правовые контуры и сопряжены с определенными юридическими последствиями. В силу принципа свободы договора предполагается, что разумные участники гражданско-правовых отношений должны прикладывать усилия к оценке относящихся к договору обстоятельств и нести риски, связанные с недостаточным проявлением активности в ходе согласования условий сделки. При этом стороны вправе преследовать собственные интересы при раскрытии друг другу информации в той степени, в которой они не совершают обман или не вводят контрагента в заблуждение.

Преддоговорный этап характеризуется набором проблем, вытекающих из несбалансированности позиций переговорщиков. В ситуации неравенства разумные ожидания стороны могут оказаться не соответствующими действительности, что приводит к заключению невыгодного для нее договора. При переходе к согласованию существенных условий сделки искажение или умалчивание значимых сведений о предмете договора ставит сторону в неравное положение с ее контрагентом. Возможности одного из участников могут позволить ему необоснованно прервать переговоры и вступить в договорные отношения с другим лицом, в то время как более слабый контрагент, с которым прекратили деловые отношения, мог затратить значительные средства и иные ресурсы на согласование сделки.

Ограничения принципа свободы договора, в частности свободы ведения переговоров, корректируют последствия отмеченных выше проявлений неравенства.

Комплекс норм, обязывающих стороны учитывать интересы друг друга в процессе делового сотрудничества, обычно соотносится с институтом преддоговорной ответственности. Концепция *culpa in contrahendo* (от лат. вина при переговорах) была разработана в XIX в. в германской доктрине (Ihering, 2013), а в настоящее время основанные на ней нормы преддоговорной ответственности имплементированы многими правовыми порядками. Что не менее значимо, такие нормы закреплены в актах нового *lex mercatoria*, составляющих ядро МТП.

Преддоговорная ответственность основывается на нарушении возникающей из закона поведенческой обязанности по добросовестному ведению переговоров. Она имеет самостоятельный характер и не связана с предметом договора (Gnitsevich, 2009:24). Мазур О.В. на основе анализа зарубежной литературы и практики стран континентальной правовой системы объединяет преддоговорные обязанности в две основные группы, связанные с содержанием требования добросовестного поведения в переговорах: обязанность последовательного поведения, не вводящего в заблуждение другого участника переговоров (*duty of consistency*), и обязанность действовать открыто, предоставлять или раскрывать информацию (*duty of transparency / duty of disclosure*); со второй группой в зарубежной доктрине также связывают запрет на извлечение из сделки необоснованных преимуществ в связи с неопытностью или невнимательностью контрагента) (Mazur, 2012:198). Первая обозначенная группа обязанностей и корреспондирующих им прав в рамках института преддоговорной ответственности призвана обеспечить динамику преддоговорных контактов, а вторая – в большей степени сориентирована на создание условий для принятия обоснованного и логичного решения заключить договор, на предотвращение негативных последствий неравенства переговорных возможностей (Boyarskiy, 2022:149).

При реализации института преддоговорной ответственности риск негативных имущественных последствий переносится на недобросовестную сторону, которая должна возместить контрагенту издержки, выплатив убытки. Такой механизм позволяет восстановить утраченный баланс в отношениях переговорщиков.

Регулирование преддоговорных отношений в унифицированных актах МТП

В международных коммерческих отношениях стандарты поведения контрагентов варьируются в зависимости от сферы бизнеса и зачастую отличаются от аналогичных национальных стандартов⁴. Примечательно, что концепция *culpa in contrahendo* для целей международного оборота обособляется в международных нормативных актах⁵ в самостоятельный правовой институт, и ее толкование в таком качестве не обязательно должно производиться в значении какого-либо национального законодательства, но может осуществляться независимо от внутренних правовых норм.

Основополагающий международный нормативный правовой акт, который содержит некоторые ориентиры для правового регулирования преддоговорной стадии в трансграничных коммерческих отношениях, является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Конвенция, Венская конвенция)⁶. Статья 7 Конвенции закрепляет принцип добросовестности в международной торговле, который широко применяется на практике (Муратова, 2019). Ряд статей этого документа (ст. 14–24) посвящен порядку заключения международного коммерческого договора: квалификации, вступлению договора в силу, направлению и отзыву оферты и акцепта, ответу на оферту, последствиям несоблюдения установленных сроков и т.д. При этом прямых упоминаний о преддоговорных отношениях текст Конвенции не содержит. В соответствии со ст. 7 вопросы, которые относятся к предмету конвенционного регулирования, но при этом прямо в документе не отражены, должны быть разрешены либо в соответствии с общими принципами, на которых Конвенция основана, либо, в отсутствие таковых, – в соответствии с правом, которое будет применимо согласно нормам МЧП.

Как констатируют исследователи (Guillemard, 1994:55), профессиональные участники рынка на преддоговорной стадии редко заключают юридически обязывающие соглашения о намерениях, соглашения о порядке ведения переговоров, оставляя тем самым урегулирование будущих противоречий на усмотрение судов и международных коммерческих арбитражей. Таким образом, если стороны не договорились об ином, большинство вопросов в рамках преддоговорных отношений и преддоговорной ответственности подлежит разрешению в соответствии с нормами применимого национального правопорядка. Видится, что такой подход может оказаться неподходящим для защиты слабой стороны переговоров хотя бы потому, что ни один

⁴ Art. 1.7. of the UNIDROIT Principles. Comment 3. Режим доступа: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

⁵ Например, такое указание дает Регламент Европейского союза № 864/2007 «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II), о котором мы подробнее поговорим далее.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (принята в г. Вене, Австрия, на Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров 11 апреля 1980 г.). Российская Федерация является участницей Конвенции как правопреемник СССР. Здесь и далее источник опубликования российских нормативно-правовых актов и судебных актов // СПС «КонсультантПлюс».

национальный правопорядок самостоятельно не способен в достаточной степени учесть особый характер трансграничных торговых связей.

Несмотря на указанную общую формулу Венской конвенции и отсылку к национальному праву, следует отметить, что ее положения в определенных обстоятельствах должны непосредственно быть приняты во внимание судьями и арбитрами в спорах, вытекающих из ведения переговоров о заключении договора. Так, ст. 16 Конвенции выделяет случаи, когда отзыв оферты невозможен. По смыслу данного нормативного акта за нарушение указанной нормы наступает договорная ответственность за неисполнение обязанностей по договору (Moura Dário, 2003:708). Аналогичным образом в случае, когда на преддоговорной стадии покупатель не знал и не мог знать о том, что товар не соответствует договору, продавец будет нести ответственность не по правилам национальных правопорядков о преддоговорной ответственности, а за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору (ст. 35 Конвенции).

Важно напомнить, что, несмотря на кажущийся широкий географический охват Венской конвенции⁷, остаются значимые для современного делового оборота страны, такие как Великобритания, Индия, Катар, Саудовская Аравия, Казахстан, Пакистан, ЮАР, которые не присоединились к ней. В связи с этим значение Конвенции может быть сведено к нулю для правоотношений с контрагентами из таких юрисдикций, если только договаривающиеся стороны прямо не согласуют ее применение. Более того, рассматриваемый акт посвящен исключительно договорам купли-продажи товаров, что также в некоторой степени сужает сферу его применения.

Для целей упорядочения трансграничного оборота, более точного отражения и более широкого охвата видов и этапов договорных отношений, включая стадию переговоров, авторитетные международные и региональные организации и научные центры разработали специальные унифицированные акты «мягкого права», относимые также к новому *lex mercatoria*. Речь идет о результатах частноправовой унификации, нашедших отражение в уже завоевавших признание деловых кругов, судов и арбитражей Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)⁸, и более академических, но занимающих прочные позиции в законодательном плане Принципах европейского договорного права⁹ (ПЕДП)¹⁰. Кроме того, стоит назвать менее распространенные на практике, но представляющие несомненный исследовательский интерес Модельные правила европейского частного права (Модельные правила)¹¹, Принципы СЕНТРАЛ¹², проект Единогообразного акта об общем коммерческом праве для стран, входящих в Организацию по гармонизации

⁷ По состоянию на 15 июня 2023 г. участницами Венской конвенции являются 95 стран. Режим доступа: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 23.02.2023).

⁸ UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (UPICC). В настоящее время документ действует в редакции 2016 г. Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁹ Principles of European Contract Law (PECL). Режим доступа: https://www.trans-lex.org/400200/_pecl/ (дата обращения: 23.02.2023).

¹⁰ Данные и некоторые другие источники современного *lex mercatoria* опубликованы в удобном для восприятия формате: в оригинальной редакции на английском языке, сопровождаемой параллельным переводом на русский язык, кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. См.: (Puginskiy & Amirov, 2023).

¹¹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law (Draft Common Frame of Reference). Режим доступа: https://www.trans-lex.org/400725/_outline-edition-/ (дата обращения: 23.02.2023).

¹² Свод принципов, правил и норм *lex mercatoria* СЕНТРАЛ (перевод на русский язык). См.: (Puginskiy & Amirov, 2023:145–177).

коммерческого права в Африке (OHADA) 2011 г.¹³, проект Принципов международных коммерческих контрактов для стран, входящих в Организацию по гармонизации предпринимательского права в странах Карибского бассейна (OHADAC) 2015 г.¹⁴ Следует заметить, что Принципам УНИДРУА уделяется значительно больше внимания как в литературе, так и в юридической практике. Думается, это во многом связано с тем, что ПЕДП, как и европейские Модельные правила, несмотря на свою универсальность, создавались для унификации *европейского* договорного (частного) права, и поэтому воспринимаются как инструменты регулирования региональных отношений в рамках европейского континента. Прочие указанные выше акты слабо представлены в отечественной доктрине, и перспективы их влияния на трансграничные отношения с участием российских предпринимателей еще предстоит осмыслить. Мы остановимся на наиболее известных в России актах: Принципах УНИДРУА, ПЕДП и Модельных правилах.

Принцип добросовестности закреплен в каждом из указанных трех рекомендательных документов. Согласно ст. 1:201 ПЕДП каждая сторона, вступающая в отношения международной торговли, должна действовать в соответствии с принципом добросовестности и честной деловой практики. Источником такой обязанности в Принципах УНИДРУА является ст. 1.7, а в Модельных правилах – ст. I.–1:103 (причем в этой норме дается также определение добросовестности и честной деловой практики).

Последовательно раскрывая обязанность действовать добросовестно, акты унификации устанавливают ответственность за недобросовестность в переговорах (например, ст. 2:301 ПЕДП; ст. 2.1.15 (2) Принципов УНИДРУА; ст. II.–3:301(2) Модельных правил). Статьи 2:301, 2:302 ПЕДП, статьи 2.1.15 (3), 2.1.16 Принципов УНИДРУА, ст. II.–3:301 (3;4), II.–3:302 Модельных правил выделяют виды недобросовестного поведения, за которые наступает ответственность в виде возмещения убытков: это вступление в переговоры без фактического намерения достичь соглашения с контрагентом; неправомерное прерывание переговоров; разглашение или недобросовестное использование информации, которая в ходе переговоров преподносится стороне как конфиденциальная.

Статьи 3.2.2, 3.2.5, 3.2.7 Принципов УНИДРУА описывают основания для оспаривания договора. В качестве таковых названы существенное заблуждение (*mistake*), обман (*fraud*), существенное неравновесие (*gross disparity*). Вне зависимости от того, был ли договор оспорен, сторона, которая знала или должна была знать об этих основаниях, обязана возместить убытки, возникшие у контрагента вследствие недобросовестного поведения (ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА). Согласно статьям 4:106 и 4:107 ПЕДП об обмане ответственность возлагается на сторону, склонившую контрагента к заключению договора путем введения в заблуждение или намеренного сокрытия информации.

Более подробное регулирование информационных обязательств содержат Модельные правила. Статьями II.–3:301 – II.–3:109 регулируется порядок исполнения участниками оборота отдельных информационных обязанностей на преддоговорном этапе (например, обязанности по раскрытию информации о товарах, ином имуществе, услугах; обязанности по предоставлению соответствующей информации при

¹³ General commercial law. Режим доступа: <https://www.ohada.org/en/general-commercial-law/> (дата обращения: 23.02.2023).

¹⁴ OHADAC Principles on international commercial contracts. Режим доступа: <https://www.ohadac.com/textes/2/ohadac-principles-on-international-commercial-contracts.html> (дата обращения: 23.02.2023).

дистанционном заключении договора и т.д.). Ст. II.–7:204 возлагает ответственность в виде возмещения убытков на сторону, которая в процессе переговоров предоставила контрагенту неверную информацию, (а) предполагая, что такая информация была неверной / не имея разумных оснований считать ее верной, (б) зная или разумно полагая, что получатель будет учитывать эти сведения при принятии решения заключить договор. В ст. II.–7:205 определены критерии раскрытия информации. Например, участникам оборота надлежит учитывать компетентность контрагента в данной области, оценивать его затраты на получение необходимой информации, а также наличие у него иных способов получения подобных сведений, осознавать важность такой информации для контрагента, которая очевидна для договаривающейся стороны.

Многие национальные кодексы частного права заимствовали правила о переговорах, содержащиеся в Принципах УНИДРУА. В результате такой миграции норм из МТП в национальное гражданское право стандарты регулирования из международной среды перетекают в более широкий круг внутренних частных отношений. Например, в Гражданский кодекс Литвы инкорпорировано положение о том, что переговоры необходимо вести в соответствии с принципом добросовестности¹⁵, аналогичное ст. 2.1.15 Принципов УНИДРУА. Примечательно, что, разрешая спор между двумя литовскими строительными компаниями, одна из которых прервала переговоры непосредственно перед подписанием контракта, местный суд сослался не только на норму кодекса, но и на соответствующую статью Принципов УНИДРУА и комментарии к ней¹⁶. Такой подход демонстрирует универсальность данного документа, его важнейшее значение и эффективность в том числе для внутренних договорных отношений коммерсантов.

Известны случаи, когда суды опираются на Принципы УНИДРУА, чтобы восполнить пробелы национального законодательства и несовершенство судебной практики по вопросам переговорных обязательств. В 2008 г. (то есть до того, как в российский Гражданский кодекс был введен принцип добросовестности) Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (МКАС при ТПП РФ) отказал в удовлетворении иска российского ОАО «Газпром» к молдавскому АО «Молдовагаз» о взыскании долга по договору поставки газа. Среди прочего арбитраж указал на то, что принцип добросовестности и добросовестного ведения дел, определяемый в международных коммерческих отношениях как основополагающий принцип (здесь МКАС при ТПП РФ сослался на пункты 1–3 Комментариев к ст. 1.7 Принципов УНИДРУА), должен быть распространен на поведение сторон на всем протяжении их отношений, начиная с переговоров по заключению контракта и заканчивая стадией урегулирования разногласий, возникающих при исполнении контракта, т.е. досудебной стадией¹⁷.

Как известно, в качестве применимого права в общем объеме международных коммерческих контрактов Принципы УНИДРУА фигурируют крайне редко (только в 0,6 проценте дел) (Schwenzer, 2016:67). Гораздо более распространенной является тактика, когда, обращаясь в арбитраж, стороны просят арбитров наряду с нормами национального права учесть соответствующие авторитетные международные акты.

¹⁵ Civil Code of the Republic of Lithuania. Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495> (дата обращения: 24.02.2023).

¹⁶ Supreme Court of Lithuania 3K-3-38/19-01-2005. UAB “Vingio kino teatras” v. UAB “Eika”. Режим доступа: <http://www.unilex.info/principles/case/1181> (дата обращения: 24.02.2023).

¹⁷ МКАС при ТПП РФ. Решение от 08 февраля 2008 г. №18/2007.

Например, в 1996 г. Международный арбитражный суд при Международной торговой палате (ICC International Court of Arbitration) рассматривал спор между поставщиком телевизионного оборудования из США и производителем телекоммуникационных кабелей с Ближнего Востока¹⁸. Стороны заключили предварительное тендерное соглашение, предписывающее вести переговоры о заключении договора поставки кабелей добросовестно, в случае если заявка поставщика на позицию генерального подрядчика для реализации проекта расширения телекоммуникаций будет удовлетворена. О применимом праве стороны не договорились. После череды бесплодных попыток прийти к консенсусу истец решил расторгнуть предварительное соглашение. Ответчик в числе прочих требований просил состав арбитража принять во внимание основные начала права международных коммерческих контрактов, закрепленные в Принципах УНИДРУА. Состав арбитража поддержал данное обращение и, сославшись, в частности, на статьи 1.1., 1.3, 2.1.15 Принципов УНИДРУА, обязал стороны возвратиться к переговорному процессу и добиться результата в соответствии с параметрами, установленными в предварительном соглашении сторон.

Унифицированные акты «мягкого» МТП содержат примеры наиболее предпочтительных деловых практик. Однако они остаются документами рекомендательного характера, и их юридический эффект во многом зависит от воли контрагентов. По общему правилу положения таких актов не связывают ни стороны международных коммерческих отношений (до тех пор, пока те сами не договорились об этом), ни рассматривающие спор форумы.

Регулирование преддоговорных отношений в унифицированных актах МЧП

Несмотря на необходимость в гармонизации частноправовых трансграничных отношений, в МЧП по-прежнему господствует сильная тенденция их «национализации»: участникам оборота выгодно, чтобы их отношения подчинялись какому-то конкретному правопорядку (Bonell, 2018:17). Это удобно и судьям: с точки зрения обычного судьи, договор или контрактное нарушение в первую очередь охватывается регулированием определенной правовой системы (Novoselova & Lomakina, 2014).

В условиях неполноты материально-правового регулирования и отсутствия всеобъемлющего конвенционального регулирования коллизионные нормы «могут иметь значение в борьбе с неравенством» (Michaels & Ruiz Abou-Nigm, 2021:320). В судебной и арбитражной практике разрешения международных коммерческих споров коллизионному методу по-прежнему отдается больше предпочтения (Getman-Pavlova, 2023:59) по сравнению с негосударственным материальным регулированием. Подчеркивая значимость коллизионного права для договора, зарубежные ученые отмечают: «коллизионная привязка, связывающая контракт с законодательством конкретной страны, может помочь в увеличении роста доходов и в снижении неравенства результатов, или может иметь противоположный эффект» (Michaels & Ruiz Abou-Nigm, 2021:326).

В связи с этим важно обсудить образцы международного опыта коллизионного регулирования преддоговорных отношений. Особенную роль в унификации международного коллизионного права для преддоговорного этапа сыграл вступивший в

¹⁸ ICC Arbitral Award 8540/1996. Режим доступа: <http://www.unilex.info/principles/case/644> (дата обращения: 24.02.2023).

силу в 2009 г. Регламент Европейского союза № 864/2007 «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II, Регламент)¹⁹. В нем «первые в истории международного частного права» (Zykin, Asoskov & Zhylytsov (eds.), 2021:495) было представлено решение коллизионного вопроса о праве, применимом к деловым переговорам, предшествующим заключению договора. Напомним, что данный документ предназначен для государств-членов Европейского союза, однако сформулированные в нем нормы имеют достаточно универсальный характер и могут быть использованы иными субъектами МЧП.

Сфера регулирования Регламента охватывает нарушения, не подчиненные соглашению сторон о ведении переговоров и не связанные с данными на преддоговорном этапе обещаниями (Hage-Chahine, 2012:489–490) (это уже сфера действия другого европейского регламента²⁰). Правила Рим II распространяются на ситуации, связанные с неисполнением обязанностей информировать и соблюдать конфиденциальность (*duty of disclosure*), на случаи срыва переговоров о заключении договора (*breakdown of contractual negotiations*), а также на иные варианты недобросовестного поведения, непосредственно затрагивающие ход деловых переговоров²¹. К таким иным обстоятельствам, на которые распространяется коллизионное регулирование Рим II, исследователи относят поведение сторон, влияющее на формирование условий договора в ходе переговоров и (или) формирующее у контрагента существенное заблуждение относительно условий договора, способное послужить основанием для его недействительности или направленное на то, чтобы сорвать заключение договора (Hage-Chahine, 2012:494–495).

Идея разработчиков Регламента состояла в предоставлении возможности отвлечься от разносторонних доктринальных позиций отдельных европейских стран и создать инструмент, который помогает с большей долей вероятности решить коллизионную проблему определения применимого права в преддоговорных спорах. Следуя практике Европейского суда справедливости²² и стремясь усилить правовую определенность, авторы Рим II отходят от традиционной «двухступенчатой» (Hage-Chahine, 2012:465) схемы решения коллизионной проблемы, принятой в континентальных правовых системах. Преддоговорным отношениям в Регламенте изначально дана квалификация как разновидности внедоговорных обязательств, поскольку регулирование преддоговорной ответственности помещено в раздел о внедоговорных обязательствах. Такой подход европейского законодателя позволяет правоприменителю разрешить спор более оперативно и сразу перейти к установлению применимого к правоотношениям права, не задерживаясь на проблеме квалификации.

В соответствии со ст. 12 Регламента к возникающим вследствие деловых переговоров о заключении договора внедоговорным обязательствам, что, кстати, не ставится в зависимость от того, был ли фактически заключен договор, в приоритетном

¹⁹ Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864> (дата обращения: 23.02.2023).

²⁰ Речь идет о Регламенте (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I), Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1677607481953> (дата обращения: 23.02.2023).

²¹ П. 30 Преамбулы Рим II.

²² Case C-334/00 *Fonderie Officine Meccaniche Tacconi SpA v H Wagner Sinto Maschinen-fabrik GmbH (HWS)* [2002] ECR I-7357, JCP 2003 I 152 obs G Viney, Defr 2003 no 13 obs R Libchaber. Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-334/00> (дата обращения: 23.02.2023).

порядке применяется право заключенного договора сторон (*lex contractus finalis*) или право, которое бы подлежало применению к нему, если бы договор был заключен (*lex contractus putativus*).

Как указано в ст. 3 Регламента Рим I, регулирующего договорные отношения, контрагенты обладают автономией воли в вопросе выбора права для договора. Но данный принцип позволяет более опытным (и зачастую более обеспеченным) физическим лицам и корпорациям перемещаться между правовыми системами таким образом, чтобы сохранить, консолидировать или увеличить капитал (Pistor, 2019). Поэтому следует согласиться, что широкое признание в МЧП автономии воли сторон в качестве основной коллизионной привязки влечет увеличение или, по крайней мере, поддержание уровня неравенства, но не его снижение (Michaels, & Ruiz Abou-Nigm, 2021: 327).

Если стороны не согласовали применимое право, то в зависимости от вида договора применяются специальные коллизионные правила (статьи 5–8 Рим I). В случае безрезультатности применения этих критериев считается, что договор должен регулироваться правом страны, в которой находится обычное место нахождения стороны, осуществляющей решающее для содержания договора исполнение. Когда и таким образом применимое право установить не удалось, или если произведенный таким образом выбор окажется некорректным по ряду установленных регламентом Рим I причин, используется принцип наиболее тесной связи.

В отношении вышеуказанного подхода западные правоведы высказывают вполне обоснованные сомнения с точки зрения его пригодности для обеспечения равенства позиций договаривающихся лиц. Европейский коллизионный подход подвергается критике за то, что он может слишком легко склонить баланс в пользу более сильной стороны: продавца, исполнителя и т.д. Это никак не будет способствовать снижению неравенства. В частности, такие негативные последствия может иметь тот факт, что коллизионные нормы Рим I отсылают не к месту исполнения договора, а к месту обычного нахождения стороны, осуществляющей исполнение (для предпринимателя – к основному месту ведения бизнеса, для юридического лица – к месту нахождения центрального органа управления) (Michaels, & Ruiz Abou-Nigm, 2021:329). Точкой отсчета обычно служит место нахождения лица в момент заключения договора.

В этой связи эксперты призывают к совершенствованию коллизионных норм о договорах с тем, чтобы категория «тесной связи» предусматривала также юрисдикцию, в которой происходит исполнение договора, и чтобы при этом суд учитывал мнение слабого участника спора по данному вопросу (Michaels, & Ruiz Abou-Nigm, 2021:346). Кроме того, при установлении «тесной связи» следует задействовать более широкий спектр факторов, связанных с договором, включая применимое право для других договоров (в договорной цепочке поставок, цепочке создания стоимости), право, которое обычно регулирует договорные отношения коммерсантов в данной отрасли экономики, и др. Возможность такого выбора должна быть закреплена в законодательстве. Эту логику правильно было бы распространить и на преддоговорные отношения.

Справедливо будет обратить внимание, что разработчики европейского законодательства, конечно, в определенной степени стремились учесть интересы менее защищенных участников договорных (а – следовательно – и преддоговорных) отношений, определив следующее: «что касается договоров, заключенных со сторонами,

считающимися более слабыми, то эти стороны должны быть защищены коллизионными нормами, которые более благоприятны для их интересов, чем общие нормы»²³. Однако речь идет о *юридически* более слабом участнике договора: потребителе, лице, вступающем в договор присоединения, работнике и проч., поскольку Рим I раскрывает более подробно особенности и ограничения выбора применимого права именно для данных сторон правоотношений, не распространяя напрямую такой подход на случаи неравенства *фактического*, характерного для трансграничных коммерческих связей. Не стоит также забывать, что для Рим I принципиален примат выбора права сторонами контракта²⁴, отраженного в тексте договора, которому по общему правилу (то есть практически всегда) отдается приоритет по отношению к прочим коллизионным привязкам.

В этой связи важно наделить судей большим пространством для маневра при выборе правопорядка, регулирующего отношения договаривающихся сторон, с учетом необходимости защиты интересов фактически менее защищенной стороны коммерческих переговоров. Считаем, такой подход следовало бы распространить на случаи навязанного выбора применимого права к договору, при котором действительная воля одной из сторон не была надлежащим образом рассмотрена и учтена. Например, усмотрение судей в Европейском союзе очерчено рамками известной концепции «наиболее тесной связи», и притом даже эти возможности сформулированы в европейском законодательстве очень осторожно²⁵. Мы убеждены, что расширительный подход способствовал бы обеспечению равенства участников трансграничных отношений и в российском правосудии.

Если, несмотря на весьма обширный спектр связующих факторов, определить применимое право на основании договорной привязки не представляется возможным, то применимое для преддоговорных отношений (и для преддоговорной ответственности) право определяется по правилам, которые используются для обязательств из причинения вреда.

Регламент Рим II не разъясняет, какие конкретно обстоятельства могут не позволить суду установить применимое право на основании договорной привязки. Велика вероятность, что достаточно подробная система норм, разработанная для поиска регулирующего договор права, в целом оставляет крайне мало возможностей для такого исхода²⁶. Однако современная судебная практика европейских стран демонстрирует опыт, свидетельствующий об обратном. Так, в споре о преддоговорной ответственности между итальянской компанией (истец) и компанией из Словении (ответчик), рассмотренном в 2018 г., итальянский суд решил, что определить применимое право к переговорам сторон, руководствуясь договорными привязками, не представляется возможным. Спор касался правовых последствий незаключения договора о совместной деятельности (сотрудничестве) между истцом и ответчиком по строительству складского терминала в порту на территории Словении. С предложением о заключении такого договора выступил ответчик, пригласив истца

²³ П. 23 Преамбулы Рим I.

²⁴ П. 11 Преамбулы Рим I.

²⁵ П. 16 Преамбулы Рим I устанавливает, что «...суды должны сохранять определенную степень свободы усмотрения для определения права, которое наиболее тесно связано с конкретной ситуацией».

²⁶ Ведущие отечественные правоведы убеждены, что необходимость обращения к деликтным привязкам может возникнуть в исключительно редких случаях. См.: Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). Указ. соч. С. 502.

к совместному участию в тендере, организованном заказчиком строительства. В данном деле суд определил применимое право, используя деликтную привязку (п. 2 ст. 12 Регламента Рим II), причем таким правом было установлено право страны истца, то есть право Италии²⁷.

Согласно п. 2 ст. 12 Рим II суд вправе использовать любой из следующих деликтных критериев для определения применимого права: (1) право страны, где наступает вред; или (2) право страны, в которой в момент возникновения юридического факта, влекущего наступление вреда, обе стороны имеют свое обычное место жительства (для физических лиц) / место нахождения центрального органа управления (для юридических лиц) / место ведения бизнеса (для индивидуальных предпринимателей), или (3) право страны, с которой внедоговорное обязательство, возникающее вследствие ведения переговоров о заключении договора, имеет более тесную связь, чем та, которая указана в предыдущих пунктах. Выбор суда ограничен данными положениями, проявить инициативу в вопросе выбора какого-либо иного правопорядка с тем, чтобы наилучшим образом защитить слабую сторону переговоров, суд не вправе. Предпочтение европейские суды, как правило, отдают первой привязке, выбирая применимое право по месту наступления вреда (Zykin, Asoskov & Zhyltsov (eds.), 2021:503).

Наличие тандема из договорной и деликтной привязок для регулирования преддоговорных контактов предполагает довольно сложный процесс поиска подходящего правопорядка и не вносит требуемой правовой определенности. Европейский подход наделен и иными чертами, которые могут усилить неравенство. Так, поскольку три деликтные привязки п. 2 ст. 12 Рим II указаны через союз «или», в конечном итоге может возникнуть ситуация, в которой одна сторона ради установления наиболее выгодного правопорядка будет доказывать, что право, подлежащее применению к договору, не может быть установлено (или что его применение к преддоговорным отношениям будет противоречить существу отношений), и спекулировать наиболее выгодными для нее деликтными критериями. Именно так произошло в описанном выше споре между итальянской и словенской компаниями, в котором итальянский суд, поддерживая аргументы истца – итальянской компании, не нашел оснований для применения договорного статута для преддоговорных отношений и поддержал выбор итальянского применимого права, определив его как *lex loci damni*, в отсутствие каких-либо иных фактических оснований, кроме утверждений истца о якобы понесенном ущербе по месту его нахождения²⁸.

Согласно Регламенту суд может определить по собственному усмотрению применимое право, наиболее отвечающее интересам слабой стороны, но использовать такое право суду допустимо только в ситуации, когда стороны осуществили выбор применимого права для регулирования преддоговорных отношений²⁹. Если переговорщики выбор не сделали, суд жестко связан коллизионными нормами п. 2 ст. 12 Рим II.

²⁷ Tribunale di Udine del 10 Agosto 2018, N. 1011. Описание дела приводится в обзоре Британского института международного и сравнительного права от 4 октября 2021 г.: Study on the Rome II Regulation (EC) 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations, dated 04 October 2021. pp. 319–320. Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/11043f63-200c-11ec-bd8e-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-282482931> (дата обращения: 23.02.2023).

²⁸ Study on the Rome II Regulation (EC) 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations, dated 04 October 2021. *Op. cit.*

²⁹ П. 31 Преамбулы Рим II.

Еще один международный документ, затрагивающий вопросы коллизионного регулирования преддоговорной стадии – это Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах (Принципы)³⁰. Являясь актом негосударственной унификации, Принципы имеют рекомендательный характер. Они схожи в структурном плане с Принципами УНИДРУА (Zykin, 2016:76).

Выбор применимого права для преддоговорного этапа сформулирован в документе весьма лаконично: преддоговорным отношениям в нем посвящен всего один краткий подпункт (g) п. 1 ст. 9. Данная норма распространяет действие выбранного сторонами в договоре права в том числе и на «обязательства, существовавшие до заключения договора». Стоит отметить, что Принципы охватывают лишь малую долю вопросов, связанных с регулированием договорных обязательств в международных коммерческих отношениях, и не затрагивают проблемы выбора права при отсутствии соответствующего соглашения сторон, что заметно умаляет их значимость.

Как показывает сравнительный анализ, наиболее прогрессивное регулирование представлено в другом юридически необязательном документе – Конвенции о выборе права, применимого к договорам международной купли-продажи товаров, заключенной в Гааге в 1986 г. (Гаагская конвенция)³¹, но так и не вступившей в силу³². В отличие предыдущих рассмотренных нами актов, Гаагская конвенция в ст. 8 установила иной баланс в договорном статуте. Как и в других актах МЧП, отправной точкой (при отсутствии выбора сторон) служит право страны места нахождения предприятия *продавца*. При этом Гаагская конвенция ломает общепризнанную модель, указывая следующее: если в договоре прямо предусмотрено, что продавец должен поставить товар в государство местонахождения коммерческого предприятия покупателя, применяется право страны *покупателя*. В пояснительном отчете к Гаагской конвенции отмечается, что данная норма была введена по предложению делегации Алжира, представители которой утверждали, что это «единственное достижение развивающихся стран, которые часто являются покупателями и желают, чтобы применялось право покупателя, по крайней мере, в определенных случаях»³³. Таким образом, Гаагская конвенция выделяется из числа других актов МЧП тем, что она не всегда поддерживает право более сильной стороны, которой нередко является продавец. Этот подход способен привести к более равноправному

³⁰ Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах (утверждены 19 марта 2015 г.). Режим доступа: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

³¹ Convention of 22 December 1986 on the Law Applicable to Contracts for the International Sale of Goods. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=61> (дата обращения: 23.02.2023).

³² За рамками настоящей статьи остались иные международные акты коллизионного регулирования и инициативы в этой связи, представляющие определенный интерес и нуждающиеся в отдельном исследовании. Это Второй свод законов коллизионного права США 1971 г. (the U.S. Restatement (Second) of Conflict of Laws (1971)) и проект Третьего свода законов коллизионного права этой страны, Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным договорам, 1994 г. (Inter-American Convention on the Law Applicable to International Contracts (1994)), Проект Типового закона о международном частном праве Организации по гармонизации предпринимательского права в странах Карибского бассейна 2014 г. (OHADAC Draft Model Law of Private International Law (2014)), проект Африканских принципов в отношении права, применимого к международным коммерческим договорам, 2020 г. (the draft African Principles on the Law Applicable to International Commercial Contracts (2020)).

³³ Von Mehren A.T., Convention on the Law Applicable to the International Sale of Goods: Explanatory Report (1987) para. 70, цитата из материалов заседания Специальной комиссии.

обеспечению интересов сторон переговоров и к достижению более сбалансированного правового результата.

Сказанное позволяет констатировать, что потенциал МЧП в деле обеспечения равенства участников переговоров о заключении договора используется не в полной мере. Унифицированное европейское коллизионное регулирование преддоговорной ответственности делает сильный акцент на автономию воли сторон, что, может, не всегда идет на пользу слабому участнику переговоров, а возможности судов в части применения собственного усмотрения существенно ограничены законом. Рекомендательные принципы и нормы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, дают некоторые ориентиры для правовой локализации деловых контактов до заключения основного договора, однако содержащееся в них регулирование преддоговорных отношений является либо неполным, либо не подкрепленным правовой силой, а оттого недействительным.

В тех случаях, когда стороны не сделали самостоятельный и свободный выбор применимого права, необходимо, чтобы равенство результатов переговоров для каждой из сторон имело столь же важное значение, как и правовая определенность, но нельзя допустить, чтобы это равенство от нее всецело зависело. Другими словами, коллизионные привязки не должны слишком жестко отсылать, например, к праву места обычного нахождения стороны, осуществляющей характерное исполнение; здесь следует также принимать во внимание другие обстоятельства, указывающие на иную правовую систему, которая может быть более приемлема в данных условиях (например, право по месту *исполнения* договора для договорной коллизионной нормы, или наиболее благоприятное для слабой стороны право, применимое к другим контрактам в цепочке поставок, или право по месту ведения переговоров, если договор не был заключен или его будущее содержание неопределенно, и проч.). Кроме того, при подобном выборе должно учитываться мнение более уязвимой стороны переговоров. Гаагская конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, предлагает более равноправный выбор для таких ситуаций.

Наконец, для исключительных случаев, в которых неравенство все же порождается использованием имеющихся коллизионных норм, государства могут прибегнуть к публичному порядку и квалифицировать определенные внутренние или международные нормы, защищающие слабую сторону, как нормы непосредственного применения или отказать в применении определенных иностранных норм в силу действия публичного порядка. Однако этот способ уравнивает положение сторон *ex post*, и в этом смысле он менее удобен и гораздо менее предсказуем, нежели закон, обеспечивающий равенство в переговорах *ex ante*. Думается, на такой порядок следует полагаться в качестве крайней меры противодействия переговорному неравенству.

Сближение российского законодательства о деловых переговорах с унифицированными актами МТП и МЧП

После реформы 2015 г. глава 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)³⁴ о заключении договора пополнилась ст. 434.1 «Переговоры о заключении

³⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями).

договора». Если толковать гражданский закон системно, то источником правовой идеи преддоговорных отношений в России является п. 3 ст. 307 ГК РФ, закрепляющий обязанность действовать добросовестно в том числе и при установлении обязательства (Nam, 2019). Названное положение накладывает на стороны дополнительные обязанности по оказанию необходимого содействия для достижения цели обязательства, по предоставлению друг другу необходимой информации, а ст. 434.1 ГК РФ является развитием этих обязанностей.

В ней выделяются такие же, как в Принципах УНИДРУА и в ПЕДП, три общих основания – случая наступления преддоговорной ответственности: нераскрытие значимой для заключения договора информации или обман на преддоговорной стадии (пп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), непоследовательное поведение стороны, выражающееся в прерывании переговоров на поздней стадии без веских оснований или вступление в переговоры и их продолжение в отсутствие намерения заключить договор (пп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), несоблюдение конфиденциальности предоставленных контрагенту сведений (п. 4 ст. 434.1 ГК РФ). В случае применения к трансграничной преддоговорной ответственности российского права суд будет руководствоваться вышеуказанными положениями.

Вопросам коллизионного поиска надлежащего правопорядка для рассматриваемых отношений посвящена введенная в отечественное гражданское законодательство ст. 1222.1 ГК РФ (заметим, что данная норма появилась раньше оформления в российском законодательстве преддоговорной ответственности, что отражает относительную прогрессивность российского МЧП). Следуя логике ст. 12 Регламента Рим II, ст. 1222.1 ГК РФ устанавливает, что к обязательствам, которые возникают вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, применяется либо право договора, либо право предполагаемого договора в зависимости от того, был договор заключен или нет. Применение деликтной привязки возможно в субсидиарном порядке. Таким образом, для регулирования преддоговорных отношений гражданское законодательство РФ предлагает каскад коллизионных норм, в целом схожий с тем, что содержится в европейском праве. При этом между российской и европейской системами регулирования преддоговорной ответственности имеются некоторые расхождения.

В отличие от европейской «альтернативной» модели ГК РФ располагает деликтные привязки для преддоговорных отношений в более строгом иерархическом порядке. Такой подход, на наш взгляд, позволяет обеспечить большую предсказуемость и стройность правового регулирования. Еще одно преимущество российского правопорядка по сравнению с европейским заключается в том, что в разъяснениях высшего российского судебного органа конкретизируются правоотношения, не позволяющие определить право, применимое к договору, и – следовательно – для которых выбор применимого права должен вестись не по договорной, а по деликтной модели. В абз. 3 п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами РФ»³⁵ в качестве иллюстрации приводится ситуация, когда стороны при переговорах о заключении договора простого товарищества не смогли согласовать ни условие о применимом праве, ни место, где будет вестись деятельность простого товарищества. Таким образом, выход на второй уровень (деликтной привязки) возможен тогда,

³⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

когда отношения сторон настолько неопределенные, что нельзя с точностью установить фактические обстоятельства (например, сторону, осуществляющую характерное исполнение), которые бы позволяли определить применимое право по правилам п. 1 ст. 1222.1 ГК РФ. Вероятнее всего, такие случаи будут достаточно редкими. Тем не менее изложение примера из деловой практики положительно характеризует отечественного правоприменителя и добавляет определенности судебной практике.

ГК РФ содержит при этом один существенный недостаток по сравнению с регулированием Рим II. Если все же возникнет необходимость применять деликтные привязки, то согласно п. 1 ст. 1219 ГК РФ российский суд в первую очередь должен обратиться не к праву страны, где наступает вред (*lex loci damni*), как сделали бы в большинстве случаев европейские суды на основе Регламента Рим II, а к праву страны, где имело место обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда (*lex loci delicti commissi*). Логика европейского законодателя заключалась в том, что во втором случае необходимые для разрешения спора факторы относятся к разным странам, что порождает неопределенность, тогда как связь с местом наступления вреда является решением достаточно справедливым и обеспечивающим должную предсказуемость (Zhang, 2009:864).

Таким образом, российский гражданский закон закрепил менее удобную для применения коллизионную привязку. Говоря о преддоговорной стадии, представляется крайне затруднительным, например, определять место совершения нарушения, когда стороны решают вопросы посредством переписки, или созваниваясь по аудио- или видеосвязи, а фактически находятся в разных юрисдикциях. Приоритет *lex loci delicti commissi* не соответствует характеру преддоговорных отношений и видится не самым гибким дополнением к основному способу определения права для преддоговорных отношений (через право договора)³⁶. Следует расширить возможности российского суда для применения более гибкого подхода при определении деликтного статута для преддоговорных отношений путем внесения корректировок в ГК РФ или в разъяснениях Верховного суда РФ.

Заключение

Поиск правовых средств разрешения проблемы неравного положения договаривающихся сторон в унифицированном МТП и унифицированном МЧП приводит к двум взаимодополняющим сферам нормативного регулирования – материальной и коллизионной – и позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, мы констатируем отсутствие международного конвенционного регулирования преддоговорного этапа. Единственным ориентиром в этой области является Венская конвенция 1980 г., однако сфера ее действия ограничена, а непосредственно преддоговорным отношениям в Конвенции относится незначительное число норм.

Во-вторых, неофициальные международные акты материально-правовой унификации МТП предлагают более развитые модели регулирования поведения сторон в трансграничных переговорах. Основным решением для достижения баланса положений контрагентов служит институт преддоговорной ответственности, основанный на принципе добросовестности. Однако такие акты не наделены обязательной силой и применяются, по общему правилу, по договоренности контрагентов.

³⁶ См. подробнее об этом: (Marysheva, 2016).

В-третьих, на практике важнейшее значение для установления правовых последствий нарушений при переговорах имеет коллизионный метод определения применимого к таким отношениям права. Применение в совокупности материального и коллизионного методов регулирования преддоговорных контактов призвано обеспечить бóльшую определенность и способствовать смягчению неравного положения участников оборота.

В-четвертых, в европейском унифицированном коллизионном регулировании поиски правопорядка, регулирующего преддоговорные отношения, осуществляется при помощи многоступенчатого алгоритма. Коллизионный вопрос решается путем комбинации нормативно закрепленной внедоговорной квалификации отношений и компромиссного характера регулирования (предусмотрено последовательное использование договорной и деликтной привязок). Несмотря на то, что коллизионные правила Регламента Рим II в случае применения *lex loci damni* несколько затрудняют поиск применимого права, предложенные в нем решения в целом являются достаточно универсальными для регламентации отношений сторон.

При этом европейский подход не в полной мере способен оказать правовую поддержку слабой стороне в переговорах. Не оспаривая значимость автономии воли сторон, мы считаем, что задача коллизионных норм – предусматривать справедливое разрешение ситуаций, в которых выбор не является действительно в равной степени свободным для каждого из контрагентов, и в том числе допускать отклонения от принципа автономии воли. Более слабая сторона должна быть защищена от «выбора», который ей навязан, а автономия воли должна допускаться только в той степени, в которой действие этого принципа не подрывает или не умаляет защиту, которую менее влиятельные участники оборота имели бы по праву, применимому к отношениям в отсутствие такого «выбора».

В отсутствие выбора наиболее тесная связь для определения применимого права должна быть установлена с учетом не только обычного места нахождения стороны, осуществляющей характерное исполнение, но и при помощи других, менее традиционных факторов, характеризующих «тесную связь» правоотношения с компетентным правопорядком: это места *исполнения* будущих договорных обязательств, применимое право для других договоров в цепочке связанных договоров, место ведения переговоров и др. В суде обязательно должна быть учтена позиция менее защищенного участника переговоров по данному вопросу.

В-пятых, следует признать, что российское коллизионное регулирование преддоговорных отношений и ответственности в основном соответствует подходам, выраженным в актах унифицированного МЧП, а в некоторых вопросах отечественное законодательство и судебная практика идут еще дальше, раскрывая важные аспекты, и тем самым предоставляют в целом «рабочий» исходный инструмент для защиты стороны, права которой в ходе переговоров оказались несправедливым образом ущемлены. Вместе с тем проблемы в этой области, описанные в контексте права Европейского союза, в равной степени характерны и для российской правовой действительности.

С учетом выявленных направлений для совершенствования законодательства и судебной практики юридической науке следует поднять проблему неравенства контрагентов в трансграничных деловых отношениях на качественно новый уровень и предпринять концептуализацию и глубокое доктринальное изучение вопросов в этой области.

References / Список литературы

- Bonell, M. J. (2018) The Law Governing International Commercial Contracts and the Actual Role of the UNIDROIT Principles. *Uniform Law Review*. 23 (1), 15–41.
- BoyarSKIY, D.A. (2022) *Civil law regulation of negotiations on the conclusion of an entrepreneurial contract: Dis. ... Cand. of legal sciences*. Ekaterinburg, Ural State University of Law. (in Russian).
Боярский Д.А. Гражданско-правовое регулирование переговоров о заключении предпринимательского договора.: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 206 с.
- Carrigan, F. (2013) The trivial nature of strict legalism. *Oxford University Commonwealth Law Journal*. 13(1), 1–7.
- Gava, J. (2013) Contract law and inequality – a response to Frank Carrigan. *Oxford University Commonwealth Law Journal*. 13 (1), 9–15.
- Getman-Pavlova, I.V. (2023) Private international law. In: *General part: textbook for universities*. In 3 Vols. Vol.1. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. В 3 томах. Т. 1: Общая часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 320 с.
- Gnitsevich, K.V. (2009) Pre-contractual liability in Russian civil law. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court*. (3), 31–41.
Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 3. С. 31–41. (2), 16–23. (in Russian).
Гребельский А.В. Международный коммерческий арбитраж и государственные суды: союзники или оппоненты? // Третейский суд. 2021. № 2. С. 16–23.
- Guillemard, S. (1994) Qualification juridique de la négociation d'un contrat et nature de l'obligation de bonne foi. *Revue générale de droit*. 25(1), 49–82.
- Hage-Chahine, N. (2012) Culpa in Contrahendo in European Private International Law: Another Look at Article 12 of the Rome II Regulation. *Northwestern Journal of International Law & Business*. 32(3), 451–540.
- Ihering, R. (2013) Culpa in contrahendo or compensation for losses in case of invalidity or non-conclusion of contracts. *Civil law Review*. (3), 190–266. (in Russian).
Иеринг Р. Culpa in contrahendo, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 190–266.
- Karapetov, A.G. & Saveliev, A.I. (2012) Freedom of contract and its limits. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Карпетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т.1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. 452 с.
- Marysheva, N.I. (2016) Modern trends of conflicts of laws regulation of tort liabilities: EU Regulation of 2007 “On the law applicable to non-contractual obligations” (Rome II) and the Russian legislation. *Journal of Russian Law*. (6), 63–73. (in Russian).
Марышева Н.И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 63–73.
- Mazur, O.V. (2012) Pre-contractual liability: analysis of certain features of behaviour in bad faith. *Zakon*. (5), 197–205. (in Russian).
Мазур О.В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения // Закон. 2012. № 5. С. 197–205.
- McKendrick, E. (2019). *Contract Law*. Macmillan Law Masters. 13th Edition. Red Globe Press London. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-14657-4>
- Michaels, R., Ruiz Abou-Nigm, V. & van Loon H. (eds.). (2021) *The Private Side of Transforming our World – UN Sustainable Development Goals 2030 and the Role of Private International*

Law. Intersentia Online. Режим доступа: <https://www.intersentiaonline.com/library/the-private-side-of-transforming-our-world-un-sustainable-development-goals-2030-and-the-role-of-p>.

- Moura Dário, V. (2003) Precontractual Liability in Private International Law: A Portuguese Perspective. *Rebels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. The Rebel Journal of Comparative and International Private Law*. 67(4), 699–725. <https://doi.org/10.1628/0033725053723550>
- Muratova, O.V. (2015) *Pre-contractual relations in international commercial turnover: from substantive to conflict of laws regulation*: Dis. ... Cand. Of legal sciences. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).
Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: ИЗиСП, 2015. 178 с.
- Muratova, O.V. (2019) Practical experience of resolution of precontractual disputes, arising in the international commercial turnover. *Journal of Russian Law*. (3), 82–97. (in Russian).
Муратова О.В. Практика рассмотрения преддоговорных споров, возникающих в международном коммерческом обороте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 82–97.
- Nam, K.V. (2019) Principle of good faith. System and randomness. *Civil law Review*. (1), 28–74. (un Russian).
Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28–74.
- Novoselova, A.A. & Lomakina, E.V. (2014) Limits of freedom of contract in international commercial relations. *International public and private law*. (1), 9–13. (in Russian).
Новоселова А.А., Ломакина Е.В. Пределы свободы договора в международных коммерческих отношениях // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 9–13.
- Pistor, K. (2019) *The Code of Capital: How the Law Creates Wealth and Inequality*. Princeton University Press.
- Puginskiy, B.I. & Amirov, A.T. (2023) *Modern Lex Mercatoria*: Textbook. Moscow, Zertsalo-M. Publ. (in Russian).
Пугинский Б.И., Амиров А.Т. Современный Lex Mercatoria: учебное пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. 616 с.
- Stepanishcheva, A.M. (2015) *Legal regulation and qualification of pre-contractual relations in private international law*: Dis. ... Cand. of legal sciences. Moscow, Moscow state legal acad. them. O.E. Kutafina. (in Russian).
Степанщищева А.М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2015. 185 с.
- Schwenzer, I. (2016) Global Unification of Contract Law. *Uniform Law Review*. 21(1), 60–74.
- Volos, A.A. & Volos, E.P. (2019) Weak party in civil legal relationship: comparative legal research. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Волос А.А., Волос Е.П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2019. 184 с.
- Zhang, Mo. (2009) Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and its Impacts on Choice of Law. *Seton Hall Law Review*. (39), 861–917.
- Zykin, I.S. (2016) The Hague Principles on the choice of applicable law to international commercial contracts. In: Komarov A.S. (ed.). *Actual legal aspects of modern practice of international turnover*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Зыкин И.С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного оборота: сб. ст. / под общ. ред. А. С. Комарова. М.: Статут, 2016. 272 с.

Zykin, I.S., Asoskov, A.V. & Zhyltsov, A.N. (eds.). (2021) *Commentary to Section VI “Private International Law” of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article)*. S.S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation. Moscow, Statut Publ. (in Russian).

Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021. 655 с.

Сведения об авторах:

Фонова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ORCID ID: 0000-0003-2255-9684; SPIN-код: 9663-0526; ResearcherId: AAD-6529-2019
e-mail: Olga.Fonotova@gmail.com

Беляева Лидия Евгеньевна – департамент правового регулирования бизнеса факультета права, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; Референт по правовым вопросам АО «Некстонс»; Российская Федерация, 125196, г. Москва, ул. Лесная, д. 7

ORCID ID: 0009-0007-8183-5112; ResearcherId: HSF-0270-2023; SPIN-код: 6313-4860
e-mail: lesalygina@edu.hse.ru

About the authors:

Olga V. Fonotova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2255-9684; SPIN-код: 9663-0526; ResearcherId: AAD-6529-2019
e-mail: Olga.Fonotova@gmail.com

Lidiya E. Belyaeva – Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation; Legal advisor, “Nextons” JSC; 7 Lesnaya str., Moscow, 125196, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0007-8183-5112; ResearcherId: HSF-0270-2023; SPIN-код: 6313-4860
e-mail: lesalygina@edu.hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1065-1078>

EDN: NIQHXF

Научная статья / Research Article

Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков

Е.С. Трезубов , Н.С. Звягина

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

 egortrezubov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные правила группового производства в цивилистическом процессе в контексте правового статуса участников процессуальных отношений. Внимание уделяется правам и обязанностям лица, обратившегося в суд с требованием о защите прав и законных интересов группы лиц и ведущего дело (истца-представителя), а также участников группы лиц, присоединившихся к заявленным требованиям и отказавшихся от своего заявления. С применением сравнительно-правового метода и телеологического толкования делается вывод о существовании процессуальных отношений на активной стороне только между судом и истцом-представителем, что предопределяет возможность совершения распорядительных действий, доказывания и обжалования судебных актов только лицом, которое ведет дело, но не иными участниками группы лиц. Предельно урезанный объем полномочий участников группы лиц обосновывается их добровольным присоединением к коллективному иску. Отношения внутри группы лиц являются по своей природе материально-правовыми, из чего делается вывод о необходимости применения соответствующих частных материальных механизмов реализации интересов большинства участников по правилам норм о решениях собраний. Ввиду возможности консолидации в коллективном иске однородных, но разных по размеру, материально-правовых требований участников группы сделан вывод о необходимости установления критерия большинства вне зависимости от цены требования каждого участника. Также авторами выявлено противоречие в правовом регулировании в случае отказа в сертификации группы лиц после возбуждения производства по групповому иску в гражданском, арбитражном и административном судебном процессах. Обосновывается целесообразность оставления коллективного иска без рассмотрения, а необходимость перехода к рассмотрению личных исков участников группы и выделению соответствующих дел в отдельное производство, как это и предусмотрено в АПК РФ. Обращается внимание на пробельность правового регулирования группового производства в части установления размера и порядка оплаты государственной пошлины.

Ключевые слова: групповой иск, групповое производство, истец-представитель, участники группы лиц, решение по коллективному иску, правовая эффективность, процессуальные правоотношения в групповом производстве, сертификация группы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 18 января 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Трезубов Е.С., Звягина Н.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 1065–1078. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1065-1078>

The legal status of the class members during the group litigation

Egor S. Trezubov , **Natalya S. Zvyagina**

Kemerovo State University, *Kemerovo, Russian Federation*

 egortrezubov@mail.ru

Abstract. The study discusses certain rules of group litigation in the civil procedure in the context of the legal status of class members in procedural relations. Attention is paid to the rights and obligations of the person who applies to court with a request to protect the rights and legitimate interests of a group of members. Participants in a class action include the person conducting the case (plaintiff-representative) and group members who joined the collective claim. The comparative legal method and teleological interpretation allow to conclude that there are active procedural relations only between the court and the claimant-representative, which predetermines the possibility of performing administrative actions, proving and appealing judicial acts only by the plaintiff, but not by the other claimants. The extremely curtailed scope of powers of the group members is justified by their voluntary joining a class action lawsuit. Relations within a group of persons are substantive in nature; this allows to highlight the necessity of appropriate private material mechanisms to satisfy the interests of the majority of participants under the rules on decisions in meetings. In view of the possibility of consolidating in a class homogeneous but different in size substantive claims of the group members we believe it is essential to establish the majority criterion, regardless of the price of the claim of each member. The research also reveals the contradiction in legal regulation in the event of a refusal to certify a group of persons after the initiation of proceedings on a class action in civil, arbitration and administrative litigation, substantiates the inexpediency of leaving a class action without consideration, and the need to consider personal claims of group members and allocate relevant cases in a separate production, as provided for in the Arbitration (Commercial) Procedure Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the gaps in the legal regulation of group proceedings in terms of establishing the amount and procedure for paying the state fee.

Key words: class action, group litigation, plaintiff for the class action, class members, decision on a class action, legal effectiveness, legal procedural relations in group proceedings, group certification

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 18th January 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Trezubov, E.S., Zvyagina, N.S. (2023) The legal status of the class members during the group litigation. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1065–1078. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1065-1078>

Введение

Производство по рассмотрению группового иска является юрисдикционной процедурой разрешения требований о защите значительной группы кредиторов в однородных спорных правоотношениях, адресованных одному или одновременно нескольким ответчикам (Domshenko, 2022: 234). Требования множества истцов,

основанные на однородных юридико-фактических обстоятельствах, разрешаются единообразно, одним судом, в одном судебном процессе, а сила судебного решения распространяется на всех членов группы, независимо от их личного участия в деле (Reshetnikova, 2019:431). За счет этого обеспечивается достижение большей правовой определенности и эффективности, нежели при рассмотрении множества личных исков или при рассмотрении дела с соучастием на активной стороне. В то же время процессуальная форма группового производства предопределяет и ряд существенных ограничений правового статуса субъектов спорных правоотношений при рассмотрении дела в суде.

После состоявшейся в 2019 г.¹ реформы группового производства в отечественном арбитражном и гражданском процессах в судебной практике появляются примеры рассмотрения коллективных исков, но они все еще единичны. Убеждены, что причины нераспространенности дел по рассмотрению групповых исков кроются в отсутствии соответствующих экономических стимулов для участников спорных правоотношений, а также в несовершенстве процессуальной формы. В настоящей статье авторами предпринимается попытка раскрыть правовой статус участников группы лиц и истца-представителя как основных субъектов спорных материальных и процессуальных отношений, существующих при рассмотрении коллективного иска, а также оценивается эффективность отдельных нормативных положений, влияющих на процессуальную форму группового производства.

Процессуальные аспекты отказа в сертификации группы

Принципиально важной процедурой при рассмотрении коллективного иска является сертификация группы лиц, позволяющая, с одной стороны, рассматривать дело по правилам группового производства, а с другой стороны, обеспечивающая законность вынесенного решения, распространяющегося как на лиц, присоединившихся к заявленному требованию, так и не присоединившихся к нему, за счет качеств преюдициальности судебного постановления. Отечественное процессуальное законодательство не уделяет должного внимания самому предварительному заседанию по рассмотрению группового иска. Законом также не установлена обязанность суда выносить определение о сертификации группы лиц, а также об отказе в сертификации группы. Формально соответствующие вопросы должны быть решены в определении о принятии заявления к производству и проведении подготовки дела к судебному разбирательству, а также в определении о возвращении заявления. Однако формирование состава группы лиц может происходить и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, и на стадии судебного разбирательства, что предполагает возможность как присоединения в процессе рассмотрения дела новых участников группы к поданному заявлению, так и возможность отказа участников от поданных заявлений или установление нецелесообразности рассмотрения дела по правилам группового производства.

Процессуальными кодексами неоднозначно решен вопрос о последствиях отказа в квалификации спора как группового, осуществляемого после возбуждения производства по делу. Так, в ч. 8 ст. 225.14 АПК РФ прямо указано, что в случае, если группа лиц не соответствует указанным условиям, арбитражный суд выносит мотивированное определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам

¹ Федеральный закон от 18.07.2019 г. №191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3858.

искового производства или по правилам административного судопроизводства. А в ч. 8 ст. 244.26 ГПК РФ лишь предусмотрено, что лицам, присоединившимся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, разъясняется право на обращение в суд с самостоятельными исками в случае, если группа лиц не соответствует указанным условиям. При этом конкретное процессуальное решение, принимаемое судьей, не называется. Как указывает В. В. Ярков, судья в случае отказа в сертификации группы после возбуждения производства по делу выносит определение об оставлении группового иска без рассмотрения (Yarkov, 2021: 95, 102). Такое решение, действительно, вытекает из содержания частей 7 и 8 ст. 244.26 ГПК РФ, прямо такое правило закреплено в ч. 4 ст. 42 КАС РФ, но признать его логичным невозможно. Во-первых, в АПК РФ данный вопрос решен изящнее – простым переходом к рассмотрению дела по общим правилам искового производства без необходимости подачи новых исков. Учитывая, что глава 22.3 ГПК РФ и изменения в главу 28.2 АПК РФ были внесены одним законом, разница подходов необъяснима. Во-вторых, групповое производство не является самостоятельным видом судопроизводства, чтобы говорить о необходимости инициирования нового разбирательства (по аналогии с оставлением без рассмотрения заявления в особом производстве в случае установления спора о праве). Поэтому в случае отказа в сертификации группы целесообразно выносить определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового или административного судопроизводства и при необходимости выделять требования соистцов в отдельные производства – в указанной части процессуальные кодексы должны быть унифицированы.

Правовой статус истца-представителя в групповом производстве

К основным участникам производства по делам о защите прав и законных интересов группы лиц относятся: лицо, которому поручено ведение дела в интересах группы лиц (истец-представитель), иные лица, присоединившиеся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, ответчик (соответчики), третьи лица, в том числе члены группы лиц, несогласные с предъявленным требованием. Процессуальный статус ответчика в групповом производстве, в отличие от процессуального статуса истца, не имеет принципиальных отличий в сравнении с общими правилами искового производства. Вместе с тем специфика рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц возлагает на данного участника дополнительные процессуальные риски, среди которых можно выделить невозможность исполнения требований широкого круга лиц, а следовательно, и возложение всех сопутствующих судебных издержек и исполнительского сбора.

Истец-представитель, являясь по общему правилу членом группы лиц, защищает как свои личные интересы, так и представляет в силу заявления о присоединении к требованиям интересы членов группы лиц. Он несет как конечный риск, так и промежуточные процессуальные риски, но при этом имеет максимальные возможности управления ими.

К конечному риску в цивилистическом процессе относится проигрыш в деле, то есть вероятность не получения решения суда, соответствующего интересам участника спора. Промежуточные риски представляют собой вероятность наступления неблагоприятных последствий (материальных, репутационных, временных) в результате совершения или несоблюдения отдельных процессуальных действий при

производстве по делу (например, несвоевременное заявление ходатайств или представление доказательств может привести к лишению возможности реализации этого права в дальнейшем, в том числе и при пересмотре судебных актов; пассивное поведение лица при назначении экспертизы может привести к неполному или не отвечающему интересам такого лица формулированию перечня вопросов перед экспертом и необходимости нести дополнительные издержки в связи с последующим назначением дополнительной экспертизы, что также приведет к увеличению сроков рассмотрения дела). Все промежуточные риски при производстве по делу являются процессуальными, связанными с реализацией процессуальных прав и обязанностей, и ведут к конечному процессуальному риску – вынесению неблагоприятного решения, который в свою очередь является и материально-правовым, влияющим на материальное правоотношение.

К истцу-представителю предъявляются высокие морально-нравственные требования, поскольку он защищает права и интересы всех участников группы лиц, а не только свои собственные, и именно на его примере суд устанавливает фактические обстоятельства дела (Goncharova, 2014: 47).

Истец-представитель, а в зарубежных правопорядках чаще именуемый просто «истец» (Wolf, 2014; Burbank & Wolf, 2018; Aiken, 2017:975), самостоятельно либо через представителя осуществляет все процессуальные действия. Принципиально важным будет наделение группой лиц конкретного лица полномочиями истца-представителя, поскольку при взаимодействии с одним, а не с множеством кредиторов в спорном правоотношении обеспечивается процессуальная экономия в судебном разбирательстве. В этой связи позволим себе не согласиться с утверждением М.А. Алиэскерова, толкующего правила ст. 244.22 ГПК РФ (и ст. 225.10-1 АПК РФ соответственно) как не препятствующих участию от имени группы лиц сразу нескольких истцов-представителей (Alieskerov, 2022:139-140). Процессуальная форма группового производства не может допускать множественности истцов-представителей, это должен быть всегда один участник, который вправе привлекать в качестве представителей (в том числе и нескольких) для целей выполнения отдельных процессуальных функций. Статус истца-представителя предопределен необходимостью концентрации процессуальных отношений между судом и участниками группы лиц – через ведущего дело лица суд осуществляет извещение о динамике процесса, от него получает доказательства, требования, ходатайства, жалобы и отводы и т.д. Множественность носителей одного и того же коллективного интереса, одновременно участвующих в процессе, и обладающих правом совершения процессуальных действий, приведет лишь к осложнению процесса, к риску противоречивого поведения активной стороны отношений, т.е. не будет способствовать эффективному рассмотрению группового иска.

Лицо, которому поручено ведение дела в интересах группы, представляет группу в суде без доверенности и несет все права и обязанности истца, в том числе на него возлагается обязанность по оплате судебных расходов. Финансовые риски в виде оплаты судебных издержек в производстве по рассмотрению коллективного иска очевидно выше, в сравнении с обычным исковым производством (Sutormin, 2020b:122). Однако данным риском истец – представитель может управлять путем заключения с иными участниками группы соглашения о распределении судебных расходов (Borisova & Kotelnikova, 2020:17). Между тем законодателем предусмотрено существенное ограничение для применения данного механизма: в ч. 1 ст. 225.16-1 АПК РФ и ч. 1 ст. 244.27 ГПК РФ в качестве обязательной установлена

нотариальная форма такого соглашения, что предполагает, помимо организационных сложностей, необходимость несения сопутствующих расходов по оплате тарифов за совершение нотариальных действий и иных платежей. В условиях отсутствия прямо предусмотренной процедуры заключения такого соглашения установление квалифицированных требований к его форме явно не стимулирует участников группы к распределению между собой судебных расходов.

В порядке группового производства могут рассматриваться как требования имущественного характера, подлежащие оценке, так и требования неимущественного характера, или имущественные требования, не подлежащие оценке. Согласно разъяснениям, данным в п. 51 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017 г.², коллективное исковое заявление подлежит оплате государственной пошлиной по общим правилам ст. 333.21 НК РФ (а значит, и ст. 333.19 НК РФ применительно к обращению в суд общей юрисдикции) исходя из суммы заявленных требований. Несмотря на то что указанное разъяснение дано применительно к заявлению о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, такое же решение должно быть и в случае заявления иных требований о защите прав и законных интересов группы лиц. По всей видимости, порядок исчисления государственной пошлины будет определяться так же, как и при активном соучастии, в зависимости от существа рассматриваемых требований (п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 г. № 46)³. Иными словами, при присоединении участника группы к заявленному требованию должна оплачиваться государственная пошлина, рассчитываемая исходя из суммы его притязаний к ответчику. В соответствии с ч. 2 ст. 225.10-1 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.22 ГПК РФ именно истец-представитель по общему правилу несет судебные расходы по делу, т.е. он должен самостоятельно оплатить и государственную пошлину в полном объеме. Впрочем, едва ли можно признать недопустимой оплату государственной пошлины за свое требование самим лицом, присоединившимся к коллективному иску. Если же в групповом производстве заявлено единое требование, не предполагающее необходимости индивидуального принудительного исполнения в последующем, государственная пошлина должна оплачиваться однократно, лицом, обращающимся в суд с требованием в защиту группы лиц. Такое решение является единственно допустимым, поскольку специальных правил Налоговый кодекс РФ или иной закон не устанавливают. Однако следует признать, что отсутствие специальной нормы, упрощающей присоединение участников группы к заявленным требованиям, явно не создает стимулов к более интенсивному применению коллективных исков в России.

Аналогичным образом проблема выглядит и при принудительном исполнении решения по групповому иску. В литературе обоснованно критикуется допустимость применения общего подхода при взыскании исполнительского сбора (Maleshin, 2020:100). С одной стороны, для принудительного исполнения решения суда будут выданы исполнительные листы каждому из взыскателей и, как следствие, будут возбуждены отдельные исполнительные производства, но с другой стороны, место исполнительного производства по общему правилу совпадает с местом нахождения

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

должника, а значит, возбужденные исполнительные производства будут объединены в сводное исполнительное производство. Сегодня законодательство об исполнительном производстве не содержит специальных правил исчисления исполнительского сбора в случае ведения сводного исполнительного производства, но в то же время количество совершаемых судебным приставом-исполнителем исполнительских действий будет значительно меньшим, нежели в отдельных исполнительных производствах. Поэтому для целей стимулирования группового производства можно предусмотреть особые правила исчисления государственной пошлины, возлагаемой по итогам рассмотрения дела на проигравшего ответчика, и исполнительского сбора, взыскиваемого с не исполнившего в добровольном порядке требования по исполнительным документам должника. Установление особых правил исчисления государственной пошлины при обращении в суд и исполнительского сбора при принудительном исполнении вынесенных судебных актов для ответчика по групповым искам, полагаем, способствовало бы тому, чтобы ответчики были заинтересованы в принятии к рассмотрению групповых исков и не препятствовали процессу сертификации группы. Здесь должен быть разумный баланс между традиционным соучастием и сводным исполнительным производством, в которых за все платится сполна, и процедурой банкротства, в которой в бюджет поступает лишь государственная пошлина за подачу заявления о признании должника банкротом.

Дополнительным риском истца-представителя в сравнении с «обычным» исковым производством, является прекращение полномочий по требованию большинства лиц, присоединившихся к требованию, а следовательно, и утрата значительной части процессуальных правомочий.

Возложение на такое лицо экстраординарных ограничений правового статуса по сравнению со статусом истца по личному иску, обусловлено спецификой группового производства и соответствует общемировым стандартам. При этом дополнительных материальных стимулов для истца-представителя по общему правилу не создается. Пока соответствующие материальные гарантии есть только применительно к отдельным категориям дел и профессиональных субъектов, например, общественные объединения потребителей в силу п. 2 ст. 45 Закона «О защите прав потребителей»⁴ вправе обращаться в суд с заявлением в защиту прав группы потребителей, а в силу абз. 2 п. 6 ст. 13 указанного закона, в случае удовлетворения такого иска штраф за отказ в добровольном порядке удовлетворить требования потребителей с ответчика взыскивается именно в пользу правозащитной организации. В целом, в групповых спорах вопрос вознаграждения за деятельность истца-представителя остается за пределами процессуальных отношений, и разрешается на договорной основе между членами группы самостоятельно.

Правовое положение участников группы лиц, присоединившихся к заявленным требованиям

В групповом производстве действие принципа состязательности в отношении иных лиц, присоединившихся к иску, является ограниченным (Yarkov, Kudriavceva & Maleshin et al., 2019: 29). Поскольку при рассмотрении коллективных требований ключевым фактором является защищаемый однородный интерес (Yarkov & Dolganichev, 2020:129), единство фактических обстоятельств, входящих в предмет

⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140

доказывания (Yarkov, 2021:98, 101; Selkova, 2022:120), процессуальная форма ограничивает реальные возможности управления рисками для большинства из участников группы. Более того, как правило, в зарубежных правовых порядках констатируется, что участники группы лиц не являются стороной по делу (Vatamanyuk, 2021a:28).

Лица, присоединившиеся к коллективному иску, наравне с истцом-представителем, несут конечный и все промежуточные процессуальные риски, а возможности по управлению ими значительно сокращены. Правовой статус таких лиц определен в ст. 244.23 ГПК РФ и ст. 225.10-2 АПК РФ. Они вправе ходатайствовать о замене истца-представителя, знакомиться с материалами дела, присутствовать в судебном заседании и отказаться от поданного ими заявления о присоединении к требованию, т.е. обладают предельно урезанным объемом процессуальных прав. Имея материальную и процессуальную заинтересованность в деле (Maleshin, 2020:99), участники группы являются лицами, участвующими в деле. Вместе с тем правомочие о замене истца-представителя сложно признать достаточным и эффективным механизмом воздействия на процессуальные риски, поскольку изменение представителя группы лиц само по себе не является гарантией дальнейшей защиты в строгом соответствии с интересами иных участников, присоединившихся к требованию, а основания замены, указанные в законе, не являются объективными (например, к ним относится наличие обоснованных сомнений в ведении дела истцом-представителем добросовестно и разумно). Кроме того, согласно ст. 225.15 АПК РФ и ст. 244.24 ГПК РФ, замена лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, предполагает санкционирование судом, поэтому одной лишь воли участников (как было бы в случае с отзывом доверенности представителя) недостаточно.

Для участников группы лиц предусмотрено две модели их участия: в качестве «пассивных слушателей» или в качестве третьих лиц на стороне истца. При этом в статусе третьих лиц могут участвовать как участники группы, отказавшиеся от поданного ими заявления о присоединении к требованию, так и изначально не присоединившиеся к требованию лица (Lukyanova, 2019:168). Участник группы, отказавшийся от предъявленного им заявления о присоединении к требованию, вправе в будущем обратиться с личным иском к ответчику, он не вступает в групповое производство ни как факультативный истец, ни как третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора (поскольку истцы по групповому иску его права никак не нарушают) (Streltsova, 2010:726–727).

Закон не регламентирует право участников группы лиц совершать самостоятельно распорядительные действия или реализовывать общие права в соответствии со ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ. Указанное молчание отечественного законодателя является квалифицированным, поскольку сама идея группового производства предполагает, что от имени группы лиц всегда выступает истец-представитель. Между тем законом не урегулирован порядок, в котором участники группы лиц могут повлиять на совершаемые истцом-представителем процессуальные действия – на представление им доказательств, совершение распорядительных действий, в том числе заключение мирового соглашения, на обжалование судебного акта и т.д.

Презумпция единства участников группы, присоединившихся к требованиям, и стандарт добросовестности поведения истца-представителя не исключают реальных разногласий между участниками группы. Так, не ясно, может ли участник группы инициировать обжалование судебного акта, могут ли несколько участников заставить обратиться с жалобой истца-представителя? Как быть в ситуации, когда часть членов группы настаивает на оспаривании судебного акта, а оставшуюся часть

вынесенное постановление устраивает? Очевидно недопустимо, чтобы после завершения стадии судебного разбирательства лицо отказалось от заявления о присоединении к требованию. Безусловно, общие положения о порядке пересмотра дела в той или иной инстанции частично дают представление о порядке подачи и рассмотрения жалобы на решение суда по групповому иску, вместе с тем специфика данного производства все же требует разработки конкретных норм (по аналогии с зарубежным правовым регулированием (Sutormin, 2020a:232) или, по крайней мере, руководящих разъяснений высшей судебной инстанции. По своему правовому статусу участники группы лиц не тождественны соучастникам на стороне истца, поэтому лица, присоединившиеся к коллективному иску, не обладают самостоятельным правом на обжалование судебного акта. Такая позиция следует из п. 18 Постановления Пленума ВС РФ № 36 от 27.09.2016 г. применительно к рассмотрению коллективных исков в административном судопроизводстве⁵ и является справедливой по отношению к цивилистическому процессу в целом. В литературе нередко критикуется такой подход и высказывается мнение о недопустимости ограничения гарантированного Конституцией права на судебную защиту лишь в угоду процессуальной формы. Так, В.А. Колотов (Kolotov, 2021:72) и М.А. Алиэскеров (Alieskerov, 2022:146-147) указывают, что право на обжалование судебного акта в групповом производстве должно быть предоставлено не только истцу-представителю, но и иным лицам, присоединившимся к требованиям. Позволим себе не согласиться с приведенным подходом.

Зарубежный опыт рассмотрения групповых исков свидетельствует о существенной роли суда в определении порядка проведения всех согласительных и организационных процедур между участниками группы. Российский цивилистический процесс, напротив, базируется на идее детального нормативного урегулирования процессуальной формы (Reshetnikova, 2019:437), в связи с чем дискреция суда в определении процедуры рассмотрения дела ограничена. Поэтому важно понять, какие правоотношения существуют между участниками группы лиц и судом, а также, собственно, между участниками группы лиц.

Как известно, процессуальные отношения возникают между судом и иными участниками процессуальных отношений в процессе рассмотрения дела или отдельных заявлений. Ограниченные права участников группы, присоединившихся к требованиям, предполагают, что в правоотношения с судом они могут вступать лишь в некоторых случаях, при их участии в судебном заседании (в части обеспечения установленного порядка), при заявлении ходатайства о замене истца-представителя, при заявлении отказа от присоединения к коллективному иску. Для целей влияния на динамику процесса такие лица должны либо воздействовать на истца-представителя, обязывая его совершать процессуальные действия от имени группы лиц, либо отказаться от заявления о присоединении к коллективному иску. Законом не регламентируются последствия отказа участника группы лиц от поданного им заявления о присоединении к требованию и не указано, какое определение должен вынести суд в этом случае. Поскольку участник группы не может быть лишен права на судебную защиту посредством подачи личного иска в будущем, вынесение определения о прекращении производства по требованию в защиту этого лица по аналогии с отказом от иска (п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, абз. 4 ст. 220 ГПК РФ) недопустимо. Для целей обеспечения права на обращение такого лица с личным иском в будущем

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.

необходимо оставлять его заявление о присоединении к требованию без рассмотрения (ч. 3 ст. 149 АПК РФ, ч. 2 ст. 223 ГПК РФ) и трансформировать его статус в статус третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне истца.

Взаимодействие же участников группы друг с другом находится вне процессуальной формы, это материально-правовые отношения, что предполагает необходимость применения соответствующих цивилистических механизмов коллективного волеизъявления в условиях юридического равенства (Kurochkin, 2012:271). В силу правил п. 2 ч. 4 ст. 244.22 ГПК РФ и п. 2 ч. 4 ст. 225.10-1 АПК РФ участники группы лиц принимают решение большинством голосов. Так они могут потребовать прекращения полномочий истца-представителя и, очевидно, также должны влиять на процессуальное поведение лица, обращающегося с требованием в защиту группы лиц.

Как было указано ранее, российская модель группового иска основана на принципе добровольности присоединения участников группы к заявленному требованию и не допускает императивного присоединения. Поэтому претерпевание всей группой лиц последствий процессуального поведения истца-представителя является допустимым. Распорядительные действия, заключение мирового соглашения и оспаривание судебного акта должны осуществляться при одобрении соответствующего действия большинством голосов участников группы, согласие которых презюмируется в силу факта присоединения к коллективному иску и наделения полномочиями истца – представителя конкретного лица (Vatamaniuk, 2021b:135). Несогласие отдельных участников группы с совершаемыми распорядительными действиями должно привести к отказу такого лица от присоединения к коллективному иску, что предполагает необходимость предоставления достаточного времени для соответствующих процессуальных действий. Поскольку в основе группового производства лежит не одно, а однородные правоотношения, заключение мирового соглашения не со всеми истцами (по причине их отказа) является допустимым. Утверждая мировое соглашение, суд не рассматривает дело по существу, а значит не устанавливает какие-либо обстоятельства, имеющие преюдициальное значение в будущем.

В ситуации, когда воля истца-представителя не совпадает с желанием большинства членов группы, их собрание должно иметь полномочия оперативно реализовать принадлежащие участникам права и инициировать смену такого лица. В этом случае бывший истец-представитель становится простым участником группы лиц, считается присоединившимся к требованию. А в случае несогласия экс-истца-представителя с измененной моделью процессуального поведения группы кредиторов он будет вправе реализовывать права, предусмотренные ст. 225.10-2 АПК РФ и ст. 244.23 ГПК РФ, – отказаться от заявления о присоединении к коллективному иску (хотя истец-представитель обычно подает иск в суд, и не присоединялся к требованию, а инициировал его, это право будет применяться по аналогии закона) и трансформировать свой статус в статус третьего лица, либо просто исключить свое участие в деле. Без замены истца-представителя, от своего имени участники группы лиц совершать каких-либо распорядительных прав не должны, иначе нивелируется эффект группового производства, характерного для группового производства, в том числе и британских моделей *representative proceedings* и *group litigation order* (Andrews, 2012:312–313).

Представляется, на ситуацию реализации прав участниками группы лиц необходимо распространять правила главы 9.1 ГК РФ о решениях собраний. Однако поскольку реализация процессуальных прав и обязанностей предполагает сжатые

сроки принятия таких решений, материально-правовую логику принятия решений собрания членов группы необходимо встроить в существующую процессуальную форму и предусмотреть основной механизм взаимодействия участников группы лиц. При регламентации соответствующих процедур взаимодействия участников группы лиц важно воздержаться от значительных свобод, предоставленных кредиторам в делах о несостоятельности (банкротстве). Механизм группового производства не должен стать похожим на процедуры в деле о несостоятельности, иначе здесь уже не будет цивилистического процесса, а будет своя, сугубо социальная процедура, далекая от порядка рассмотрения коллективного иска. Групповое производство должно быть более простой процедурой, что предполагает ее добровольная инициация с сохранением права предъявления личного иска в будущем, нежели производство по делу о несостоятельности с вынужденным характером включения требований кредиторов в реестр и «юридической смертью» должника, прекращающей обязательства перед кредиторами.

В групповом производстве могут быть консолидированы разные в стоимостном выражении требования участников группы лиц (Kolotov, 2020:74), что ставит под вопрос, каким образом выявлять критерий большинства при принятии решений собранием. В делах о несостоятельности, как известно, «голосуют рублем», т.е. вес голоса кредитора определяется исходя из размера включенных в реестр требований имущественного характера. Представляется, что такого рода усугубление правил расчетов в групповом производстве нецелесообразно. Коль скоро для инициации группового производства необходимо присоединение к требованию определенного количества лиц, то и динамика процесса должна ставиться в зависимость от процессуального поведения этих лиц, а не от манипуляций с размером их требований. Кроме того, в групповом производстве могут рассматриваться и неимущественные требования, и требования имущественного характера, не подлежащие оценке. Поэтому банкротная модель голосования неприемлема при рассмотрении группового иска.

Нетрудно заметить, что во второй форме участия кредитор в спорных однородных правоотношениях участвует в статусе третьего лица, т.е. является субъектом доказывания (Treushnikov, 2021:51), может самостоятельно оспаривать судебные акты, быть участником мировых соглашений, в отдельных случаях обязан возмещать судебные издержки. Такой статус обусловлен существованием отличного от «пассивных слушателей» юридического интереса и активной ролью такого субъекта. Поэтому, полагаем, вступление в процесс по групповому иску в статусе третьего лица участника спорных однородных правоотношений возможно только по его инициативе, но не по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда. Участие такого третьего лица в процессе призвано создать почву для защиты его прав и законных интересов в будущем при предъявлении личного иска, в том числе посредством установления преюдициальных фактов.

Заключение

Отечественная модель группового производства, таким образом, представляет собой нечто промежуточное между моделью *opt in* и моделью *opt out*, так как возбудить производство по групповому иску и осуществлять его рассмотрение возможно лишь при условии реального наличия минимального числа присоединившихся к требованию участников группы лиц, но в то же время отдельные качества законной

силы решения суда (общеобязательности и преюдициальности) будут распространяться и на лиц, не присоединившихся к заявленному требованию.

Групповое производство должно стать элементом профессионального процесса, в котором действия участников будут основаны на началах состязательности, поэтому излишне патерналистские подходы предоставления участникам группы режима наибольшего благоприятствования неприемлемы. В групповом производстве необходимо соблюдать особый баланс интересов кредиторов и должника в спорном однородном правоотношении, стремясь к минимизации объективных рисков массового неисполнения обязательств ответчиком. Выявленные проблемы правового статуса участников процессуальных отношений, особенности взаимодействия участников группы лиц, правила оплаты государственной пошлины и начисления исполнительского сбора должны быть урегулированы с учетом цели создания института групповых исков.

References / Список литературы

- Aiken, A.W. (2017) Class action notice in the digital age. *University of Pennsylvania Law Review*. (165), 967–1018.
- Alieskerov, M.A. (2022) Class Action in Adversarial Civil Procedure: Procedural Limits and Restrictions. *Herald of Civil Procedure*. 12(6), 133–151. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-6-133-151> (in Russian).
Алиэскеров М.А. Групповой иск в состязательном гражданском процессе: процессуальные пределы и ограничения // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 6. С. 133–151. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-6-133-151>
- Andrews, N. (2012) *The system of civil procedure in England: litigation, mediation and arbitration*. Translation from English. Khodykin, R.M. (ed.). University of Cambridge. M.: Infotropic Media Publ. (in Russian).
Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. Пер. с англ. / под ред. Р. М. Ходыкина; Кембриджский университет. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 544 с.
- Borisova, A.V. & Kotelnikova, E.A. (2020) Novelties of the Class Action Institution in Russian Civil Proceedings. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy process – Commercial and Civil Procedure*. (4), 16–19. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-4-16-19> (in Russian).
Борисова А.В., Котельникова Е.А. Новеллы института группового иска в гражданском судопроизводстве России // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 16–19. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-4-16-19>
- Burbank, S.B. & Wolf, T.B. (2018) Class actions, statutes of limitations and repose, and federal common law. *University of Pennsylvania Law Review*. 167(1), 1–70.
- Domshenko, V.G. (2022) Competence and Jurisdiction of Class Actions in Arbitration and Civil Procedure: Discussion Issues. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*. 12(5), 228–245. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-228-245> (in Russian).
Домшенко В.Г. Компетенция и подсудность групповых исков в арбитражном и гражданском процессе: дискуссионные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 5. С. 228–245. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-228-245>
- Goncharova, O.S. (2014) *Complicity in the civil process of Russia and the USA: monograph*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
Гончарова О.С. Соучастие в гражданском процессе России и США: монография. М.: Проспект, 2014. 208 с.
- Kolotov, V.A. (2020). Reforming the Institution of a Class Action in Russian Law: Selected Issues. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 15(7), 68–75. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.068-075> (in Russian).

- Колотов В.А.* Реформирование института группового иска в российском праве: отдельные вопросы // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 7(116). С. 68–75. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.068-075>
- Kolotov, V.A. (2021) Protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in civil and arbitration proceedings: dis. ... cand. of legal Sciences. Moscow, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL). (in Russian).
- Колотов В.А.* Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. 216 с.
- Kurochkin, S.A. (2012) Private and public beginnings in the civil process. Yarkov, V.V. (ed.). Moscow, Infotropic Media Publ. (in Russian).
- Курочкин С.А.* Частные и публичные начала в цивилистическом процессе / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 560 с.
- Lukyanova, I.N. (2019) Protection of the rights of citizens by a class action. *Zakon*. (12), 166–175. (in Russian).
- Лукьянова И.Н.* Защита прав граждан групповым иском // *Закон*. 2019. № 12. С. 166–175.
- Mareshin, D.Ya. (2020) Class Action Novels. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. (5), 94–103. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.058> (in Russian).
- Малешин Д. Я.* Новеллы групповых исков // *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 94–103. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.058>
- Reshetnikova, I.V. (2019) *Reflecting on judicial proceedings: selected works*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.
- Streltsova, E.G. (2010) On some difficulties in the practical application of Chap. 28.2 Commercial procedure Code of Russian Federation. *Law and Politics*. (4), 718–733. (in Russian).
- Стрельцова Е.Г.* О некоторых сложностях практического применения гл. 28.2 АПК РФ // *Право и политика*. 2010. № 4. С. 718–733.
- Sutormin, N.A. (2020a) Class litigation in Finland. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*. Vol. 10, no. 4, pp. 217–234. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-217-234> (In Russian).
- Сутормин Н.А.* Групповые иски в Финляндии // *Вестник гражданского процесса*. 2020. Т. 10. № 4. С. 217–234. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-217-234>
- Sutormin, N.A. (2020b). Advantages and disadvantages of a class action. *State and Law*. (7), 119–123. <https://doi.org/10.31857/S102694520010712-4> (in Russian).
- Сутормин Н.А.* Преимущества и недостатки группового иска // *Государство и право*. 2020. № 7. С. 119–123. <https://doi.org/10.31857/S102694520010712-4>
- Treushnikov, M.K. (2021) *Judicial evidence*. 5th ed., add. Moscow, Gorodets Publ. (in Russian).
- Треушников М.К.* Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Городец, 2021. 304 с.
- Wolf, T.B. (2014) Discretion in class certification. *University of Pennsylvania Law Review*. (162), 1897–1952.
- Vatamanyuk, V.O. (2021a) Conclusion of a Settlement Agreement in the Group Proceedings of Foreign Countries. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. (4), 27–40. (In Russian) https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_4_27
- Ватаманюк В.О.* Заключение мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств // *Российское право: образование, практика, наука*. 2021. № 4. С. 27–40. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_4_27
- Vatamanyuk, V.O. (2021b) Conclusion of a Settlement Agreement in Group Proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*. 11(2), 127–174. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174> (in Russian).
- Ватаманюк В.О.* Заключение мирового соглашения в групповом производстве // *Вестник гражданского процесса*. 2021. Т. 11. № 2. С. 127–174. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174>

Yarkov, V.V. (2021) Class Actions in Civil Procedure: Enforcement Issues. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. 11(5), 86–106. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-5-86-106> (in Russian).

Ярков В.В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 86–106. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-5-86-106>

Yarkov, V.V. & Dolganichev, V.V. (2020) Class action in comparative perspective. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. (1), 118–133. <https://doi.org/10.34076/2619-0672-2020-4-1-118-133> (in Russian).

Ярков В.В., Долганичев В.В. Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 118–133. <https://doi.org/10.34076/2619-0672-2020-4-1-118-133>

Yarkov, V., Kudryavtseva, E., Maleshin, D., Tumanov, D. & Smola, A. et al. (2019) Class actions in the civil process in Russia. *Zakon*. (8), 24–43. (in Russian).

Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А. и др. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 24–43.

Сведения об авторах:

Трезубов Егор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса, Кемеровский государственный университет; 650000, Российская Федерация, Кемеровская область-Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-2607-0405; Web of Science Researcher ID: N-9078-2017;

SPIN-code: 3027-3186

e-mail: egortrezubov@mail.ru

Звягина Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса, Кемеровский государственный университет; 650000, Российская Федерация, Кемеровская область-Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

SPIN-code: 4707-1477

e-mail: natalia.sheglova@list.ru

About the authors:

Egor S. Trezubov – Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Labor and Environmental Law and Civil Procedure, Kemerovo State University (Kemerovo, the Russian Federation); 6 Krasnaya str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2607-0405; Web of Science Researcher ID: N-9078-2017;

SPIN-code: 3027-3186

e-mail: egortrezubov@mail.ru

Natalya S. Zvyagina – senior lecturer of the Department of Labor and Environmental Law and Civil Procedure, Kemerovo State University (Kemerovo, the Russian Federation); 6 Krasnaya str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

SPIN-code: 4707-1477

e-mail: natalia.sheglova@list.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

EDN: NSZJJJ

Научная статья / Research Article

Стандарты извещения иностранных ответчиков при разрешении экономических споров в практике государственных судов

Е.В. Мохова^{ID}✉, Я.С. Бутакова^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
✉emokhova@hse.ru

Аннотация. Извещение иностранного ответчика имеет принципиальное значение для эффективной реализации права на судебную защиту. При этом в судебной практике сохраняются спорные вопросы об оценке надлежащего характера такого извещения. В новых геополитических условиях ситуация осложняется вводимыми государствами санкциями, что усиливает актуальность проблематики исследования. Цель – изучение сложившихся в российской правоприменительной практике стандартов извещения иностранных ответчиков, а также анализ влияния санкций на конвенционные механизмы извещения на примере одного из резонансных дел. Применены общенаучные методы исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, диалектический метод) и на специальные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Сделан вывод о формировании в российской судебной практике в противовес строго-формальному стандарту извещения иного стандарта – так называемого стандарта эффективного судебного извещения, основанного на доказательствах фактической информированности стороны о зарубежном судебном разбирательстве. Стандарт эффективного извещения, выполняя свою полезную функцию, не должен приводить к нивелированию международных соглашений о порядке извещения иностранных лиц – последние сохраняют свою обязательность и исключительность для тех ситуаций, в которых должны быть применимы. Авторы приходят к выводу о необходимости уточнения как условий применения стандарта эффективного извещения, так и требований к стандарту эффективного извещения. Санкции повлияли на применение конвенционных механизмов извещения: российские суды признают противоречащим публичному порядку исполнение иностранного судебного поручения об извещении российского подсанкционного лица в ситуации, когда ранее был вынесен противоисковый запрет на продолжение разбирательства в иностранном суде.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, вручение судебных извещений, уведомление иностранного ответчика, стандарт эффективного извещения, извещение по электронной почте, Гаагская конвенция 1965 г.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Мохова Е.В. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Бутакова Я.С. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

© Мохова Е.В., Бутакова Я.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья реализована в рамках проекта «Стандарты извещения иностранных лиц в эпоху санкций» при поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Статья подготовлена с использованием справочно-правовой системы «Консультант плюс».

Поступила в редакцию: 29 декабря 2022 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Мохова Е.В., Бутакова Я.С. Стандарты извещения иностранных ответчиков при разрешении экономических споров в практике государственных судов // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1079–1097. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

The standards of the foreign defendants notification in the economic disputes resolution

Elena V. Mokhova , Iana S. Butakova

Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

emokhova@hse.ru

Abstract. Notification of a foreign defendant is of fundamental importance for the effective realization of the right to a fair trial. At the same time judicial practice identifies controversial issues concerning the assessment of such notification. In the new geopolitical conditions, the situation is complicated by the sanctions imposed by the states, thus reinforcing the relevance of the research. The purpose is to examine the standards of foreign defendants' notification established in the Russian court practice, as well as to analyze the sanctions impact on the conventional notification mechanisms on the example of one of the high-profile cases. The authors rely on general scientific research methods (analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical method) and special methods (formal legal, comparative legal). The article concludes that in the Russian court practice a different standard – the so-called standard of effective notification based on evidence of the actual awareness of the party about the foreign proceedings – is formed as a counterbalance to the strictly formal standard of notification. The authors note that the standard of effective notification, fulfilling its useful function, should not lead to unjustified refusal to follow the international conventions on foreign persons notification. These conventions retain their binding effect including exclusive situations where they should be applicable. The authors conclude that it is necessary to clarify both the conditions for effective notification standard application and the requirements for the effective notification standard. The sanctions have affected the application of notification mechanisms: Russian courts recognize a foreign court request to notify a Russian sanctioned person as contrary to public policy in a situation where an anti-suit injunction on a foreign proceeding was previously issued.

Key words: international civil procedure, service of summons, notification of a foreign defendant, effective notification standard, notification by e-mail, Hague Service Convention of 1965

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Mokhova E.V. – data collection and processing, data analysis, text writing; Butakova I.S. – data collection and processing, data analysis, text writing.

Funding. The article was developed within the framework of the project “Standards of notification of foreign persons in the era of sanctions” with the support of the National Research University “Higher School of Economics”. The article was prepared using the ConsultantPlus Reference Legal System.

Received: 29th December 2022

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Mokhova, E.V., Butakova, I.S. (2023) The standards of the foreign defendants notification in the economic disputes resolution. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1079–1097. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

Введение

При рассмотрении в государственных судах экономических споров с участием иностранных лиц принципиальное значение имеет вопрос надлежащего и своевременного¹ извещения последних (далее также – судебное извещение).

Судебное извещение ответчика выступает неперенным атрибутом реализации права на суд, гарантированного как нормами международного², так и нормами национального права³. В ряде юрисдикций извещение выполняет двойную функцию – оно рассматривается не только как вопрос реализации права на суд, но и как часть юрисдикции *in personam*, в отсутствие которой суд не может признать себя компетентным рассматривать спор⁴. Вопросу извещений пристальное внимание уделялось как отечественными экспертами (Eliseev, 2016, Kostin, 2014; Kostin, 2017, Yarkov, 2012), так и зарубежными (Anthimos, 2017, Dodge, 2022, Schack, 2001)

Проблематика извещений приобретает особую актуальность в свете текущих геополитических реалий: вопрос о вручении судебных документов осложняется вводимыми государствами взаимными многочисленными мерами ограничительного характера (санкциями). Возникающие сложности фактического характера (например, затруднения в доступе к курьерским службам⁵, увеличение сроков доставки корреспонденции⁶) перерастают в сложности юридического характера (например, потеря

¹ Полагаем возможным дифференцировать своевременность извещения (направленное его в сроки, обеспечивающие достаточно времени для явки в суд (Kostin, 2017)) и его надлежащий характер (т.е. вручение с соблюдением правил, предписанных процессуальным законодательством (Kostin, 2017)). В статье основной акцент сделан на характеристику такого признака извещения как его надлежащий характер.

² Так, право на суд закреплено в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция 1950 г.). В практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) право на суд получило детализацию в том числе и с точки зрения надлежащего и своевременного извещения. Конвенция прекращает свое действие в отношении Российской Федерации в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы.

³ В России основополагающей нормой выступает ст. 46 Конституции Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> // СПС «Консультант плюс».

⁴ Такой подход, по свидетельству экспертов, известен английскому праву (Torgemans (ed.), 2017:308). При этом документ, формирующий каркас регулирования юрисдикции и экзекватур в ЕС – Регламент Брюссель I о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам 1215/2012 (далее – Регламент Брюссель I). Текст доступен на официальном электронном ресурсе. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 03.11.2022) не связывает вопрос о компетенции суда в надлежащем или ненадлежащем извещением ответчика (Torgemans (ed.), 2017:308).

⁵ Так, примечательная ситуация с ограничением доставки документов в России со стороны крупнейших международных курьерских компаний. Например, служба доставки UPS на своем сайте информирует о том, что она почти полностью приостановила работу в Беларуси, России, Украине. Режим доступа: <https://www.ups.com/ru/ru/service-alerts.page?id=alert1> (дата обращения: 20.12.2022). Служба доставки DHL продолжит оказывать услуги только по доставке документов и грузов из России за границу. Режим доступа: <https://express.dhl.ru/info/izmeneniya-v-rabote-dhl-express-tdd/> (дата обращения: 20.12.2022). Все услуги компаний FedEx и TNT по международной и внутренней доставке приостановлены. Режим доступа: <https://www.fedex.com/ru-ru/home.html> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ См. например, информацию об ограничениях почтового обмена на официальном сайте Почты России. Режим доступа: <https://www.pochta.ru/support/no-mail-exchange> (дата обращения: 12.12.2022). Примечательно, что с некоторыми странами из тех, с кем после февраля 2022 года было прервано почтовое сообщение, последнее было восстановлено к концу 2022 года (например, Швеция, Молдова, Кипр).

извещением характера своевременности при задержках в доставке корреспонденции, коллидация с правом истца на судебное разбирательство в разумный срок).

В такой ситуации видится важным проанализировать сложившиеся подходы к стандартам извещения иностранных лиц в практике российских судов. В статье будут рассмотрены стандарты строго-формального и эффективного извещения в их становлении и развитии, а также будет проанализировано влияние санкций на конвенционные механизмы извещения на примере одного из резонансных дел.

Конвенционные каналы направления судебных извещений

В первую очередь, задача реализации надлежащего и своевременного извещения иностранного лица возникает в форуме, где дело рассматривается по существу. При этом государства по-разному могут относиться к регламентации судебных извещений об иностранном процессе (Нау, 2018). Выделяется два принципиально разных подхода: в соответствии с первым судебное извещение представляет собой публично-правовую деятельность государства (Yarkov, 2012), при этом вручение документа о зарубежном судебном процессе рассматривается как «государственный акт верховенства, оказывающий содействие иностранному судебному процессу» (Schack, 2001:287). В соответствии со вторым подходом процессуальное извещение может быть проведено в частном порядке, путем простого направления почтовой или курьерской отправкой ответчику. Такой вариант реализуется в странах англосаксонской правовой семьи. Логика его заключается в следующем: если задача извещения – действительное уведомление о судебном процессе с целью реализации права быть заслушанным в суде, то эта задача может быть также хорошо исполнена частными лицами (см. подробнее: Schack, 2001:289).

Применимое право к оценке, было ли извещение иностранного лица надлежащим и своевременным или нет, также может определяться по-разному (Kostin, 2014; Kostin, 2017, Eliseev, 2016). Извещение иностранного ответчика может оцениваться по праву страны рассмотрения спора (*lex fori*), либо с учетом двух правопорядков, где дополнительно учитывается право страны места вручения извещения (*lex diligentiae*), при этом последнее потенциально может стать в перспективе правом страны признания и приведения в исполнение ожидаемого судебного решения (*lex recognitionis*).

Форум страны последующего признания и приведения в исполнение (далее также – экзекватуры) вынесенного иностранного судебного решения также наделен полномочиями по оценке состоявшегося при разрешении спора за рубежом процессуального извещения (Kostin, 2014). Так, ненадлежащее и несвоевременное извещение заблокирует экзекватуру или как самостоятельное основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения⁷, или как элемент «процессуального публичного порядка» (Krokhalev, 2006; Yarkov, 2012), или

⁷ Пункт 2 ч. 1 ст. 244 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), пп. ii п. а) ч. 1 ст. 7 Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г. (далее – Гаагская конвенция 2019 г.). Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/judgments> (дата обращения: 10.12.2022).

как нарушение принципа естественной справедливости (естественного правосудия)⁸. Большинство юрисдикций в такой ситуации применяют право страны экзекватуры, зачастую совпадающее с правом страны места вручения извещения (*lex diligentiae*) (Kostin, 2014).

Таким образом, характер процессуального извещения в делах с иностранным элементом может оцениваться несколько раз: на стадии рассмотрения дела по существу спора, на стадии вручения извещения в стране места нахождения ответчика, на стадии признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. И не исключено, что задействованные правопорядки могут разойтись в оценке надлежащего характера и своевременности извещения ответчика.

Эту проблему отчасти позволяют решить различные международные договоры – конвенционные механизмы⁹, направленные как на унификацию стандартов и процедур извещений, так и на обеспечение доступа к информации о судебном процессе через верифицированные и признанные государством годными для таких целей каналы¹⁰ – способы передачи судебных поручений и (или) документов.

Принято выделять следующие основные¹¹ каналы: 1) *дипломатический*¹², 2) взаимодействие через назначаемый государствами *центральный орган страны места извещения* в соответствии с наиболее известным на сегодняшний день международным стандартом – Гаагской конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.¹³ (далее – Гаагская

⁸ Эксперты отмечают, что в Регламенте Брюссель I такая характеристика извещения как его *надлежащий* характер вынесена за рамки принципа естественной справедливости (естественного правосудия). Формальные нарушения (например, ненадлежащий перевод), не влияющие на способность ответчика понимать существо иска и на способность защищать свои права, могут быть проигнорированы и для принципа естественной справедливости важен, в первую очередь, *своевременный* характер извещения, позволяющий подготовить и представить стороне доводы в свою защиту перед судом (Torremans (ed.), 2017, 578, 635–636).

⁹ Отметим, что возможно внеконвенционное оказание международной правовой помощи в том числе для целей вручения судебных документов, реализуемое на основе принципа взаимности (Schack, 2001), но оно остается за рамками данного исследования.

¹⁰ Термин «каналы» используется в Практическом руководстве по применению Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам / пер. с англ. А.Н. Жильцов и др.; отв. ред. А.Н. Жильцов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с. (далее – Практическое руководство 2007 г.).

¹¹ Могут быть выделены и иные каналы извещения, например, альтернативный основному канал – вручение документов с помощью судебных и иных должностных лиц или других компетентных лиц запрашиваемого государства (п. b ст. 10 Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам). В статье акцентированы основные и наиболее активно используемые в практике российских судов каналы извещения.

¹² Предусмотрен в Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=33> (дата обращения: 10.12.2022). Также рассматривается как альтернативный канал по статьям 8 и 9 Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. Российская Федерация сделала оговорку о неприменении статьи 8 названной конвенции.

¹³ Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/service> (дата обращения: 10.12.2022). Отметим, что нормы о дипломатическом канале вручения судебных и внесудебных документов (ст. 1-7) Гаагской конвенции о международном гражданском процессе 1954 г. заменяются на положения Гаагской конвенции 1965 г., для стран-участниц обеих конвенций (ст. 22 Гаагской конвенции 1965 г.).

конвенция 1965 г.), 3) *непосредственные сношения судов*¹⁴, а также 4) «*частноправовой*» (или «*почтовый*») канал извещения, предполагающий простое направление извещения почтовой или курьерской службой или вручение документов иностранному ответчику другой стороной¹⁵. Последний из названных каналов прямо поименован в качестве приемлемого в получившей известность статье 10 (а) Гаагской конвенции 1965 г., наравне с основным каналом – извещением через центральный орган¹⁶. Но государства при ратификации могут сделать оговорку о возражении в отношении статьи 10. Важно, что такую оговорку сделала и Российская Федерация¹⁷.

Система выстроенных в конвенциях каналов направления извещений стала создавать для России, первоначально исходящей из публично-правовой природы процессуального извещения, проблемный вопрос следующего характера. *Будет ли отклонение от соблюдения правил, зафиксированных в конвенциях, во всех случаях означать ненадлежащее извещение?* Положительный ответ на этот вопрос создает стандарт строго-формального извещения. В противовес ему можно выделить стандарт эффективного извещения, суть которого заключается в следующем: дефект процедуры конвенционного механизма может быть компенсирован доказательствами того, что должник по судебному решению достоверно знал об иностранном судебном процессе, и эта информированность может быть достигнута в том числе посредством частноправовых («почтовых») каналов извещения, т.е. путем простой почтовой пересылки документов, минуя формализованные каналы направления через центральный орган или непосредственные сношения судов.

Строго-формальный стандарт извещения в практике российских судов

Фиксацию в российской судебной практике **строго-формального стандарта извещения** можно связать с известным и обсуждавшимся экспертами (Kudelich, 2015) делом «Нортел», рассмотренном еще в 2014 г. Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ). ВАС РФ в постановлении ВАС 3366/13 от 28.01.2014 сформулировал требование строгого соблюдения международно-правовых конвенционных механизмов при извещении ответчика, даже если последний не отрицает, что был проинформирован иными способами о разбирательстве в отношении него в иностранном суде, но все же не явился туда.

¹⁴ Предусмотрен в статье 5 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». Текст доступен в СПС «Консультант плюс»

¹⁵ За рамками рассмотрения данной статьи остаются вопросы определения применимого международного договора и соответствующего канала направления извещений при связанности государств несколькими международными договорами. Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу отражена в пункте 2 в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

¹⁶ Гаагская конвенция 1965 г. и механизмы применения предусмотренных ей каналов – основного и альтернативных, в том числе почтового – были предметом многочисленных исследований за рубежом (Reisenfeld, 1990; Weis, 1994 и др.) и в России (Yarkov, 2012; Eliseev, 2016; Kostin, 2017).

¹⁷ Аналогичные возражения сделали Болгария, Бразилия, Германия, Китай, Мексика, Норвегия и многие другие. В ряде случаев наблюдались сложности с переводами, например, возражений по статье 10 со стороны Мексики, при этом, по свидетельству экспертов, позиция государства в отношении следования возражению строгая (Campbell, 2010). Но множество государств таких возражений не делали (Андорра, Бельгия, Канада и др.). Подробная информация о декларациях стран-участниц доступна на официальном сайте Гаагской конференции. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=17> (дата обращения: 10.12.2022).

Фабула дела заключалась в следующем. В связи с неисполнением обязательств по основному договору истцы, руководствуясь пророгационным соглашением, обратились в Высокий Суд Правосудия Англии и Уэльса. Уведомление ответчику было направлено не через центральный орган по Гаагской конвенции 1965 г., но в соответствии с английским процессуальным правом ценным письмом с описью вложения по адресу места регистрации ответчика, а также его постоянно действующего исполнительного органа. Английскому суду были представлены доказательства получения данных уведомлений сотрудницей ответчика, в связи с чем суд посчитал извещение надлежащим и, рассмотрев дело в отсутствие извещенного ответчика, вынес заочное решение в пользу истцов. На стадии признания и приведения в исполнение в России этого решения ВАС РФ посчитал, что «извещение должника о вводимом против него судебном процессе в иностранном суде было сделано по правилам английского судопроизводства и являлось эффективным, так как фактически было получено находящимся в Российской Федерации должником, что установлено судами». Но при этом извещение не соответствовало Гаагской конвенции 1965 г., действующей для Российской Федерации с учетом сделанных ею заявлений в отношении статьи 10 о возражениях против упрощенных процедур направления, пересылки и вручения судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам. В силу п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ ненадлежащее извещение стало основанием для отказа в экзекватуре.

В поддержку строго-формального стандарта извещения была высказана развернутая аргументация многими российскими экспертами (Yarkov, 2012; Kostin, 2017). Логичным продолжением этой позиции выступает высказанный профессором В.В. Ярковым тезис о том, что информирование о судебном процессе любым иным способом, кроме как конвенционным, «будет считаться незаконным и ненадлежащим, не влекущим никаких правовых последствий для российских граждан, грубо нарушающим суверенитет Российского государства, процессуальный публичный порядок и право на судебную защиту в его конституционно-правовом толковании» (Yarkov, 2012).

Основная идея строго формального подхода может быть сформулирована следующим образом: нет информированности о процессе, обязывающей сторону предпринимать действия по организации защиты своих прав в иностранном процессе (привлекать консультантов и др.), вне согласованных государствами каналов передачи и вручения судебных документов. Иные способы, кроме конвенционных каналов, не верифицированы и не признаны правопорядками в качестве годных, поскольку не предоставляют потенциальному ответчику необходимых гарантий (язык, на котором исполнены документы, полнота направленного пакета документов, унифицированные и предсказуемые последствия неполучения ответа о вручении и др.¹⁸).

Но проблема такого подхода заключается в том, что он создает риски злоупотреблением правом на конвенционное извещение со стороны тех, кто информирован о зарубежном процессе альтернативными способами. В результате должники по иностранному судебному решению, защищаясь от экзекватуры, ссылаются на ненадлежащий характер их извещения на основании международных договоров, в действительности обладая достоверными сведениями об открытии в отношении

¹⁸ Подробнее гарантии конвенционного механизма раскрыты в трудах А.А. Костина (Kostin, 2017). Доказательственная роль вручения документов в судебном извещении исследована в трудах Х. Шака (Schack, 2001).

них судебного процесса, где такое решение было вынесено. Эта проблема отмечалась экспертами (Kudelich, 2015) и повлияла на последующее развитие судебной практики.

Стандарт эффективного извещения в практике российских судов

После рассмотренного выше кейса «Нортел» в цепочке дел Верховный Суд РФ стал «смягчать» стандарт строго-формального извещения¹⁹. Эта тенденция в 2017 г. получила свое закрепление в масштабном документе по обобщению судебной практики в сфере международного гражданского процесса – в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – ППВС РФ № 23). В пункте 36 документа был зафиксирован *стандарт так называемого эффективного извещения*: «с учетом того, что участвующие в деле лица должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (часть 2 статьи 41 АПК РФ), факт отсутствия доказательств получения судебных извещений, направленных в порядке, предусмотренном нормами соответствующего международного договора или федерального закона, сам по себе не может являться основанием для безусловной отмены судебного акта, если в судебном заседании принял участие уполномоченный представитель иностранного лица и (или) суду от иностранного лица поступили отзыв, доказательства, ходатайства *либо имеются иные доказательства того, что иностранное лицо знало о судебном разбирательстве*».

Из содержания данного пункта следует, что реабилитация порока формального извещения возможна в случае доказательств информированности стороны о процессе, среди которых выделяются две группы: во-первых, те, что подтверждают фактическое участие в судебном заседании (участие представителя иностранного лица в судебном заседании и (или) представление отзыва, доказательств, ходатайств) и во-вторых, *иные доказательства информированности стороны о процессе*.

Правило о том, что фактическое участие в процессе (явка представителя и представление доводов по существу спора и т.д.) реабилитирует ненадлежащее извещение, было закреплено в судебной практике много ранее²⁰ и широко признается. Но позиция о том, что «иные доказательства информированности стороны о процессе» также рассматриваются как надлежащее, но требует взвешенной оценки извещения.

¹⁹ Так, например, в деле «Сочиинвестбанка» и компании «Вис трейдинг» в определении ВС РФ от 18.08.2014 по делу № А07/16859/13 суд пришел к выводу о том, что необоснованный отказ от получения извещения о процессе в порядке Гаагской конвенции 1965 г. при использовании иных эффективных способов извещения не делает извещение ненадлежащим. Далее, в деле Лезник и Кедарт в определении ВС РФ от 29.10.2014 по делу № А40-153603/13 суд высказался о том, что непредоставление стороной информации о своем адресе контрагенту возлагает на эту сторону риски неизвещения, в том числе по Гаагской конвенции 1965 г. В деле «ЭКОТЕРРА» ВС РФ в определении от 26.04.2017 по делу № А75-7512/2016 отметил: если лицо *знало* о процессе, но не участвовало в нем, то оно несет негативные последствия такого пассивного поведения.

²⁰ Правило о том, что фактическое участие в процессе (явка представителя и представление доводов по существу спора и т.д.) реабилитирует ненадлежащее извещение, было закреплено в судебной практике много ранее²⁰ и широко признается. См. например: определение ВАС РФ от 28.10.2011 № ВАС-8661/11, определение ВС РФ от 01.07.2015 по делу А40-75206/2014.

Дело в том, что такая информированность стороны о процессе может достигаться за счет использования частноправовых способов вручения судебных документов и почтовых каналов. Следствием такого подхода может стать отход от прямого соблюдения требований международных договоров Российской Федерации, в том числе оговорки о возражении в отношении статьи 10 Гаагской конвенции, а также статьи 5 Киевского соглашения.

Видится, что этот риск – нивелирования действия международных соглашений – был предсказуем, и в 2019 г. Верховный Суд РФ в определении ВС РФ от 30.04.2019 по делу № А35-2592/2018 дал пояснение по порядку применения стандарта эффективного извещения, акцентируя внимание на том, что последний не направлен на преодоление действия международных соглашений – при извещении необходимо соблюдать конвенционные механизмы, в том числе и те, что предусмотрены статьей 5 Киевского соглашения 1992 г., если таковое применимо. Суд особо отметил, что «извещения о судебном процессе, направленные с нарушением норм международного договора Российской Федерации, обеспечивающих государственные гарантии защиты находящимся под её юрисдикцией на ее территории лицам, не могут считаться надлежащими». Но у добросовестной стороны есть право доказать, что вторая сторона знала о судебном процессе, имела возможность защищать свои права, но, действуя недобросовестно, исключительно в целях преодоления исполнения иностранного судебного решения ссылается на несоблюдение международного договора при извещении. ВС РФ отметил, что именно в *такой* ситуации суд устанавливает *обстоятельства фактического извещения и отсутствие злоупотреблений* со стороны всех участников правоотношений.

Но примечательно, что далее в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2019 г.²¹ (далее – Обзор 2019 г.) *стандарт эффективного извещения был закреплен как альтернатива надлежащего извещения по конвенционным механизмам без апеллирования к принципу добросовестности*: «извещение о судебном процессе в иностранном суде является надлежащим, если соблюден порядок извещения, установленный нормами международных договоров, либо имеются доказательства эффективного (фактического) извещения стороны о судебном разбирательстве в иностранном суде (представлены доказательства того, что она знала о таком судебном разбирательстве)».

Далее в практике этот подход подтверждался ВС РФ. Так, в определении ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020 о признании и приведении в исполнение решения Высокого суда Правосудия Англии и Уэльса о взыскании судебных расходов ВС РФ вновь подчеркнул самостоятельное значение стандарта эффективного извещения по отношению к формальному конвенционному механизму²².

Таким образом, в практике российских судов сформировался подход по проверке в том числе и эффективного извещения иностранного ответчика. С одной стороны, это позволяет преодолеть проблему злоупотребления правом на конвенционные каналы извещения – длительные и сложные – в ситуации, когда иностранный

²¹ Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Доступен в СПС «Консультант плюс».

²² Но при этом не было признано эффективным извещение по электронной почте, направленное представителем ответчиков по корпоративному почтовому адресу, исходящее, как установил суд, от неизвестного лица и содержавшее ссылку на файл, который не открывался (определение ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020).

ответчик достоверно знал о судебном процессе, но ссылается на отсутствие извещения на основе международного соглашения. С другой стороны, возникает вопрос об условиях применения стандарта эффективного извещения и разграничения случаев применения конвенционных и альтернативных им каналов извещения в свете соблюдения обязательств из международных договоров и принципа *pacta sunt servanda*.

Условия применения стандарта эффективного извещения

Стандарт эффективного извещения как возможность внеконвенционного информирования иностранного ответчика поддерживался рядом российских экспертов как допустимый, но при определенных обстоятельствах (Eliseev, 2016; Kudelich, 2015).

Видится, что фиксация в российской правоприменительной практике стандарта эффективного извещения все же отнюдь не предполагает, что международные конвенционные каналы извещения, в том числе Гагская конвенция 1965 г. вместе с российской оговоркой о неприменении статьи 10, могут просто заменяться при трансграничном судебном извещении на альтернативный порядок направления ответчику информации о судебном процессе. Применимость конвенционных механизмов устанавливаются, в первую очередь, самими международными договорами, их предусматривающими, но не произвольно национальным правом государств-участников международного договора. Важно, что в отношении Гагской конвенции 1965 г. признан ее *исключительный* характер, т.е. ее каналы являются единственно доступными для использования в тех случаях, когда конвенция применима²³. Соответственно, конвенционный механизм остается основным стандартом судебного извещения иностранных лиц, что – в силу сложившегося в российской судебной практике похода – не исключает при определенных условиях применения стандарта эффективного извещения. Видится возможным обозначить несколько таких ситуаций.

Во-первых, можно полностью согласиться с позицией о том, что *в тех случаях, когда международный договор, предусматривающий определенный конвенционный канал извещения, не применяется, могут* использоваться иные правила извещения, в том числе не связанные с международно-правовыми механизмами (Eliseev, 2016). Так, например, Гагская конвенция 1965 г. в силу абзаца 2 ее статьи 1 не применяется, если адрес получателя документа не известен²⁴.

Далее – та же Гагская конвенция в абзаце 1 ее статьи 1 очерчивает круг пределов ее применения следующим образом: она применима в гражданских или торговых делах во всех случаях, при которых судебный или внесудебный документ *необходимо направить для передачи или вручения за границей*. Ряд правопорядков исходят из того, что это положение требует международно-правового толкования, как установленное конвенционной нормой, но иные исходят из того, что это положение толкуется судом в соответствии с национальным правом страны места разрешения спора. Второй подход поддержан экспертами Гагской конференции как сложившийся²⁵, на что обращалось внимание и в России (Eliseev, 2016). Это позволило национальным правопорядкам особым образом трактовать ситуации, при

²³ Пункты 25, 44 Практического руководства 2007 г.

²⁴ При этом дискуссионными остаются вопросы о том, кто обязан установить адрес ответчика, может ли электронный адрес ответчика рассматриваться как адрес для целей Гагской конвенции 1965 г. и др. вопросы (Eliseev, 2016).

²⁵ Пункты 26-41 Практического руководства 2007 г.

которых не требуется направление извещений за границу, что поставило вопрос о практике так называемых «замещающих» извещений.

«Замещающие» извещения (Dodge, 2022) или *фикции извещения*, известные в наиболее распространенном варианте как институт *remise au parquet* – презумпция извещения ответчика по факту вручения документов компетентному должностному лицу (например, прокурору в применявшейся ранее (до 2005 г.) французской модели²⁶, или государственному секретарю штата – в американской), который далее уже берет на себя задачу по последующей передаче документов в иные компетентные органы для вручения их конечному адресату. Но такой подход признается экспертами как вступающий в коллизию с международным стандартом Гаагской конвенции 1965 г.²⁷ и с правом Европейского Союза²⁸ (далее – ЕС) (Anthimos, 2017). Ряд стран, например, Бельгия, признавали извещение *remise au parquet* противоречащим публичному порядку (Gössl, 2016:88). Эксперты США также усматривают противоречие *remise au parquet* принципу надлежащей процедуры (due process), гарантированному Четырнадцатой поправкой к Конституции США (Dodge, 2022), причем снятие противоречия как раз требует направления извещения по Гаагской конвенции 1965 г. (Dodge, 2022). Иначе говоря, фикция вручения перестает быть надлежащим замещающим извещением и требует направления документа за границу, а значит – подпадает под сферу действия Гаагской конвенции.

Примечательно, что в ситуации известного США «замещающего» извещения иного рода – вручения документа аффилированной с ответчиком или его дочерней компании при условии, что степень близости и взаимодействия их с ответчиком такова, что можно было со всей очевидностью полагаться на передачу ему извещения²⁹ – суды и эксперты такого противоречия с принципами надлежащей процедуры (due process) не усматривают, полагая, что такое «замещающее» извещение легитимно в пределах трактовки соответственно, не предполагают необходимым

²⁶ Такой порядок был отменен во Франции для стран-участниц Гаагской конвенции 1965 г. (Практическое руководство 2007 г., п. 9).

²⁷ Гаагская конвенция 1965 г. для целей преодоления применимых в ряде стран подходов фиктивного или условного вручения специально предусматривает статью 15, направленную на поиск баланса между правом истца на рассмотрение спора в разумный срок и правом ответчика на судебную защиту. С другой стороны, как отмечено в п. 8 Практического руководства 2007 г., Конвенция не устраняет процедуру *remise au parquet*, но при этом «направлена на обеспечение защиты интересов ответчика от потенциально негативных последствий такой системы».

²⁸ Суд ЕС в 2012 г. в деле Адлер (C-325/11, Krystyna Alder & Ewald Alder / Sabina Orłowska & Czesław Orłowski, ECLI:EU:C:2012:824. Текст доступен на официальном сайте Суда ЕС. Режим доступа: www.curia.eu (дата обращения: 20.12.2022) высказался о том, что Регламент № 1393/2007 Европейского парламента и Совета от 13 ноября 2007 г. о вручении в государствах-членах судебных и внесудебных документов по гражданским или коммерческим делам (Текст доступен на официальном сайте правовой информации ЕС. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32007R1393> (дата обращения: 20.12.2022) исключает условное вручение, предусмотренное национальным правом какого-либо государства (п. 32 судебного акта), и соответственно, искореняет какие-либо формы фиктивного извещения (Anthimos, A., 2017, 23). Европейская модель судебных извещений была предметом исследований многих экспертов (см., например: Dominelli, 2018).

²⁹ Эта позиция была изложена судами Иллинойса в известном деле Schlunk (Volkswagen Aktiengesellschaft v. Schlunk, 486 U.S. 694 (1988), Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/486/694/> [Accessed 20th December 2022], где дочерняя компания иностранного ответчика была признана недобровольным агентом последнего, в связи с чем вручение ей документов можно рассматривать как «замещающее» извещение иностранного ответчика, не требующее направления последнему извещения по Гаагской конвенции 1965 г., поскольку нет необходимости направления документов за границу (абз. 1 ст. 1 Гаагской конвенции 1965 г.)

задействовать Гаагскую конвенцию 1965 г. в порядке толкования ее абзаца 1 ст. 1 (Dodge, 2022). Таким образом, ряд стран сохраняют национально-правовой подход в толковании пределов применения Гаагской конвенции 1965 г. и круга ситуаций, в которых направление извещения за границу не требуется.

Дискуссионным остается вопрос о возможности исключения применения Гаагской конвенции 1965 г. *по соглашению сторон*, том числе если стороны, например, включили в контракт положение об электронном извещении о процессе и указали адрес электронной почты для такой цели (Тамауо, 2000). Страны, исходящие из публично-правовой концепции судебного извещения, как правило, не признают такую возможность договорного исключения публично-правовой обязанности государства³⁰. При этом в российской доктрине высказывались тезисы в поддержку права сторон на соглашение о порядке доставки судебных документов (Eliseev, 2016). Примечательна следующая позиция по этому вопросу: договорное исключение применения Гаагской конвенции 1965 г. недопустимо, так как она императивна в тех случаях, когда подлежит применению, т.е. когда судебный документ должен быть направлен за границу правопорядка суда (абз 1 ст. 1 Конвенции). Но если соглашение сторон о направлении извещения таково, что оно не требует направления извещений за границу – например, назначен местный представитель или указан адрес в стране суда – то в такой ситуации Конвенция утрачивает свою применимость (Coyle, Effron & Gardner, 2019). ВС РФ еще предстоит выработать отношение к данному вопросу.

Таким образом в случае, если конвенционный канал неприменим в силу положений международного договора, его предусматривающего, государство будет использовать альтернативные варианты направления судебных документов. В последующем в процедуре экзекватуры на судебное решение суд государства, где истребуется признание и приведение в исполнение, оценит как вопрос о применимости Конвенции (и может разойтись в оценке пределов ее действия, признав необоснованным отказ от ее использования), так и вопрос о соответствии использованного метода вручения стандартам надлежащей правовой процедуры (*due process*), публичному порядку.

Исключением из строго-формального стандарта в пользу эффективного может быть ситуация, где при ином подходе *реализация права на суд, гарантированного нормами и национального, и международного права, будет заблокирована для истца*. Так, примечателен опыт Великобритании. В силу ст. 6.8 Гражданско-процессуальных правил (ГПП) Великобритании 1998 г.³¹ суд, как при извещении в национальном процессе, так и при извещении иностранных лиц ((RSC Order 69, Rule 3(5)), вправе отступить от формальных способов извещения сторон судебного процесса и перейти к альтернативным способам, обосновав их. При этом заявитель должен в прошении о применении выбранного метода сослаться *на вескую причину и приложить доказательства, подтверждающие ее (ч.1 ст. 6.8)*. По свидетельству экспертов, в судебной практике исключительное и допустимое только в особых случаях отступление от конвенционных каналов возможно, если извещение в порядке, предусмотренном международным договором, занимает очень длительный период времени, вплоть до года (Eliseev, 2016). В США в свое время доступ к извещению

³⁰ Пункт 43 Практического руководства 2007 г.

³¹ The Civil Procedure Rules 1998, Supreme Court of England and Wales Country Courts 1998 No.3132 (L.17). Available at: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gb/gb317en.pdf> [Accessed 20th December 2022].

альтернативным конвенционному способом был предоставлен в отношении российских ответчиков, поскольку сотрудничество России и США по Гагской конвенции 1965 г. приостановлено в связи с введением США платного порядка вручения документов³² (Willig, 2009).

Наконец, еще одно из возможных условий применения стандарта эффективного извещения изложено в рассмотренном выше кейсе № А35-2592/2018, из которого следует, что этот стандарт применяется *только в ситуациях недобросовестности стороны, избегающей экзекватуры ссылкой на несоблюдение конвенционных механизмов направления судебного извещения*.

Таким образом, видится, что эффективное извещение выступает *не как простая альтернатива конвенционным механизмам, но как допустимая при определенных условиях*: например, в случаях, когда конвенционные механизмы не применяются в силу самих положений международного договора; при доказанном злоупотреблении со стороны ответчика по судебному решению; в исключительных случаях, когда при ином подходе право на суд со стороны истца будет заблокировано, например, при полной невозможности конвенционного извещения ответчика.

Особо значимо и то, что конвенционные каналы направления судебных извещений предполагают соблюдение значимых процессуальных гарантий извещаемого лица (соответствующий язык документа, полнота сведений и т.д.) и служат своей целью обеспечить в том числе фиксацию вручения извещения, выступая одновременно и способом, и доказательством извещения. В ситуации эффективного извещения такого формального подтверждения получения извещения со стороны компетентного органа не будет. Соответственно, стандарт эффективного извещения, во-первых, во всех случаях должен предполагать, что легитимная информированность о судебном разбирательстве возможна *только при соблюдении базовых процессуальных гарантий извещаемого лица*, а во-вторых – требует оценки *доказательств* такого информирования³³. Видится, что эти вопросы должны быть в поле зрения судов при оценке эффективного извещения ответчика.

Последнее особенно актуально в свете цифровизации и повсеместного использования электронных средств коммуникации. Возникает вопрос о соответствии направления извещения о судебном процессе по электронной почте стандарту эффективного извещения. За рубежом эта проблематика активно исследуется (Hedges, Rashbaum & Losey, 2009; Lewis, 2008; Tamayo, 2000) в свете развивающейся судебной практики, причем поднимается проблема как с точки зрения соответствия извещения по электронной почте Гагской конвенции 1965 г.³⁴, так и с точки зрения

³² Информация Минюста России «О порядке составления и исполнения запросов о вручении документов и получении доказательств по гражданским или торговым делам в рамках Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года, Конвенции о получении доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года и Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 года» // Доступно в СПС «Консультант плюс».

³³ Так, эксперты предлагают различные критерии оценки легитимной информированности о судебном процессе вне конвенционных каналов: направление извещения надлежащему ответчику, проверяемость доставки сообщения, заметность сообщения, достаточный доступ к повестке и судебным документам (Urchurch, 2016). Этот вопрос, также стандарты доказывания фактического извещения требуют дальнейшего исследования и отдельного освещения.

³⁴ Отметим, что извещение по электронным каналам коммуникации признано экспертами Гагской конференции не противоречащим Гагской конвенции 1965 г. и не запрещенным ею (Conclusions and Recommendations of the Special Commission on the practical operation of the Hague Service, Evidence and Access to Justice Conventions (20-23 May 2014). Available at: <https://assets.hcch.net/docs/eb709b9a-5692-4cc8-a660-e406bc6075c2.pdf> [Accessed 20th December 2022].

его годности как альтернативного канала извещения. Так, например, судебное извещение по электронной почте в деле *Rio-International*³⁵ было признано допустимым судами США, поскольку компания создала бизнес-модель, при которой с ней можно было связаться только по электронной почте. В другом деле *Ehrenfeld v. Salim A Bin Mahfouz*³⁶ суд установил, что адрес электронной почты ответчика использовался только в качестве неофициального средства общения, и, таким образом, не был достаточно надежным каналом связи, чтобы гарантировать, что ответчик получит электронное письмо (Hedges, Rashbaum & Losey, 2009).

Отметим, что российские суды рассматривали доказанное извещение по электронной почте как достаточное для соблюдения стандарта эффективного извещения³⁷. С другой стороны, встречались и дела, где погрешности в характеристиках извещения по электронной почте (письмо, исходящее от неизвестного лица и содержавшее ссылку на файл, который не открывался)³⁸ не признавались надлежащим извещением.

Среди альтернативных каналов развитие за рубежом получают извещения через социальные сети и мессенджеры³⁹, через обратную форму на сайте⁴⁰, а также посредством технологии блокчейн⁴¹. Эти варианты извещения становятся предметом пристального анализа экспертов (Tamayo, 2000; Urchurch, 2016) в том числе в аспекте их соответствия стандартам надлежащей правовой процедуры (due process), с учетом технологических особенностей платформ и конкретных обстоятельств дела. Обсуждаются перспективы применения информационных технологий в рамках Гагской конвенции 1965 г. (Bessonova, 2021). Этот вопрос требует дальнейшего осмысления и исследования.

³⁵ *Rio Properties, Inc. v. Rio International Interlink*, 284 F.3d 1007 (2002). Available at: <https://cite.case.law/f3d/284/1007/> [Accessed 11th February 2023].

³⁶ *Ehrenfeld v. Salim A Bin Mahfouz*, 2005, WL 696769 (S.D.N.Y.), №. 04 Civ. 9641(RCC). Available at: <http://uniset.ca/other/cs6/2005WL696769.html> [Accessed 11th February 2023].

³⁷ См., например, судебные акты по делам А33-38685/2019, А45-39483/2019, А40-89373/2019 и др., где извещение по электронной почте судами Казахстана на стадии экзекватуры в России признавалось надлежащим, так как соответствовало критерию эффективного извещения.

³⁸ Определение ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020

³⁹ Так, например, суд Великобритании в деле *Gray v Hurley [2019]* оставил в силе приказ об альтернативном методе направления ответчику копии иска через мессенджер за пределы юрисдикции суда (в Новую Зеландию). *Gray v Hurley [2019]* EWCA Civ 2222. Available at: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2019/1636.html> [Accessed 11th February 2023]. В деле *St. Francis Assisi v. Kuwait Finance House* суд США пришел к выводу о том, что извещение посредством Twitter недоступного иным образом иностранного ответчика было допустимо (The Harvard Law Review Association (2017). *Civil Procedure – Service of Process – District Court Allows Service of Process on an International Defendant via Twitter Under Rule 4(f)(3)*. – “St. Francis Assisi v. Kuwait Finance House”, No. 3:16-cv-3240, 2016 WL 5725002 (N.D. Cal. Sept. 30, 2016) Harvard Law Review, Vol. 130 (7), 1962-1969.).

⁴⁰ В деле *Pirtek (UK) Ltd v Jackson [2017]* истец получил разрешение суда, на то, чтобы копии иска и последующие документы были представлены ответчику через раздел обратной связи его веб-сайта (*Pirtek (UK) Ltd v Jackson [2017]* EWHC 2834 (QB). Available at: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5cb02e802c94e02c1b892cdc> [Accessed 11th February 2023]/

⁴¹ В *D'Aloia v Persons Unknown [2022]* английский суд вынес постановление об альтернативном методе уведомления о заседании с помощью невзаимного токена на блокчейне в дополнение к извещению по электронной почте (*D'Aloia v Persons Unknown [2022]* EWHC 1723 (Ch). Available at: <https://www.casemine.com/judgement/uk/62e2d868b50db92150dadd60> [Accessed 11th February 2023].

**Влияние санкций на конвенционные механизмы извещения:
дело компании «Совфрахт» и проблема извещения подсанкционного лица
при вынесенном противоисквом запрете по ст. 248.2 АПК РФ**

Представляет интерес дело Арбитражного суда города Москвы № А40-179775/2021, известное как дело компании «Совфрахт». Фабула заключалась в следующем. Определением Арбитражного суда города Москвы от 08.09.2021 по делу № А40-156736/2020 в порядке статьи 248.2 АПК РФ было удовлетворено заявление компании «Совфрахт» о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, находящемся за пределами территории Российской Федерации, по спору между заявителем и его контрагентом. Но последний продолжила разбирательство, инициированное в соответствии с пророгационным соглашением в суде Великобритании. Впоследствии иностранный суд предпринял попытки известить российскую компанию «Совфрахт» по Гаагской конвенции 1965 г. Судебное поручение о вручении документов было направлено Министерством юстиции РФ в Арбитражный суд города Москвы, который определением от 22.09.2021 установил *невозможность исполнения поручения по независящим от суда причинам*, поскольку представитель заявителя отказался от получения документов иностранного суда.

Но ВС РФ в определении от 29.06.2022 не согласился с этим подходом, обратил внимание, что суд первой инстанции *не проверил иностранное судебное поручение на соответствие основаниям исполнения* и отказа в исполнении, предусмотренных частью 2 статьи 256 АПК, например, таких, как противоречие публичному порядку, с учетом статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, исключительной международной подсудности российского суда в отношении спора, рассматриваемого иностранным судом и вынесенного противоисквого запрета на продолжение разбирательства в иностранном суде. ВС РФ посчитал, что суд первой инстанции своим определением фактически исполнил поручение иностранного, в то время как необходимо было проверить нет ли оснований для отказа в исполнении судебного поручения, и если таковые наличествовали, то отказать в его исполнении.

Соответственно, далее при повтором рассмотрении вопроса судом первой инстанции Арбитражный суд города Москвы определением от 07.11.2022 преимущественно продублировал позицию ВС РФ и установил, что исполнение судебного поручения нарушает основополагающие принципы российского права, противоречит публичному порядку Российской Федерации, и в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 256 АПК РФ не подлежит исполнению. Таким образом, российское подсанкционное лицо, получившее противоисквой запрет в отношении процессуального оппонента о запрете продолжать разбирательство в иностранном суде по причине исключительной подсудности спора российскому суду, не могло быть извещено в соответствии с конвенционными механизмами о «запрещенном» судебном процессе, поскольку исполнение судебного поручения о таком извещении противоречит публичному порядку.

Примечательно, что в данном случае российский суд в мотивировочной части судебного акта опирался в большей степени на национально-правовые нормы об отказе в исполнении иностранного судебного поручения в связи с его противоречием публичному порядку, в то время как конвенционная норма (ст. 13 Гаагской конвенции 1965 г.), регламентирующая окончательный отказ от исполнения иностранного судебного поручения о вручении судебного извещения в связи с возможным нанесением ущерба суверенитету или безопасности запрашиваемого государства, лишь упоминается *inter alia*. С одной стороны, положения п. 1 ч. 2 ст. 256 АПК

РФ и статьи 13 Гаагской конвенции 1965 г. в чем-то схожи (Doryaev & Kryazhevskikh, 2012), но нельзя не обратить внимание и на отличия в терминологии: статья 13 говорит о предотвращении ущерба суверенитету или безопасности. В практическом руководстве 2007 г. отмечается, что понятие «суверенитет», по замыслу авторов конвенции, равносильно понятию «международный публичный порядок» и в основном исключает оговорки, основанные на внутреннем публичном порядке государства⁴². В практике национальных судов встречались различные подходы к толкованию этих конвенционных положений⁴³.

Обратим внимание, что зарубежной практике известны случаи, когда противоисковый запрет местного суда блокировал эффект иностранного судебного акта. Например, известность получило дело *Zetta Jet Pte Ltd and Others* (2018 г.), где суд Сингапура пришел к выводу о том, что признание иностранного банкротного производства приведет к игнорированию ранее вынесенного сингапурским судом противоискового судебного запрета, что подрывает отправление правосудия в стране, а значит – противоречит публичному порядку. В такой ситуации сингапурский суд произвел усеченное признание в отношении только тех правомочий иностранного управляющего в деле о банкротстве, которые позволяли бы ему оспорить противоисковый запрет сингапурского суда, с тем, чтобы при успехе в таком обжаловании в перспективе вернуться к вопросу о признании всего иностранного банкротного производства⁴⁴. Таким образом, трансграничный эффект последствий иностранного судебного процесса в стране, где был ранее вынесен противоисковый запрет в отношении такого судебного процесса, будет ограничен, поскольку расценивается как подрывающий отправление правосудия, т.е., по сути, реализацию суверенных полномочий государством. Российские суды, видится, использовали аналогичный подход применительно к трансграничному эффекту иностранного судебного процесса, в отношении которого выдан противоисковый запрет, но не на стадии экзекутуры, а на более ранней стадии – вручения судебного извещения ответчику.

Еще один аргумент ВС РФ в его позиции по рассматриваемому делу заключался в следующем: *потенциальный отказ в исполнении иностранного судебного поручения в связи с его противоречием публичному порядку, мог бы привести к прекращению дальнейшего движения дела по вопросу об участии общества в соответствующем иностранном судебном разбирательстве* на основании представленного иностранного судебного извещения, следовательно, препятствовало бы дальнейшему движению дела по данному вопросу (этот довод был положен в обоснование возможности обжалования определения суда об исполнении иностранного судебного поручения).

Между тем видится, что признание противоречащим публичному порядку исполнения судебных поручений об извещении о зарубежном процессе в отношении «подсанкционных лиц» в ситуации, когда ранее был получен противоисковый запрет на продолжение ведения иностранного судебного разбирательства в силу признания спора исключительно подсудным судам Российской Федерации, может привести иностранные суды к использованию альтернативных конвенционным механизмам извещения подсанкционных лиц. Это не поставит в перспективе перед российским судами вопрос об оценке такого извещения на предмет его соответствия стандарту

⁴² Практическое руководство 2007 г., п. 174

⁴³ Практическое руководство 2007 г., п. 176–182.

⁴⁴ Впоследствии противоисковый запрет сингапурского суда был отменен. Режим доступа: https://www.uncitral.org/clout/clout/data/sgp/clout_case_1815_240118.html (дата обращения: 10.12.2022).

эффективности, поскольку экзекватура таких судебных актов будет, как это следует из логики статей 248.1 и 244 АПК РФ, заблокирована по иным основаниям (противоречие исключительной международной подсудности). Но открытым останется вопрос о том, как могут расценить эту ситуацию третьи государства, на территории которых могут быть предприняты попытки признания и приведения в исполнение такого судебного решения.

Заключение

Таким образом, видится, что в российской судебной практике в противовес *строго-формальному* стандарту извещения иностранного ответчика, понимаемому как неотступность от конвенционных механизмов извещения и недопущение почтового канала пересылки документов отечественным ответчикам, сформировался стандарт *эффективного* судебного извещения, основанный на доказательствах фактической информированности стороны о зарубежном судебном разбирательстве.

Выполняя свою полезную функцию, стандарт эффективного извещения не должен приводить к нивелированию международных соглашений о порядке извещения иностранных лиц – они сохраняют свою обязательность и исключительность (Гаагская конвенция 1965 г.) для тех ситуаций, в которых должны быть применимы в силу их предмета, объекта и цели. Соответственно, в свете соблюдения международно-правовых обязательств и принципа *pacta sunt servanda* важно выделить условия применения стандарта эффективного извещения. К таковым можно отнести случаи, когда конвенционные механизмы не применяются в силу самих конвенционных положений; при доказанном злоупотреблении со стороны ответчика по судебному решению, в исключительных случаях, когда при ином подходе право на суд со стороны истца будет заблокировано, например, при невозможности конвенционного извещения ответчика.

Во всех случаях стандарт эффективного извещения, во-первых, должен обеспечивать *соблюдение базовых процессуальных грантий извещаемого лица*, а во-вторых – требует оценки *доказательств* информирования. Видится, что эти вопросы должны быть в поле зрения судов при оценке эффективного извещения ответчика.

Санкции повлияли на конвенционные механизмы извещения: российское подсанкционное лицо, получившее противоисковый запрет в отношении процессуального оппонента о запрете продолжать разбирательство в иностранном суде по причине исключительной подсудности спора российскому суду, не могло быть в России извещено о «запрещенном» судебном процессе по конвенционным каналам, поскольку исполнение судебного поручения о таком извещении противоречит публичному порядку.

References / Список литературы

- Anthimos, A. (2017) Fictitious service of process in the EU – requiem for a nightmare? *Czech Yearbook of international law*. VIII, 3–34. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2782431>
- Bessonova, A.I. (2021) Notification of parties to a procedure located abroad in the digital technology era. *Arbitrazh and civil procedure*. (8), 53–54. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-8-53-54> (in Russian).
- Бессонова А.И. Извещение участников процесса, находящихся за рубежом, в эпоху цифровых технологий // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 53–54. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-8-53-54>

- Bonilla, M.K. (2022) Rethinking the process of service of process. *St. Mary's Law Journal*. 53(1), 255–285 Available at: <https://commons.stmarytx.edu/thestmaryslawjournal/vol53/iss1/6> [Accessed 11th February 2023].
- Campbell, C.B. (2010) *No Sirve*: The Invalidity of Service of Process Abroad by Mail or Private Process Server on Parties in Mexico Under the Hague Service Convention. *Minnesota Journal of International Law*. 19(1), 107–136.
- Torremans, P. (ed.). (2017) *Cheshire, North & Fawcett on Private International Law*. Fifteenth Edition. Oxford University Press. NY.
- Coyle, F.J., Effron, R.J. & Gardner, M. (2019) Contracting around the Hague service convention. *UC Davis Law Review Online*. (53), 53–61.
- Dodge, W.S. (2022) Substituted Service and the Hague Service Convention. *William & Mary Law Review*. 5(63), 1485–1530. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3889597> [Accessed 11th February 2023].
- Dominelli, S. (2018) *Current and future perspectives on cross-border service of documents*. Editore: Aracne. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3259980> [Accessed 11th February 2023].
- Doryaev, M.G. & Kryazhevskikh, K.P. (2012) Refusal to serve foreign court documents: an analysis of the practice of applying Article 13 of the Hague Convention of 1965. *International Commercial Arbitration Review*. (2), 110–119. (in Russian).
Дораев М.Г., Кряжевских К.П. Отказ во вручении иностранных судебных документов: анализ практики применения ст. 13 Гаагской конвенции 1965 г. // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2. С. 110–119.
- Eliseev, N.G. (2016) Service of summons to a defendant residing out of jurisdiction. *Zakon*. (6), 121–137. (in Russian).
Елизеев Н.Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.
- Gössl, S.L. (2016) The public policy exception in the European civil justice system. *The European legal forum – forum iuris communis Europae*. (4), 85–92. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2887020> [Accessed 11th February 2023].
- Hay, P. (2018) *Private international law and procedure*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing.
- Hedges, R.J., Rashbaum, K.N. & Losey, A.C. (2009) Electronic service of process at home and abroad: allowing domestic electronic service of process in the Federal Courts. *The Federal Courts Law Review*. 1(4), 54–77.
- Kostin, A.A. (2014) Issues of proper notification of a foreign defendant in international civil proceedings. *Zakon*. (8), 75–83. (in Russian).
Костин А.А. Вопросы надлежащего уведомления иностранного ответчика в международном гражданском процессе // Закон. 2014. № 8. С. 75–83.
- Kostin, A.A. (2017) Due and timely service of process on the defendant as a prerequisite for recognition and enforcement of foreign judgment. *Zakon*. (4), 120–131. (in Russian).
Костин А.А. Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 120–131.
- Krokhalev, S.V. (2006) *The category of public order in international civil procedure*. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University. (in Russian).
Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Изд. дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. 472 с.
- Kudulich, E.A. (2015) Cross-border enforcement of foreign judgments in Russia: imprisoned by stereotypes or making headway? *Zakon*. (5), 143–157. (in Russian).
Куделич Е.А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? // Закон. 2015. № 5. С. 143–157.

- Lewis, K.V. (2008) E-Service: ensuring the integrity of international e-mail service of process. *Roger Williams University Law Review*. 13(1), 285–306.
- Reisenfeld, K. (1990) Service of United States process abroad: a practical guide to service under the hague service convention and the federal rules of civil procedure. *The International Lawyer*. 24(1), 55–83.
- Schack, H. (2001) *Internationales Zivilverfahrensrecht. International Civil Procedure Law*. Translated from German. M.: BEK Publ. (in Russian).
Шах Х. Международное гражданское процессуальное право. Перевод с немецкого. М.: BEK, 2001. 560 с.
- Tamayo, Y.A. (2000) Are you being served?: e-mail and (due) service of process. *South Carolina Law Review*. (51), 2–37. Available at: <https://ssrn.com/abstract=976446> [Accessed 11th February 2023].
- Upchurch, A. (2016) 'Hacking' service of process: using social media to provide constitutionally sufficient notification of process. *University of Arkansas at Little Rock Review*. (38), 559–625. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2883377> [Accessed 11th February 2023].
- Weis, J.F. (1994). Service by mail – is the stamp of approval from the hague convention always enough? *Law and Contemporary Problems*. 57 (3), 165–177.
- Willig, S. (2009) Out of service: the causes and consequences of russia’s suspension of judicial assistance to the United States under the hague service convention. *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 32 (2), 593–620.
- Yarkov, V.V. (2012) Judicial notifications in international civil proceedings (the example of notification of Russian citizens by UK courts). *Zakon*. (8), 33–38. (in Russian).
Ярков В.В. Судебные извещения в международном гражданском процессе (на примере извещения российских граждан судами Великобритании) // Закон. 2012. № 8. С. 33–38.

Сведения об авторах:

Мохова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0001-9729-6546, SPIN-код: 8084-5013

e-mail: emokhova@hse.ru

Бутакова Яна Сергеевна – аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3.

ORCID ID: 0000-0002-8686-5384, SPIN-код: 7327-2494

e-mail: yanabutakova@yandex.ru

About the authors:

Elena V. Mokhova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9729-6546, SPIN-code: 8084-5013

e-mail: emokhova@hse.ru

Iana S. Butakova – postgraduate student of the Graduate School of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID 0000-0002-8686-5384, SPIN-code: 7327-2494

e-mail: yanabutakova@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1098-1112>

EDN: QAEGOD

Научная статья / Research Article

Формирование современного регионального судейского корпуса в России: на примере судов общей юрисдикции Новосибирской области

М.С. Саламатова

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Российская Федерация
 salamatova.m@mail.ru

Аннотация. Основная цель – проанализировать результаты исследования о региональном судейском корпусе, проведенном в Новосибирской области, обобщить материалы о его социально-демографическом, профессиональном составех и источниках формирования. Исследование носит междисциплинарный характер, при его проведении использовались социологические (анкетирование и углубленные интервью) и юридические методы исследования (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой), в исследовании приняли участие 192 судьи судов общей юрисдикции Новосибирской области. Анализ результатов исследования показывает, что современный региональный судья – это молодая женщина, получившая юридическое образование в классическом университете на очной форме обучения, имеющая преимущественный профессиональный опыт работы в аппарате суда. В исследовании констатируется углубление процессов омоложения и феминизации регионального судейского корпуса, обусловленного особенностями кадровой политики. Доминирующим источником пополнения регионального корпуса судей стал аппарат суда, наиболее значим этот способ для формирования составов мировых судей и судей районных судов. Главными причинами преобладания выходцев из аппарата суда в судейском корпусе стали содержание работы и требования, предъявляемые к профессиональным качествам судьи, среди которых преобладают адаптивность к высоким нагрузкам, значительному объему работы с документами, контролю над процессуальными сроками, эффективному соблюдению основных показателей работы судьи. Углубление тенденции формирования судейского корпуса преимущественно аппаратным способом за счет внутренних источников может негативно повлиять на авторитет и статус судейской профессии.

Ключевые слова: судья, судейский корпус, источники формирования, судебная система, аппарат суда, профессиональные качества судьи, юридическое образование

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: автор выражает глубокую признательность за помощь в организации исследования и ценные замечания в ходе его проведения Елене Александровне Пилипенко – заместителю председателя Новосибирского областного суда.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Саламатова М.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Саламатова М.С. Формирование современного регионального судейского корпуса в России: на примере судов общей юрисдикции Новосибирской области // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 1098—1112. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1098-1112>

Formation of modern regional judiciary in Russia: a case study of courts of general jurisdiction of Novosibirsk Oblast

Marina S. Salamatova

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation
salamatova.m@mail.ru

Abstract. This study outlines results of the study on regional judiciary conducted in the Novosibirsk Oblast and summarizes analysis on its socio-demographic and professional composition and sources of formation. The study is interdisciplinary in nature; sociological (questionnaires and in-depth interviews) and legal research methods (historical and legal, formal legal, comparative legal) have been applied, 192 judges of courts of general jurisdiction of the Novosibirsk Oblast have been interviewed during the research. The analysis of *the outcome of the study* shows that a modern regional judge is a young woman who received a full-time legal education at a classical university and has a predominant professional experience in court. The study acknowledges further rejuvenation and feminization of the regional judiciary, due to specifics of personnel policy. The dominant source of replenishment of the regional corps of judges is the court apparatus; this method is most significant for the formation of justices of the peace (JPs) and judges of district courts. The main reasons for the predominance of representatives from the court apparatus in the judiciary corps are the scope of work and requirements for the professional qualities of a judge, among which adaptability to high workloads, significant amount of paperwork, control over procedural deadlines, and effective compliance with the key indicators of the judge's work form the core. We believe that the trend to form the judiciary mainly through internal sources may negatively affect the authority and status of the judicial profession.

Key words: judge, the judiciary, sources of formation, judicial system, court staff, professional qualities of a judge, legal education

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Gratitude: The author expresses her deep gratitude for assistance in organizing the study and valuable comments during its conduct to Elena Pilipenko, vice-chairman of Novosibirsk Regional Court

Received: 17th February 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Salamatova, M.S. (2023) Formation of modern regional judiciary in Russia: a case study of courts of general jurisdiction of Novosibirsk Oblast. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1098—1112. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1098-1112>

Введение

Судебная власть, утверждая идеи верховенства права и справедливости, являясь важнейшим фактором обеспечения реализации прав и защиты интересов граждан, предъявляет особые требования к ее носителям. От качества отправления правосудия, авторитета судейского корпуса, каждого конкретного судьи, зависит формирование уважительного отношения к праву, доверие к судебной системе. В последние

два десятилетия судейский корпус России вызывает пристальный интерес отечественных и зарубежных авторов, становясь объектом междисциплинарных исследований. Прежде всего выделим работы юристов, анализирующих институциональные и организационно-правовые проблемы формирования судейского корпуса. Так, в работах М.И. Клеандрова, Г.Т. Ермошина значительное внимание уделяется вопросам законодательного закрепления статуса судьи в России, эффективности организационно-правового механизма отбора кандидатов на должности судей и наделения их судейскими полномочиями, методам оценки их профессионализма (Kleandrov, 2009; 2019; Yermoshin, 2015; 2017). В юридической литературе обстоятельно проанализированы институциональные особенности формирования российского и зарубежного судейского корпуса, определены отличия этого процесса, выделены проблемы, требующие совершенствования (Burdin, 2014; 2015; Daminev, 2021; Klyukin, 2015; Kornakova & Shcherbakova, 2019; Orlov, 2017; Vlasova, 2008).

Профессиональный уровень судейского корпуса стал одной из наиболее востребованных тем исследования кадрового состава последних лет. Этот вопрос исследуется через призму получения юридического образования и принципов формирования судейской корпорации. В.В. Захаровым, Т.Н. Ильиной, А.А. Дорской, Д.О. Серовым исследованы вопросы становления юридического образования в России, проблемы и достижения подготовки кадров для судебной системы в исторической ретроспективе (Pyina, 2019; Dorskaya, 2013; Serov, 2013; Zakharov & Pyina, 2012). Современные проблемы подготовки юридических кадров, отбора кандидатов на должность судьи исследуются в работах Т.В. Фарои, В.А. Телегиной, О. Шепелевой и А. Новиковой (Faroi, 2019; Telegina, 2020; Shepeleva & Novikova, 2013).

Особенности формирования и профессиональные характеристики судейского корпуса стали объектом исследования междисциплинарных научных коллективов юристов и социологов. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге провел масштабное исследование судейского корпуса на основе общероссийского опроса судей в 2011 и 2013 гг., его обобщение позволило воссоздать «портрет» современного российского судейского корпуса, проанализировать источники его формирования, карьерные траектории, ценностные ориентиры, профессиональную культуру судей (Volkov, Dmitrieva, Pozdnyakov & Titaev, 2012; 2015; Volkov & Dmitrieva, 2015). В исследованиях определено влияние источников формирования судейского корпуса на ускоренный процесс феминизации профессии и ценностные нормы формирующейся корпорации.

Темами самостоятельных исследований становятся источники формирования и гендерная структура судейского корпуса. Анализ материалов квалификационных коллегий судей А. Дмитриевой и Д. Савельевым показал увеличение роли аппаратов судов в источниках пополнения судейского корпуса и «преобладании общебюрократических профессиональных ценностей в характеристике кандидатов» (Dmitrieva & Saveliev, 2018). Гендерная структура судейского корпуса исследована Е. Ивановой, автор приходит к выводу, что судейская профессия в России представляет собой редкий пример успешной феминизации, причины преобладания женщин в судейском корпусе объясняются политикой рекрутинга (Ivanova, 2015:580–591).

Несмотря на масштабные общероссийские исследования судейского корпуса, практически неизученными остаются региональные особенности формирования и деятельности судейского корпуса. Одним из редких примеров проведения таких исследований стало изучение корпуса мировых судей в Калининградской области (Lonskaya, Fadeeva & Plotnikova, 2021a; 2021b). Исследователи помимо общей

характеристики изучаемой группы мировых судей проанализировали профессиональные ценности мировых судей, влияние процесса формирования на их ценностные установки, определяющие их деятельность, и пришли к выводу о единстве ценностей мировых судей с российским судебским сообществом и доминировании нормативных (статутных) ценностей в корпоративной культуре (Lonskaya, Fadeeva & Plotnikova, 2021a:5).

Зарубежных исследователей в меньшей степени интересуют правовые аспекты формирования судебного корпуса, в исследованиях они опираются на сложившиеся традиции изучения судебного корпуса в европейских странах и США, в первую очередь изучаются кадровая политика, процесс формирования судебного корпуса и система управления судами, система подотчетности российских судей, ограничения судебской независимости (Schwartz & Sykiäinen, 2012; Solomon & Foglesong, 2000; Solomon, 2008; 2012). Формирование российского судебного сообщества рассматривается в контексте европейских практик, процессов феминизации и бюрократизации характерных и для других стран континентальной Европы (Kuhn, 2004; Schwartz & Sykiäinen, 2012; Solomon, 2012). Фрагментарность и неактуальность используемых данных зачастую не позволяет зарубежным исследователям определить влияние институциональных и организационных изменений на профессиональное сообщество и практики российского судопроизводства.

Несмотря на впечатляющие достижения исследователей в изучении институциональных и организационно-правовых проблем формирования судебного корпуса, а также его социальных и профессиональных характеристик, недостаточно изучены остаются региональные особенности формирования и деятельности судебного корпуса, оказывающие влияние на осуществление правосудия. Настоящее исследование призвано устранить ряд указанных пробелов в изучении судебного корпуса России на примере одного из регионов.

Исследование судебного корпуса Новосибирской области было проведено в 2021–2022 гг. кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления совместно с Новосибирским областным судом, общей целью которого стало изучение процесса формирования, основных социально-демографических и профессиональных характеристик, выявление проблем деятельности регионального судебного корпуса. Исследование проводилось в 2 этапа: первый этап включал проведение опроса судей (29.04.2021–15.05.2021), второй этап – проведение углубленных (нестандартизированных) интервью с судьями (01.02.2022–15.07.2022). На первом этапе ставилась цель оценить отношение судей к ключевым вопросам судебной деятельности. К их числу относились: источники формирования судебного корпуса, причины прихода в профессию, возможности карьерных траекторий в судебной системе, оценка судьями содержательных (профессиональных) аспектов их деятельности, условий труда, оценка деятельности судей юридическим сообществом и внешней средой.

В качестве целевой группы исследования на первом этапе были выбраны судьи трех звеньев судов общей юрисдикции Новосибирской области – мировые судьи, судьи районных судов, судьи областного суда. В проведенном исследовании приняли участие 192 человека (42,47 % от общего числа судей на момент проведения исследования), оно охватило различные уровни судебного корпуса судов общей юрисдикции – мировых судей (31,8 %), судей районных судов (52,6 %), судей областного суда (9,9 %) и руководителей судов (5,7 %). Распределение по должностным категориям в исследовании совпадает с общим соотношением судей

в судейском корпусе Новосибирской области, что позволяет говорить о репрезентативности выборки и высокой надежности его результатов.

Второй этап проводился с февраля по август 2022 г. среди судей, ранее участвовавших в опросе (в интервью приняли участие 10 судей – 2 мировых судьи, 4 судей общей юрисдикции (из судов, располагающихся в г. Новосибирске и сельских районах), 2 судей Новосибирского областного суда и 2 руководителя судов). Основная цель индивидуальных интервью – углубить исследование, уточнить позиции по вопросам, вызвавшим полярные мнения в стандартизированном опросе, выявить индивидуальное отношение к системе отбора кандидатов в судьи, карьерным планам, отношению к изменениям судебной системы, нагрузке судей и другим вопросам.

В настоящей публикации обобщаются материалы, связанные с социально-демографическими характеристиками и особенностями формирования регионального корпуса судей.

Демографические характеристики судейского корпуса

Преобладание женщин среди судей Новосибирской области (78,6 %), подтверждает общероссийскую и европейскую тенденцию феминизации судейской профессии. Рост числа женщин в судейском корпусе происходит на фоне массового прихода женщин в юридическую профессию во всем мире, и особенно выражено эта тенденция проявляется в странах, где произошел значительный рост числа юристов в целом и обеспечивается он преимущественно за счет женщин (в странах Восточной Европы и России).

По данным исследования, проведенного Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в 2011–2013 гг. доля женщин-судей составила 65 %, в 1990 г. в СССР она составляла в народных судах 44 %¹. В европейских странах как Восточной, так и Западной Европы также наблюдается рост доли женщин среди судей, в 2010 г. средняя доля женщин в судах разных европейских стран составляла 48 % (Kuhn, 2004:549), но в Сербии, Словении, Латвии и Румынии уже превысила 70 %, в Польше, Чехии и Венгрии – 60–65 %, в Нидерландах – 75 %, во Франции – 54 % и Финляндии – 46 %². Вопрос о причинах и последствиях феминизации юридической профессии и судейского корпуса вызывает оживленные дискуссии в отечественной и зарубежной литературе.

Наиболее распространенное мнение о причинах изменения гендерной структуры судей в зарубежной литературе обосновывается гипотезой престижа: «доля женщин в судейском кресле находится в обратной связи с общим уровнем престижа судейской профессии» (Kuhn, 2004:550). Исследователи подтверждают гипотезу опытом ряда европейских стран и США, так, в странах Восточной Европы, где престиж и доходы судей были низкими, доля женщин увеличилась. В странах общего права наблюдается противоположная ситуация: высокий престиж профессии и значительное влияние неформальных связей при отборе на судейские должности ограничивают рекрутинг женщин. В Англии женщины составляют 23 % от общего количества судей, в Ирландии – 30 %, в Канаде – 33 %, в США – около 30 % (Schultz & Shaw, 2013:7–14).

¹ Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1991. С. 265.

² European Judicial System, 2014, p. 32.

В России «гипотеза престижа» не объясняет феминизацию судейского корпуса, в 2000-е гг. увеличение доли женщин происходило на фоне роста престижа и доходов профессии судьи (Ivanova, 2015:591). Исследователи связывают рост доли женщин в судейском корпусе России в первую очередь с особенностями формирования судейского корпуса и спецификой работы – ее рутинизированностью, большими нагрузками и низкой мобильностью (Volkov & Dmitrieva, 2015:123). Как представляется причины преобладания женщин в судейском корпусе в России исследователями выявлены верно, и они заключаются в принципах отбора и назначения судей и не связаны с престижем профессии. Кроме того, зафиксированная ранее исследователями тенденция на уменьшение доли женщин при повышении уровня суда («вертикальная гендерная сегрегация») (Volkov & Dmitrieva, 2015:124; Ivanova, 2015:583), не прослеживается на уровне региона. В проведенном исследовании в Новосибирской области на всех уровнях судов наблюдается равномерное распределение мужчин и женщин по судебным должностям (среди мировых судей, судей районных судов и Новосибирского областного суда и руководителей судов, доля мужчин составляет 23–27 %).

Среди других тенденций демографических характеристик судейского корпуса в России отметим омоложение его состава. В ранее проведенных исследованиях констатировалось, что «российские судьи – достаточно молодая профессиональная группа» (Volkov, Dmitrieva, Pozdnyakov & Titaev, 2012:11), по данным В. Волкова и А. Дмитриевой медианный возраст российского судьи в 2013-2014 гг. составлял 43 года (Volkov & Dmitrieva, 2015:97). Эти наблюдения подтверждаются на региональном уровне, медианный возраст судьи в Новосибирской области – 41,6 лет, доминирует группа судей в возрасте 36–45 лет, составляя почти две трети опрошенных (57,9 %). Факт высокого престижа профессии и отсутствия проблем с рекрутингом в судьи среди молодых юристов демонстрирует внушительная цифра молодых судей в возрасте до 35 лет – 18,4 %. Значительная часть из них – это мировые судьи. Среди руководителей судов и судей Новосибирского областного суда преобладает группа старше 45 лет (табл. 1), в судейском корпусе эта группа составляет менее четверти (23,6 %).

Таблица 1

Возраст судей Новосибирской области

Возрастные группы, лет	Доля судей, %
25–30	0,9
31–35	17,5
36–40	31
41–45	26,9
46–50	12,3
51–60	11,1
Старше 60	0,3
Всего	100

Данные регионального исследования позволяют выявить и тенденцию дальнейшего омоложения судейского корпуса: если в 2011 г. судьи моложе 40 лет составляли почти треть (30,8 %), то в Новосибирской области в 2021 г. таких насчитывается уже половина (49,4 %). Также заметно существенное уменьшение доли судей старшего поколения – старше 50 лет (в нашем исследовании таковых только 11,4 %, в исследовании петербургских исследователей – 35,6 %). Сокращение доли судей старших возрастных групп, по мнению самих судей, обусловлено ростом нагрузки и стремлением выйти в отставку по достижению необходимого стажа работы.

Уменьшился и средний возраст назначения судей, если в 2011 г. в России он составлял 34 года, то в Новосибирской области в 2021 г. – 31,5 года. Наблюдается сокращение сопряженных показателей с возрастом – стажа судейской работы и стажа в занимаемой должности (табл. 2). Средний судейский стаж в Новосибирской области – 10,8 лет, почти половину судейского корпуса составляют молодые судьи со стажем менее 10 лет (46,4 %), число опытных судей со стажем более 20 лет, напротив, меньшинство (12,3 %).

Таблица 2

Опыт работы в должности судьи Новосибирской области

Общий стаж судейской работы	Доля судей, %
До одного года	0,5
От года до трех лет	11,8
От трех до десяти лет	34,1
От 10 до 20 лет	41,3
Более 20 лет	12,3
Всего	100

Стаж работы в занимаемой должности характеризует вертикальную мобильность судейского корпуса, но также подтверждает преобладание молодых судей с небольшим опытом работы. Средний стаж в занимаемой судебной должности – 6,8 лет, у 48,3 % судей – стаж от трех до десяти лет, и у четверти – до трех лет. Учитывая необходимые требования к возрасту и стажу претендентов на должность судьи, процесс омоложения судейского корпуса фактически достиг своего предела.

Профессиональная подготовка судей

Профессиональное юридическое образование – важнейший элемент подготовки судьи и его профессиональной социализации. По мнению исследователей, на современное состояние профессиональной подготовки судейского корпуса оказывают влияние проблемы предыдущего исторического периода (Shepeleva & Novikova, 2013:15). Для советской судебной системы на протяжении всего периода была характерна острая нехватка кадров с юридическим образованием, и преобладание среди судей лиц с заочным юридическим образованием. В 1931 г. среди областных и краевых судей доля лиц с «правовым образованием» составляла всего 33 %³, в 1951 г. 58 % судей имели юридическое образование (при этом высшее юридическое образование только 20 %), и только к началу 1980-х гг. преобладающее число советских судей обладали высшим юридическим образованием (Serov, 2013:81). Длительное отсутствие образовательного ценза для судей, введенного только накануне распада СССР⁴, и невысокий престиж профессии в советские годы не способствовали качественной юридической подготовке судей. Принципиальные изменения в подготовке кадров для современной судебной системы были обусловлены ее реформированием в 1990–2000-е гг., повышением престижа профессии и требований к подготовке. Квалификационные требования об обязательном наличии у судьи высшего юридического образования закреплены в Конституции России и Законе РФ

³ Кадры работников юстиции // Советская юстиция. 1932. № 3. С. 40–42.

⁴ Закон СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. №9. Ст. 223.

«О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г.⁵ В 2015 г. требования к образованию были конкретизированы, кандидат на должность судьи должен обладать высшим юридическим образованием по специальности «Юриспруденция» или образованием бакалавра и магистра по направлению подготовки «Юриспруденция»⁶. М.И. Клеандров объясняет повышенные требования к уровню квалификации судей «необходимостью углубленного и продолжительного по времени изучения различных отраслей права» (Kleandrov, 2019:8).

В результате отказа от модели народного суда и профессионализации судейского корпуса вопрос об образовательном цензе судей перешел в область качества юридического образования. В 1990-е и 2000-е гг. наблюдался настоящий бум развития юридического образования в России, переход от подготовки преимущественно на заочной и вечерней форме обучения к получению очного юридического образования, появлению и развитию юридических факультетов как в классических, так и отраслевых университетах. Общероссийское исследование 2011–2013 г. показало, что большинство представителей судейского корпуса получают образование на юридических факультетах классических университетов (69 %), 22,9 % – в специализированных юридических вузах и 7,6 % – в отраслевых вузах (Volkov, Dmitrieva, Pozdnyakov & Titaev, 2015:83–84). Исследователи отмечают постепенное уменьшение числа выпускников классических университетов среди судей и рост выпускников отраслевых университетов, а также увеличение доли выпускников очной формы обучения среди судей и сокращение выпускников заочной формы, особенно среди молодых судей (Volkov, Dmitrieva, Pozdnyakov & Titaev, 2015:86–87. Обозначенные общероссийские тенденции в полной мере характерны и для получения образования судей в Новосибирской области (табл. 3).

Таблица 3

Профессиональное образование судей Новосибирской области

Вуз, в котором получили образование судьи	Доля судей, %
Юридические факультеты классических университетов	73,5
Специализированные юридические вузы (в т.ч. академии МВД)	14,1
Юридические факультеты экономических университетов и академий госслужбы	8,3
Юридические факультеты непрофильных вузов (технических, аграрных)	4,1
Всего	100

Большинство судей Новосибирской области получили образование на юридических факультетах в классических университетах (73,5 %), при этом доминирующее положение занимают выпускники Томского государственного университета (новосибирского филиала) – 64,5 %. Преобладание выпускников ТГУ во многом обусловлено спецификой становления юридического образования в Новосибирске и длительном отсутствии юридического факультета в Новосибирском государственном университете (классическом университете региона). Среди молодых судей региона заметна тенденция увеличения числа выпускников других классических университетов региона. Среди остальных судей 9,3 % получили высшее образование в специализированных юридических вузах, 4,8 % – в академиях МВД, 8,3 % – в экономических университетах и академиях государственной службы, и наименьшее число судей (4,1 %) окончило юридические отделения непрофильных вузов

⁵ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

⁶ Закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

(технических и аграрных). Преимущественно судьи обучались на очной и очно-заочной форме обучения (83,2 %), менее пятой части обучались на заочной форме. По данным экзаменационной комиссии Новосибирской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи среди претендентов постепенно сокращается число выпускников юридических факультетов классических университетов и растет число выпускников отраслевых университетов, одновременно с этим увеличивается число выпускников дневной формы обучения. В целом, анализ ситуации с получением профессионального образования судейского корпуса показывает, что современные российские судьи получили качественное юридическое образование преимущественно на очной форме обучения, и проблема нехватки подготовленных юридических кадров, остро стоявшая в советский период, в 2000-е гг. успешно решена.

Источники формирования судейского корпуса

Отечественные и зарубежные исследователи единодушны во мнении, что принципы и источники рекрутинга судейского корпуса преимущественно определяются типом правовой системы и национальной спецификой (Volkov, Dmitrieva, Pozdnyakov & Titaev, 2015:112; Burdin, 2015:371; Schultz, 2003:279; Kuhn, 2004:549). Если для стран общего права занятие должности судьи, является «вершиной юридической профессии» и возможно только для юриста с большим разносторонним юридическим опытом, то в большинстве стран континентальной Европы выбор профессии судьи происходит на ранних стадиях юридической практики и получения образования, и юристы, выбравшие судейскую профессию, получают соответствующие навыки и сохраняют «высокую степень лояльности выбранной профессиональной карьере» (Schultz, 2003:281).

Советский опыт рекрутирования судейского корпуса имел существенную специфику, определяющим фактором отбора была не профессиональная компетентность, а лояльность к правящей партии (членство в партии) и социальное происхождение. Судебная реформа начала 2000-х гг. внесла существенные изменения и предполагала отказ от концепции народных судов, повышение престижа судейской профессии, увеличение зарплат и социальных гарантий судейского корпуса, что привлекло юристов с различным профессиональным опытом в судейский корпус, и в этот период принципы его рекрутирования стали похожи на страны общего права и должность судьи стала рассматриваться как «вершина юридической профессии».

Какие тенденции характерны для рекрутинга регионального судейского корпуса? Основным источником пополнения судейского корпуса Новосибирской области в 2021 г. стал аппарат суда (62 %), вторым по значимости источником является Прокуратура (13,5 %). 8,3 % судей – выходцы из правоохранительных органов (преимущественно из следственных и оперативных органов МВД, Следственного комитета), 6,7 % – из органов государственного и муниципального управления. Судьи, имеющие опыт работы в корпоративном секторе и адвокатуре, составляют меньшинство (2 % и 4,3 % соответственно). Опыт доктринального осмысления права (преподаватели юридических факультетов) оказывается наименее востребован судебной системой, такой опыт имеется только у 1,6 % судей.

Сравнительный анализ с общероссийскими данными, приводимыми в исследовании 2013 г., показывает двукратное увеличение роли аппарата суда в формировании судейского корпуса в 2021 г., и снижение роли всех остальных источников пополнения судейских кадров. По данным исследования, в 2013 г. доля аппарата суда

в формировании судейского корпуса составляла 30,3 %, пятая часть судей рекрутировалась из сотрудников Прокуратуры (20,8 %), также значимую роль в формировании судейского корпуса составляли правоохранительные органы (17,5 %), корпоративный сектор и адвокатура (16,5 %) и органы государственного управления (10,1 %) (Volkov & Dmitrieva, 2015:101–103). Еще более показательным является сравнение источников формирования судейского корпуса с данными за 1997 г.: в 2021 г. наблюдается шестикратное увеличение выходцев из аппарата в судейском корпусе (с 11,4 до 62 %), и почти пятикратное снижение корпоративного сектора и адвокатуры (28,2 до 6,2 %) (Solomon & Foglesong, 2000:97).

Фактически на региональном уровне происходит вымывание внешних источников пополнения судейского корпуса. Единственным значимым источником формирования судей стал аппарат суда, более 70 % вновь назначенных судей в 2019–2020 гг. – помощники судей. Традиционно важные источники пополнения судейского корпуса в 1990-е и начале 2000-х гг. – Прокуратура и следственные органы перестали быть таковыми. Адвокатура и юридические компании и вовсе перестали поставлять кадры для судейского корпуса.

Отметим гендерные различия в профессиональном рекрутинге судей: у мужчин-судей более разнообразный профессиональный опыт, чем у женщин. Доля женщин – выходцев из аппарата судов практически в два раза выше, чем среди мужчин (68 против 37 %). В обратной пропорции – число выходцев из Прокуратуры, правоохранительных и следственных органов (среди мужчин – 20 % сотрудников Прокуратуры, 14 % сотрудников правоохранительных органов, 12 % – адвокатов, у женщин – 13 % из Прокуратуры, 7 % сотрудников правоохранительных органов и 2 % из адвокатуры).

Значительная дифференциация предыдущего профессионального опыта наблюдается среди судей различных должностных категорий (табл. 4). Наибольшее число выходцев из сотрудников аппарата суда (75,4 %) – среди мировых судей, также высока роль аппарата суда в формировании районных судов (62,8 %) и руководителей судов (63,6 %), наименьшее число выходцев из аппарата судов оказалось среди судей областного суда (15,8 %). При этом у судей регионального суда – самые разнообразные источники формирования: значительная часть судей имела предыдущий опыт работы в Прокуратуре – 26,3 %, правоохранительных и следственных органах – 26,3 %, органах исполнительной власти – 10,5 %, вузах – 10,5 % и адвокатуре – 5,2 %. Наиболее однообразным является опыт у мировых судей: лишь 8,2 % – бывшие сотрудники Прокуратуры, 8,6 % – сотрудники исполнительных государственных органов и 3,3 % – правоохранительные органы, остальные три четверти выходцы из аппарата суда. Существенные различия в источниках рекрутинга разных должностных категорий определяются различным временем прихода в судебную систему и отражают эволюцию принципов отбора: мировые судьи – первая ступень для назначаемых судей и большая часть из них были назначены в последние 5–7 лет, они преимущественно отбираются из аппарата, областные судьи приходили в судебную систему 15–20 лет назад, и большая часть из них имеет иной юридический опыт до назначения судьями.

Каковы причины преобладания выходцев из аппарата суда среди судей? Волков В. и Дмитриева А. формулируют гипотезу о «невяном контракте», заключенном судьей с его аппаратом, связанными с перспективой карьерного роста: при низких доходах и высоких нагрузках секретари судебного заседания и помощники судей приобретают профессиональный опыт и необходимые навыки с четкой

перспективной стать судьей. В такой ситуации карьерный рост в судебной системе становится своего рода благодарностью за тяжелый и малооплачиваемый труд в аппарате суда. Но помимо благодарности и приобретения неформальных связей в суде этот «неявный контракт» трансформируется в критерии и принципы профессионального отбора: ценным становится только опыт, приобретенный в аппарате суда (Volkov & Dmitrieva, 2015:104–112).

Таблица 4

Опыт работы судей до назначения на должность судьи (в разрезе должностных категорий в %)

Преимущественный профессиональный опыт до назначения на должность судьи	Мировые судьи	Судьи районных судов	Руководители судов	Судьи областного суда	Среди всего судейского корпуса
Аппарат суда	75,4	62,9	63,6	15,8	62,1
Прокуратура	8,2	15,5	9,1	26,3	13,5
Правоохранительные органы (включая следствие)	3,2	7,2	18,2	26,3	8,3
Органы государственного управления	3,2	5,2	0	10,5	4,7
Органы муниципального управления	3,2	2	0	0	2
Юрист организации	1,7	2	0	5,3	2
Адвокат	1,7	4,2	9,1	5,3	4,2
Преподаватели вузов	1,7	0	0	10,5	1,6
Не выяснено	1,7	1	0	0	1,6
Всего	100	100	100	100	100

Согласимся с коллегами, что преимущественный рекрутинг из сотрудников аппарата суда обусловлен спецификой подготовки судей и формированием необходимых профессиональных качеств. Фактически в суде сформирована система подготовки судейских кадров, и движущим мотивом работы в аппарате суда становится возможность пополнить ряды судейского корпуса во вполне обозримой перспективе. При этом наиболее значимой частью этой системы подготовки становится формирование профессиональных качеств и ценностных установок, востребованных судебной системой. К чему должен быть готов будущий судья? Он должен быть максимально адаптирован к реалиям российского судопроизводства: к высоким нагрузкам, значительному объему работы с документами, контролю над процессуальными сроками, эффективному соблюдению основных показателей работы судьи «количества и качества рассмотренных дел». В такой ситуации наиболее ценным становится опыт работы претендента в аппарате, а наиболее востребованными качествами судьи становятся ответственность, дисциплинированность, стрессоустойчивость и «встроенность в систему», способность выдерживать высокие нагрузки при стабильном качестве рассмотрения дел. Преобладание среди судей выходцев из аппарата выглядит вполне закономерно, они быстрее и лучше адаптируются, у них уже сформированы необходимые навыки для работы судьей.

Интервью с судьями, проведенными в ходе исследования, показывают, что отношение судей к доминированию внутренних источников при формировании судейского корпуса неоднозначное. Судьи, пришедшие в судебную систему в начале 2000-х и имевшие иной юридический опыт до назначения судьи, скорее негативно относятся к изменению принципов отбора и высказывают обеспокоенность преобладанием сотрудников аппарата суда среди вновь назначаемых коллег. Судьи озвучивали мнения об отсутствии разностороннего юридического и «просто житейского» опыта, высокой степени зависимости от мнения председателя суда, отсутствии независимости и авторитета в профессиональном сообществе. С другой стороны, судьи – выходцы из аппарата суда, напротив, отмечали положительные стороны своего

опыта – возможность быстро адаптироваться к нагрузке, показателям, судебной практике за время работы в суде. Один из судей, имевший предыдущий опыт работы в прокуратуре, признал, что судьи, назначенные одновременно с ним и пришедшие из аппарата «лучше справляются с нагрузкой и имеют более высокие показатели».

Заключение

Проведенное исследование показывает, что портрет современного регионального судьи – это молодая женщина (средний возраст – 41,5 г.), получившая юридическое образование в классическом университете на очной форме обучения, имеющая преимущественный профессиональный опыт работы в аппарате суда. Процесс феминизации судебной профессии, свойственный для многих европейских стран, в России имеет выраженную специфику, он обусловлен не понижением престижа профессии, а спецификой работы и источниками формирования. Сравнение с ранее проведенными исследованиями показывает углубление гендерного дисбаланса в региональном судебном корпусе, не имеющего вертикального дискриминационного характера – мужчины и женщины в равной мере распределены по всем должностным категориям судей. Судейская профессия в России представляет собой пример успешной феминизации профессии, при которой увеличение числа женщин в профессиональной области происходит без понижения статуса самой профессии. Дальнейший процесс омоложения регионального судебного корпуса также объясняется источниками его пополнения, судьи моложе 40 лет составляют около половины его состава, за последние десять лет число молодых судей увеличилось на 20 %, одновременно заметно сократилось число наиболее опытных судей старше 50 лет со стажем более 20 лет.

Изучение источников рекрутинга регионального судебного корпуса показывает, что основным стал аппарат суда, наиболее значим этот способ для формирования составов мировых судей и судей районных судов, внешние источники перестали играть существенную роль. Главными причинами преобладания выходцев из аппарата суда в судебном корпусе стали содержание работы и требования, предъявляемые к профессиональным качествам судьи, среди которых доминируют адаптивность к высоким нагрузкам, значительному объему работы с документами, контролю над процессуальными сроками, эффективному соблюдению основных показателей работы судьи. Учитывая, что за последние десять лет число выходцев из аппарата в судебном корпусе двукратно выросло и наблюдается дальнейшее расширение этой тенденции, судебский корпус в России в ближайшие годы будет сформирован преимущественно аппаратным способом за счет внутренних источников. Если оценивать ситуацию с позиции изменений судебной системы за последние 20 лет, то существуют очевидные риски для судебной системы в изменении принципов отбора: юридический опыт кандидатов становится менее разнообразным, подготовка судей носит преимущественно аппаратно-бюрократический характер, что может негативно повлиять на авторитет и статус судебной профессии. Однако оценка ситуации в более длительной ретроспективе показывает, что после аномалии советского периода с отсутствием профессионального и образовательного ценза к должности судьи и широкого набора в профессию из юридического сообщества в ходе судебной реформы начала 2000-х гг., произошла стабилизация источников и способов формирования судебного корпуса, возвращение к традициям и стандартам его формирования, свойственным для стран континентальной Европы и России, и в этом смысле доминирование внутренних источников рекрутинга судебного корпуса стало вполне закономерным.

References / Список литературы

- Burdin, D.A. (2014) Genesis of the system formation Russian judiciary. *Modern Law*. (6), 96–101. (in Russian).
Бурдин Д.А. Генезис системы формирования судейского корпуса в России // Современное право. 2014. № 6. С.96-101.
- Burdin, D.A. (2015) Modern models of formation judiciary in foreign countries. *Law and Politics*. (3), 368–372. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.3.14433> (in Russian).
Бурдин, Д.А. Современные модели формирования судейского корпуса в зарубежных странах // Право и политика. 2015. № 3. С. 368–372. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.3.14433>
- Daminev, I.I. (2021) Recruitment of the judiciary in Russia. *Issues of Science and Education*. (9), 18–22. (in Russian).
Даминев И.И. Комплектование судейского корпуса в России // Вопросы науки и образования. 2021. №9 (134). С. 18–22.
- Dmitrieva, A.V., Pozdnyakov, M. L., Titaev, K. D. (2012) Russian judges as a professional group. Sociological study. Volkov, V.V. (ed.). Saint Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems of the European University in Saint Petersburg Publ. (in Russian).
Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. Волкова. СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
- Dmitrieva, A. & Saveliev, D. (2018) *Sources of replenishment of the judicial corps of the Russian Federation and the role of the court apparatus*. Saint Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems of the European University in Saint Petersburg. (in Russian).
Дмитриева А., Савельев Д. Источники пополнения судейского корпуса РФ и роль аппарата судов. СПб: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 16 с.
- Dorskaya, A.A. (2013) Concept of “legal traditions” within the system of Russian judicial law: institutional and content aspects. *Law and Education*. (10), 4–12. (in Russian).
Дорская А.А. Понятие «правовые традиции» в системе российского юридического образования: институциональный и содержательный аспекты // Право и образование. 2013. №10. С. 4–12.
- Faroi, T.V. (2019) Legal scholars on the shortcomings of the system of formation of the judiciary in the Russian Federation. *Kuban Agency Judicial Information PRO-SUD-123.RU: Legal network electronic scientific journal*. 1(8), 124–146. (in Russian).
Фарои Т.В. Ученые-правоведы о недостатках системы формирования судейского корпуса в Российской Федерации // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 1(8). С. 124–146.
- Ivanova, E. (2015) Gender imbalance in Russian judiciary: feminization of profession. *Journal of Social policy studies*. 13.(4), 579–594. (in Russian).
Иванова Е. Гендерный дисбаланс в российском судейском корпусе: феминизация профессии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т.13. №4. С. 579–594.
- Pyina, T.N. (2019) Traditions of legal education and legal profession in Russia and abroad: experience of interaction. *Historical and legal problems: a new perspective*. (3), 31–37. (in Russian).
Ильина Т.Н. Традиции юридического образования и юридической профессии в России и за рубежом: опыт взаимодействия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 31–37.
- Kuhn, Z. (2004) Worlds apart: western and central european judicial culture at the onset of the european enlargement. *The American Journal of Comparative Law*. 52(3), 531–567, <https://doi.org/10.2307/4144478>

- Kleandrov, M.I. (2009) On legislative support of the mechanism of formation of judiciary in the Russian Federation. *State and Law*. (5), 31–41. (in Russian).
Клеандров, М.И. О законодательном обеспечении механизма формирования судейского корпуса в Российской Федерации // Государство и право. 2009. № 5. С. 31–41.
- Kleandrov, M.I. (2019) *Judiciary of Russia: improving the mechanism of formation*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Клеандров М.И. Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Klyukin, S.I. (2015) On ways of forming the judiciary during new judicial establishments. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. (4), 63–67. (in Russian).
Клюкин, С.И. О путях формирования судейского корпуса в период «новых судебных установлений» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 63–67.
- Kornakova, S.V. & Shcherbakova, I.A. (2019) Problems of Legal Regulation of the Judiciary Formation Procedure. *Bulletin of Tomsk State University*. (443), 255–259. (in Russian).
Корнакова С.В., Щербакова И.А. Проблемы правового регулирования порядка формирования судейского корпуса // Вестник Томского государственного университета. 2019. №443. С.255–259.
- Lonskaya, S.V., Fadeeva, E.S. & Plotnikova, E.O. (2021a) Professional subculture of magistrates (based on the results of study in the Kaliningrad region). Part 1. *Magistrate judge*. (9), 3–9. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-9-3-9> (in Russian).
Лонская С.В., Фадеева Е.С., Плотникова Э.О. Профессиональная субкультура мировых судей (по результатам исследования в Калининградской области. Часть 1. // Мировой судья. 2021. № 9. С. 3–9. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-9-3-9>
- Lonskaya, S.V., Fadeeva, E.S. & Plotnikova, E.O. (2021b) Professional subculture of magistrates (based on the results of study in the Kaliningrad region). Part 2. *Magistrate judge*. (10), 2–6. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-10-2-6> (in Russian).
Лонская С.В., Фадеева Е.С., Плотникова Э.О. Профессиональная субкультура мировых судей (по результатам исследования в Калининградской области. Часть 2. // Мировой судья. 2021. № 10. С. 2–6. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-10-2-6>
- Orlov, A.V. (2017). Staffing of judicial bodies: some problematic issues and their solutions. *Russian judge*. (1), 38–43. (in Russian).
Орлов А.В. Кадровое обеспечение судебных органов: некоторые проблемные вопросы и пути их решения // Российский судья. 2017. № 1. С. 38–43.
- Schwartz, O. & Sykiainen, E. (2012) Judicial independence in the Russian Federation. In: Seibert-Fohr, A. (eds.). *Judicial independence in transition. Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht*. Vol. 233. Springer, Berlin, Heidelberg. pp. 971–1064. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28299-7_24
- Schultz, U. The Status of Women Lawyers in Germany, Women in World’s Legal Profession (eds. by U. Schultz, G. Shaw). Oxford, 2003: 269–294.
- Schultz U. & Shaw G. (eds.) (2013) Introduction: Gender and Judging: Overview and Synthesis. U. Schultz, G. Shaw (eds.). *Gender and Judging*, Oxford: Hart: 7–14.
- Serov, D.O. (2013) Russian judges and higher legal education. *Higher education in Russia*. (10), 77–82. (in Russian).
Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. №10. С. 77–82.
- Shepeleva, O. & Novikova, A. (2013) The quality of legal education: stereotypes and the real problems. *Legal education: search for new quality standards*. Moscow: Institute of Public Interest Law (PILnet). 15–34. (in Russian).
Шепелева О., Новикова А. Качество юридического образования: стереотипы и реальные проблемы // Юридическое образование: поиск новых стандартов качества. М.: Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. С. 15–34. (in Russian).
- Solomon, P.H. (2008) Assessing the Courts in Russia: Parameters of Progress under Putin. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 16 (1), 63–73.

- Solomon, P.H. (2012) The Accountability of Judges in Post Communist States: From Bureaucratic to Professional Accountability. In: Seibert-Fohr, A. (eds.). *Judicial Independence in Transition. Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht*. Vol. 233. Springer, Berlin. pp. 909–935. Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28299-7_22
- Solomon, P.H. & Foglesong, T. (2000) *Courts and Transition in Russia. The Challenge of Judicial Reform*. Boulder, Westview Press.
- Telegina, V.A. (2020) One of problems of forming the judiciary. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2(133), 57–62. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10037> (in Russian).
Телегина В.А. Одна из проблем формирования судейского корпуса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2(133), С. 57–62. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10037>
- Vlasova, G.B. (2008) The Judiciary in judicial systems of foreign countries. *Jurist-Pravoved*. 5(30), 89–93. (in Russian).
Власова, Г.Б. Судейский корпус в судебных системах зарубежных стран // Юристы-Правоведы. 2008. № 5(30). С. 89–93.
- Volkov, V. & Dmitrieva, A. (2015) Sources of recruitment, gender and professional subcultures in the Russian judicial system. *Sociology of power*. 27(2), 94–134. (in Russian).
Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 94–134.
- Volkov, V.V., Dmitrieva, A.V., Pozdnyakov, M.L. & Titaev, K.D. (2015) *Russian judges as a professional group. A sociological study*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М.: Норма, 2015. 272 с.
- Yermoshin, G.T. (2015) Formation judiciary in the Russian Federation: theoretical and practical issues. *Russian Justice*. (11), 60–67. (in Russian).
Ермошин Г.Т. Формирование судейского корпуса в Российской Федерации: теоретические и практические вопросы // Российское правосудие. 2015. № 11(115). С. 60–67.
- Yermoshin, G.T. (2017) Judge and the state: problems of regulation of official (labor) legal relations. *Journal of Russian Law*. (5) 142–150. (in Russian).
Ермошин Г.Т. Судья и государство: проблемы регулирования служебных (трудовых) правоотношений // Журнал российского права. 2017. № 5(245). С. 142–150.
- Zakharov, V.V. & Ilyina, T.N. (2012) *The system of personnel training for judicial authorities in Russia in the second half of the XIX–early XX century*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX- начале XX в. М.: ИНФРА-М, 2012. 190 с.

Сведения об авторе:

Саламатова Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Юридический факультет, Новосибирский государственный университет экономики и управления; Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56

ORCID ID: 0000-0002-5780-8815

e-mail: salamatova.m@mail.ru

About the author:

Marina S. Salamatova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5780-8815

e-mail: salamatova.m@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124>

EDN: OYIRCY

Научная статья / Research Article

Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии

И.А. Гроник

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 gronik_i@pfur.ru

Аннотация. Эпоха цифровой реальности предлагает и формирует новые механизмы разрешения споров, предъявляет высокие требования и устанавливает свои правила, которым следует соответствовать. Внедрение информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта в процессы судебного и внесудебного порядка урегулирования споров в Индии достаточно быстро показало инновационные результаты. Трансформация цифровых способов разрешения споров продолжается благодаря новым научным исследованиям и развитию современных технологий, которые стремятся к совершенству. Целью настоящего исследования является анализ трансформации цифровых способов разрешения споров в Индии с учетом исторического эволюционизма, приведшего от ведической эпохи к глобальной цифровой революции, формированию гибридной модели, сочетающей в себе несколько способов разрешения споров – офлайн-судов, онлайн-судов и онлайн разрешение споров с использованием цифровых технологий и методов альтернативного разрешения споров. Однако цифровая система далека от совершенства, и у нее есть существенные недостатки, связанные с рисками кибератак и утечкой персональных данных, содержащих конфиденциальную и личную информацию. Цифровая грамотность индийского населения, расположенного на периферии, находится на низком уровне, что в значительной степени снижает уровень доверия электронным судам и онлайн разрешению споров.

Ключевые слова: цифровой суд, виртуальный суд, онлайн-медиация, альтернативное разрешение споров, цифровые споры, Верховный Суд, Индия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 11 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

© Гроник И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1113–1124. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124>

Transforming Digital Dispute Resolution in India

Irina A. Gronik

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 gronik_i@pfur.ru

Abstract. The era of digital reality offers and shapes new dispute resolution mechanisms, imposes high demands and sets its own rules to be complied with. The introduction of information and communication technologies and artificial intelligence into judicial and out-of-court dispute resolution proceedings in India has shown innovative results quite rapidly. Transformation of digital modes of dispute resolution continues with new research and development of modern technologies that strive for excellence. The purpose of this study is to analyze transformation of digital dispute resolution methods in India, considering the historical evolutionism that led from the Vedic era to the global digital revolution, formation of a hybrid model that combines several modes of dispute resolution - offline courts, online courts and online dispute resolution using digital technologies and alternative dispute resolution methods. However, the digital system is far from being perfect; it has significant drawbacks associated with the risks of cyber-attacks and leakage of personal data containing sensitive confidential and personal information. Besides, the digital literacy of the Indian population located on the periphery is quite low, which greatly reduces the level of trust in electronic courts and online dispute resolution.

Key words: digital court, virtual court, online mediation, alternative dispute resolution, digital disputes, Supreme Court, India

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was funded by the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Received: 11th September 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Gronic, I.A. (2023) Transforming Digital Dispute Resolution in India. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1113–1124. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124>

Введение

Эволюция судебного процесса Индии прошла длительный путь от классического физического участия до виртуального с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и искусственного интеллекта. В правовом поле современной научной литературы (Rusakova, Gronik & Kupchina, 2022; Gronik, 2022; Kudryavtseva, 2021; Zakharkina & Kuznetsova, 2021; Bashilov & Berman, 2022; Ermakova & Frolova, 2022; Rusakova, 2020 и др.) часто встречаются различные термины обозначения судов, использующих в своей деятельности информационно-коммуникационные технологии: цифровые суды, виртуальные суды, электронные суды, онлайн суды, безбумажные суды, интернет-суды. Соотношение всех указан-

ных выше понятий – отдельная тема для изучения, поэтому применительно к настоящему исследованию, учитывая разночтение перевода с хинди на русский язык и возможные лингвистические неточности, автор оставляет за собой право считать употребляемые в данной статье термины как синонимичные.

Как известно, существует несколько порядков разрешения споров путем судебного и внесудебного урегулирования. К основным формам разрешения споров современные ученые относят:

- разрешение споров в государственных судах;
- арбитраж;
- Alternative Dispute Resolution (ADR) – альтернативные способы разрешения споров, включая примирительные процедуры и посредничество / медиацию;
- Online Dispute Resolution (ODR) – онлайн разрешение споров.

Формирование и развитие способов разрешения споров в Индии

Во все времена мирное разрешение споров являлось отличительной чертой цивилизации. В древней Индии существовало несколько видов посредничества – одной из форм урегулирования конфликтной ситуации. Гуатама Будда подарил будущим поколениям великолепную фразу, ставшую известной цитатой и вошедшей в историю как «*santosham paramam sukham*», что в переводе с санскрита означает: «Лучше тысячи пустых слов одно слово, приносящее мир»¹. Посредничество – мощная сила, являющаяся одним из способов достижения «мира».

Малодоступная древнеиндийская литература отражает культурное сосуществование людей на протяжении многих веков. Эта реальность потребовала принятия многих методов совместного разрешения споров в современном процессе медиации. К концу ведической эпохи философские и юридические дебаты велись с целью выявления истины на различных собраниях и приходах.

В индийских штатах существуют разные социальные и культурные традиции, обычаи и религии. Эпоха Дхармашастры (древнеиндийские религиозные правила поведения) последовала за ведической эпохой, в течение которой схоласты разработали философию основных законов. В их научных дискуссиях обсуждались обычаи различных общин коренных народов, включая разрешение споров неконфликтными методами. Одним из примеров такого мирного способа является трибунал, известный как КУЛА (KULA), который рассматривал споры между членами семьи, общины, племени, касты или расы.

Другой трибунал ШРЕНИ (SHRENI) – корпорация ремесленников, рассматривал их внутренние споры и ПУГА (PUGA) – объединение торговцев в различных отраслях².

Интересным представляется способ разрешения споров, применяемый Махаджанами, выступавшими посредниками в урегулировании спорных ситуаций. Они были уважаемыми, беспристрастными и выдающимися знатоками, решавшими

¹ Mediation Training Manual of India. Mediation and Conciliation Project Committee, Supreme Court of India, Delhi. С. 5. Электронный учебник. Режим доступа: <https://main.sci.gov.in/pdf/mediation/MT%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

² Mediation Training Manual of India. Mediation and Conciliation Project Committee, Supreme Court of India, Delhi. С. 2. Электронный учебник. Режим доступа: <https://main.sci.gov.in/pdf/mediation/MT%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

споры между купцами, применяя посредничество. Махаджанами располагались в центрах для разрешения споров между членами коммерческой ассоциации. «Устав ассоциации предусматривал расчленение купца, если до передачи дела на досудебное урегулирование спора он сразу обратился в суд»³. Эта неформальная процедура пользовалась особой популярностью в Гуджарате, западной провинции Индии, и представляла собой комбинацию посредничества и арбитража, теперь известную в западном мире как Med-Arb.

Арбитраж как процесс разрешения споров был признан еще в 1879 г., а также нашел отражение в Гражданском процессуальном кодексе 1908 г. Когда в 1940 г. был принят Закон об арбитраже, положение об арбитраже, первоначально содержавшееся в статье 89 Гражданского процессуального кодекса, было отменено.

Концепция медиации впервые получила законодательное признание в Индии с принятием Закона о промышленных спорах 1947 г. Еще один альтернативный метод разрешения споров, известный как Lok Adalat, получил официальный статус в 1987 г. в соответствии с Законом об органах по оказанию юридических услуг. Данный механизм помогает разрешить мирным путем споры, находящиеся на досудебной стадии или на рассмотрении в суде. Законодательство Индии наделило вынесенные Lok Adalat решения статусом безапелляционного судебного решения по гражданским делам, которые являются окончательными и обязательными для всех сторон. Ввиду отсутствия положений об обжаловании такого решения проигравшая спор сторона дела имеет право инициировать судебный процесс, обратившись в суд путем подачи иска в соответствии с установленной процедурой⁴.

В 1996 г. Индийский парламент принял Закон об арбитраже и примирении, «подробно разработав положения о примирении споров, возникающих из договорных правоотношений»⁵.

Медиация в современной Индии давно практикуется как способ разрешения споров. Внесенные поправки в статью 89 Гражданского процессуального кодекса открыли возможности для альтернативного разрешения споров (ADR), т.е. посредничества, примирения, арбитража и досудебного урегулирования⁶. Медиация – один из эффективных и в настоящее время широко известных альтернативных способов разрешения споров, который помогает сторонам решать свои вопросы добровольно и мирным путем с помощью третьих сторон – медиаторов (Ермакова, 2016:55).

Арбитражное разбирательство представляет собой неформальный процесс, в котором арбитры, будучи третьими лицами, не имеющими полномочий принимать решения или обычно обеспечивать их исполнение, помогают сторонам урегулировать споры или спланировать сделки. Это действие обычно является добровольным, конфиденциальным, прозрачным, а также эффективным по времени и затратам.

³ Mediation Training Manual of India. Mediation and Conciliation Project Committee, Supreme Court of India, Delhi. С. 4. Электронный учебник. Режим доступа: <https://main.sci.gov.in/pdf/mediation/MT%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Lok Adalat // National Legal Services Authority. Режим доступа: <https://nalsa.gov.in/lok-adalat> (дата обращения: 12.06.2023).

⁵ Mediation Training Manual of India. Mediation and Conciliation Project Committee, Supreme Court of India, Delhi. С. 4. Электронный учебник. Режим доступа: <https://main.sci.gov.in/pdf/mediation/MT%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

⁶ District Court Almora. Mediation. Режим доступа: <https://almora.dcourts.gov.in/hi/%E0%A4%AE%E0%A4%A7%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%B8%E0%A5%8D%E0%A4%A5%E0%A4%A4%E0%A4%BE/>

Несмотря на то, что альтернативные способы разрешения споров не новы для Индии, продолжается активная работа над поиском новых механизмов и улучшением существующих.

Механизм онлайн-разрешения споров в Индии

Онлайн разрешение споров (ODR) – это разрешение споров с использованием цифровых технологий и методов альтернативного разрешения споров (ADR), таких как переговоры, медиация, посредничество и арбитраж⁷.

Механизм разрешения цифровых споров означает использование информационных технологий для создания альтернативной системы или способов разрешения споров посредством примирительных процедур или арбитража. В этом методе онлайн-технологии используются всеми сторонами для облегчения разрешения конфликтной ситуации. Инструменты управления информацией при онлайн-разрешении споров могут применяться на протяжении всего разбирательства или отдельной его части (Frolova & Rusakova, 2022).

В то время как суды переходят на цифровые платформы, существует острая необходимость в более эффективных, доступных и совместных механизмах контроля и разрешения споров (Rusakova, Frolova & Inshakova, 2021). ODR может помочь в эффективном и экономичном разрешении споров.

Судья Верховного Суда Д.Ю. Чандрахуд, говоря о технологиях и доступе к правосудию, отметил: «Прежде всего, необходимо фундаментальное изменение образа мышления – разрешение споров не должно быть привязано к конкретному месту – например, к суду, где осуществляется правосудие... «управляется», а не рассматривается как полученная услуга»⁸.

Судья Инду Малхотра считает, что придание ODR или ADR добровольной формы может не привести к достижению поставленной цели, поэтому указанные способы разрешения цифровых споров должны носить обязательный характер, по крайней мере для определенных категорий дел, и охватывать примерно три сессии, чтобы стороны не чувствовали, что это простая формальность⁹.

Председатель Infosys¹⁰ Нандан Нилекани поделился своим видением отправления правосудия: «Будущее правосудия за гибридной моделью, сочетающей в себе лучшее из нескольких способов разрешения споров – офлайн-судов, онлайн-судов и ODR»¹¹.

В мае 2021 г. компания Jupitis Justice Technologies в Индии разработала и запустила первый в мире частный цифровой суд в рамках системы частного правосудия (альтернативного разрешения споров и онлайн разрешения споров). Эта компания

⁷ NITI Aayog. Catalyzing Online Dispute Resolution (ODR) in India. // PIB Delhi. 07 июня 2020. Режим доступа: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1630080> (дата обращения: 07.05.2023).

⁸ NITI Aayog. Catalyzing Online Dispute Resolution (ODR) in India. // PIB Delhi. 07 июня 2020. Режим доступа: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1630080> (дата обращения: 07.05.2023).

⁹ NITI Aayog. Catalyzing Online Dispute Resolution (ODR) in India. // PIB Delhi. 07 июня 2020. Режим доступа: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1630080> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁰ Infosys – индийская компания, занимающаяся разработкой заказного программного обеспечения для электронной коммерции и телекоммуникационных предприятий.

¹¹ NITI Aayog. Catalyzing Online Dispute Resolution (ODR) in India. // PIB Delhi. 07 июня 2020. Режим доступа: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1630080> (дата обращения: 07.05.2023).

проводит большую работу по инновациям в сфере LawTech (юридические технологии). Идея частного цифрового суда заключается в облегчении онлайн-процедур альтернативного урегулирования споров. Создатели частного цифрового суда заявили, что это новый судебный порядок, которым довольны все участвующие стороны и «в отличие от судебного процесса, механизм альтернативного разрешения споров обеспечивает быстрое, недорогое правосудие и приводит к взаимному урегулированию споров, сохраняя при этом здоровые деловые отношения»¹².

Первая в мире платформа правосудия, действующая на базе искусственного интеллекта и блокчейна, предлагает услуги цифрового правосудия, не обращаясь в суд. Комплексные услуги Jupitice Digital Justice Services обещают безбумажное, безналичное и бесконтактное правосудие. Jupitice предлагает свои автономные продукты в области цифрового правосудия, которые объединяют всех заинтересованных сторон на единой онлайн-платформе для выполнения сквозного процесса разрешения споров (от подготовки дела до окончательного урегулирования спора) посредством арбитража, примирения, посредничества или других альтернативных способов разрешения споров.

Цифровизация и модернизация суда – необходимая реальность или реальная необходимость?

Индийская судебная система достаточно быстро интегрирует информационные технологии в сферы своей деятельности. Верховный Суд, Высокие суды и Окружные суды применяют новые способы использования современных технологий для обеспечения эффективного правосудия. Проект «Электронные суды» концептуализирован в соответствии с «Национальной политикой и планом действий по внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в судебной системе Индии на 2005 год»¹³. Электронные суды – это общеиндийский проект, контролируемый и финансируемый Министерством юстиции и правительством Индии. Его видение состоит в том, чтобы преобразовать судебную систему страны путем расширения возможностей судов в области ИКТ, разрабатывать и вводить эффективные системы отправления правосудия в судах, автоматизировать процессы, облегчающие доступ к информации для заинтересованных сторон, а также повысить производительность судебной системы, как в качественном, так и в количественном отношении, сделав систему отправления правосудия доступной, экономически эффективной, надежной и прозрачной. Кроме того, идея проекта заключается в возможности предоставления эффективных и своевременных услуг, в соответствии с Уставом участника проекта «Электронные суды», ориентированных на граждан¹⁴.

За последние два года новостные ленты крупных ведущих порталов и газет Индии были наполнены информацией о «грандиозных» цифровых событиях, произошедших в судебном процессе Индии.

¹² दुनिया का पहला निजी डिजिटल न्यायालय हुआ लॉन्च, भारत की इस कंपनी ने किया कमाल. 17 мая 2021. Режим доступа: <https://www.amarujala.com/technology/tech-diary/jupitice-justice-technologies-has-developed-the-worlds-first-private-digital-court-under-the-private-justice-system> (дата обращения: 27.05.2023).

¹³ e-Committee, Supreme Court of India. Information and Communication Technology in Indian Judiciary. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/> (дата обращения: 12.05.2023).

¹⁴ e-Committee, Supreme Court of India. Information and Communication Technology in Indian Judiciary. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/> (дата обращения: 12.05.2023).

В июле 2022 г. впервые в стране в штатах Раджастане и Махараштре во время 18-го заседания Всеиндийского управления юридических услуг председателем Национального управления юридических услуг и судьей Верховного Суда Удаем Умешем Лалитом был запущен цифровой Digital Lok Adalat, основанный на искусственном интеллекте и блокчейне¹⁵. Это ключевой момент в истории судебной системы Индии (National Lok Adalat), учитывая растущее количество дел и дел, находящихся на рассмотрении в различных судах по всей стране. Система правосудия должна стать простой и эффективной, это поможет обеспечить доступ к правосудию для всех в стране за счет цифровой трансформации как основных, так и административных процессов.

Во время работы первого Digital Lok Adalat в Раджастане и Махараштре было зарегистрировано 1 354 432 дела. Из них 1 116 193 дел были урегулированы на досудебной стадии.

Второй в истории национальный Digital Lok Adalat, запуск которого состоялся в ноябре 2022 г., рассмотрел более одного миллиона дел.

26 сентября 2022 г. Верховный Суд в прямом эфире на YouTube канале провел трансляцию судебного заседания Конституционной коллегии. Однако это событие вызвало неоднозначную реакцию. Адвокат К.Н. Говиндачарья напомнил, что «авторские права на судебные разбирательства не могут быть переданы частным платформам, таким как YouTube»¹⁶. После чего было анонсировано, что Верховный Суд будет иметь свою собственную площадку для прямых трансляций своих заседаний, и использование YouTube для этой цели является временным¹⁷.

22 февраля 2023 г. служба экспресс-новостей «The Indian Express», Нью-Дели опубликовала статью под громким заголовком «Впервые Верховный Суд начинает транскрипцию своих слушаний в прямом эфире с использованием искусственного интеллекта»¹⁸. Действительно, впервые в своей истории Верховный Суд Индии запустил систему тестирования транскрипции устного судебного процесса с использованием инструментов искусственного интеллекта (ИИ) и технологии обработки естественного языка. Судья Верховного Суда Индии Дхананджая Йешвант Чандрачуд отметил, что данный эксперимент поможет изучить возможность живой транскрипции аргументов в суде, и единственная сложность, которая может возникнуть – это наложение голосов одновременно спорящих сторон, однако заверил коллегия адвокатов, что этот вопрос будет решен в ближайшее время.

Судья Нарасимха высказал мнение, что поскольку производится онлайн транскрибирование каждого слова, то есть ведется судебный протокол посредством технологий искусственного интеллекта, необходимо ввести правила виртуального

¹⁵ Digital Lok Adalat: देश में शुरू हो गई डिजिटल लोक अदालत, अब कोर्ट जाने की जरूरत नहीं, घर बैठे हो जाएगा फैसला. 13 августа 2022. Режим доступа: <https://www.abplive.com/news/india/first-digital-lok-adalat-starts-in-rajasthan-and-maharashtra-today-registers-over-69-lakh-cases-2191347>

¹⁶ Will have own platform to live-stream proceedings: Supreme Court // THG PUBLISHING PVT LTD. 26 сентября 2022. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/will-have-own-platform-to-live-stream-proceedings-supreme-court/article65937250.ece> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁷ Will have own platform to live-stream proceedings: Supreme Court // THG PUBLISHING PVT LTD. 26 сентября 2022. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/will-have-own-platform-to-live-stream-proceedings-supreme-court/article65937250.ece> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁸ In a first, Supreme Court begins live transcription of its hearings using AI // Express News Service New Delhi. The Indian Express. 22 февраля 2023. Режим доступа: <https://indianexpress.com/article/india/supreme-court-live-transcription-hearings-ai-8458294/> (дата обращения: 20.05.2023).

судебного разбирательства: «любой, кто хочет прервать отвечающего, должен пошевелить пальцем, чтобы не было перекрестных помех»¹⁹. Кроме того, он добавил, что этот метод может быть использован и на физических слушаниях, чтобы голоса не пересекались.

8 апреля 2023 г. индийская информационная платформа опубликовала новость о том, что суд Ваши города Нави Мумбаи стал первым цифровым судом в стране, где вся работа будет оцифрована: от слушаний до подачи дел²⁰.

Судья Высокого Суда Бомбея Гаутам Патель высоко оценил переход суда Ваши на безбумажный электронный формат, заявив, что это событие «станет важной вехой в истории индийской судебной системы, учитывая растущую нагрузку на различные суды по всей стране»²¹.

Эксперты отмечают, что данная инициатива позволит снизить нагрузку на суды и поможет легко подавать процессуальные документы в электронном виде без физического обращения в суд, а также совершать другие действия, например оплатить госпошлину или проверить статус судебного дела (Agrawal, 2021; Pandey, 2023). Наличие цифровых судов, очевидно, будет способствовать прозрачности судебных процессов и поможет быстро и эффективно разрешать незаконченные споры (Ermakova & Frolova, 2022).

Проект интегрированного режима работы цифровых судов был запущен центральным правительством с целью улучшения доступа к правосудию с использованием информационных технологий.

Во время карантина судами по всей Индии было проведено более 2 миллионов виртуальных слушаний, что сделало Индию мировым лидером в области онлайн-слушаний²².

4 августа 2023 г. Министерство юстиции проинформировало Лок Сабху²³ о том, что Более 3,26 крор дел (3,26,14,617) были рассмотрены 22 виртуальными судами, и в более чем 39 лакхах (39,16,405) дел до 30 июня 2023 г. был наложен онлайн-штраф на сумму более 419,89 крор рупий²⁴. Подробная разбивка дел, рассматриваемых виртуальными судами нескольких штатов Индии, приведена в табл. 1.

¹⁹ In a first, Supreme Court begins live transcription of its hearings using AI // Express News Service New Delhi. The Indian Express. 22 февраля 2023. Режим доступа: <https://indianexpress.com/article/india/supreme-court-live-transcription-hearings-ai-8458294/> (дата обращения: 20.05.2023).

²⁰ नवी मुंबई का वाशी कोर्ट बना देश की पहली डिजिटल कोर्ट जहां सारे काम होंगे डिजिटल // DешGaon. 08 апреля 2023. Режим доступа: <https://www.deshgaon.com/top-stories/navi-mumbais-vashi-court-becomes-countrys-first-digital-court-where-all-work-will-be-digital/> (дата обращения: 03.06.2023).

²¹ नवी मुंबई का वाशी कोर्ट बना देश की पहली डिजिटल कोर्ट जहां सारे काम होंगे डिजिटल // DешGaon. 08 апреля 2023. Режим доступа: <https://www.deshgaon.com/top-stories/navi-mumbais-vashi-court-becomes-countrys-first-digital-court-where-all-work-will-be-digital/> (дата обращения: 03.06.2023).

²² नवी मुंबई का वाशी कोर्ट बना देश की पहली डिजिटल कोर्ट जहां सारे काम होंगे डिजिटल // DешGaon. 08 апреля 2023. Режим доступа: <https://www.deshgaon.com/top-stories/navi-mumbais-vashi-court-becomes-countrys-first-digital-court-where-all-work-will-be-digital/> (дата обращения: 03.06.2023).

²³ Лок Сабха – Народная палата (нижняя палата) двухпалатного парламента Индии. Официальный сайт индийского парламента. Indian Parliament. Режим доступа: <https://www.india.gov.in/my-government/indian-parliament> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁴ Индийские методы наименования больших чисел. Термины лакх – 100000 – сто тысяч и крор – 10000000 – один миллион являются наиболее часто используемыми терминами. Подробнее см.: Индийская система нумерации // Режим доступа: https://alphapedia.ru/w/Indian_numbering_system (дата обращения: 10.08.2023).

Статистика виртуальных судов – 30.06.2023 / Statistics of Virtual Courts – 30.06.2023

№	Establishment Name / Название учреждения	Received / Получено дел	Proceeding Done / Завер- шено дел	Contested / Оспариваемые дела	Paid Challans / Оплаченные	Challan Amount / Сумма
1.	Assam traffic department / <i>Отдел дорожного движе- ния Ассам</i>	72415	72413	357	19022	13159081
2.	Notice branch Delhi traffic department / <i>Филиал депар- тамента дорожного движения Дели</i>	14133187	13712402	77223	1344606	954951505
3.	Uttar-Pradesh traffic department / <i>Отдел дорож- ного движения Уттар- Прадеш</i>	10238520	7569945	28769	501614	298422756
4.	Virtual court Delhi (traffic) / <i>Виртуальный суд Дели (дорожное движение)</i>	4773216	4734431	105500	1624555	1618662492
Total \ Всего		32 614 443	29 150 039	230 671	3 916 405	4 198 908 506

Источник: Таблица взята из официального ответа на запрос Lok Sabha unstarred question no. 2723 to be answered, the 4th August, 2023 Progress of Virtual Courts 2723. SHRI SYED IMTIAZ JALEEL, опубликованного в электронном журнале LatestLaws.com. Подробнее см.: LatestLaws.com. Режим доступа: <https://latestlaws.com/latest-news/daily-parliament-virtual-courts-are-functional-in-22-states-more-than-3-crores-cases-handled-till-today-law-ministry-203529/> (дата обращения 10.08.2023).

Правительство Индии запросило у Министерства юстиции подробную информацию о деталях прогресса, достигнутого в создании виртуальных (электронных) судов, работающих круглосуточно и без выходных, о критериях оценки предложений, представленных судебными академиями, юридическими университетами для исследования, посвященного цифровым судам. Кроме того, миноюсту предстояло ответить на вопрос – обеспечивает ли Правительство соблюдение требований по созданию электронных судов, особенно с участием судей, и поддерживает ли оно принципы справедливости, прозрачности и соблюдения надлежащей правовой процедуры в виртуальных судах? Еще один актуальный вопрос, на который предстояло ответить Департаменту юстиции – существуют ли какие-либо конкретные руководящие принципы или протоколы, которые предлагаются для решения насущных проблем, связанных с работой виртуальных (электронных) судов?

Министерство юстиции в письме дало развернутый ответ о реализуемом проекте «Электронные суды», отметив, что это концепция, направленная на исключение присутствия истца или адвоката в суде и рассмотрение дел на виртуальной платформе. Стратегия была разработана для более результативного использования судебных ресурсов и предоставления сторонам в суде эффективного способа разрешения мелких споров. Виртуальный суд может управляться судьей через виртуальную электронную платформу, юрисдикция которой может распространяться на весь штат и функционировать круглосуточно и без выходных. В настоящее время виртуальные суды рассматривают дела, касающиеся только дел о нарушениях правил дорожного движения, что не только снизило судебные издержки, но и упростило процедуру рассмотрения дел о нарушениях правил дорожного движения²⁵.

²⁵ Информация взята из официального ответа на запрос Lok Sabha unstarred question no. 2723 to be answered, the 4th August, 2023 Progress of Virtual Courts 2723. SHRI SYED IMTIAZ JALEEL, опубликованного в электронном журнале LatestLaws.com. Подробнее см.: LatestLaws.com. Режим доступа:

По состоянию на 31.07.2023 г. насчитывается 23 виртуальных суда в 18 штатах / союзных территориях: Дели (2), Харьяна, Тамилнад, Карнатака, Керала (2), Махараштра (2), Ассам, Чхаттисгарх, Джамму и Кашмир (2), Уттар-Прадеш, Одиша, Мегхалая, Химачал-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Раджастхан, Трипура, Гуджарат и Западная Бенгалия²⁶.

В настоящее время на этапе III проекта «Электронные суды»²⁷ подготовлен документ о концепции инклюзивных, гибких, открытых и ориентированных на пользователя судов. На данном этапе предполагается создание электронных судов, которые будут предоставлять реальные услуги для всех, а не просто воспроизводить офлайн-процессы в цифровом формате. Использование технологий в судебной системе будет определяться двумя центральными аспектами – доступностью и инклюзивностью²⁸. Кроме того, сформулированы ключевые цели по созданию цифровой инфраструктуры и услуг для этапа III с учетом экосистемного подхода.

Бесспорно, что информационно-коммуникационные технологии облегчают работу суда, а цифровая модернизация является движущей силой к совершенствованию индийской судебной системы (Rusakova, Frolova, Zankovsky & Kupchina, 2019; Rusakova, 2020). Однако и у этой системы есть существенные недостатки, и самый большой риск заключается в том, что большое количество данных содержащих конфиденциальную и личную информацию граждан может быть подвержена взлому (Kuznetsov, 2020). Любой шаг к цифровизации также должен сопровождаться защитой персональных данных. Переход к цифровой судебной системе усложняется тем фактом, что цифровая грамотность индийского населения, расположенного за пределами развитых штатов, находится на недостаточно высоком уровне, что может негативно сказаться на лицах, которые мало разбираются в информационных технологиях (Nedungadi, et al., 2018).

Такой негативный опыт произошел 31 августа 2023 г, когда веб-сайт Верховного Суда Индии²⁹ подвергся фишинговой атаке: мошенники извлекли и воспользовались личными и конфиденциальными данными посетителей сайта, используя другой URL-адрес³⁰. Несмотря на предпринимаемые властями страны действия и усиленные меры безопасности по сохранению данных, злоумышленники оказались на шаг впереди. Широкая общественность была уведомлена о произошедшем инциденте и проинформирована о том, что «Секретариат Верховного Суда Индии никогда не будет запрашивать личную информацию, финансовые данные или другую конфиденциальную информацию»³¹. Жертвам кибератаки было рекомендовано

<https://latestlaws.com/latest-news/daily-parliament-virtual-courts-are-functional-in-22-states-more-than-3-crores-cases-handled-till-today-law-ministry-203529/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶ Virtual courts. Department of Justice. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/>

²⁷ На сайте Электронного комитета Верховного суда Индии отмечены достижения, реализованные на этапах I и II проекта «Электронные суды». Подробнее см.: About e-Committee. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/>

²⁸ Vision document for Phase III of eCourts Project // eCommittee, Supreme Court of India. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/vision-document-for-phase-iii-of-ecourts-project/> (дата обращения: 12.08.2023).

²⁹ Это второй известный случай взлома веб-сайта Верховного Суда Индии за последние пять лет. Первый произошел в апреле 2018 г.

³⁰ Supreme Court of India website subjected to phishing attack // Bar & Bench. 31 августа 2023. Режим доступа: <https://www.barandbench.com/news/supreme-court-website-impersonated-phishing-attack> (дата обращения: 31.08.2023).

³¹ Supreme Court of India website subjected to phishing attack // Bar & Bench. 31 августа 2023. Режим доступа: <https://www.barandbench.com/news/supreme-court-website-impersonated-phishing-attack> (дата обращения: 31.08.2023).

не открывать и не делиться полученными ссылками без проверки их подлинности, сменить пароли всех своих онлайн-аккаунтов и связаться с обслуживающими банками в случае любого несанкционированного доступа.

Заключение

Переход к цифровой действительности во многом облегчил и упростил доступ к правосудию и усовершенствовал механизмы разрешения споров. За время реализации проекта «Электронные суды» повысилась производительность судебной системы Индии, в судах стали использовать ИКТ, система отправления правосудия стала более доступной, экономически эффективной, прозрачной и подотчетной. Действительно, судебная трансформация развивается активными темпами. Возможно, будущее правосудия за гибридной моделью, сочетающей в себе известные и удобные способы разрешения споров. Однако и в настоящее время остается масса нерешенных вопросов, и связаны они в первую очередь с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных и данных, обладающих конфиденциальностью. Фишинговые атаки продолжают, риски несанкционированного доступа и цифрового мошенничества очевидны и пока не застрахованы.

References / Список литературы

- Agrawal, P. (2021) Virtual Court System in India: An Experiment. Available at: *SSRN*. 4090127. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4090127>
- Bashilov, B.I. & Berman, A.M. (2022) Procedural documents in the era of new technologies: how legal design has changed the legal world. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (288), 261–270. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_28
- Ermakova, E.P. (2016) To a question about the concept of forms and methods of dispute resolution in the different legal systems. *Gaps in Russian legislation*. (6), 55–58. (in Russian).
Ермакова Е.П. К вопросу о понятии форм и способов разрешения споров в разносистемных правопорядках // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 55–58.
- Ermakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Using Artificial Intelligence in Dispute Resolution. In: Inshakova, A.O. & Frolova, E.E. (eds.). *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment*. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 254. Springer, Singapore. pp. 131–142. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11
- Ermakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Using artificial intelligence in dispute resolution. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 131–142. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11
- Frolova, E.E. & Rusakova, E.P. (2022) Development of digital technologies for dispute resolution of economic entities as a means of increasing economic stability. *Advances in Research on Russian Business and Management*. (2022), 65–73.
- Gronic, I.A. (2022) On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (288), 193–199. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_21
- Kudryavtseva, E.V. (2021) Look from the past and present at the future of civil procedural legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. (9), 10–13. (in Russian).
Кудрявцева Е.В. Взгляд из прошлого и настоящего в будущее гражданского процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 10–13.
- Kuznetsov, M.N. (2020) The influence of digitalization on some guiding principles of civil proceedings. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal sciences*. 2(38), 58–67. Doi: 10.25688/2076-9113.2020.38.2.06. (in Russian).
Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 58–67. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.38.2.06>

- Nedungadi, P.P., Menon, R., Gutjahr, G., Erickson, L. & Raman, R. (2018) Towards an inclusive digital literacy framework for digital India. *Education + Training*. 60(6), 516–528. <https://doi.org/10.1108/ET-03-2018-0061>.
- Pandey, A.K. (2023) Access to Justice through Virtual Courts in Current Indian Scenario. *South Asian Law & Economics Review*. (8), 33–44. <https://doi.org/10.55662/SALER.2023.801>
- Rusakova, E.P., Frolova, E.E., Zankovsky, S.S. & Kupchina, E.V. (2019) Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRICS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India). In: *6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities*. Istanbul, 24–26 June 2019. Istanbul, OCERINT. pp. 754–759.
- Rusakova, E. P. (2020) The digital agenda of civil litigation in India. In: *Comparative Legal Aspects of Legal Relations of Civil Circulation in the Modern World: Collection of Articles of the International Scientific Legal Forum in Memory of Professor V.K. Puchinsky*, Moscow, 16th October 2020. Moscow, RUDN University. pp. 257–261. (in Russian).
Русакова Е.П. Цифровая повестка гражданского судопроизводства в Индии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: Сборник статей Международного научного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского, Москва, 16 октября 2020 года. Москва: Российский университет дружбы народов, 2020. С. 257–261.
- Rusakova, E. P., Frolova, E.E. & Inshakova, A.O. (2021) The Procedure of Mediation in the Age of Industry 4.0. In: Popkova, E.G. & Sergi, B.S. (eds.). *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 198. Cham: Springer Nature. pp. 947–953. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_105
- Rusakova, E.P., Gronik, I.A. & Kupchina, E.V. (2022) Digital justice in the countries of the Asia-Pacific region. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). (in Russian).
Русакова Е.П., Гроник И.А., Купчина Е.В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. 173 с.
- Zakharkina, A. & Kuznetsova, O. (2021) Foreign civil doctrine of smart contracts. In: *SHS Web of Conferences: 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law" 2021*, Ekaterinburg. Vol. 134. Ekaterinburg, EDP Sciences Publ. pp. 00016. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400016>

Сведения об авторе:

Гроник Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik_i@pfur.ru

About the author:

Irina A. Gronik – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik_i@pfur.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1125-1130>
EDN: PEP RTE

Информационная статья / Information Article

**Рецензия на монографию:
Панфилов А.Н. Противодействие незаконной археологической
деятельности в Российской Федерации: вопросы правового
регулирувания и правоприменения. М.: ИНФРА, 2023**

Л.Р. Клебанов

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 solomon70@bk.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 28 июля 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Клебанов Л.Р. Рецензия на монографию: Панфилов А.Н. Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулярования и правоприменения. М.: ИНФРА, 2023 // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1125–1130. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1125-1130>

© Клебанов Л.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Review of the monograph: Panfilov, A.N. (2023)
Combating illegal archaeological activities in the Russian Federation:
issues of legal regulation and enforcement. Moscow, INFRA Publ.**

Lev R. Klebanov

RUDN University, Moscow, Russian Federation
solomon70@bk.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 28th July 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Klebanov, L.R. (2023) Review of the monograph: Panfilov, A.N. (2023) Combating illegal archaeological activities in the Russian Federation: issues of legal regulation and enforcement. Moscow, INFRA Publ. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1125–1130. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1125-1130>

Сохранение и изучение археологического наследия имеет огромное значение не только для отдельных государств, но и для всего человечества в целом. Мировым сообществом признано, что эта часть наследия наиболее уязвима, поскольку именно подвергается серьезной угрозе разрушения в связи с возрастающим объемом строительных и хозяйственных работ, природными факторами, подпольными и ненаучными раскопками.

История человечества наглядно свидетельствует о том, что археологическое наследие многих стран подвергается различным антропогенным опасностям, самым наглядным примером чему являются события в Ираке и Ливии, когда артефакты тысячелетней культуры нещадно уничтожались, расхищались, вывозились контрабандным способом за пределы этих стран и исчезали безвозвратно. Уничтожение национальной культуры – это один из способов «обнуления» национального суверенитета, а потому обеспечение безопасности археологического наследия приобретает особую важность для тех странах, где такое наследие выступает поистине стратегическим ресурсом, имеющим и духовное, и материальное значение. Все вышесказанное лишний раз свидетельствует об особой актуальности научного монографического исследования А.Н. Панфилова.

Несмотря на то, что тема правовой охраны культурного наследия нашей страны всегда находилась в фокусе повышенного внимания ученых-юристов, представляющих различные отрасли юридической науки, монография А.Н. Панфилова, безусловно, стоит особняком в числе многочисленных научно-правовых работ по данной тематике.

Рецензируемая работа посвящена исключительно проблемам публично-правовой охраны археологического наследия Российской Федерации, и до недавнего времени можно было констатировать определенный разрыв между нуждами правоприменительной деятельности в сфере археологии и научным обеспечением такой деятельности. Несмотря на публикацию отдельных работ, посвященных вопросам

административной и уголовной ответственности за «археологические» правонарушения, комплексного научного исследования, которое бы охватывало соответствующие проблемные вопросы применения административного и уголовного закона, не было, а, посему, можно сказать, что работа А.Н. Панфилова представляет, своего рода, прорыв в этом отношении. На сегодняшний момент монографию можно считать первым наиболее полным, с точки зрения круга охваченных проблем, исследованием, посвященным правовым вопросам защиты археологического наследия от противоправных действий физических и юридических лиц, направленных на поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания не в целях их изучения и сохранения.

Не секрет, что административное право, как отрасль публичного права, не только устанавливает ответственность за административно-правовые деликты как за вид правонарушений, но и играет соответствующую превентивную роль – пресекает деликты, чья общественная опасность «не дотягивает» до уровня преступления с тем, чтобы в последствии не было перерастания административно наказуемых деяний в уголовно наказуемые. В своей работе автор основное внимание уделил именно вопросам административно-правовой охраны археологического наследия, что вызвано широкой распространенностью соответствующих противоправных деяний и необходимостью соответствующего правового реагирования на них.

К бесспорным достоинствам работы следует отнести тот факт, что автор глубоко погрузился в предмет изучения – в археологическую деятельность, поскольку нормы, охраняющие культурное (в том числе археологическое) наследие, носят ярко выраженный бланкетный характер, причем бланкетность эта не может ограничиваться только лишь ссылками на позитивное законодательство. И юридическая наука, и правоприменительная практика в таких случаях должна опираться на первичные знания о предмете, на ту самую «матчасть», знания которой необходимы юристу, занимающемуся вопросами правовой охраны археологического наследия. Для того, чтобы осуществлять надлежащую правовую защиту этой части культурного богатства, необходимо четко понимать, что такое археология, каков ее предмет, каковы методы археологических исследований, как понимается термин «археологическое наследие» и т.п. Уголовные и административные дела такого рода всегда содержат заключения соответствующих экспертов, а, следовательно, перед юристом стоит задача разобраться в проблеме таких заключений, не принимая их слепо «на веру», не подвергая критическому осмыслению. Общеизвестно, что заключение эксперта (включая дела о посягательствах на археологическое наследие) не может априори признаваться аксиоматичным («научным решением по делу»).

Научно-правовые исследования о противодействии посягательствам на археологическое наследие нацелены прежде всего на то, чтобы облегчить работу правоприменителя, предложить правильную интерпретацию не только предписаний закона в целом, но и «сугубо» археологических понятий, таких например, как «культурный слой», «предмет археологического наследия» и т.д.

Еще одной проблемой, поиск решения которой предлагает данная монография, становится вовлечение предметов археологического наследия в гражданский оборот (ограниченный оборот, разумеется). Согласно действующему российскому законодательству юридические и физические лица, владеющие археологическими предметами, не вправе их отчуждать, за исключением предусмотренных законом случаев

(передачи государству, универсального правопреемства, в случае законного ввоза таких предметов на территорию Российской Федерации либо если эти лица осуществили процедуру включения этих предметов в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации не позднее определенного срока). В этой связи возникает необходимость отделения легального оборота археологических предметов от нелегального, и в этом монография А.Н. Панифлова оказывает существенную помощь всем заинтересованным специалистам.

Весьма интересными представляются рассуждения автора о самой сути оборота археологических предметов, их появлении в этом обороте, генезисе, проблемах ограничения оборотоспособности.

Если говорить о предметах археологического наследия, то к ним могут относиться практически все виды культурных ценностей: от предметов нумизматики до предметов палеонтологии, а, следовательно, правоприменитель может испытывать трудности при решении вопроса о том, относиться ли тот или иной предмет к археологическому наследию или нет. От этого вопроса, как мы понимаем, может зависеть и правильная квалификация содеянного, и констатация правонарушения вообще как такового. Это лишний раз свидетельствует о том, насколько своевременной и полезной является монография А.Н. Панфилова.

Говоря о процедуре включения археологических предметов в негосударственную часть Музейного фонда Российской Федерации, автор совершенно справедливо указывает на то, что законодатель изначально ориентировался на то, чтобы стимулировать владельцев таких предметов регистрировать их официально, что позволяло бы им осуществлять сделки с такими предметами, в том числе и коммерческого характера. Однако, как замечает сам А.Н. Панфилов, эти расчеты не оправдались: статистика не фиксирует случаев регистрации археологических предметов, принадлежащих частным лицам, в негосударственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

Творческий и научный замысел автора воплощен в структуре исследования, каждая глава которого посвящена критически важной проблеме в деле охраны археологического наследия.

Автор демонстрирует высокое мастерство научной полемики, с одной стороны, проявляя должное уважение к различным научным позициям, а с другой, аргументированно отстаивая свою точку зрения на те или иные спорные и сложные вопросы.

Монографическое исследование А.Н. Панфилова, как следует из его содержания, основано на достаточном эмпирическом опыте, и прежде всего на материалах правоприменительной (судебной) практики. Выводы и предложения автора обоснованы, логически выверены и свидетельствуют о глубокой научной проработке ключевых положений представленной монографии.

Первая глава посвящена проблеме установления верхней хронологической границы археологии в России. Как указывает автор, «игнорирование данного вопроса существенным образом затрудняет реализацию норм, направленных на защиту археологического наследия, создает неоправданные препятствия для развития в стране краеведения, частного предпринимательства в сфере музейного дела, а также осуществления хозяйственной деятельности юридическими и физическими лицами». В первой главе раскрываются: взгляды ученых на верхний предел археологии; ключевые юридические дефиниции в области правового регулирования

археологической деятельности; практика признания рукотворных недвижимых вещей позапрошлого и прошлого веков объектами археологического наследия; необоснованность возрастного критерия применительно к объектам археологического наследия. В работе обосновывается необходимость введения в правовой оборот понятия «археологическая эпоха», исключения из положений Закона № 73-ФЗ возрастного критерия, определение которой дается самим автором. Особое внимание в первой главе также уделено анализу норм-дефиниций, раскрывающих содержание базовых понятий: «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой».

Во второй главе монографии автором раскрываются понятия археологических полевых работ и незаконной археологической деятельности, требования к проведению археологических полевых работ, требования к обеспечению сохранности объекта археологического наследия, обосновывается необходимость законодательного закрепления дефиниции «незаконная археологическая деятельность». В частности, к незаконной археологической деятельности автор относит деятельность физических лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства), должностных лиц и юридических лиц, направленную на поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания не в целях их изучения и сохранения, осуществляемую без открытого листа. Незаконными он считает и археологические полевые работы (научные исследования), осуществляемые без открытого листа либо с нарушением условий, предусмотренных открытым листом.

В третьей главе раскрываются вопросы административно-правовой и уголовно-правовой защиты археологического наследия в России, проблемы правоприменения. Среди угроз археологическому наследию, которые действующее законодательство относит к правонарушениям, автор исследует такие административно и уголовно наказуемые деяния, как осуществление незаконной археологической деятельности, незаконный оборот археологических предметов, уклонение от передачи государству обнаруженных археологических предметов, незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания.

Выводы и предложения автора обладают должной научной новизной, при этом обширная эмпирическая, нормативная и научная база работы позволяет судить о достоверности и обоснованности результатов монографии.

Нельзя сказать, что представленная работа лишена недостатков и спорных положений – без них невозможно ни одно исследование в сфере юридической науки. К сожалению, за пределами исследования остались вопросы так называемой «археологической контрабанды», которая, при наличии к тому оснований, будет квалифицироваться по статье 226.1 УК РФ. Незатронутым остался вообще вопрос об изучении теневого рынка археологических предметов – хорошо известно, что большинство нелегально извлекаемых из мест залегания археологических предметов предназначены для продажи за рубежом. Работа бы, вне всякого сомнения, только выиграла, если бы она содержала хотя бы параграф о зарубежном опыте правовой охраны археологических предметов: как известно очень многие страны с богатейшей культурой страдают от посягательств на их археологическое наследие в силу целого ряда причин (войны, вооруженные конфликты, массовые беспорядки, археологическая контрабанда, действия формирований террористической и организованной преступности и т.д.)

Однако все эти недостатки не могут оттенить высокое качество проделанной автором исследовательской работы и полученные в ходе этой работы важные научные результаты. Представленная монография А.Н. Панфилова является крупной научной вехой на пути сохранения археологического наследия нашей страны, а результаты этого труда должны быть доведены до сведения всех заинтересованных специалистов.

Сведения об авторе:

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

About the author:

Lev R. Klebanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-code: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1131-1133>

EDN: OJRBFA

Информационная статья / Information Article

Презентации журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» на научных конференциях

П.Н. Андреева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 andreeva-pn@rudn.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 10 октября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Андреева П.Н. Презентации журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» на научных конференциях // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1131–1133. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1131-1133>

Presentations of the RUDN Journal of Law at scientific conferences

Polina N. Andreeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 andreeva-pn@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 10th October 2023

Accepted: 15th October 2023

© Андреева П.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Andreeva, P.N. (2023) Presentations of the RUDN Journal of Law at scientific conferences. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1131–1133. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1131-1133>

23 сентября 2023 г. Нижегородская академия МВД, Саратовская государственная юридическая академия, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет и Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» провели международную научную конференцию «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности».

Открыл форум доктор юридических наук, профессор Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности. Выступающий отметил, что это XXV Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетики». Докладчик поздравил всех участников с юбилеем мероприятия и озвучил поздравления губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина; В.М. Филиппова, председателя ВАК Минобрнауки России, Президента РУДН, доктора физико-математических наук, профессора.

На пленарном заседании выступили Исаков В.Б., доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» с докладом «Правовая политика в голове, в вузе и юридической практике (аналитики аналитика)».

Профессор, доктор юридических наук Понкин И.В. выступил с обстоятельным докладом: «Правовая аналитика как сердце прикладной юридической деятельности: понятие, видовое многообразие, онтология, особенности подготовки и взгляд в будущее».

После пленарных докладов состоялись презентации монографии Н.А. Власенко «Методологические основания исследования правовых ценностей» (М., Норма. 2023), а также журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки».

Зам. главного редактора представил и подробно охарактеризовал два номера журнала, вышедшие в последнее время. Речь идет о специальном выпуске «Памятники советского права» (2022, № 4). Журнал полностью посвящен столетнему юбилею нормативных юридических документов 1922 г., Договору 1922 г. о создании СССР, документам, посвященным созданию ВС РСФСР, Гражданскому кодексу РСФСР, УК РСФСР и др. Выступающий отметил, что это, пожалуй, единственный номер из многочисленных профильных журналов, который полностью посвящен памятникам советского права. Редакция, подчеркнул выступающий, гордится этим изданием. Также был представлен номер 2 за 2023 г., здесь автор отметил особенности ряда научных статей коллег.

В заключении выступающий огласил положения научного доклада «Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки». И презентация журнала, и доклад вызвали несомненный интерес аудитории, было немало вопросов, реплик, коротких выступлений.

Следующая презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» произошла во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюст России). 9–14 октября 2023 г. проходила Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013).

От РУДН в конференции принимали участие д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории права и государства Н.А. Власенко, который на пленарном выступлении представил доклад «Основы теории отклоняющегося государства». Он же, как зам. гл. редактора, в рамках мероприятия «Презентации научно-практических журналов» провел презентацию научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки». Докладчик проиллюстрировал выпуск «Памятники советского права» (2022, № 4). Кроме того, зам. гл. редактора рассказал о содержании последнего выпуска журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» (2023, № 2). Выступающий пригласил участников научной конференции направлять в издание свои статьи и другие материалы. При этом обратил внимание на то, что № 3 за 2024 г. планируется как тематический и будет посвящен проблеме «Цифровизация и право».

Сведения об авторе:

Андреева Полина Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva-pn@rudn.ru

About the author:

Polina N. Andreeva – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva-pn@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1134-1137>

EDN: ORMZIJ

Информационная статья / Information Article

Анонс книги: Андреева П.Н. Юридическая техника: учебное пособие. Москва: РУДН, 2023

К.Е. Довгань

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация
 dok2122@bk.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Довгань К.Е. Анонс книги: Андреева П.Н. Юридическая техника: учебное пособие. Москва: РУДН, 2023 // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1134–1137. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1134-1137>

Announcement of the tutorial Andreeva, P.N. (2023) Legal drafting technology: textbook. Moscow, RUDN Publ.

Xenia E. Dovgan

Altai State University, Barnaul, Russian Federation
 dok2122@bk.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 13th October 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Dovgan, X.E. (2023) Announcement of the tutorial Andreeva, P.N. (2023) Legal technology: textbook. Moscow, RUDN Publ. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1134–1137. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1134-1137>

© Довгань К.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Тематика юридической техники стала классической, она по-прежнему сохраняет свою высокую актуальность, о чем свидетельствуют в том числе многочисленные современные исследования и проводимые международные конференции, а также иные мероприятия, поскольку к ней приходится возвращаться каждый раз в связи с необходимостью дальнейшего развития и совершенствования законодательства, юридических норм, модернизации законодательства, построения сбалансированной системы права и правовой системы.

Дисциплина «юридическая техника» изучается практически в каждом юридическом вузе вне зависимости от формы обучения, в силу чего данное учебное пособие должно способствовать формированию профессиональных навыков будущих юристов без учета от территориальной принадлежности. Право приобретает свою действенность через технико-юридический инструментарий, изучение которого является одной из основных вех в подготовке юридических кадров.

Издание включает восемь тем. Первая тема посвящена понятию и видам юридической техники. С позиции основных подходов (документационный и деятельностный) рассматриваются природа, понятие и признаки юридической техники. В результате автор приходит к выводу о взаимосвязи данных точек зрения, с одной стороны, рассматриваются технико-юридические правила письменных документов (правовых актов), а с другой – как средства для решения задач юридической практики. В результате подчеркивается, что юридическая техника – это система юридических инструментов, применяемых в определенной последовательности и «условие эффективного осуществления юридической деятельности» (с. 11).

Понимание юридической техники предполагает исследование ее состава или юридического инструментария. Автором даются определения правил, средств, приемов, способов и методов юридической техники с учетом конкретных примеров из современного законодательства. При этом объем содержания юридического инструментария находится в зависимости от правовой культуры общества, являющийся одним из важных показателей качества юридических документов (с. 14). Кроме того, автор останавливается на анализе терминологии, соотношении понятий «юридическая технология», «юридическая тактика», «юридическая стратегия» и «юридическая техника». Особое внимание отводится анализу оснований классификаций и видам юридической техники, поскольку в юридической доктрине данные вопросы остаются дискуссионными.

Результатом процесса юридической техники является определенный документ. Поэтому логичным является обращение автора к понятию документа как объекта документалистики и правовой науки (с. 21). Несмотря на отсутствие существенных разработок в области понятия «юридический документ», раскрываются их признаки, классификация и виды, функции, выделяются стили и принципы юридической техники. Под юридическим документом автор рассматривает документ, содержащий правовую информацию.

Вторая тема предполагает изучение юридической техники в правовой науке, в структуре теории государства права. Автор подчеркивает, что «юридическая техника используется для анализа процессов правотворчества, реализации права, определения и осуществления мер юридической ответственности», как «часть теории права», прикладной ее элемент (с. 30–31). Целью юридической техники является «изложение акта-волеизъявления в акте-документе» (с. 32).

Далее автор рассматривает роль сравнительного правоведения в исследовании юридической техники, историю становления и развития юридической техники как

науки и учебной дисциплины. У истоков которой стояли Аристотель, Платон, а также Ф. Бэкон, И. Бентам, Т. Гоббс, Ф. Жени, Р. фон Иеринг, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье и другие.

Третья тема посвящена основам техники подготовки нормативного правового акта. Данная техника делится на несколько этапов. Первоначальный этап связан с нормотворческим усмотрением, который осуществляется в форме правового мониторинга и правового прогнозирования. *Правовой мониторинг* рассматривается как деятельность уполномоченных органов по анализу состояния и качества нормативного материала, а также обобщение юридической практики, разработка на их основе предложений по совершенствованию правового регулирования (с. 56). В основе *юридического (правового) прогнозирования* лежит процесс анализа развития «системы правового регулирования в целом или отдельных ее элементов» (с. 59). При этом в учебном пособии проводится анализ соотношения понятий «прогнозирование», «проектирование», «программирование», «планирование», что является важным с методологической точки зрения.

Техника подготовки нормативного правового акта осложняется отсутствием существенных разработок «сущности, структуры, функций концепции законопроекта» (с. 62). В учебном пособии представлено авторское определение понятия «концепция законопроекта», выделены его основные элементы, проведено разграничение со смежными категориями. Тем не менее, отмечается, что Постановление Правительства РФ «Об утверждении основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» от 02.08.2001 № 576 содержатся все необходимые требования.

В основе нормотворческой деятельности лежит *правовая экспертиза*, которая направлена на изучение проектов правовых актов «на предмет их соответствия актам высшей юридической силы и предъявляемым к ним требованиям» (с. 65–66). Значение правовой экспертизы в оценке, выявлении и проверке содержания и формы правового акта, а также выявлении коррупционных составляющих.

В четвертой теме анализируются логико-языковые феномены, их техника создания и регулятивная роль. Прежде всего рассматриваются содержание, признаки и виды юридической конструкции. В данной главе юридическая конструкция рассматривается как идеальная модель, обладающая конвенциональной природой и включающая логическое построение нормативного материала (с. 81–83). Далее автор останавливается на раскрытии правовых аксиом, которые закладывают нравственные основы права, проводит их соотношение с принципами права. Не менее важным является раскрытие тем, посвященных правовым презумпциям и правовым фикциям, правовым преюдициям. Проанализированы основные источники юридической доктрины и действующего законодательства, представлен авторский подход к их содержанию, признакам и видам. А конкретные примеры создают возможность наглядно оценить основные логико-языковые феномены, их юридическую технику и значение в правовом регулировании.

Логическим продолжением является пятая тема, где раскрываются особенности языковых стандартов качества современного законодательства. Текст законопроекта должен соответствовать определенной группе требований: определение сферы правоотношений, предмета правового регулирования, языковые единицы, задачи законопроекта и другие. Создание законопроекта неотделимо от его юридической техники, языкового инструментария, в силу чего учебное пособие по юридической

технике представляется не полным без материала о языковых требованиях к законопроекту, его лексических единицах. В связи с чем автор обращается к характеристике основных синтаксических, стилистических, лексических и грамматических особенностей написания текстов правовых актов.

Шестая тема отведена правоприменительной технике, существующей на стадии реализации и применения права. Правоприменительные акты включают общеправовые и специфические юридико-технические средства и приемы. Особое внимание уделяется судебным актам, их содержанию, технике и структуре составления.

В седьмой теме представлена общая характеристика техники толкования права. Процесс правотворчества неотделим от интеллектуально-волевой деятельности по установлению смысла норм права. Автором представлен анализ юридической доктрины на основные подходы к определению понятия, признаков и структуры техники толкования права и нормативных правовых актов. Любая юридическая деятельность связана с интерпретацией документов. Во главе данной тематики лежит оценка интерпретационной техники, ее особенностей, основных элементов и видов.

Тема восьмая посвящена договорной юридической технике. Гибкость обязательств правоотношений предполагает учет разработок в области технико-юридических требований и средств. Изучение основ договорной работы является необходимым условием подготовки специалистов-юристов. Надлежащее оформление юридических документов определяет профессиональную этику, договорную дисциплину субъектов правоотношений, причем средства и приемы договорной юридической техники обеспечивают качество и эффективной практической реализации договорной работы.

Учебное пособие отличается системностью и качеством представленного материала. Опора на фундаментальные труды ведущих ученых в области юридической техники позволила автору написать учебное пособие, с одной стороны, учитывая основные положения образовательной программы преподавания курса «юридическая техника», а с другой – представить материал с учетом лучших научных разработок в области юридической техники. В издании представлена также авторская точка зрения на многие дискуссионные темы в теории государства и права.

Обучение профессиональным навыкам и компетенциям предполагает изучение фундаментальных основ и прикладных сторон юридической техники. Издание будет полезно студентам старших курсов, магистрантам, аспирантам, практикам и всем интересующимся вопросами юридической техники.

Сведения об авторе:

Довгань Ксения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент юридического института, Алтайский государственный университет; Российская Федерация, 656045, Барнаул, пр. Ленина, д. 61

ORCID ID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

About author:

Xenia E. Dovgan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Law, Altai State University; 61 Lenin str., Barnaul, 656045, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1138-1139>

EDN: OМJPIС

Информационная статья / Information Article

Премия Правительства РФ за учебник «Теория государства и права»

В.С. Никитина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 nikitina-vs@rudn.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 10 октября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Никитина В.С. Премия Правительства РФ за учебник «Теория государства и права» // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1138–1139. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1138-1139>

Project for the Friendship newspaper of RUDN University. Russian Government Prize for the textbook Theory of State and Law

Valentina S. Nikitina

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 nikitina-vs@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 10th October 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Nikitina, V.S. (2023) Russian Government Prize for the textbook Theory of State and Law. RUDN Journal of Law. 27 (4), 1138–1139. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1138-1139>

© Никитина В.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Премия Правительства России за учебник «Теория государства и права»

В Доме Правительства Российской Федерации 4 октября 2023 г. при участии Председателя Правительства России М.В. Мишустина состоялась торжественная церемония вручения премии Правительства РФ 2023 г. в области образования. Среди лауреатов – учебник «Теория государства и права», подготовленный авторским коллективом юридического института РУДН. Распоряжением Правительства РФ от 15 сентября 2023 г. № 2484-р присуждены премии авторам и разработчикам учебного курса. Возглавил творческий коллектив зав. каф. теории права и государства юридического института РУДН проф. А.А. Клишас. Активное участие в создании уникального учебного пособия приняли Н.А. Власенко, профессор кафедры теории права и государства РУДН, а также Г.И. Муромцев, профессор этой же кафедры, д.ю.н., ректор университета РУДН О.А. Ястребов, директор юридического института РУДН С.Б. Зинковский, к.ю.н.

Рецензентами (и экспертами) учебника выступили д.ю.н., проф. О.Ю. Рыбаков, зав. каф. философии права МГЮА, д.ю.н., проф. Д.А. Пашенцев, ведущий научный сотрудник ИЗИСП при Правительстве РФ.

Учебник более пятисот страниц; издан «Статутом» в 2019 г. Очень популярен у студентов и преподавателей Российской Федерации. Каждая тема снабжена списком специальной учебной и монографической литературы, кроме того, завершают каждую главу (или тему) вопросы для самоконтроля. Всего двадцать одна тема и, что выгодно отличает учебное пособие, завершающиеся главы.

Одна из них широко представляет юридические выражения, пословицы и поговорки, большинство из них – латинские юридические изречения. Другая глава – это список общей монографической и учебной литературы по курсу. Учебное издание отличается достаточно легким стилем, доступная интерпретация сложнейших проблем права, государственности в современном мире.

Насколько известно, авторы приступили к подготовке второго издания уникального учебного пособия. Пожелаем им успехов.

Сведения об авторе:

Никитина Валентина Сергеевна – ассистент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-1782-2305; SPIN-код: 9277-844

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

About the authors

Valentina S. Nikitina – assistant of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-1782-2305; SPIN-код: 9277-844

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

